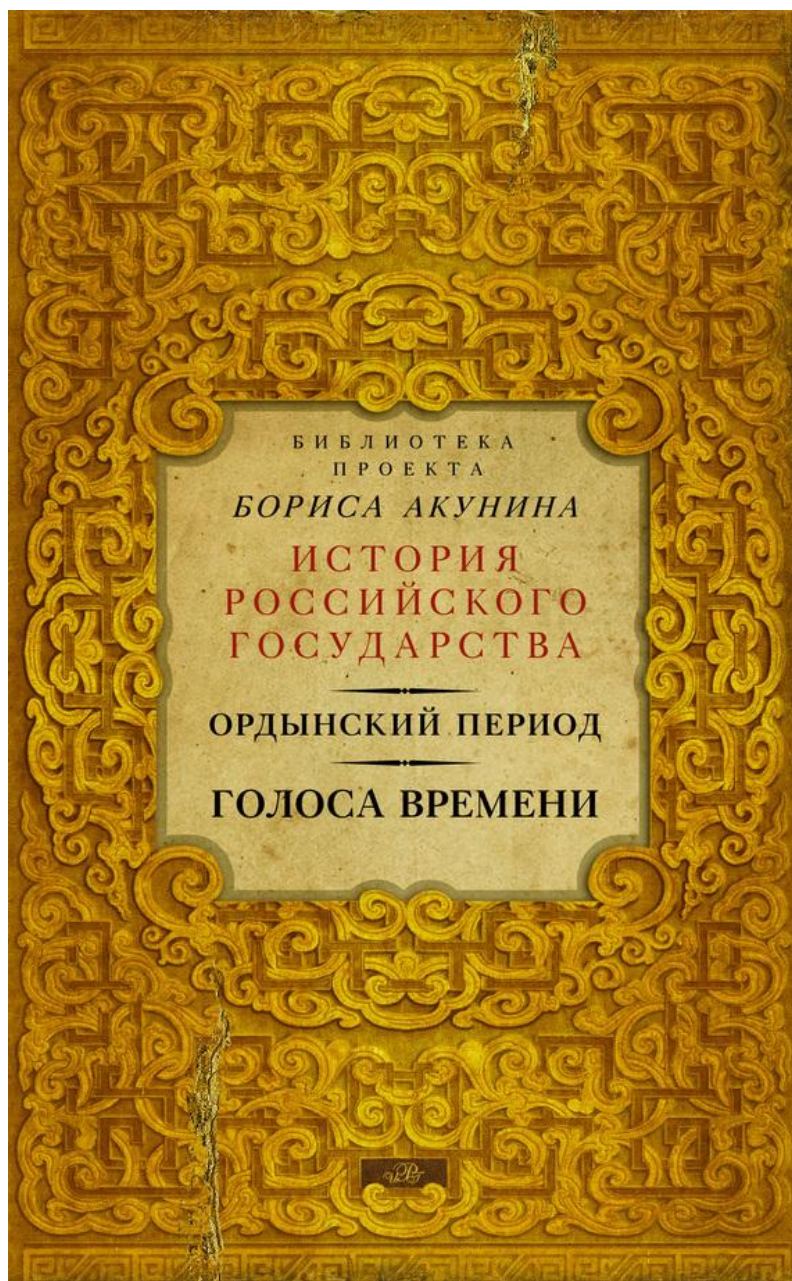

Акунин Борис

Ордынский период. Голоса времени

Прародители Чингисхана

Легенда о Бортэ чоно, рожденном по благоволению Всевышнего Тэнгри

Прародитель Чингисхана, рожденный по благоволению Всевышнего Тэнгри^[1], – Бортэ чоно^[2] и его жена Хоо марал – переправились через воды реки Тэнгэс, пошли и сели в окрестностях горы Бурхан халдун, что в верховьях реки Онон^[3]. И родился у них сын, нареченный Батачи-ханом. Батачи-хан родил Тамачу; Тамача родил Хоричар мэргэна, что значит Хоричар – меткий стрелок; Хоричар мэргэн родил Ужим борохула; Ужим борохул родил Сали хачагу; Сали хачагу родил Их нудэна; Их нудэн родил Сэм сочу; Сэм сочи родил Харчу. Харчу родил Боржигидай мэргэна. У Боржигидай мэргэна была жена Монголжин гоо, что значит Монголжин прекрасная, и сын Торголжин баян, что значит богач Торголжин. У Торголжин баяна была жена Борогчин гоо, молодой слуга Боролдай суялби и два любимых сивых скакуна^[4]. Торголжин баян родил двух сыновей – Дува сохора, что значит Дува незрячий, и Добун мэргэна.

У Дува сохора был лишь один глаз посереде лба, которым он видел на три поприща^[5] вперед. Однажды Дува сохор вместе с братом меньшим, Добун мэргэном, взойшли на гору Бурхан халдун. Дува сохор увидел оттуда, что по направлению к речушке Тунхэлиг горхи кочует группа людей. Обратившись к брату, Дува сохор сказал: «Средь тех кочующих к реке людей в кибитке на высоком передке сидит прекрасная девица. И коли незамужняя она, давай сосватаем ее тебе, брат Добун мэргэн».

И, сказав сии слова, послал он Добун мэргэна взглянуть на девушку. Показалась она Добун мэргэну: и лицом красна, и телом ладна, да рода знатного, да еще не сватана. А зовут – Алан гоо.

Отец Алан гоо – хорь тумэдский ноён^[6] Хорилардай мэргэн, а мать – Баргужин гоо; родилась Алан гоо в уделе хорь тумэдов в местности, называемой Ариг ус. Ее мать Баргужин гоо – дочь Баргудай мэргэна, вождя племени Хул Баргужин тухумов, чьи земли лежат в дальней дали^[7]. А люди, с которыми кочевала Алан гоо, стало быть, племя ее отца – Хорилардай мэргэна.

Хорилардай мэргэн отошел от пределов хорь тумэдских по причине раздоров, вспыхнувших меж близживущих родов, кои желали отвоевать друг у друга уделы, обильные зверем – соболем и белкой. Хорилардай мэргэн и люди его обособились, и прозвались они племенем Хорилар по имени ноёна своего. Прознав, что в окрестностях Бурхан халдуна зверя в изобилии, хорилары перекочевали в удел Шинчи баяна урианхайского, который поставил на горе Бурхан халдун кумира для поклонения духам-хранителям той горы. Итак, сосватал Добун мэргэн прекрасную Алан гоо, дочь хорь тумэдского ноёна Хорилардай мэргэна, родившуюся в местности Ариг ус, и стала она женой его.

У Алан гоо и Добун мэргэна родились два сына – Бугунудэй и Бэлгунудэй. У Дува сохора, старшего брата Добун мэргэна, было четыре сына. После смерти Дува сохора его сыновья перестали почитать Добун мэргэна за своего родного дядю, поносили его и прекословили ему, а затем и вовсе отвратились от него и сели вместе с подвластными им людьми отдельно. И прозывалось с тех пор племя четырех братьев этих Дурвун, а люди их – дурвудами.

Чингисхан (1162–1227)

По прошествии времени как-то раз Добун мэргэн взошел на сопку Тогоцог поохотиться; в лесу он наехал на одного урианхайца, убившего оленя-трехлетку и теперь поджаривавшего его ребрышки. Приступив к нему, Добун мэргэн сказал: «Истинно говорю тебе: спознаешь друга, когда с тобою он поделится добычей!»

Охотник-урианхаец отсек голову оленя и вместе с сердцем и легкими взял себе^[8], а остальное мясо отдал Добун мэргэну. Когда, нагрузив на коня тушу оленя, Добун мэргэн возвращался домой, по дороге он наехал на изможденного, оборванного человека, ведшего за руку отрока.

«Какого рода-племени ты будешь?» – спросил у него Добун мэргэн. На это бедняга отвечал: «Сам я из племени Малиг баягудай. Я голоден и выбился из сил. Прошу, дай мяса мне для пропитанья. Тогда отдам тебе я в услуженье сына своего».

Добун мэргэн согласился и отдал голодному бедняге ляжку оленя, а сына его увел с собою. С тех пор отрок прислуживал ему.

Легенда об Алан гоо

По прошествии многих дней Добун мэргэн скончался. По смерти Добун мэргэна вдова его, Алан гоо, родила трех сыновей и дала им имена – Бугу хатаги, Бугуту салжи и Бодончар мунхаг^[9], что значит Бодончар-простофиля.

Родившиеся во дни здоровья отца своего Бэлгунудэй и Бугунудэй втайне от матери Алан гоо говорили такие слова: «Мать наша, ни родичей отца, ни прочих мужей не имея, троих нам братьев родила. Но в доме нашем все же есть один чужой мужчина: слуга из племени Малиг баягудай. Должно быть, дети от него».

Прознав, что втайне от нее старшие сыновья ведут такие речи, Алан гоо однажды по весне сварила вяленое мясо, накормила им сыновей своих – Бэлгунудэя, Бугунудэя, Бугу хатаги, Бугуту салжи и Бодончар мунхага, посадила их в ряд пред собой и, дав каждому из них по стреле, сказала: «Преломите!» Что те легко и сделали. Когда же Алан гоо, связав пять стрел вместе, дала каждому из них со словами: «Преломи!» – никто из них не смог сломать связку.

Тогда она сказала: «Бэлгунудэй, Бугунудэй, сыны мои! У вас явились недоуменья, как это ваша мать троих вам братьев народила и чьими будут эти сыновья. В своих сомнениях сыновьях вы правы. Но вам неведомо одно лишь только. И истинно вам это говорю: к нам в юрту каждой ночью чрез орхо посланец Небесного Владыки нисходил^[10], вокруг сиянье исторгая. Он гладил чрево грешное мое, сияние его в меня входило. Когда ж луна должна сойтись и разминуться с солнцем, он, словно желтый пес, виляющий хвостом, поспешно уходил; и яркий свет за ним струился. Ужели нужно что-то молвить боле. Ведь ваши братья – Небесного Владыки сыновья.

Негоже вам, сыны мои,

Уподоблять их черновласой черни.

Когда владыками над всеми

Взойти им время подойдет,

Великий смысл рожденья сыновей моих

Откроется простолюдинам».

И заповедала им мать Алан гоо: «Из чрева родились не одного ли вы, пятеро сынов моих?! И коли разлучитесь вы друг с другом, любой из вас легко врагом повержен будет; точь-в-точь как та стрела, которую вы с легкостью такою преломили. Но коль родство и дружество меж вами укрепятся, вы уподобитесь той связке стрел, которые не так уже легко сломать; и вас, сыны мои, не просто будет одолеть злым силам».

Так они жили, доколе матери их, Алан гоо, не стало.

Изображения тотемных животных – оленей на камнях из Восточной Сибири и Монголии

Легенда о Бодончаре

И когда матери их, Алан гоо, не стало, Бэлгунудэй, Бугунудэй, Бугу хатаги и Бугугу салжи разделили на четверых весь скот и еды припасы, Бодончар мунхагу же его долю не дали: «Не родня, – сказали, – он нам, потому как глуп и бестолков».

Бодончар мунхаг, от которого отреклись родные братья, решил не оставаться более в родных пределах. «Жизнь не красна, да и смерть не страшна», – подумал он про себя и, оседлав свою сивую клячу, отправился к реке Онон. Пришел он в местность, называемую Балжийн Арал, выстроил себе шалаш и поселился в нем. Увидев однажды, как ястреб рвет пойманного тетерева, Бодончар мунхаг свил из волоса своей сивой клячи силок и изловил того ястреба. Пропитания вовсе не имея, Бодончар мунхаг подкрадывался к косякам, загнанным волками в овраги, и убивал их меткою стрелой; не гнушался он и падалью, обглоданной волками, а ястреба того все кормил да приручал. Так прошел год. Когда же наступила весна и прилетела всякая птица, он долго морил голодом своего ястреба; потом выпустил его на волю, и тот враз словил ему уток и гусей великое множество; и тогда

На каждой ветке

Подвешивал он битых птиц за лапки;

На каждом пне они лежали,

И портились

И запах издавали.

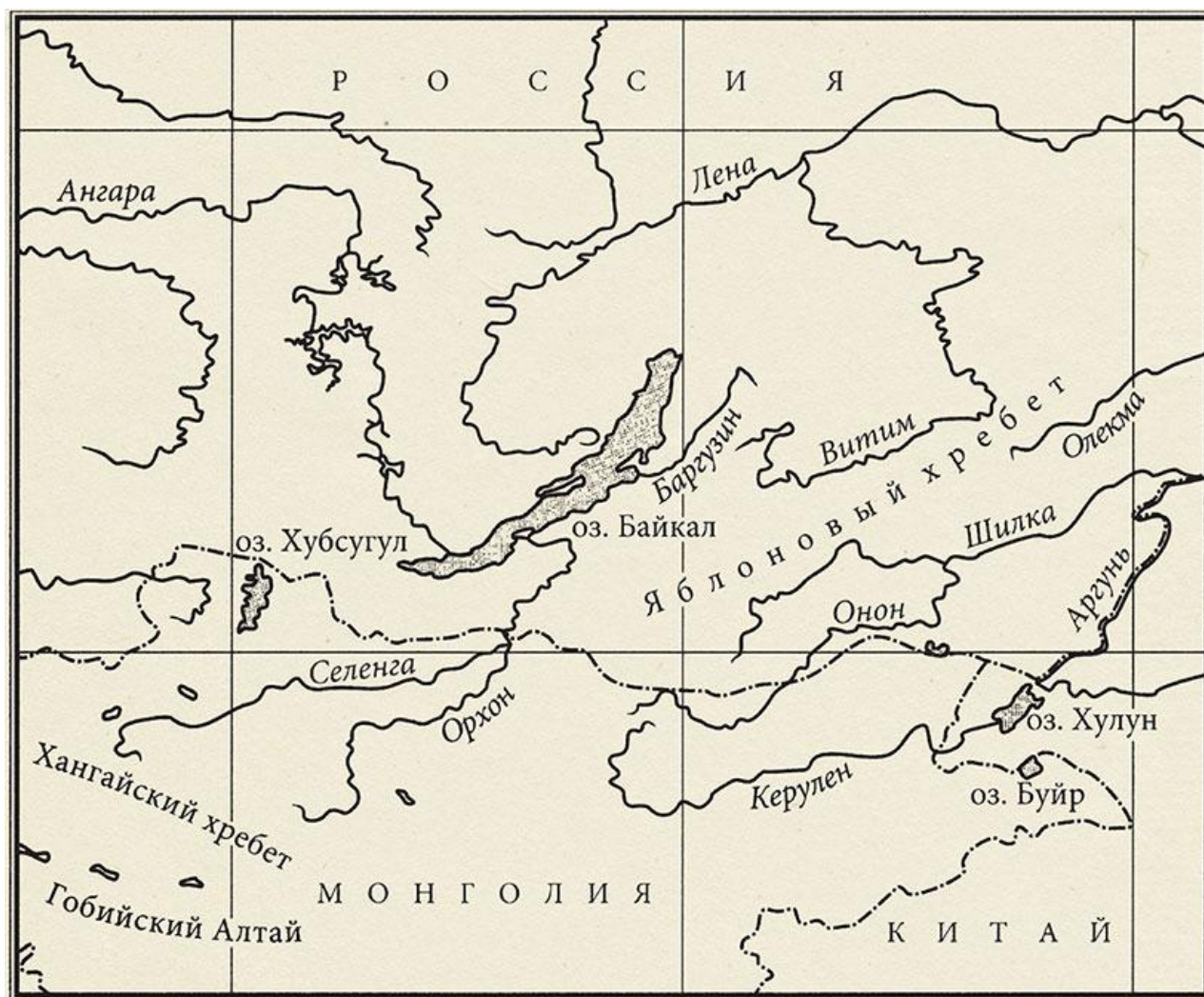
В то самое время, перевалив через лесистую сопку, к речушке Тунхэлиг горхи перекочевали люди неизвестного ему рода-племени. Каждый день Бодончар выпускал ястреба, дабы охотиться, и ходил к людям тем, дабы напиться кумыса. И лишь к ночи он возвращался в свой шалаш. Те люди выпрашивали у него ястреба-птицелова, но он не отдавал. Они не допытывались, кто он и откуда. И Бодончар тоже не пытал, что они за люди.

Немного спустя Бугу хатаги, старший брат Бодончара мунхага, сказал: «Отправился к реке Онон наш простофиля. Пойду и разыщу его».

Наехал он на тех людей, что кочевали по речушке Тунхэлиг горхи, и спросил, видали ли они такого-то на лошади такой-то. Те отвечали: «К нам наезжает каждый день один и тот же человек; отведаст кумыса – и отъедет. Тот человек и сивая его кобыла, похоже, те, кого ты ищешь. Есть у него отличный ястреб-птицелов. Приют его ночной, однако, нам неведом. Одно мы знаем: когда северо-западные ветры вдруг задуют, тотчас на небе выгогой снежной взвываются перья, пух гусей и уток, которых, видимо, без счета ему приносит верный ястреб. А это значит, его жилище недалеко. Обыкновенно в это время он объявляется у нас. Ты подожди его, однако».

Вскоре показался всадник, скачущий вдоль речушки Тунхэлиг горхи. Когда он подъехал ближе, Бугу хатаги узнал в нем младшего брата Бодончара и увел его за собой вверх по реке Онон.

Скача за старшим братом, Бодончар сказал: «Послушай, брат! Любому телу голова нужна, как дэлу^ш – ворот!» Но Бугу хатаги значения не придавал его словам. Тогда брат Бодончар реченное им слово снова молвил. Но Бугу хатаги по-прежнему молчал. Когда же в третий раз он к брату с теми же словами подступил, брат старший Бугу хатаги воскликнул: «Почто талдычишь ты одно и то же, Бодончар?» И младший брат сказал ему в ответ: «Те люди, что сидят на берегу речушки Тунхэлиг горхи, ничьи: главой над ними не стоит никто. И меж собою все они равны. Я истинно вам говорю: добычей легкой станут эти люди, коль нападём всей братией на них. Пусть будут впредь лишь нам они подвластны».

Карта Северной части Монголии и Забайкалья

Брат старший Бугу хатаги сказал: «Что ж, коли так, мы приберем к рукам людей ничейных. Но прежде с братьями нам сговориться надо».

Возвратившись, братья держали совет и решили покорить тех людей. Передовым дозорным был послан Бодончар. По пути Бодончару попала беременная женщина.

«Какого рода-племени ты будешь?» – он спросил.

«Я из Жарчуд аданхан урианхайцев», – молвила она.

Покинув свой удел, пять братьев полонили люд ничейный, и скот, и скарб их к рукам прибрали, и превратили в подданных своих.

Предание о потомках Бодончара, родоначальника боржигонов

Беременная, что повстречалась на пути, вошла в дом Бодончара и родила сына, которого нарекли Жажирадаем, то есть сыном чужого племени. Род Жадаран начался с него. Жажирадай родил сына Тугудэя, Тугудэй – сына Бури булчира, Бури булчир – сына Хар хадана, Хар хадан – сына Жамуху. Все они принадлежали к роду Жадаран.

Та женщина родила сына и от Бодончара. Нарекли ему имя Баридай, то есть сын пленницы. И начался с него род Барин. Баридай родил Чидухул буха. Чидухул бух взял в жены много женщин и имел тьму детей. И составили они род мэнэн Барин.

От Бэлгунудэя пошел род Бэлгунуд. От Бугунудэя – род Бугунуд. От Бугу хатаги – род Хатагин. От Бугуту салжи – род Салжуд. От Бодончара – род Боржигин^[12].

Первая жена Бодончара родила от него сына Хабичи по прозвищу толстоногий. У матери Хабичи-батара была служанка. Бодончар сделал ее своей наложницей. И родила она от него сына, которому дали имя Жэгүрэдэй. Пока Бодончар был жив, Жэгүрэдэй участвовал среди прочих в родовых жертвоприношениях. После смерти Бодончара сына онго Жэгүрэдэя обвинили в том, что мать прижила его от одного из мужей рода Аданхан урианхадай, и прогнали. С Жэгүрэдэя начался род Жэгүрэйд.

Хабичи-батор родил сына Мэнэн тудуна. Мэнэн тудун родил семь сыновей, и нарекли им имена Хачи хулуг, Хачин, Хачигу, Хачула, Харалдай, Хачигун, Начин-батор.

У Хачи хулуга и жены его Номулун родился сын Хайду.

Хачин родил сына Ноёгидая. Был он высокомерен, словно ноён, потому род, пошедший от него, прозывался Ноёхон.

Хачигу родил сына Баруладая. Был он телом огромен, прожорлив, потому и род его прозывался Барулас, что значит ненасытные.

Сыновья Хачулы также ненасытны были в еде, и прозвали их Большой Барула и Малый Барула, а их братьев – Умный Барула и Глупый Барула. И все они были из племени Барулас.

Сыновья Харалдая словно крупа перемешались, старшинства не зная меж собой. Потому и был прозван их род Будада, что значит крупины.

Хачигун родил сына Адархидая. Среди братьев он был первый спорщик и забияка, и род, пошедший от него, назывался Адархин, что значит раздорные.

Начин-батор родил сыновей Уругудая и Мангудая. И пошли от них роды Уругуд и Мангуд. От первой жены Начин-батара родились сыновья Шижудай и Доголадай.

Хайду родил сыновей Бай шинхора, прозванного догшин, что значит грозный, Чарахай линху и Чаужин ортэгэя.

Бай шинхор догшин родил сына Тумбинай сэцэна, что значит Тумбинай мудрый.

Чарахай линху родил сына Сэнгум билгэ, от которого пошел род Амбагайтан Тайчуд. Чарахай линху взял себе в жены старшую невестку, и родился у них сын, нареченный Бэсүдэем. И пошел от него новый род Бэсуд.

Чаужин ортэгэй родил шесть сыновей, от которых пошли роды Оронар, Хонхотадай, Арулад, Сонид, Хабтурхас, Гэнигэс.

Тумбинай сэцэн родил сыновей Хабул-хана^[13] и Сэм Сэчүлэ. Сэм Сэчүлэ родил сына Бултэчу-батара.

Хабул-хан родил семерых сыновей. Старшего из них звали Охин бархаг, а остальных – Бартан-батор, Хутугту мунгур, Хутула-хан, Хулан, Хадан, Тудугэн отчигин.

Охин бархаг родил сына Хутугту журхи. Хутугту журхи родил сыновей Сача бэхи^[14] и Тайчу. И пошел от них род Журхи.

Бартан-батор родил сыновей Мэнгэту хиана, Нэхун тайши^[15], Есухэй-батора^[16], Даридай отчигина.

Хутугту мунгур родил сына Бури буха. Того самого, что рассек плечо Бэлгудэю, брату Чингиса, на пиру в роще у реки Онон.

Хутула-хан родил троих сыновей – Жочи, Гирмау и Алтана.

Хулан родил сына Их чэрэна, слуги которого Бадай и Хишилиг во времена правления Чингиса стали дархадскими ноёнами^[17].

У Хадана и Тудугэна потомства не было.

И повелевал тогда улусом Хамаг Монгол^[18] Хабул-хан. И хотя имел Хабул-хан семерых сыновей, он наказал возвести на престол после себя Амбагай-хана^[19], сына Сэнгум билгэ.

По реке Оршун, что течет между озерами Буйр и Хулун, сидели татарские племена^[20] – айригуды и буйругуды. Амбагай-хан выдал за татарина свою дочь и отправился провожать ее в пределы татарские. И был схвачен там Амбагай-хан татарами и выдан ими Алтан-хану хятанскому^[21]. И послал тогда Амбагай-хан гонца по имени Балахачи из племени Бэсудэй и заповедал: «Пойди ты к Хутуле, среднему сыну Хабул-хана, приди к Хадан тайши, среднему сыну из десяти сынов моих, и передай им: впредь пусть будет именем моим заказано улуса Хамаг Монгол всем владыкам самим сопровождать их дочерей. Татарами я схвачен здесь.

Так мстите ж за владыку своего,

Пока все ногти с пальцев не сорвете

И десять пальцев ваших

До конца не обессият!»

Рассказ о том, как Есухэй-батор похитил Огэлун

Охотившийся в ту пору на реке Онон на птицу Есухэй-батор повстречался с Их чилэду из племени Мэргэд^[22], который, взяв в жены девушку из племени Олхунуд, возвращался теперь восвояси. Есухэй-батор заглянул в возок и увидел в нем несравненной красоты девушку. Он тут же поскакал домой, позвал с собой старшего брата Нэхун тайши и младшего брата Даридай отчигина, и они втроем бросились вдогонку за Их чилэду.

Завидев конную погоню, убоялся Их чилэду, стеганул своего каурого коня по ляжкам и поскакал прочь по склону горы. Трое преследователей, скача друг за дружкой, не отставали. Их чилэду обогнул сопку и возвратился к возку, в котором его ожидала жена.

Огэлун ужин^[23] воскликнула тогда: «Ты понял, что замыслили те трое?! Уж слишком подозрительны их лица. С тобой они расправиться хотят. Любимый, коли в здравии ты будешь, жену себе достойную отыщешь.

У нас в повозке каждой девушка сидит,

В возке любом невеста ожидает.

А коль у новой суженой твоей другое имя будет, прозвание Огэлун дай ей. Сейчас подумай о себе! Вдохни мой запах на прощанье и тотчас прочь скачи».

С этими словами Огэлун сняла свою нательную рубашку и подала ее Их чилэду. Когда он нагнулся с коня и взял ее, из-за холма показались трое преследователей. Их чилэду стеганул по ляжкам своего каурого коня и умчался прочь вверх по реке Онон.

Рождение Чингисхана

Семь перевалов перевалили трое его преследователей, пока гнались за ним. Да так и не догнали, отступились, повернули назад к возку. И взяли они Огэлун и повезли. Есүхэй-батор вел на поводу ее лошадь, старший брат его Нэхун тайши ехал впереди всех, а младший – Даридай отчигин следовал сбоку. И возопила тогда Огэлун ужин:

«За что, скажи, за что, мой Чилэду,

Такую бог нам шлет судьбу-беду!

Тебе – в степи широкой голодать,

Скитаться у ветров на поводу.

А мне где косы расплетать-сплетать?

Куда же без тебя я побреду?!»

И стенала она так, что

Река Онон вздыбилась волнами,

А бор лесной заколыхался, будто от ветра.

Даридай отчигин увещевал Огэлун:

«Кого ты ласкала, кого обнимала,

Тот ныне на той стороне перевала.

По ком убиваешься ты и рыдаешь,

Уже пересек рек и речек немало.

Стенай не стенай, он тебя не услышит,

Дорогу к нему ты бы не разыскала;

Ни тени его, ни следа не увидишь,

И лучше бы было, чтоб ты замолчала».

И привез Есүхэй-батор Огэлун в дом свой и женою сделал своею. Вот и весь сказ о том, как Есүхэй-батор взял себе в жены Огэлун ужин.

Тем временем Хамаг Монгол и тайчуды собрались на берегу реки Онон в местности, именуемой долиной Хорхонаг, и, сговорившись, поставили над собой ханом Хутуле^[24], ибо плененный Амбагай-хан заповедал передать слово свое двоим – Хадану и Хутуле.

В чести у монголов пиры да танцы. Потому, возведя Хутулу на ханский стол, они пировали и плясали под священным раскидистым деревом Хорхонагским^[25] до тех пор,

Пока ребра не треснули,

Пока ноги не отвалились.

И как стал Хутула ханом, пошел он вместе с Хадан тайши в пределы татарские, чтобы отомстить им, как было завещано Амбагай-ханом. И бились они с Хутун барахом и с Жали бухом татарскими все тринадцать раз, но так и не смогли

Отмщением отомстить,

Воздаянием воздать

За хана Амбагая своего.

И воротился Есухэй-батор восвоюси^[26], захватив в полон татарских Тэмужин Угэ, Хори буха и других, а жена его, Огэлун ужин, тем временем разрешилась Чингисом^[27] в местности, называемой Дэлун болдог^[28], что на Ононе.

И родился Чингис, сжимая в правой руке сгусток крови величиной с альчик^[29]. И нарекли ему имя Тэмужин^[30], ибо рождение его совпало с пленением татарского Тэмужин Угэ.

Жизнеописание Чингисхана

Сказ о сватовстве Тэмужина и смерти его отца Есухэй-батара

От Огэлун ужин родилось у Есухэй-батара четверо сыновей – Тэмужин, Хасар, Хачигун и Тэмугэ^[31]. И родилась у них дочь, и нарекли ее Тэмулун. Когда Тэмужину исполнилось девять лет, Жочи Хасару было семь, Хачигун элчи – пять, Тэмугэ отчигину – три года; Тэмулун и вовсе лежала в люльке.

И когда исполнилось Тэмужину девять лет, Есухэй-батор отправился вместе с ним к родичам жены – олхунудам сватать сыну невесту. На полпути между урочищами Цэгцэр и Чихургу повстречали они Дэй сэцэна из племени Хонгирад.

«Сват Есухэй, куда путь держишь?» – спросил Дэй сэцэн.

«У олхунудов, родичей жены, хочу посватать я невесту сыну», – ответил Есухэй.

«Мне люб твой сын, —

Дэй сэцэн молвил. —

У отрока в глазах огонь,

И ликом светел он.

Сват Есухэй, поверишь, прошлой ночью сон удивительный привиделся мне вдруг: как будто птица, белый сокол, в когтях неся луну и солнце, спустилась на руки ко мне. Другим уже я говорил: «То – доброе знамение судьбы!» И вдруг приехал вместе с сыном ты! Сну моему не это ль изъяснение? Да сон ли это был?! То – знак во сне явившегося гения-хранителя Хиадов^[32]. Мы, хонгирады, истари

Чужие земли и народы не воюем,

Мы светлоликих дочерей милуем,

Статью, красой не заблещут покуда.

Черного мы запрягаем верблюда,

Деву в возок-одноколку посадим,

С ласкою в ханскую ставку спровадим.

Из хонгирадского рода невеста

С ханом поделит высокое место.

Нет у нас тяги ни к битвам, ни к войнам.

Дело другое считаем достойным:

Дочку, что выросла в холе да в ласке,

В путь снаряжаем мы в крытой коляске.

Ставим в упряжку верблюда седого —

Вот и невеста для хана готова.

С ханом высоким, довольна судьбиной,

Сядет достойной его половиной.

У хонгирадов издревле пригожестью пленяли девы,

Блистали наши жены красотой;

Со славой этой из поколения в поколение жили мы.

Сыны у нас хозяйничают в отчине своей,

А дочери пленяют взор заезжих женихов.

Сват Есухэй, войди в мой дом.

Есть малолетняя дочурка у меня.

Взгляни и оцени».

Отец Чингисхана Есүхэй-батор с женой Огэлун. *Средневековая персидская миниатюра*

С этими словами Дэй сэцэн проводил Есүхэя в свою юрту, и взглянул на дитя Есүхэй,

И пришлась по сердцу она ему,

Ибо ликом светла была она,

И в глазах ее сверкал огонь.

Девочку звали Бортэ^[33], было ей десять лет, и была она на год старше Тэмужина.

Переночевав у Дэй сэцэна, наутро Есүхэй-батор стал сватать его дочь. И молвил Дэй сэцэн в ответ:

«Заставь упрашивать себя —

Да уважаем будешь,

Без долгих уговоров согласишься —

Униженным пребудешь.

Хотя и говорят в народе так, но дочь я все равно тебе отдам. Негоже ей у отчего порога век женский коротать. А сына оставляй у нас. Отныне он наш зять».

На это Есүхэй-батор отвечал:

«Я сына, так и быть, тебе оставляю. Прошу, любезный сват, лишь об одном: собак боится сын мой, Тэмужин; не допусти, чтоб псы его пугали».

И отдал Есүхэй-батор свату Дэй сэцэну в подарок заводного коня своего и, оставив сына в зятях, отправился восвояси.

По пути в степи Цэгцэрской наехал Есүхэй-батор на татарский стан и попал на татарский пир. И сошел с коня утолить жажду на пиру. И признали татары Есүхэя из хиадского рода, и усадили, и потчевали его на пиру. А сами, отмщения жажда, стоворились тайно и подмешали в еду ему яду. И на пути домой от стана татарского занемог Есүхэй-батор и домой чуть живой воротился через три дня.

«Мне плохо! Есть рядом кто-нибудь?» – вскричал Есүхэй-батор.

«Я подле вас», – ответил Мунлиг, сын старика Чарахи из племени Хонхотадай.

Призвав его к себе, Есүхэй-батор молвил: «Послушай, Мунлиг! Дети – малолетки у меня. А Тэмужина, старшего из них, оставил я у свата Дэй сэцэна. Но по пути домой в татарском стане я был отравлен. О, как же худо мне! Так позаботься ты, мой верный Мунлиг, о сиротах моих и о вдове. И сына, Тэмужина моего, немедля привези ко мне...» И, заповедав Мунлигу сие, он опочил.

Мунлиг, выполняя волю Есүхэй-батора, пришел к Дэй сэцэну и молвил: «Достопочтенный Есүхэй по сыну своему истосковался, и я приехал, чтоб его забрать».

И отвечал ему тогда Дэй сэцэн: «Коли скучает сват по сыну, мы Тэмужина тотчас же домой отправим. Но вскорости ему прибыть обратно надлежит». Отец Мунлиг^[34] выслушал эти слова, забрал Тэмужина и привез в отчину.

Рассказ о предательстве тайчутов

Узнав о кончине отца Есухэй-батара^[35], Тэмужин пал наземь, убиваячись. Старик Чараха из рода хонхотан, увещевал его, приговаривая:

«Зачем ты бьешься так тайменем-рыбой? —

Мы верный сколотить отряд могли бы.

Об этом разве мы не говорили?

Об землю рыбой бьешься – вот буйство!

Единое создать степное ханство

Не раз ли навсегда мы порешили?»

Так увещевал старик Чараха Тэмужина, пока тот не успокоился и не перестал рыдать.

В тот год весной^[36], когда жены Амбагай-хана – Орбай и Сохатай – принесли дары к жертвеннику на могилах предков, Огэлун ужин запоздала, и ей не досталась ее доля поминальных кушаний. Приступив к Орбай и Сохатай, Огэлун ужин сказала: «Почто обделена я вами на поминальной трапезе сегодня? Не потому ли, что скончался Есухэй, а сыновья мои еще не повзрослели?

Неужто даже и глаза в глаза

Мы будем лишены почтенья,

Неужто даже о перекочевках

Не будете нас впредь предупреждать?!»

Услышав сие, Орбай и Сохатай вознегодовали:

«Ты приглашений, подношений ждешь? —

К чему поспела, тем и рот набьешь.

Прислуживать тебе? – Нужна ты больно!..

Что ухватила, тем и будь довольна.

Не потому ли, что нет с нами хана Амбагая, осмеливается теперь глумиться даже Огэлун над нами?!»

И стали они подбивать соплеменников: «Давайте откочуем все отсюда, а Огэлун здесь бросим вместе с сыновьями».

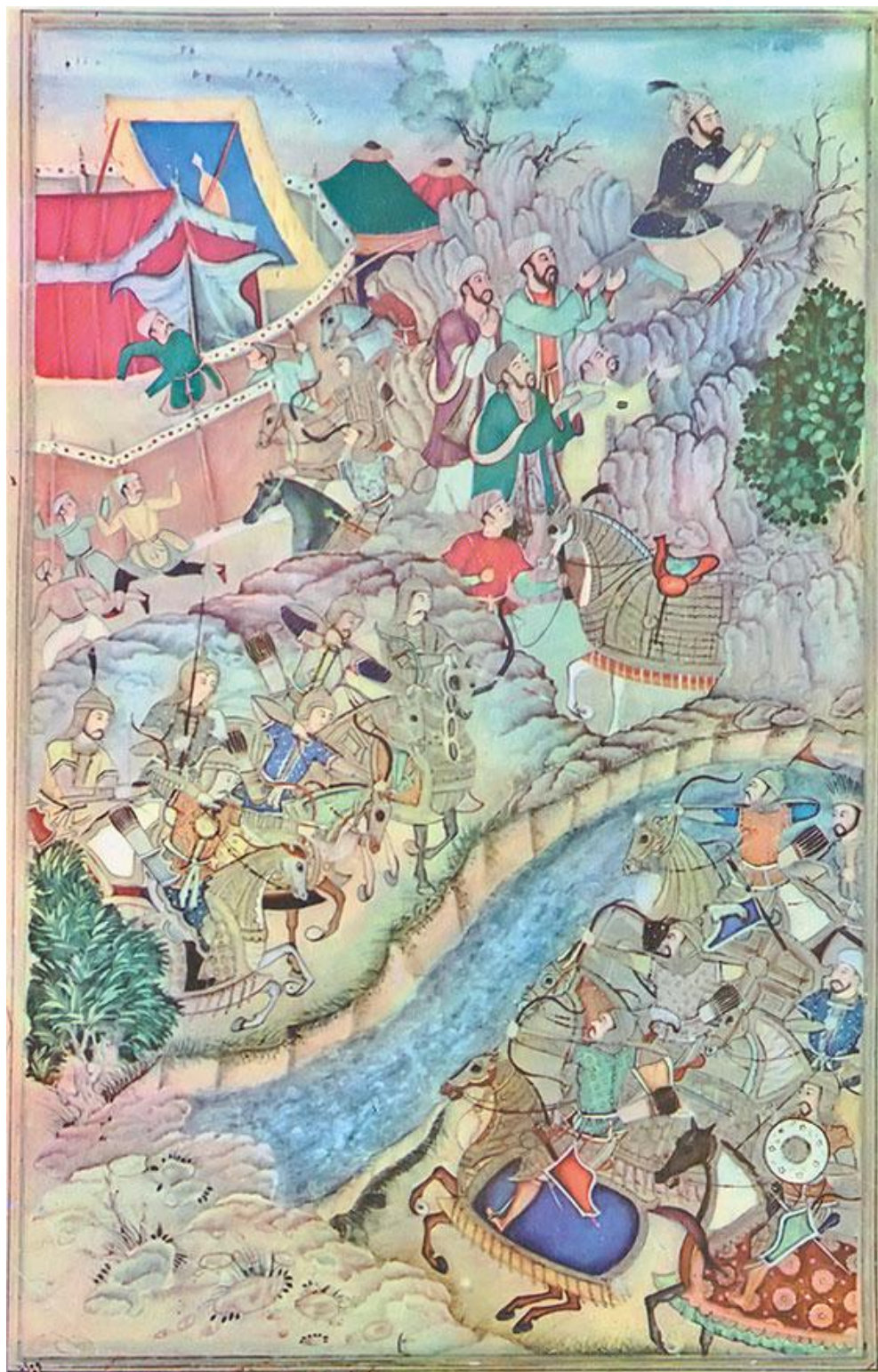
Наутро следующего дня Таргудай хирилтуг и Тудугэн гиртэ, предводители тайчуудов, во главе своего племени двинулись к реке Онон. Так соплеменники покинули Огэлун и ее сыновей. Тогда старик Чараха из племени Хонхотадай поскакал и нагнал их, и стал уговаривать вернуться. И сказал ему Тудугэн гиртэ:

«Пересохший род. Ни воды, ни травы,

И потрескались белые камни, увь».

И не вняли словам старца тайчуды и пошли дальше. А Тудугэн гиртэ ударил старика Чараху копьем в спину и прогнал прочь со словами: «Будешь знать, старик, как мне перечить!»

Возвратился старик Чараха раненым и лежал, страданиями мучимый, когда пришел к нему Тэмужин. И молвил старик Чараха из племени Хонхотадай: «Откочевав, тайчуды увели с собою весь народ, что собран был отцом твоим достойным; его нагнал я, воротить желая, да сам, как видишь, едва живым вернулся». И заплакал Тэмужин, и ушел от старика весьма опечаленным.

Родовое знамя Чингисхана, установленное на колеснице

Тогда Огэлун ужин сама поскакала вослед ушедшим, и держала она в руке знамя святое^[37]. Воротила она иных из ушедших, но и они вскоре удалились вслед за тайчудами.

Так братья-тайчуды покинули вдовицу Огэлун ужин и сыновей ее малолетних и отошли от родных пределов.

От рожденья премудрая, мать Огэлун

Дэл свой поясом повязала,

По теченью Онона то вверх, то вниз

Все бродила она, кочевала.

Что в степи съедобного было,

Тем детей она и кормила.

Дни в пути, в трудах проводила.

От рожденья упорная мать Огэлун

Шла не знающим устали шагом

С суковатой дубовою палкой в руках

По ложбинам да по оврагам,

Вверх и вниз... Набравшись терпенья,

Все искала, копала коренья.

Было трудно ей, горько было,

Но достойных сынов вскормила.

От рожденья прекрасная мать Огэлун

Берегами речными бродила,

Собирала по осени дикий лучок,

Даже рыбу удою удила.

Не жалела рук, не жалела ног.

И сынов державных взрастила.

Был характер тверд, был порядок строг —

Вот что в жизни детей укрепило.

Ясноликая ханша-мать,
Ты сумела детей поднять,
От щедрот питая степных.
Сыновей научила мать
Званье, долг свой осознавать,
Гордость ты заронила в них.
С берегов Онона-реки
Стали дети кидать крючки,
Сами стали рыбу ловить,
Чтобы мать Огэлун накормить.
Строгих правил держится мать —
Сыновьям державными стать.
Тот рыбак и этот рыбак —
Год за годом мужали так.
Наловчились рыбу ловить, —
Могут братья мать прокормить.

Предание об убиении Бэгтэра

И вот однажды Тэмужин, Хасар, Бэгтэр и Бэлгудэй^[38] ловили рыбу, и попалась на крючок светлая рыбешка. Но Бэгтэр и Бэлгудэй себе ее забрали. И приступили тогда Тэмужин и Хасар к матери и с обидой говорили: «Сейчас поймали мы рыбешку, но братья Бэгтэр и Бэлгудэй себе ее забрали».

На это мать им отвечала:

«Что за охота вам, братьям, так препираться?!

Иль вам неведомо, что ныне

Нет у вас друга, кроме вашей тени,

Как нет и плети, кроме конского хвоста.

Коли такие промеж вас раздоры, как сможем мы отмстить отмщением врагам-тайчудам?! Неужто рознь вас одолела, как прежде сыновей Алан гоо? Я истинно вам говорю: не смейте!»

Но не вняли Тэмужин и Хасар материнским словам, прекословили: «Вчерашний день пичугу подстрелили мы, так Бэгтэр с Бэлгудэем также отобрали. И нынче тоже отняли улов. Но коль они такие, как жить нам вместе дальше?!»

И, вознегодовав, вышли они прочь и в сердцах громко хлопнули дверью. И подкрались Тэмужин и Хасар один сзади, другой спереди к Бэгтэру, когда тот на пригорке пас девять соловых коней. Узрев, что братья приложили стрелы к тетиве и уж готовы выстрелить в него, он возопил: «Покамест мы разора у тайчудов ждем, пока отмщением отмстить им не сумели, за что вы, братья, погубить меня решили; ресницею глазной, навек падучей, блевотиной, ртом извергающей вон, зачем меня хотите обратить? Пока у нас нет друга, кроме нашей тени, как нет и плети, кроме конского хвоста, почто меня вы вознамерились убить? Прошу, не разорайте мой очаг, не погубите брата Бэлгудэя!» С этими словами Бэгтэр сел, скрестив ноги, и смиренно ждал, что будет. И тогда Тэмужин и Хасар пустили в него свои стрелы, один спереди, другой сзади, и убили его.

Когда Тэмужин и Хасар воротились, Огэлун ужин, воззвись на них, все враз уразумела и вознегодовала:

«Братоубийцы вы, предатели,

Себе подобных пожиратели!

Как, Тэмужин, тебя я родила,

Не зря ж ладонь твоя в крови была!..

Вы – изверги!

О, как вы многозлобны,

Вы черной суке бешеной подобны.

Повадки ястребиные у вас.

Откуда ярость львиная взялась!

Зловредный мангас^[39], хищник, живоглот —

Сравненье вам обоим подойдет.

Детенышей кусать – вот нрав верблюжий,

Взбесившихся верблюдов вы похуже.

Вы – огари: они утят гоняют

И, силы потерявших, пожирают.

Волк беспощаден, если пищу ищет

Иль защищает логово-жилище.

А вы – вы к брату были беспощадны,

Как тигры хищны, люты, кровожадны.

Пока у нас нет друга, кроме нашей тени,

Как нет и плети, кроме конского хвоста,

Пока мы ждем разора недругов-тайчудов

И помышляем им отмщением отмстить,

Зачем вы, сыновья мои, такое сотворили?»

Долго бранила-вразумляла Огэлун ужин сыновей своих.

Старопрежние притчи им сказывала,

Словами предков сокровенными поучала.

Рассказ о пленении Тэмужина тайчудами и его вызволении семьей Сорхон шара

Немного спустя, замывлив недоброе против Огэлун и ее сыновей, Таргудай хирилтут из племени Тайчуд сказал:

«Полиняла у ягненка шерсть.

Знать, подрос,

Раз слюни перестали течь».

И, сказав так, Таргудай хирилтут со товарищи ополчился на Огэлун и сыновей ее. Убоявшись недругов тайчудских, Огэлун ужин вместе с сыновьями бежала в лес. Там Бэлгудэй возвел укрытие из деревьев, что срублены им были. Хасар метал стрелы в наседавших врагов. Тем временем меньшие – Хачигун, Тэмугэ и Тэмулун – отошли в горное ущелье.

И возопили тогда тайчуды: «Выдайте нам старшего брата вашего, Тэмужина. Прочие нам вовсе не нужны!»

Услышав речи тайчудские, братья понудили Тэмужина бежать в лес. Проводали о том тайчуды и пустились вослед. И пробрался Тэмужин в дебри лесные, что на горе Тэргун ундур, а тайчуды не смогли пробиться, и отступили они в бор и выставили дозорных.

Три дня просидел Тэмужин в дебрях лесных, а на четвертый день замыслил возвратиться к родичам. И шел он по лесу, ведя за повод коня своего, как вдруг седло соскользнуло и упало наземь. Глянул Тэмужин: и седельная подпруга, и ремень нагрудный – все на месте, а седло таки упало. «Могла подпруга соскользнуть, ремню нагрудному не соскользнуть, однако. Никак знамение мне посылает Всевышний Тэнгри!» – воскликнул Тэмужин.

И остался он в чаще лесной, и просидел там еще три дня. И снова хотел было выйти из лесу, но путь ему преградил белый валун величиной с юрту. «Неужто шлет знамение мне снова Всевышний Тэнгри», – молвил он и вдругорядь вернулся в чашу и просидел еще три дня.

Все девять дней просидел он в лесу без пищи и наконец решил: «Чем в чаще так бесславно сгинуть, уж лучше из лесу мне выбраться, пожалуй!» И пошел он из чащи лесной, ведя за повод коня, и обошел стороной лежавший на дороге белый валун величиной с юрту. А обходя тот валун, рубил он ножом, коим правят стрелы, деревья, стеной стоявшие на его пути. А как вышел Тэмужин из лесу, так и схватили его недруги-тайчуды.

Таргудай хирилтут привел его в пределы тайчудские, и учинили над ним тайчуды расправу и понудили Тэмужина ходить у них в прислужниках, каждый день передавая его из одной семьи в другую.

На шестнадцатый день первого летнего месяца тайчуды сошлись на берегу реки Онон и пировали там до захода солнца. В ту пору к Тэмужину был приставлен один слабосильный отрок. Когда пировавший люд угомонился и разошелся по своим юртам, Тэмужин, уловив момент, ударил отрока по голове шейной колодкой, которой был обременен, и бросился бежать в рощу, что на берегу Онона; но, опасаясь быть замеченным в роще ононской, Тэмужин лег в заводи на спину; и лежал он в заводи с запрокинутой головой, а шейная колодка его была водою скрыта.

«Пленника упустил!» – возопил отрок, стерегший Тэмужина.

И сошлись снова разбредшиеся было по юртам тайчуды, и светлой, будто день, лунной ночью бродили они в ононской роще в поисках беглеца. Сорхон шар из племени Сулдус набрел на то место, где в заводи лежал Тэмужин. Узрев его, Сорхон шар молвил: «Ты трижды прав, что схоронился здесь. В глазах твоих огонь, ты ликом светел и мудр не по годам. Вот почему тайчуды так тебя не любят. Будь здесь, мой Тэмужин, тебя не выдам я». С этими словами Сорхон шар удалился.

И сошлись тайчуды порешить, как дальше искать беглеца, и сказал им Сорхон шар: «Пусть каждый еще раз пойдет тропой, где только что прошел, да заново округу оглядит».

«Согласны», — молвили в ответ тайчуды, и каждый из них пошел обратно по уже пройденному однажды пути.

И приступил Сорхон шар к Тэмужину еще раз и молвил ему: «Тайчуды-братья хотят тебя найти во что бы то ни стало. Так жажнут твоей крови, аж наточили зубы. Будь стоек, Тэмужин, и с места не сходи». С этими словами Сорхон шар удалился.

Не нашли тайчуды Тэмужина и собрались вместе вдругорядь, чтоб сговориться о разыскании его. И молвил тогда Сорхон шар: «Средь бела дня мы упустили человека; так разве среди ночи нам сыскать его?! Пусть каждый еще раз пройдет своей тропой, округу напоследок оглядит, тогда не грех и по домам нам разойтись. А поутру на поиски сойдемся снова — в колодке далеко он не уйдет».

Тайчуды согласились с ним, и каждый пошел своей тропой. И приступил Сорхон шар к Тэмужину в третий раз и молвил: «Тайчуды по домам решили разойтись, дабы назавтра на розыски пуститься снова. Тотчас, когда все разбредутся, ты к матери и братьям поспеши. Да только старика не выдай, коли столкнешься с кем-нибудь в пути!» С этими словами Сорхон шар удалился.

И когда тайчуды разбредлись, задумался Тэмужин, что делать дальше: «Когда принудили меня тайчуды-недрузи служить им, из семьи в семью переходя, ведь только Сорхон шара сыновья — Чулун и брат его Чимбай — явили милость мне, освободили на ночь от колодки. И нынче Сорхон шар меня не выдал. Быть может, эти люди выручат меня».

Так порешив, Тэмужин в поисках юрты Сорхон шара побрел к реке Онон. Из юрты Сорхон шара и днем и ночью доносился стук мутовки — здесь вечно пахтали кумыс. По стуку этому Тэмужин и разыскал его юрту.

Узрев Тэмужина, Сорхон шар молвил: «Почто ты здесь? Не говорил ли я, чтобы ты к матери и братьям поспешал?!»

Чулун и брат его Чимбай воспрекословили отцу, однако: «Пичуга малая, от ястреба спасаясь, спешит прибежище найти во глубине кустов. И милостиво куст дарует ей спасенье. Так что же ты, отец, такое говоришь, когда у нас приюта ищет человек!»

И освободили Тэмужина братья от шейной колодки и сожгли ее, а его самого схоронили в стоявшей за юртой телеге, нагруженной с верхом овечьей шерстью. И поручили его заботам младшей сестры своей по имени Хадан и наказали строго-настрого ей не проговориться о Тэмужине ни одной живой душе.

На третий день розысков тайчуды заподозрили, что Тэмужина мог схоронить кто-то из своих, и порешили обыскать все айлы^[40]. И пришли обыскивающие к Сорхон шару, и перерыли они все в юрте и во дворе и добрались до стоявшей за юртой телеги, нагруженной овечьей шерстью. И стали они стаскивать шерсть с края телеги и уже было добрались до ног Тэмужина, как вдруг Сорхон шар молвил: «В такое пекло разве человек способен усидеть в возу с овечьей шерстью?!» И согласились с ним обыскивавшие, и пошли прочь со двора его.

И после их ухода приступил Сорхон шар к Тэмужину и сказал ему: «Едва по ветру ты не пустил мой прах. И потому ступай тотчас же к матери и братьям, не то и впрямь на нас беду накличешь!»

И отправил Сорхон шар Тэмужина восвояси, усадив на яловую саврасую кобылу, дав ему в дорогу жирной вареной ягнятины, бурдюк с кумысом, лук да две стрелы; седла же и огнива ему не дал.

И удалился Тэмужин от пределов тайчудских и добрался до возведенного в лесу братом его, Бэлгудзем, укрытия, и вверх по течению реки Онон поспешил по примятой траве вослед прошедшим здесь родичам. Так добрался он до речушки Химурга горхи, текущей с запада. И пошел он вверх по течению ее и повстречался с матерью, братьями и сестрой в урочище Хорчухой болдог у скалистого мыса Бэдэр. И, соединившись все вместе, они пошли и сели в местности, называемой Хар зурхний Хух нур, что на южном склоне горы Бурхан халдун у речушки Сэнгур горхи. Там они и жили, промышляя ловлей тарбаганов^[41] и сусликов.

Сказ о том, как Борчу помог отыскать восемь соловых коней Тэмужина и стал его первым нукером

И вот однажды на их стойбище налетели конокрады и на глазах у всех угнали восемь соловых коней^[42], что паслись подле юрты. И не оказалось у Тэмужина и у его сродников под рукой коня, дабы вдогонку броситься за конокрадами. Как на грех, Бэлгудэй на буланом с коротким хвостом коне поехал поохотиться на тарбаганов. Солнце уже зашло, когда Бэлгудэй возвратился, ведя за повод своего буланого, едва передвигающего ноги под тяжестью нагруженных на него тарбаганов.

И сказали ему сродники, что конокрады умыкнули их соловых, и тотчас Бэлгудэй вызвался ехать в погоню. Но, прекословя брату, Хасар молвил: «Отбить коней не сможешь ты, в погоню я отправлюсь сам!»

И приступил тогда к братьям Тэмужин и сказал: «Коней отбить вам будет не под силу, братья. Я ж этих конокрадов догоню!»

С этими словами Тэмужин вскочил на буланого и поскакал по примятой траве вослед прошедшим здесь соловым жеребцам. Три дня ехал он по следу, а на четвертый день утром наехал на большой табун, и узрел при нем Тэмужин смуглолицего молодого табунщика, доившего кобылицу. И вопрошал он табунщика о восьми жеребцах своих соловых. И сказал молодой табунщик ему в ответ: «Сегодня рано утром, до восхода солнца, прогнали восемь лошадей здесь. Я след их укажу тебе, пожалуй».

Молодой табунщик пустил в табун буланого коня Тэмужина, а взамен дал ему серого жеребца. И прикрыл он подойник и бурдюк и оставил их прямо среди степи. И, не заглянув домой, вскочил он на саврасого жеребца и молвил: «Видать, изрядно ты измучился в степи. У всех мужей заботы схожи. Я верным нукером тебе отныне стану^[43]. Отец мой прозывается Наху баяном; его единственный я сын, зовусь Борчу»^[44].

И пустились они вдвоем вдогонку за конокрадами и ехали так три дня по следам соловых коней. И на четвертый день под вечер, когда солнце уже катилось под гору к закату, наехали на курень^[45]. И увидали они пасущихся подле него восемь соловых коней Тэмужина. И сказал Тэмужин: «Будь здесь, Борчу, мой верный нукер! Соловых, что у куреня пасутся, я мигом пригоню». И сказал Борчу ему в ответ: «Я нукером пошел с тобой сюда. К чему тогда мне хорониться здесь?!»

И наехали они на курень вдвоем и погнали обратно восемь соловых коней Тэмужина. Из куреня повыскакивали люди и в погоню бросились за ними. Когда один из преследователей, на белом коне с укрюком^[46] в руке, уже было настиг их, Борчу вскричал: «Отдай мне лук и стрелы, нукер Тэмужин! Стрелою меткой я их остановлю».

И сказал ему Тэмужин в ответ: «Отстреливаться буду я. А ты, мой нукер, поостерегись: из-за меня тебе лишаться жизни, право же, не стоит!»

И пускал стрелу за стрелой Тэмужин в наседавшего сзади врага. И поотстал тогда всадник на белом коне, и стал он знаки подавать скакавшим сзади соплеменникам, размахивая укрюком своим. Когда нукеры-соплеменники поравнялись с ним, солнце уже катилось под гору, смеркалось. И отстали они, не в силах настичь беглецов.

Как отбили лошадей Тэмужин и Борчу, проскакали они всю ночь напролет, а потом скакали еще три дня и три ночи. И когда приблизились они к юрте Борчу, Тэмужин сказал: «Без помощи твоей, Борчу, я разве бы вернул своих коней! Теперь тебе добром я отплачу. Скажи лишь, сколько взять коней желаешь?»

И сказал Борчу ему в ответ: «Не из корысти, лишь искренне помочь желая, с тобой поехал я. Единственный я сын Наху баяна. На жизнь мне хватит и отцовского добра. Нет, мне коней твоих не надо! Возьми я их – какая ж это помощь!»

Так подъехали они к юрте Наху баяна. А Наху баян уж который день оплакивал пропавшего сына. Как узрел Наху баян сына своего единственного, возрадовался радостью великою. И приступил он к сыну, то плача, то браня его; и вопрошал он Борчу: «Сын мой, с тобою что произошло, отцу поведай».

И сказал ему Борчу в ответ: «Когда прознал я, что достойный нукер Тэмужин, ища своих коней, плутает, я тотчас вместе с ним на поиски пустился. А нынче воротился восвояси».

И с этими словами Борчу поскакал в степь и привез оставленные там бурдюк и подойник. И стали они снаряжать Тэмужина в обратный путь: зарезали на харчи ягненка, что покрупнее, приторочили к седлу бурдюк питья. И молвил Наху баян на прощанье: «Вы молодые, живите в дружбе вечной, друг друга не бросайте никогда!»

И отправился Тэмужин в обратный путь, и скакал он три дня и три ночи, а на четвертый день достиг родной юрты на речушке Сэнгур. Как увидали Тэмужина мать его Огэлун, брат Хасар и другие сродники, прошли их скорбь и печаль, возрадовались души.

Рассказ о женитьбе Тэмужина на Бортэ

С тех пор, когда девятилетним отроком Тэмужин впервые увидел Бортэ, они больше не встречались. И вот поехал Тэмужин вместе с Бэлгудэем на реку Керулен, дабы разыскать суженую свою – Бортэ ужин^[47].

Дэй сэцэн вместе с прочими хонгирадами сидел меж урочищами Цэгцэр и Чихургу. Дэй сэцэн, узрев Тэмужина, возрадовался радостью великою и молвил: «Прознал я, будто братия тайчудская питает злую ненависть к тебе. Сие услышав, опечалился весьма я и по сей день был крайне удручен. О, как я рад с тобою новой встрече!»

И отдал Дэй сэцэн дочь свою Тэмужину, и, когда Тэмужин вместе с Бортэ ужин отправились в дорогу, он с женой своею поехал их проводить. И доехал Дэй сэцэн вместе с ними до местечка Ураг цул, что на Керулене, и воротился оттуда в свои пределы. Супруга его по имени Чотан проводила дочь Бортэ ужин до юрты семьи Тэмужина, что кочевала в урочище Хурэлху на речушке Сэнгур.

И послал Тэмужин брата Бэлгудэя проводить тещу Чотан до стойбища хонгирадов и призвать к нему Борчу. И выслушал Борчу Бэлгудэя и, слова не сказав отцу, набросил на плечи серую бурку, вскочил на горбатого буланого коня, и вскорости явились они вместе с Бэлгудеем к Тэмужину. Вот и весь сказ о том, как Борчу стал верным нукером Тэмужина.

И откочевал Тэмужин от речушки Сэнгур, пришел и сел в местности Бурги эрэг, что в верховьях Керулена. И взял тогда он черного соболя доху, подаренную ему тещею Чотан, и вместе с братьями Хасаром и Бэлгудеем отправился к хэрэйдского народа владыке Ван-хану^[48]. Прежде предводитель племени Хэрэйд, Ван-хан был андой-побратимом их отца, Есухэй-хана.

«Анда отца мне равно что отец», – так думал Тэмужин, отправляясь в Черную рощу на берегу Толы, в ставку Ван-хана. И, прибыв к нему, Тэмужин сказал: «Вы, побратим отца, мне равно что отец. Я вам привез подарок тещи – доху соболю».

И молвил растроганный Ван-хан:

«Доху соболю мне поднес —

Ты так меня уважил!

А я верну тебе улус,

Чтоб ты в нем княжил.

Ты соболей мне не жалел —

Благодарю я.

Весь твой распавшийся удел

Вновь соберу я.

Для почек предназначен таз,

В глазнице разместится глаз, —

Не так ли говорят у нас?!»

Принесши дары, Тэмужин пошел и сел в местности Бурги эрэг.

И пришел к нему с горы Бурхан халдун старик урианхаец Жарчудай, ведя с собою сына по имени Зэлмэ^[49] и неся на плече раздувательные мехи. И, обратившись к Тэмужину, Жарчудай сказал: «Когда в Дэлун болдоге Тэмужин родился, я преподнес в подарок устланную соболями люльку. И сына своего, Зэлмэ, ему в нукеры пожелал отдать. Но был он мал, и я забрал его домой на время.

Пускай теперь

Мой сын Зэлмэ

Из табунов твоих коня сдлает,

Дверь в ставку пред тобою отворяет».

Так старик Жарчудай отдал Тэмужину сына в нукеры.

История мести мэргэдов и пленения Бортэ

Однажды, когда они кочевали в местности Бурги эрэг, что в верховьях Керулена, чуть свет проснулась старуха Хоогчин, прислуживавшая в юрте матушки Огэлун. И, приступив к Огэлун, старуха Хоогчин молвила: «Вставай же, матушка, вставай! Мне конский топот ясно слышен, я чую, сотрясается земля. Никак идут на нас зловещие Тайчуды. Вставай же, матушка, вставай!»

И поднялась тотчас Огэлун и приказала разбудить детей немедленно. И пробудились Тэмужин и другие дети ее и поймали пасшихся в степи коней своих. Тэмужин, матушка Огэлун, Хасар, Хачигун, Тэмүгэ отчигин, Бэлгүдэй, нукеры Тэмужина – Борчу и Зэлмэ оседлали каждый по коню. Дочь свою Тэмүлун мать держала на руках. На заводную лошадь они навьючили свои пожитки. И только Бортэ ужин осталась без лошади.

Тэмужин с братьями и нукерами своими первыми вскочили на лошадей и двинулись в сторону Бурхан халдуна.

И сказала старуха Хоогчин, обращаясь к Бортэ ужин: «Отсюда откочуем прочь!» И усадила она Бортэ ужин в крытый возок, запряженный пегим быком, и тронулись они вверх по речушке Тэнгэли горхи. В сумерках предрассветных наехали на них ратные люди. И приступили они к старухе Хоогчин и вопрошали ее: «Чья ты будешь?»

И сказала старуха Хоогчин им в ответ: «Я – подданная Тэмужина. В его кочевье приезжала стричь овец. Теперь в свое кочевье возвращаюсь».

И вопрошали ратные люди еще раз: «Далеко ли ставка Тэмужина? Дома ли хозяин твой иль нет?»

И отвечала им старуха Хоогчин: «Ставка Тэмужина недалече. Но неведомо мне, дома он иль нет. Я ночевала в юрте для прислуги».

И ускакали прочь ратные люди, а старуха Хоогчин принялась охаживать по бокам своего пегого быка, поторапливая его, как вдруг сломалась тележная ось. «Доберемся до леса пешком», – решила было старуха Хоогчин, но сзади их нагнали давешние ратники. Позади одного из них сидела мать Бэлгүдэя; ноги ее беспомощно болтались.

«Что у тебя в возке?» – спросили ратники у Хоогчин. Та отвечала: «Овечья шерсть, и только».

И сказал предводитель тех ратников: «А ну, ребятки, слезайте с коней и учините обыск!»

И слезли ратники с коней, и открыли дверцу крытого возка, и увидали сидящую в нем госпожу. Вытащили они ее из возка и усадили вместе со старухой Хоогчин на одного коня, и поскакали ратники по примятой траве вослед Тэмужина и братьев его, и поднялись они на гору Бурхан халдун. Преследуя Тэмужина, ратные люди те три раза обошли Бурхан халдун, но так его и не настигли. Хотели было в чащу лесную пробиться, да только туда, как говорится, сытой змее не проползти – дебри непролазные, болота непроходимые.

Те ратные люди, что ополчились на Тэмужина и на родичей его, были из трех родов мэргэдских^[50]: Тогтога из племени Удуйд Мэргэд, Дайр усун из племени Увас Мэргэд и Хатай дармала из племени Хад Мэргэд. И съехались они вместе, чтоб отомстить за отнятую Есухэй-батором у сродника Их чилэду невесту Огэлун.

И молвили те мэргэды: «Пришли мы отомстить за отнятую у Чилэду невесту Огэлун. И отомстили мы, их женщин похватали!» И возвратились тогда они восвоюси.

Тем временем Тэмужин отослал Бэлгүдэя, Борчу и Зэлмэ вослед мэргэдам со словами: «Три дня вослед за ворогом идите и все доподлинно узнайте: ушли ль мэргэды восвоюси или в горах в засаде затаились!» А сам Тэмужин сошел с горы Бурхан халдун и, ударив себя в грудь, молвил:

«Вот какой у Хоогчин

Чуткий слух —

С ней сравнится

Лишь один колонок!

Вот какой у Хоогчин

Зоркий глаз —

Ей соперник

Лишь один горноста́й!

Не она — так не успели бы мы

Ноги разом унести от врагов;

Не она — так не сумели бы мы

Замести свои следы без потерь.

Чуть заметную искали тропу.

По следам оленьим в горы мы шли;

Там укрылись наконец в шалаше,

Что сплели мы из ветвей ивняка.

От погони нас опасной спасла,

Приютила гора Бурхан халдун.

Чуть напал на нас

Чужеземный враг,

Как от ястреба,

Я метнулся прочь,

За сохатым вслед

Средь отвесных скал

До горы дошел,

До Бурхан халдун.

Веток, прутьев взял,

Сплел себе шалаш,

В нем укрылся я,

Вот и спасся так.

Вся в дремучих лесах,

Гора Бурхан халдун

Жизнь ничтожную мне

Милосердно спасла,

Невредимым оставила

Тело мое.

О хранитель-кумир,

Гора Бурхан халдун,

Месть жестоких врагов

Отвела ты от нас,

Ты для нас, для сирот,

Покровительница.

Что ни утро —

Тебя молоком окропим,

Каждодневную жертву

Тебе принесем;

Детям, внукам велим

Поклоняться тебе,

В поколениях станем

Тебя почитать».

И, вознеся с благоговением такую молитву^[51], Тэмужин увенчал себя поясом, словно четками, поддел на руку шапку и, оборотясь к солнцу и окропляя молоком землю, трижды по три раза поклонился горе Бурхан халдун.

Рассказ об избииении мэргэдов

И отправился оттуда Тэмужин вместе с братьями Хасаром и Бэлгудэем к хэрэйдскому Торил Ван-хану, сидевшему в Черной роще, что на реке Толе, и, приступив к нему, сказал:

«Три рода мэргэдских ополчились вдруг на нас, мою жену, Бортэ, полонили. О хан-отец, тебя приехал я просить: спаси ее и вызволи из плена!»

И отвечал на это Торил Ван-хан: «Когда ты, Тэмужин, привез в подарок мне доху соболью и говорил, что побратим отца тобою почитаем как отец, я разве не сказал тебе, что впредь ты у меня всегда найдешь защиту?

Ты соболей мне не жалел —

Благодарю я.

Весь твой распавшийся удел

Вновь соберу я.

Доху соболёю мне поднес —

Ты так меня уважил!

А я верну тебе улус,

Чтоб ты в нем княжил.

Для почек предназначен таз,

В глазнице поместится глаз, —

Не так ли говорят у нас?

Вот что сказал тебе я в прошлый раз.

Пора мне дружбу доказать

И слово данное сдержать.

Мэргэдов племя укрошу

И Бортэ хатан возвращу.

Тебя я возблагодарю

И дар твой щедрый отдарю;

Мэргэдов живо разобью

Всей нашей силой ратной.

И Бортэ хатан отобью,

Плененную жену твою

Я привезу обратно.

Тотчас же Жамуху ты извести. Теперь сидит он в Хорхонаг жубуре. С двумя тумэнами ^[52] своих мужей пусть наступает с левого крыла. К нему навстречу я с двумя тумэнами пойду, и буду в нашей рати правым я крылом. А место встречи пусть назначит он».

Покинув Торил-хана, Тэмужин, Хасар и Бэлгудэй вернулись восвояси. И отослал Тэмужин братьев своих Хасара и Бэлгудэя гонцами к Жамухе, и наказал сказать следующее:

«Явились ненавистные мэргэды —

И нет от бедствий у меня защиты:

Враги мне учинили разоренье.

Родные, к вам я обращаю взоры.

Вы стали мне поддержкой и опорой,

Неотвратимым будет ваше мщенье.

Сородичи!

Душа моя в смятенье.

К суровому

Вас призываю мщенью».

И еще известил Тэмужин Жамуху о словах хэрэйдского Торил-хана, к нему обращенных: «С Есухэем нашу дружбу памятуя, его сыну, Тэмужину, помогу. Жамуха с двумя тумэнами своими пусть же наступает с левого крыла. Я к нему с двумя тумэнами приду, буду в нашей рати правым я крылом. Место ж, где в одну мы рать соединимся, пусть назначит он!»

Выслушав все до конца, Жамуха молвил:

«Услышал я,

На анду Тэмужина

Невзгоды пали,

Рушится беда —

И ощущаю

Скорбь в груди, кручину,

Каких не испытал я никогда.

Мэргэдам за разбой

Я отомщу,

Супругу Тэмужина

Возвращу.

Врагам разгром устрою

В одночасье,

Вернется Бортэ хатан

Восвояси.

Мэргэдский Тогтога

Услышал звон стремян,
А кажется ему:
Бьет вражий барабан...
Бросается он, не жалея ног,
От звона и от страха наутек.
Куда же улепетывает малый? —
В долину Буур хэр бежит, пожалуй.
У родича его,
Что Дайр усун зовется,
Чуть скрипнет где колчан —
От страха сердце бьется.
Что Тогтога, что он —
Одни у них повадки:
Вообразят войну —
И тягу без оглядки.
Где скрылся Дайр усун?
На острове Талхун
Он ищет от опасностей защиты,
В местах, где Селенга с Орхоном слиты.
Хатай дармала —
Он их храбрее, что ли?
Чуть ветер погонит перекати-поле,
А трусу уж вражьи мерещатся цепи,
И в лес он бежит
Иль в Харажийские степи.
Говорят, на реке Хилго
Густо-густо камыш растет.

Говорят, из того камыша

Можно сделать отличный плот.

Так давайте мы там наляжем,

Много-много плотов навяжем,

Переправимся через Хилго

И щадить не станем врагов:

Разорим мэргэдские станы —

Трепещи, Тогтога поганный.

Схватим женщин, возьмем, что сможем,

А потомство их — уничтожим.

Все святыни их мы растопчем,

Всех кумиров их в прах обратим,

Весь улус их обширный

Повоюем, опустошим».

И отослал Жамуха гонцов Тэмужина обратно и наказал передать побратиму своему и Торил-хану такие слова:

«Я знамена окропил — жертву им я принес^[53],

В гулкий бить приказал и тугой барабан,

Что обтянут кожей черного быка.

Я защитную кольчугу надел

И стальное копьё в руку взял,

Каждый воин мой — верхом на коне,

К тетиве уже стрелу приложил —

Смерть несут наконечники стрел.

Вместе с войском выступаю в поход,

В бой с мэргэдами готов я вступить.

Я знамена окропил, их видать и вдали;

Приказал бить и бить в громовой барабан —

Черной кожею вола обтянут он.

Вот защитная кольчуга на мне,

Острый меч над головой я воздел.

Быстроногих оседлали скакунов,

Луки, стрелы взяли воины мои.

С храбрым войском выступаю я в поход,

Чтоб с мэргэдами в жестокий бой вступить,

Чтоб трусливых, бестолковых одолеть.

Так пусть же Торил-хан тотчас же выступает и, следуя по склону южному Бурхан халдуна, заедет по пути за андой Тэмужином и вместе с ним прибудет в Ботохан боржи, там, где исток Онона. Я выступаю с тумэном своих мужей вверх по Онону; второй же тумэн соберу в пути из подданных анды Тэмужина. И да соединим мы силы наши в Ботохан боржи».

Выслушав из уст Хасара и Бэлгүдэя слова Жамухи, Тэмужин тотчас же известил об этом Торил-хана. И выступил немедля Торил-хан с двумя тумэнами мужей своих, и следовал он по южному склону Бурхан халдуна в направлении Бурги эрэг, что на реке Керулен.

И как прознал об этом Тэмужин, выступил он от Бурги эрэга прямо вверх по речушке Тунхэлиг, что течет вдоль южного склона Бурхан халдуна, пришел и стал станом у речушки Тана горхи. Когда же Торил-хан с тумэном мужей своих и младший брат его Жаха гамбу с другим тумэном пришли и стали станом в местности Айл харгана, что на речушке Химурга, Тэмужин и мужи его пошли и соединились с ними. И, соединившись, пришли Тэмужин, Торил-хан и Жаха гамбу в Ботохан боржи, что в верховьях Онона, а Жамуха тем временем сидел уж там, их ожидаючи, три дня. И узрел Жамуха ратников Тэмужина, Торил-хана и Жаха гамбу и выстроил в боевой порядок два тумэна воинов своих. Тэмужин, Торил-хан и Жаха гамбу также приготовили было войско свое к бою, но, сблизившись, враз распознали друг друга. И молвил тогда Жамуха:

«Не сговорились разве по-монгольски,

Не дали слово разве мы друг другу,

Что без задержки придем в условленное место,

Какой бы ливень ни обрушился на нас,

Что на хурал^[54] сойдемся без заминки,

Какой бы дождь ни хлынул вдруг с небес?!

И разве не уговорились мы однажды:

Изгоним тех из нас, кто, давши слово

В срок явиться, опоздает?!»

И ответил ему на это Торил-хан: «В пути мы задержались на три дня и в срок условленный явиться не сумели, и потому, брат младший Жамуха^[55], ты волен нас судить за это!»

На этом и покончили они речи обоюдные о том, что не явились в срок в условленное место с мужами своими Тэмужин, Торил-хан и брат его Жаха гамбу.

И выступили они все вместе из Ботохан боржи и достигли реки Хилго. И переправились они через реку на плотах, кои повязали тут же. И пришли они в пределы мэргэдские и обрушились на людей Тогтога бэхи, что сидели в местности Буур хэр.

И порушили их кумиров,

Похватили жен и детей мэргэдских.

И обложили со всех сторон народ мэргэдский,

И попрали ногами святыни их,

И опустошили кров их.

Самого Тогтога бэхи едва не застали врасплох и спящим не захватили. На его счастье, подданные его – рыбаки и охотники на соболей и дзейренов, что сидели на берегу реки Хилго, известили его в ту же ночь о приближении врага. Получив такое известие, Тогтога бэхи вместе с Дайр усунюм и немногочисленными нукерами своими бежал вниз по реке Селенге в пределы баргузинские. И преследовали мужи наши бежавших той ночью вниз по реке Селенге мэргэдов и разор им чинили великий.

А Тэмужин скакал тут же, разыскивая среди бегущих мэргэдов супругу свою. «Бортэ, Бортэ!» – кричал он, зовя ее. И узнала голос Тэмужина супруга его Бортэ ужин; вместе со старухой Хоогчин соскочили они с возка, и бросились к нему, и ухватились за поводья коня его. И признал он при свете светила ночного супругу свою Бортэ ужин, и заключил ее в объятия свои. И тотчас отослал он человека к Торил-хану и Жамухе со словами: «Я отыскал того, кого искал. Давайте же погоню прекратим и этой ночью здесь переночуем».

И беженцы мэргэдские заночевали той ночью там, где их застигла темень. Вот и весь сказ о том, как Бортэ ужин была вызволена из плена мэргэдского и вновь соединилась с Тэмужином.

А помнится, началось все с того, что в то злополучное утро Тогтога бэхи из племени Удуйд Мэргэд, Дайр усун из племени Увас Мэргэд и Хатай дармала из племени Хад Мэргэд с тремястами ратниками своими ополчились на Тэмужина и родичей его, возжаждав отомстить за отнятую Есухэй-батором у младшего брата Тогтога бэхи – Их чилэду – невесту Огэлун. Преследуя Тэмужина, вороги мэргэдские трижды обошли Бурхан халдун, но так его и не настигли. Зато они схватили Бортэ ужин и отдали ее в наложницы младшему брату Их чилэду – Чилэгэр буху. Так и жила она в юрте Чилэгэр буха до своего вызволения.

Во страхе спасаясь бегством, воскликнул тогда Чилэгэр бух покаянно:

«Положено черной вороне

Объедки клевать да падаль,

Так нет же: она предерзко

На белого гуся напала...

И я вот, Чилэгэр жалкий,

Забывший, кем был я раньше,

Посмел дотронуться, дурень,

До высокородной ханши.

Большую беду я накликал

На все мэргэдское племя,

Средь ночи бежать я должен,

Не скроет меня и темень.

В скалистых спрячусь ущельях —

Трястись мне теперь да скрываться,

Чтоб с глупой своей головою

По-глупому не расстаться.

Положено птице-степнячке

Мышей поедать полевов,

Так нет же: ее привлекает

Краса лебединых головок.

И я вот, Чилэгэр грязный,

Я, дурень, увы, природный,

Пытался, невежа, подняться

До ханши высокородной.

Ничтожным своим дерзновеньем

Мэргэдам принес разоренье.

Какое ж дерьмо я, однако,

И жизнь моя тоже ничтожна...

Нет, некуда ныне податься,

Спасть мне никак невозможно.

В какой бы укрыться мне щели,

В какое забиться ущелье?»

И схвачен был тогда же Хатай дармала,

И надели на него шейную колодку

И понудили идти на гору Бурхан халдун.

Прослышал Бэлгудэй, что мать его неподалеку в мэргэдском айле в услужении томится. И пришел он в этот айл и прошел в юрту на правую ее половину. Тем временем мать его в ветхом овчинном дэле поспешила выйти незамеченной с восточной половины. И горестно молвила она стоявшим снаружи людям:

«Любимые дети-то

Ханами нынче зовутся,

Моя же доля —

До смерти служанкою гнуться...

Взглянуть мне не больно приятно

В лицо сыновьям моим знатым».

И с этими словами побрела она в рощу, и сколько ни искали ее, так и не смогли найти.

И с этого самого времени Бэлгудэй ноён пребывал во гневе: только завидит человека из племени Мэргэд, тотчас погубит его стрелою меткой и притом приговаривает: «Несчастный, вороти мне мать!»

Триста ратников мэргэдских,

Что пошли на Тэмужина

У горы Бурхан халдун,

Повоеваны, побиты,

В прах развеяны роды их —

Все, кто стар, и все, кто юн.

Тех, кто жив тогда остался,

Обратили в слуг покорных —

И детей, и женщин — всех.

Самых статных, самых стройных,

Молодых мэргэдок знойных

Разобрали для утех.

И молвил тогда Тэмужин благодарственное слово Торил-хану и Жамухе:

«Отец любезный Торил-хан

И Жамуха, мой верный побратим,

Вы мощь свою соединили;

С благословения Небесного Владыки,

Под покровительством Матери-Земли

Мэргэдов-недругов разбили;

Их племя разорив, поправ,

Богатую добычу взяв,

Жилища их опустошили».

Так, повоевав люд мэргэдский, учинив ему разор, возвратились они восвояси.

После бегства удуйд мэргидов наши ратники подобрали в их кочевье отставшего от своих пятилетнего отрока по имени Хучу. Был он в шапке собольей, в гутулах^[56] из оленьей шкуры и дэле, пошитом из соболиных шкур. У отрока в глазах сверкал огонь, и ликом был он светел. И взяли ратники отрока этого с собой и отдали его на воспитание матушке Огэлун.

Так Тэмужин, Торил-хан и Жамуха, втроем соединясь,

Порушили мэргэдские жилища,

Пополонили их красивых женщин,

Повоевали старого врага;

Покинули потом места лесные,

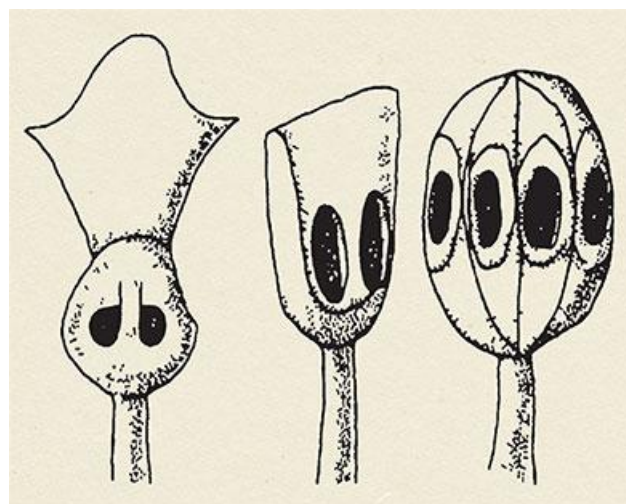
Где сходятся Орхон и Селенга.

Тэмужин и Жамуха отошли от Талхун арала и двинулись в направлении Хорхонаг жубура. Торил-хан же пошел по северному склону Бурхан халдуна, прошел через Ухуртскую рощу, через урочища Гацурт субчид и Улиастай субчид, охотясь по пути на зверя, и воротился так в Черную рощу, что на реке Тола.

Сказ о том, как Тэмужин и Жамуха дважды скрепили свое побратимство

Тэмужин и Жамуха пришли и сели вместе в Хорхонагской долине. И вспомнили они, как андами-побратимами стали, и уговорились впредь крепить дружество меж собою. А подружились они давно – тогда Тэмужину было одиннадцать лет. Подарил тогда Жамуха Тэмужину альчик, сделанный из лодыжки косули, а Тэмужин ему – литой альчик. И играли они вдвоем в кости на льду реки Онон и стали называть друг друга андами-побратимами.

А на следующий год весной забавлялись они стрельбой из лука-алангира^[57]. И подарил тогда Жамуха Тэмужину свистящую в полете стрелу, склеенную из рогов годовалого тельца с проданными в них отверстиями, а Тэмужин отдал ему стрелу с наконечником, вырезанным из можжевельника. Вот и весь сказ о том, как Тэмужин и Жамуха дважды скрепили побратимство свое.

Свистящие наконечники стрел

И вспомнили они слова прародителей своих:

«Коли люди сошлись,

Коль они – побратимы,

Друг о друге заботы

Им необходимы.

Коли служат друг другу

Опорой надежной,

То и дружбу их

Люди зовут непреложной».

И поклялись они снова в дружбе вечной, и жаловали побратимы дары друг другу. Тэмужин опоясал Жамуху златым поясом из доспехов Тогтога бэхи мэргэдского и даровал еще анде буланого жеребца ворога их Тогтога. А Жамуха опоясал Тэмужина златым поясом из доспехов Увас мэргэдского Дайр усуна и еще пожаловал анде любимого белого рысака ворога их Дайр усуна. И когда поклялись они вновь в дружестве своем,

У подножья горы Хулгар хун

В Хорхонаг жубурской долине

Под раскидистым деревом праздник

Устроили побратимы.

Были пляски, веселое пенье...

Души их обрели единенье.

И еще они больше сдружились,

В ночь – одним одеялом укрылись.

И прожили Тэмужин и Жамуха бок о бок в дружбе и согласии год и половину другого, и сговорились они однажды удалиться от тех мест. И тронулись они в путь в шестнадцатый день первого летнего месяца – в день полнолуния. И ехали они вдвоем впереди всего обоза, и сказал тогда Жамуха Тэмужину:

«Пусть наши табунщики

Осядут в предгорье,

Пасут табуны.

Согласен ли ты?

А пастухи

Станут стойбищем в долине реки,

Пасут на приволье овец.

Что скажешь в ответ?»

Но не уразумел Тэмужин слов Жамухи и не ответил анде ничего. И поотстал Тэмужин от Жамухи и, дождавшись середины обоза, приступил к матушке Огэлун и молвил:

«Анда Жамуха мне сказал:

«Пусть наши табунщики

Осядут в предгорье,

Пасут табуны.

Согласен ли ты?

А пастухи

Станут стойбищем в долине реки,

Пасут на приволье овец.

Что скажешь в ответ?»

Не уразумел я этих слов и не ответил анде ничего. К тебе пришел вот за советом».

Не успела матушка Огэлун и слово молвить, как Бортэ ужин воскликнула: «Об анде Жамухе говаривали люди: все очень скоро приедается ему. Теперь, видать, пришел и наш черед: мы опостытели ему, пожалуй. И давеча он намекал тебе об этом, не иначе. Раз так, не будем останавливаться здесь, ночь проведем в пути, от анды Жамухи подальше откочем».

И согласились все с ее словами и, не оставшись с Жамухой, ночь провели в пути. А путь их шел через тайчудские кочевья. И убоялись недруги-тайчуды Тэмужина и в ту же ночь откочевали к Жамухе. Наши ратники подобрали в кочевье близкого тайчудам племени Бэсуд отставшего от своих малого отрока по имени Хухучу и отдали его на воспитание матушке Огэлун.

Рассказ о возведении Тэмужина на ханский престол

Всю ночь провели они в пути, а утром, когда рассвело, узрели многих пришедших к ним людей других племен. Следуя за Тэмужином всю ночь, пришли три брата из племени Жалайр – Хачигун тохурун, Харахай тохурун и Харалдай тохурун с подданными своими. Из племени таргуд пришел Хадан далдурхан с пятью братьями и всеми их людьми. Сын Мунгэту хиана Унгур привел с собой своих подданных – людей из родов Чаншигуд и Баягуд. Пришли братья Хубилай^[58] и Хутус из племени Барулас. Пришли братья Жэтэй и Доголху чэрби^[59] из племени Мангуд. Выделяясь из племени Арулад, пришел и присоединился к Борчу его сородич – Угэлэ чэрби. Выделяясь из племени Урианхай, пришли и воссоединились с Зэлмэ его младшие братья – Чахурхан и Субэгэдэй-батор^[60]. Из племени Бэсуд пришли братья Дэгэй и Хучугэр. Из племени Сулдус пришли братья Чилгудэй, Тахи и Тайчудай. Сэцэ домог из племени Жалайр пришел вместе со своими сыновьями Архай хасаром и Бала. Из племени Хонхотан пришел Суйхэту чэрби. Из сухэхэнцев пришли Жэгэй и сын Хонтахора – Сухэхэй жэгун. И пришли еще Цаган-Ува из племени Нэгудэй, Хингиядай из племени Олхунуд, Сэчигур из племени Горлос, Мучи-будун из племени Дурбэн. Из ихирэсов пришел Буту, который намеревался здесь стать зятем. И пришли еще Жунсо из племени Ноёхон, Зурган из племени Оронар, Суху сэцэн с сыном Харачаром из племени Барулас. И пришел старик Хорчи усун из племени Барин, и привел он за собой Хухучоса и Мэнэн Барина; их люди составили один курень.

И, приступив к Тэмужину, Хорчи молвил: «От женщины одной мы с Жамухой родословную ведем; той самой женщины, которая беременной святому Бодончару повстречалась и в дом его была женою введена.

Из чрева одного мы вышли,

И родственные чувства крепко связывали нас.

А коли так, никак нельзя мне было от Жамухи уйти и отделиться. Но я имел одно видение: как будто красная корова к нам прибилась, и ходит та корова кругом Жамухи; его бодает, юрту на телеге норовит снести; да ненароком рог себе сломала.

«Отдай мой рог!» – мычала однорогая корова, и в Жамуху из-под ее копыт земля летела. Вдруг вижу: впряжен комолый рыжеватый вол в телегу с главной юртою на ней; тот вол дорогой проторенной идет за Тэмужином вслед, мычит; и вот что я в мычанье том услышал:

«Всевышний Тэнгри и Мать-Земля навечно порешили:

Быть Тэмужину владыкою державы Всех Монголов».

Такое я имел видение, и истинно сейчас вам это говорю. Скажи мне, Тэмужин, коль станешь ты владыкою державы, меня чем осчастливишь ты за это предвещание мое?»

И сказал Тэмужин ему в ответ: «Коль я и впрямь владыкою державы стану, тебя ноёном-темником ^[61] поставлю!»

Но Хорчи возражал Тэмужину: «Да разве этим осчастливишь ты меня, предвестника твоих великих государевых деяний?! Поставь ноёном-темником меня, а сверх того дай волю выбрать тридцать дев прекрасных и всех их взять в наложницы себе. И, наконец, пообещай мне слушать со вниманьем все, что ни изреку я впредь!» Так старец Хорчи Тэмужину молвил.

И еще пришли к Тэмужину Хунан и прочие люди из племени Гэнигэс и куренем единым сели. Пришел Даридай отчигин ^[62]; он и люди его одним куренем сели. Пришел Мулхалху из племени Жадаран. Унжин из племени сахайт пришел и стал куренем одним.

Удалившись от Жамухи, Тэмужин пошел и сел в местности Айл харгана, что на речушке Химурга горхи. В ту пору за ним последовали многие, кои отделились от Жамухи: одним куренем – Сача бэхи и Тайчу, сыновья Сорхату журхи из племени Журхи ^[63]; одним куренем – Хучар бэхи, сын Нэхун тайши ^[64]; одним куренем – Алтан отчигин, сын Хутула-хана ^[65].

И откочевали тогда Тэмужин и люди, следовавшие за ним, от Айл харгана, пошли и сели в местности Хар зурхний Хух нур, что на речушке Сэнгур горхи.

Алтан, Хучар и Сача бэхи, сговорившись, приступили к Тэмужину и молвили:

«На ханский престол возведем мы тебя и,

Как с врагами пойдем воевать,

Будем мы впереди скакать,

Юных дев и красивых жен

Станем мы забирать в полон.

Ставки вражеские захватим,

Все имущество заберем,

Пред тобой,

Тэмужин, разложим.

Хан, тебе его поднесем.

Войною

Мы пойдем на чужаков

И полоним их жен. А рысаков

К тебе в табун пригоним —

Отличные у иноземцев кони!

Мы будем быстрых антилоп стеречь,

Хан Тэмужин державный,

Чтобы тебя на славу поразвлечь

Охотою облавной.

Ко времени твоей охоты ханской

На антилоп лесных

Их выследим мы и как можно ближе

К тебе подгоним их.

Степных джейранов

В стадо соберем,

Чтобы держались

Тесным табуном.

Так утесним их,

Чтоб они, бедняжки,

Толкались, терлись

Ляжками об ляжки.

А если кто

В час жаркого сраженья

Не выполнит

Твое распоряжение,

Примерным

Наказаньем проучи:

С имуществом,

С женою разлучи.

Карающий

Пусть будет волен меч

И голову повинную

Отсечь.

В дни мира

Если кто-нибудь из нас

Не выполнит

Разумный твой указ,

Да будет он

Всех подданных лишен —

Аратов-смердов,

И детей, и жен;

Ослушника

В пустыню прогони —

Пусть там влачит

Безрадостные дни».

И, молвив клятвенные эти речи, нарекли они Тэмужина Чингисханом и поставили ханом над собой^[66].

Взойдя на ханский престол, Чингисхан повелел младшему сородичу Борчу – Угэлэ чэрби, а также Хачигун тохуруну и братьям Жэгэю и Доголху чэрби носить колчаны его^[67]. А так как Унгур, Суйхэту чэрби и Хадан далдурхан молвили, что «С едою по утрам – не запоздают, с дневной едою – нет, не оплошают», – поставлены они были кравчими.

Дэгэй же сказал:

«Отары твоих разномастных овец

Я стану пасти лишь по северным склонам.

Так будет ухожен, умножен твой скот,

Что шириться станут хашаны-загоны!

Я каждое утро – не зря говорю! —

Барашка нарежу тебе и сварю.

За это уж ты, Тэмужин, не жалей

Рубца для утробы моей ненасытной,

Да разве прибавишь от ханских щедрот

Когда-никогда хошного ^[68] аппетитный».

И потому поставлен был он пасти стадо Чингисхана. И сказал младший брат Дэгэя Хучугэр:

«Постараюсь, чтоб в спешке

Менять никогда не пришлось

Ни тяжей и ни чек,

Что крепляют оглобли и ось

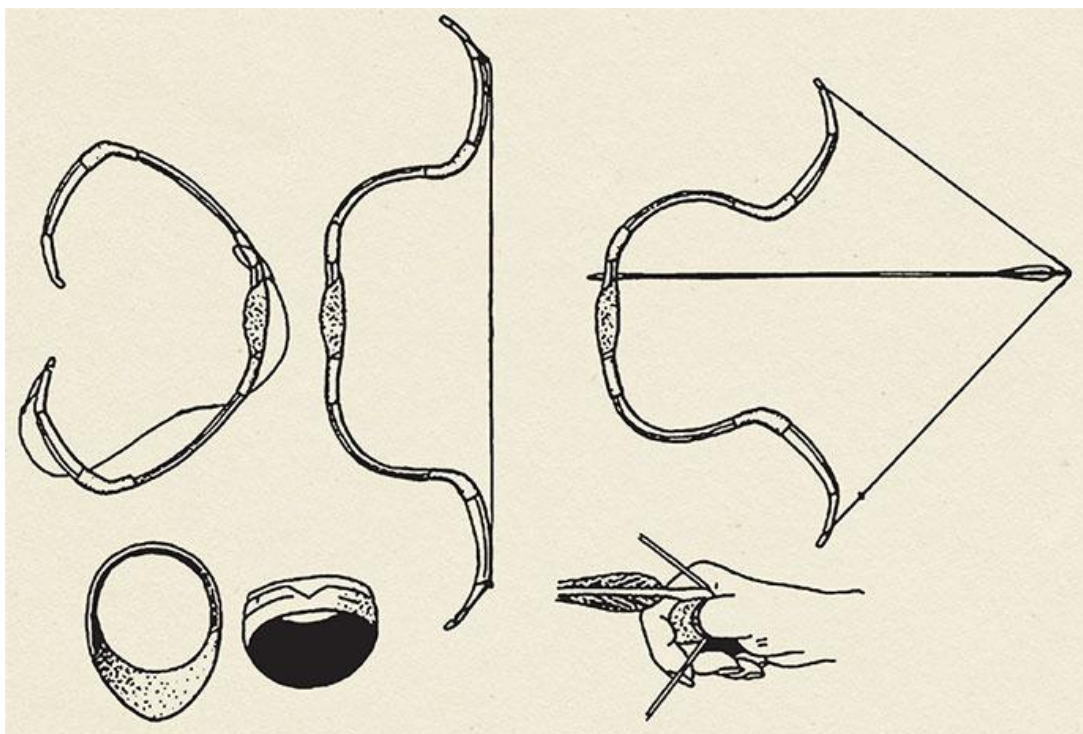
На повозке твоей.

Обещаю, что целыми будут постромки,

У телеги твоей.

Буду мастером я тележным,

Исполнительным и прилежным».

Монгольский лук и кольцо для защиты большого пальца при стрельбе

И был поставлен он тележником при ставке Чингисхана.

Все домочадцы – жены, дети, а также ханская прислуга – Додаю чэрби подчинялись.

И, назначив Хубилая, Чилгудэя и Харахай тохуруна меченосцами под водительством Хасара^[69], Чингисхан молвил:

«Тому, кто на нас нападать посмеет,

Живо снимайте головы с шеи.

А этот надменен и чем-то кичится? —

Руби не по шее – руби по ключице!»

Бэлгудэю и Харалдай тохуруну велено было:

«Табунщиками стать,

Пасти отобранных для войска

Меринов табун».

Тайчудов – Хуту, Моричи и Мулхалху – назначил Чингисхан конюшими при прочих табунах.

Чингисхан повелел Архай хасару, Тахаю, Сухэхэю, Чахурхану:

«Знать все, что деется в родных пределах,

Гонцами быть в сношеньях запредельных».

И приступил к Чингисхану Субэгэдэй-батор и клятвенно пообещал:

«Как полевая мышь, заботлив,

Все сохраняю, чем ты владеешь;

Как ворон, от чужого глаза

Твою добычу сберегу.

Я войлочной попоной стану,

Твоим щитом, твоей накидкой,

Решеткой в юрте стану частой,

Что преграждает вход врагу».

И сказал Чингисхан, обратясь к нукерам Борчу и Зэлмэ:

«Кроме собственной тени моей,

Не было у меня друзей —

Вы стали моими друзьями.

Кроме кобылы моей хвоста,

Не было у меня хлыста —

Вы стали моими хлыстами.

Печаль мою вы развеяли,

Душу мою успокоили —

Доверье царит между нами.

Вы стали первыми нукерами моими,

И да поставлены вы будете над всеми!»

И всем, кто отделился от Жамухи и последовал за ним, Чингисхан сказал: «Милостью Всевышнего Тэнгри, под покровительством Матери-Земли живущие, благословенны будете вы, первые мои нукеры. Вы отошли от анды Жамухи; желая дружество крепить, душою искреннею вы ко мне стремились. Вы более других должны быть у меня в почете».

И потому-то каждому из них определил он ханской властью службу.

И послали Тахая и Сухэхэя к Торил-хану хэрэйдскому с вестью о том, что возвели Чингисхана на ханский престол.

В ответ заповедал им Торил-хан, говоря: «Зело справедливо, что Тэмужина, сына моего, над всеми ханом вы поставили теперь. Как можно вам, монголам, жить без хана!

От правил этих впредь не отступайте,

Решениям своим не изменяйте.

Главой поставленному хану

Верность сохраняйте!»

Так заповедал хан всех хэрэйдов Торил-хан.

Рассказ о ратоборстве Чингисхана с Жамухой

С той же вестью послали Архай хасара и Чахурхана гонцами к Жамухе. И молвил им в ответ Жамуха:

«Ступайте вы к Алтану и Хучару и им скажите так:

Почто вы, вклинясь между нами,

Под ребра больно укололи одного,

Другому в бок шипы свои вонзили

И разлучили-таки нас с андою Тэмужином?

Не возвели вы в ханы Тэмужина, когда мы были с андой неразлучны. Что ж умышляли, возведя теперь? Так будьте ж верны клятвенным речам, что вы, Алтан и Хучар, молвили однажды. Оберегайте Тэмужина от забот и бед и станьте добрыми нукерами ему!»

Спустя немного младший брат Жамухи Тайчар, сидевший в местности, именуемой Ульгий булаг, что на южном склоне горы Жалама, вознамерился угнать табун у нашего Жочи дармалы, сидевшего в местности Саарь хээр. И учинил Тайчар таковой разбой и погнал табун Жочи дармалы.

И, уразумев, что ограблен, один отправился Жочи дармала в погоню за разбойником, ибо нукеры его убоялись недругов жадаранских. И нагнал он в ночи свой табун и, припав всем телом к гриве коня своего, насел он на Тайчара и сразил его наповал стрелой меткой, а табун свой поворотил назад.

По прошествии немногих дней Мулхэ тотга и Боролдай из племени ихирэс прибыли к Чингисхану в урочище Хурэлху и донесли^[70]: «Твой анда, Жамуха, отмщения за брата убиенного, Тайчара, жажда, собрал три тумэна мужей тринадцати тебе враждебных кланов и во главе их встал; и на тебя, Чингисхан, ополчась^[71], чрез горы Алагугуд и Турхагуд перевалил он и скоро явится в твои пределы».

Получив известие сие, собрал Тэмужин из тринадцати куреней своих три тумэна воинов и выступил навстречу Жамухе^[72]. И сразились они в местности, именуемой Далан балжуд^[73]. Теснимые мужами Жамухи, Чингисхан и ратники его отступили в ущелье Жэрэнэ, что находится близ реки Онон.

И молвил Жамуха, победой возгордясь: «Мы все-таки загнали их в Жэрэнское ущелье». И тогда по велению его заживо были сварены^[74] в семидесяти котлах юноши из племени Чинос и был казнен Цаган-Ува из племени Нэгүдэй, голову которого, привязав к конскому хвосту, Жамуха волок аж до пределов жадаранских.

Сказ о происшествии на пиру в Ононской дубраве

По возвращении Жамухи из похода от него отделились и пришли к Чингисхану, ища у владыки покровительства, Уругуды под водительством Журчидэя и Мангуды во главе с Хуйлдаром. Отец Мунлиг^[75] из племени Хонхотадай, доселе следовавший за Жамухой, вместе с семью сыновьями своими отделился от него и пристал к Чингисхану.

Возрадовавшись радостью великою оттого, что столько народа удалилось от Жамухи и пришло под его покровительство, Чингисхан вместе с матерью своей Огэлун ужин, братом Хасаром, журхинцами Сача бэхи и Тайчу и всеми прочими сошлись в дубраве на берегу Онона и пировали.

И наполнил виночерпий Шихигур в первую голову чаши Чингисхана, Огэлун ужин, Хасара и Сача бэхи. Засим наполнил чашу молодой жены Сача бэхи – Эбэхэй. Вознегодовали тогда старшие жены его – Хорижин хатан и Хурчин хатан: «Почто не с нас ты начинаешь, виночерпий, почто наполнил первой чашу Эбэхэй?»

И, приговаривая так, били они Шихигура беспощадно. И заголосил побитый Шихигур: «Не оттого ли я при всех сношу побои, что опочил Есүхэй-батор и нету уж Нэхун тайши?!»

С нашей стороны распорядителем на пиру том был Бэлгүдэй, и стоял он при коне Чингисхана. От журхинцев распорядителем на пиру был Буи бух.

Какой-то хатагидаец выкрал с коновязи повод, но тут же нашими был схвачен. Буи бух вступился за хатагидайца, и препирались они из-за того с Бэлгүдэем. Бэлгүдэй, вечно с кем-нибудь мерившийся силой в борьбе, обычно ходил, вытащив правую руку из рукава дэла и обнажив плечо. Буи бух изловчился и рассек мечом обнаженное плечо Бэлгүдэя. Пораненный и истекающий кровью Бэлгүдэй как ни в чем не бывало хотел было уйти прочь, но узрел все это Чингисхан, пировавший в тени дерев. И, приступив к Бэлгүдэю, молвил Чингисхан: «Мне укажи того мерзавца, который руку на тебя поднял!»

И ответил ему на это Бэлгүдэй: «Ты успокойся, брат! Не стоит ссориться нам, братьям, из-за малости такой. И рана эта мои силы не подточит. Молю лишь, братья, меж собой из-за меня не перессорьтесь. Да не порушьте скрепленное меж нами дружество вы вновь!»

Но не внял словам Бэлгүдэя Чингисхан, и похватали наши и журхинцы дубины да кумысные мутовки^[76] и поколотили друг друга изрядно. И все же одолели наши журхинцев и полонили ханш их вздорных – Хорижин хатан и Хурчин хатан. А когда журхинцы запросили мира и во дружестве поклялись, наши не упирались и воротили им двух ханш – Хорижин хатан и Хурчин хатан.

История отмщения врагам-татарам^[77]

Тем временем Алтан-хан хятанский на татарского Мэгужин сульта ополчился, ибо тот не желал жить в мире и согласии с ним. И передал Алтан-хан рать свою под водительство Вангин чинсана и приказал немедля выступать против татар. И получил Чингисхан известие о том, что Вангин чинсан сразился с татарами Мэгужин сульта и обратил их в бегство и что, преследуемые ратью Вангин чинсана, бегут татары, уводя с собой свои стада в направлении местности Улз.

И молвил Чингисхан, сие узнав:

«Воистину глаголю, несть числа

Принявшим смерть от врагов татарских

Предкам нашим.

И потому в их убийнии

Мы соучаствовать должны».

И отослал Чингисхан гонца к Торил-хану со словами: «Мне донесли: Вангин чинсан, командующий ратью Алтан-хана, тесня татар Мэгужин сульта, понудил к бегству их по направленью Улза. Так истребим же врагов-татар, от коих наши предки принимали смерть. Тотчас приди ко мне, отец мой!»

Получив известие, Торил-хан ответил Чингисхану так: «Глаголет истину сын мой. И мы в сражение вступим непременно!»

И на третий день, собрав рать свою, Торил-хан выступил и пришел к Чингисхану. И послали они гонца к журхинцам, дабы передал он Сача бэхи и Тайчу журхинским такие слова:

«Давайте выступим

Единой ратью на татар,

Что предков наших

Некогда губили!»

С известьем этим отослав гонца, Чингисхан и Торил-хан прождали журхинцев шесть дней. Поняли они, что ожидание тщетно, и выступили на соединение с ратью Вангин чинсана в направлении Улза.

К их подходу татары Мэгужин сульта укрепились в урочищах Хусту шутэн и Нарату шутэн. Чингисхан и Торил-хан осадили укрепление татарское и, ворвавшись в него, полонили самого Мэгужин сульта и убили врага татарского ненавистного. И взял Чингисхан добычу богатую, среди которой были зыбка серебряная и одеяло, расшитое перламутрами.

И возвестили Чингисхан и Торил-хан, что убили Мэгужин сульта татарского, и, услышав это, возрадовался радостью великой Вангин чинсан, и пожаловал он Чингисхану титул жаут хури^[78], а Торил-хану хэрэйдскому – титул вана^[79]. И поэтому именовался с тех пор Торил-хан Ван-ханом.

И молвил Вангин чинсан, возрадовавшись: «Татарского Мэгужин сульта погубив, вы Алтан-хану великую услугу оказали. О том я тотчас извещу владыку. Тем паче в воле Алтан-хана пожаловать Чингису титул жау тау»^[80].

И, возрадовавшись, вернулся Вангин чинсан восвояси. И поделили Чингисхан и Ван-хан меж собой татар, коих похватили на побоище, и воротились в пределы свои.

И подобрали мужи наши в урочище Нарату шутэн брошенного своими отрока татарского в подбитой соболем шелковой безрукавке с нашитыми на ней золотыми колечками. Чингисхан привез отрока того и преподнес в дар матери своей, Огэлун. И молвила матушка Огэлун, дар сына принимая: «Сей отрок – знатного происхождения, родителями благородной крови порожден. Пусть будет он шестым после пяти сынов моих!» И нарекла матушка Огэлун имя ему Шигихэн хутугу (Шихихутуг) и воспитывала его как сына родного.

Рассказ о том, как Чингисхан наказал подлых журхинцев

В ту пору агуруг-ставка Чингисхана находилась в местности Харгалту нур. В отсутствие Чингисхана подлые журхинцы напали на остававшихся в его ставке людей: десятерых убили, а десятков пять до нитки обобрали.

И вознегодовал Чингисхан, когда донесли ему о разоре, учиненном журхинцами нашим, и молвил он: «Что возомнили вдруг журхинцы о себе, разор бесчестный этот учиняя нам?! И прежде на пиру в дубраве на Ононе побили они кравчего Шихигура и брату Бэлгудэю рассекли плечо. Когда же, во дружестве клянясь, журхинцы повинились, не мы ли воротили им обеих ханш?! И после, изведивши их, что будем выступать единой ратью против злодеев этих, ворогов-татар, что предков наших некогда губили, мы тщетно ждали их прихода. А нынче вовсе оборотились в недругов они».

И выступил Чингисхан повоевать журхинцев, и побили их мужи наши в местности Долон болдог, что на Керулене. И бежали прочь Сача бэхи и Тайчу с немногочисленною свитою своею, но были схвачены они в пади Тэлэгту преследовавшими их мужами нашими. И обратился Чингисхан к плененным Сача бэхи и Тайчу: «Вы помните о нашем уговоре, о том, как каялись и в дружестве клялись вы во дубраве на Ононе?»

И молвили в ответ Сача бэхи и Тайчу: «Коль не сдержали слова мы, ты с нами волен поступать, как знаешь».

И напомнил им тогда Чингисхан прежние клятвы журхинские, и уличил во лжи подлой, и покарал карой смертной.

Покончив с Сача бэхи и Тайчу, пригнал Чингисхан плененных журхинцев в удел свой. И оказались среди журхинского люда сыновья Тэлэгту баяна из племени Жалайр – Гун-Ува, Чулун хайч и Жэбгэ. И привел Гун-Ува сыновей своих Мухали^[81] и Буха к Чингисхану и молвил:

«Пусть будут рабами они

На пороге твоём.

А если сбежать захотят,

За коленками им

Ты жилы подрежь.

Пусть будут при ставке твоей

Неотлучно они.

А если сбегут со двора,

Ты живот им вспори

И печень достань».

И представил Чулун хайч Чингисхану сыновей своих Тунгэ и Хаши со словами:

«Твой порог драгоценный

Пусть они неотлучно хранят.

А если куда-то с него

Отлучатся они —

Их жизни лиши.

У высоких дверей

Пусть они поднимают кошму.

А если от этих дверей

Они прочь отойдут,

Ты им брюхо вспори».

И отдал Чингисхан Жэбгэ в услужение брату Хасару. Повстречавшись с матушкой Огэлун, Жэбгэ преподнес ей в дар отрока по имени Борохул, выбранного им в Журхинских кочевьях.

И воспитывала матушка Огэлун с тех пор в юрте своей четырех отроков — Хучу, выбранного в землях мэргэдских, Хухучу, оставшего от родичей — бэсудов, татарского Шигихэн хутуга и Борохула из племени Журхин. И заповедала матушка Огэлун сыновьям своим родным:

«Воистину, то станут ваши вежды,

Окрест взирающие ясным днем,

И слух, всевнемлющий во тьме ночной!»

Журхинцы, коих полонил Чингисхан, род свой вели от Охин бархага, старшего из семи сыновей Хабул-хана. Охин бархаг родил Хутугту журхи. Отец Хутугту журхи, как старший из сыновей Хабул-хана, выбрал из своих подданных нукеров своему сыну:

Самых смышленных

И самых могучих,

Самых отважных

И лучников лучших,

Изрыгающих ярость из зева,

С уст, пылающих пламенем гнева.

И поскольку под водительством Хутугту журхи собрались мужи отважные и гордые сердцем, прозвали их за это журхинцами^[82].

И покорил Чингисхан тех горделивых журхинцев и сделал все их племя подданными своими.

И понудил тогда же Чингисхан бороться Бури буха и Бэлгудэя^[83]. Бури бух был в то время среди покоренных журхинцев. Он, достославный борец во всем улусе, мог запросто уложить наземь Бэлгудэя одним ударом ноги по голени. На этот раз неодолимый Бури бух пал поверженным перед Бэлгудэем. Захватив плечо Бури буха, Бэлгудэй всем телом навалился на него и бросил взгляд на Чингисхана. И закусил Чингисхан нижнюю губу, и Бэлгудэй уразумел знак Чингисхана. И обхватил он Бури

буха и, упершись коленями ему в спину, рывком переломил хребет. И на последнем издыхании молвил Бури бух: «Нет! Бэлгүдэю ни за что меня не побороть!»

Владыку убоявшись, Чингисхана,

Его задобрить возжелав,

Поверженным я перед Бэлгүдэем пал.

И вот за это жизнью поплатился».

Переломив хребет Бури буху, Бэлгүдэй уволок прочь его бездыханное тело.

Итак, старшим из семи сыновей Хабул-хана был Охин бархаг. После него следовал Бартан-батор. Его сыном был Есүхэй-батор. Третьим сыном Хабул-хана был Хутагт мунгур. Его сыном и был Бури бух. Бури бух в борьбе был сильнее сыновей Бартан-батора. И дружил он с храбрыми сыновьями Охин бархага. И умер достолавный в улусе борец Бури бух, позволив переломить себе хребет брату Чингисхана – Бэлгүдэю.

Рассказ о возведении Жамухи в гур-ханы и выступлении его воинства против Чингисхана

И сошлись через год – в год Курицы^[84] – в местности Алхой булаг хатагины под водительством Баху чороги, салжуды под водительством Чирхидай-батара, дурвуны под водительством Хачигун бэхи, алчи татары под водительством Жалин буха, ихирэсы под водительством Тугэ маха, хонгирады – Тэрхэг, Эмэл, Алхой, горлосцы под водительством Чонага и Цагана, найманы^[85] – Хучугуд и Буйруг-хан, сын Тогтога бэхи мэргэдского – Хуту, ойрадский Хутуга бэхи, а кроме того, Таргудай хирилтуг, Хотун орчан, Агучу-батор и другие тайчуды. И, сойдясь вместе в Алхой булаге, сговорились они возвести в ханы Жамуху, потомка Жажирадая. Тут же забили жеребца и кобылу и дали священную клятву. И откочевали они оттуда к реке Эргүнэ (река Аргунь) и в местности Агу нуга, что находится при впадении реки Гэн в Эргүнэ, свершили обряд возведения Жамухи в Гур-ханы^[86]. И, возведя Жамуху в Гур-ханы, уговорились они выступить ратью против Чингисхана и Ван-хана.

Когда Чингисхан сидел в Хурэлху, к нему явился и оповестил о сговоре том Хоридай из племени Горлос. И передал Чингисхан сие известие Ван-хану, и тот собрал рать свою и тотчас пришел к Чингисхану. По пришествии Ван-хана порешили они выступить против Жамухи. И двинулись они ратью общей вниз по Керулену. И послал Чингисхан в передовую разведку Алтана, Хучара и Даридаю, а Ван-хан послал Сэнгума, Жаха гамбу и Билгэ бэхи. А перед тем выставили они заставы дозорные в Энэгэн гуйлэту и далее в урочищах Цэхцэр и Чихурху. И достигли разведчики наши – Алтан, Хучар, Сэнгум и другие – урочища Утхияа и хотели было сойти с коней и здесь расположиться, как вдруг наехал на них гонец с дозорной заставы, что выставлена была в урочище Чихурху, и известил, что вороги идут. И, не сходя с коней, порешили они ехать навстречу вражеской разведке, дабы все толком разузнать.

И наехали они на вражеский разъезд и вопрошали: «Кто вы будете?»

А были это посланные Жамухой в разведку тайчудский Агучу-батор, найманский Буйруг-хан, сын мэргэдского Тогтога бэхи Хуту и ойрадский Хутуга бэхи. Передовые разведчики наши, перекликаясь с неприятельскими, уговорились сойтись в сражении завтра, потому как смеркалось уже. И воротились они в стан главных сил, где и заночевали.

А назавтра сошлись две рати в сражении в урочище Хойтэн. И бились они, попеременно тесня друг друга; Буйруг-хан и Хутуга владели волшебством обрушивать ненастье на врагов своих. И принялись они шаманить, вызывая ливень или ураган на головы ратников Чингисхана. Но разверзлись хляби небесные над ними самими. И скользили их ноги и вязли в непролазной грязи. «То гнев небесный пал на нас!» – возопили они, и разбежалось воинство Жамухи в разные стороны.

Рассказ о том, как Чингисхан разгромил тайчудов

Найманский Буйруг-хан отделился от Жамухи и двинулся на южный Алтай в направлении Улуг тага. Сын Тогтога мэргэдского Хуту направился к реке Селенге. Ойрадский Хутуга бэхи, желая осесть в лесах, пошел по направлению Шисгиса (Шишгида). Тайчудский Агучу-батор двинулся на Онон. Сам Жамуха, пограбив в ханы его возведший народ, поспешил обратно вниз по реке Эргүнэ.

Когда распалось воинство Жамухи, Ван-хан стал преследовать Жамуху. Чингисхан погнался вслед за Агучу-батором, двинувшимся в пределы тайчудские на реку Онон. Агучу-батор, придя в свой удел, понудил людей своих бежать за Онон, а сам вместе с Хотун орчаном собрал лучших мужей тайчудских, выстроил их в порядки боевые и ждал подхода Чингисхана, дабы

сразиться с ним. И подошла рать Чингисхана и ввязалась в сражение с тайчудами. И много крови пролилось в тот день. А с наступлением темноты уснули ратники мертвым сном на том месте, где сражались. И бежавший народ тайчудский, расположившись куренем, спал тут же на поле брани вместе с ратниками.

Чингисхан в сражении с тайчудами был ранен в шею. Хлеставшая из раны кровь никак не останавливалась, и Чингисхан страдал неимоверно, и силы покидали его. С наступлением темноты он расположился ставкой тут же, на поле брани.

Зэлмэ, обагрив губы, то и дело отсасывал закупоривавшую артерию кровь Чингисхана^[87]. И так, набирая полный рот крови, а потом сплевывая ее тут же рядом, он просидел около лежащего Чингисхана до глубокой ночи; и никого другого он не подпускал к владыке.

За полночь Чингисхан пришел в себя и молвил: «Кровь наконец-то запеклась. Теперь меня лишь жажда мучит».

И тогда Зэлмэ сбросил с себя одежду – дэл, гутулы, малахай^[88], и остался он в одном исподнем. И пробрался он во вражеский курень и стал шарить по телегам, окружавшим кольцом стан тайчудский, но так и не нашел нигде кумыса. Видно, бежавшие тайчуды выпустили кобылиц пасть недоевшими. Не найдя кумыса, он прихватил с одной телеги огромный бурдюк с простоквашей и, взвалив его на себя, поспешил восвояси.

Чингисхан в окружении нукеров. Миниатюра из «Сборника летописей» Рашид ад-Дина. XIV в.

Сам Небесный Владыка покровительствовал Зэлмэ: ни одна душа не прознала про то, как он проник в неприятельский стан и как оттуда вернулся. И принес Зэлмэ бурдюк с простоквашей, развел ее водой, которую тут же отыскал; и, разведя водой простоквашу, дал испить Чингисхану.

И испил Чингисхан, трижды переводя дух; и, приподнявшись, сел и молвил он: «Мой взор прояснился, и чувствую я облегчение».

Тем временем уже рассвело. И узрел Чингисхан, что вся земля вокруг того места, где они сидели, покрыта кровавой жижей. И вопрошал он Зэлмэ: «Что вижу я вокруг?! Зачем не удалялся ты, отплевывая кровь мою?»

И молвил Зэлмэ владыке в ответ: «Покуда пребывал ты в муках, я не решался удаляться от тебя. Не разбирал я второпях: отплевывалось – так отплевывал, глоталось – так глотал. И, право, вдоволь наглотался твоей крови».

И вопрошал Чингисхан снова нукера Зэлмэ: «Пока лежмя лежал я здесь, почто ты удалился оголенным? И попадись ты в руки врагам-тайчудам, не выдал бы меня?»

И молвил ему в ответ Зэлмэ: «Я думал: коль меня поймают оголенным, солгу, что к ним желал перебежать и что вдруг вскрылись замыслы мои и сродники убить меня решили – раздели перед казнью, оставили в одном исподнем, но, к счастью, удалось мне убежать. Поверив рассказам моим, тайчуды дали б мне одежду и непременно у себя призрели. Тогда бы, улучив момент, я смог от них бежать. С одной лишь мыслью спасти тебя от жажды в мгновение ока я решился сделать так».

И рек тогда Чингисхан: «Что мне сказать тебе, Зэлмэ, друг верный? Когда, обложенный мэргэдами со всех сторон, в горах Бурхан халдун скрывался я, ты выручил меня тогда впервые. А нынче, не щадя себя, отсасывал ты кровь мою; и вдругорядь тебе я животом обязан. Когда же изнемог от жажды я, рискуя жизнью, ты во вражий стан пробрался и мне питье животворящее принес. Навеки не забыть мне, друг Зэлмэ, твои заслуги!»

Когда же рассвело, узрели наши, что вражеская рать бежала с поля брани. Но расположившийся на ночлег вокруг ратников своих тайчудский люд не снялся с места, ибо не мог поспешно с ратниками откочевать.

И приказал Чингисхан полонить тот люд. И двинулись ратники наши и похватили бегущих тайчудов. И была среди них женщина в красном дэле, голосившая истошно: «Тэмужин! Тэмужин!»

И услышал Чингисхан стенанья ее, и отослал человека разузнать, почто голосит она так. И отвечала женщина посыльному Чингисхана: «Я – Сорхон шара дочь, зовусь Хадан. А кличу Тэмужина, чтобы спас он мужа, не то погубят ваши ратники его».

И вернулся посланный человек к Чингисхану, и передал слова той женщины. Подскакал тотчас Чингисхан к Хадан и сошел с коня; и обнялись они с Хадан. Но выяснилось тогда, что ратники наши уже убили мужа ее.

Похватав люд тайчудский, расположился там же Чингисхан на ночлег. И призвал он к себе Хадан, и призрел ее.

Назавтра явились к нему Сорхон шар и Зургадай, кои были под властью тайчудского Тудугэя. И сказал Чингисхан Сорхон шару:

«Почтенный Сорхон шар,

Мой сродник-благодетель,

Ты с шеи снял моей

Тяжелые колодки,

От кандалов мои

Освободил ты руки,

Но под крыло мое

Почто так поздно прибыл?»

И молвил Сорхон шар ему в ответ: «Я лишь в тебя все время верил, мой Чингисхан. Но посуди, как было мне спешить. Явись к тебе я прежде, сродники-тайчуды моих жену, детей, все достояние мое пустили б прахом по ветру, поди. Сегодня ж воссоединиться мы с тобою вправе!»

И выслушал Чингисхан слова Сорхон шара, и одобрил речи его.

И молвил еще Чингисхан: «Когда в урочище Хойтэн сошлись, тесня друг друга, наши рати, кто ранил в шейный позвонок коня, что подо мною был?»^[89]. И признался Зургадай владыке покаянно:

«То я, Чингисхан, выпустил стрелу.

Захочешь ты меня казнить, мой хан,

Не суждено мне, значит, жить, мой хан.

Ничтожный, я паду перед тобой

И, бездыханный, буду гнить, мой хан.

Но если жизнь даруешь мне, спасешь,

Ты преданность, защиту обретешь.

Куда пошлешь – бесстрашно я пойду

И на врагов всей силой нападу.

И так я буду бить твоих врагов,

Что реки выйдут, хан, из берегов.

Такая сила бы во мне росла,

Что за скалою б рушилась скала

И сыпались разбитые вконец

Обломки человеческих сердец.

Чингис, тебе я храбрость покажу

И преданность и силу докажу!»

И молвил Чингисхан: «Будь, Зургадай, ты истинным врагом, ты б лгал, сокрыть желая свою зловерность. Но нет, ты ничего не утаил, в содеянном признался честно. Вот муж, воистину достойный быть моим нукером. Поскольку наконечником стрелы ты ранил в шейный позвонок коня саврасого, что подо мною был в ту пору, мы наречем тебя Зэв отныне^[90], сим именем заменим прежнее прозвание твое. Так будь же наконечником стрелы, что неотлучно день и ночь при мне, что от врагов меня оберегает!»

Вот и весь сказ о том, как Зэв стал нукером Чингисхана.

И повоевал Чингисхан тайчуудов, и истребил он Агучу-батара, Хотун орчана, Хутудара и прочую тайчудскую родовую знать вместе со всей их родней. И понудил он люд тайчудский кочевать за собой. И пошел и сел Чингисхан в урочище Хубахая (Ухаа хаяа), где и провел всю зиму.

История пленения хана тайчуудов Таргудая хирилтуга

Тем временем старик Ширгэт из племени Нуцгэн барин вместе с двумя сыновьями, Алагом и Наяа, полонили тайчудского ноёна Таргудай хирилтуга, нашедшего прибежище в окрестных лесах. Был Таргудай хирилтуг чрезвычайно грузен и не держался в седле, и потому посадили они его на телегу и повезли к Чингисхану. По дороге их нагнали сыновья и младшие братья Таргудай хирилтуга, желавшие отбить его. При их появлении старик Ширгэт опрокинул неповоротливого Таргудая на спину, взгромоздился на лежащего хана тайчудского и, выхватив нож, молвил: «Желают сродники отбить тебя. И мне, как

посягнувшему на жизнь твою, живым уже не быть. И потому я смерть готов принять, главою возлежа на ханском теле бездыханном». И, сказав такие слова, старик Ширгэт приставил лезвие ножа к горлу Таргудая.

И возопил Таргудай хирилту, дабы слышали братья и дети его: «Ширгэт замыслил погубить меня. И коль умру, его ножом сраженный, на что тогда вам тело бездыханное мое?! Пока не поздно, возвращайтесь восвоюси и будьте за меня покойны. Мне Тэмужин не причинит вреда. Его, покинутого всеми сироту, призрел я; на лике – свет, в его очах огонь узрев, уверовал в его звезду, как необезженного жеребенка обучал. Мне ничего не стоило сгубить его тогда, я ж милостиво пестовал его. И верю, что теперь душой восчувствует, умом он уразумеет это. Нет! Мне Тэмужин не причинит вреда! Тотчас же возвращайтесь, сыновья мои и братья, восвоюси. Не то как бы Ширгэт не погубил меня!»

И, услышав это, сыновья и братья Таргудай хирилтуга молвили: «Сюда пришли мы, чтоб спасти отца и брата. Но если под ножом Ширгэта он падет, на что нам тело хана бездыханное?! Пока старик Ширгэт не погубил его, нам надобно скорее возвратиться». И, порешив так, тайчуды поворотили коней обратно.

Когда они скрылись из виду, сыновья Ширгэта, Алаг и Наяа, бежавшие прочь при первом появлении тайчуудов, возвратились к отцу. И продолжили они свой путь, везя к Чингисхану пленника тайчудского Таргудай хирилтуга. И добрались они до местности, именуемой Хутухул нуга, и молвил Наяа, сын Ширгэта: «Коль Таргудая привезем мы к Чингисхану, в нукеры не возьмет он нас, не верных господину своему холопов; казнить прикажет, ибо на господина мы посягнули своего. Давайте же отпустим хана Таргудая, а сами обратимся к хану: «О Чингисхан, пришли мы, чтоб в услужение тебе всю силу положить. В пути мы полонили Таргудая и господина своего к тебе везли. Но наконец одумались и устыдились: как можно выдавать едиnorodного владыку?! Усовестившись, мы отпустили хана восвоюси, а сами под твое водительство пришли».

Отец и брат одобрили слова Наяа; и отпустили они тут же Таргудай хирилтуга, а сами вскорости пришли к Чингисхану.

И спросил их Чингисхан, почто пришли они. И ответил старик Ширгэт Чингисхану: «Везли к тебе мы хана Таргудая, но, наконец, одумались и устыдились: как можно выдавать едиnorodного владыку?! Мы отпустили хана Таргудая восвоюси и вот пришли, чтоб в услужение тебе всю силу положить».

И молвил Чингисхан: «Вы, подданные хана Таргудая! Когда бы господина своего вы пленником доставить мне посмели, впредь моего доверья вы б лишились. Самых бы вас и семьи ваши также вполне уместно было б извести. Вот почему, когда я узнаю, что хану оказали вы почтенье и милосердную свою явили душу, такое одобряю я вполне». Сказав сии слова, Чингисхан призрел старика Ширгэта и сыновей его.

Спустя некоторое время, когда Чингисхан пребывал в местности, именуемой Дэрсут, пришел к нему хэрэйдский Жаха гамбу и поклялся во дружестве. В ту пору ополчились на Чингисхана мэргэды. Но Чингисхан и Жаха гамбу дали отпор недругам силами общими. И пришли тогда же под водительство владыки тумэн тубэгэнцы, и олон донхайдцы, и прочие роды хэрэйдские, оставившие свои пределы и разбредшиеся.

История междоусобия в стане хэрэйдов

Владыка хэрэйдов Ван-хан был некогда крепко дружен с Есухэй-батормом, отцом Чингисхана, и стали они побратимами. А история их побратимства такова.

Ван-хан погубил младших братьев отца своего – Хурчакхус Буйруг-хана, чем прогневал дядьку по отцу – Гур-хана. И ополчился на него Гур-хан и побил его в сражении. И укрылся Ван-хан в ущелье Харагун и, выбравшись оттуда едва живым с сотней мужей своих, пришел к Есухэй-батору. И призрел его хан Есухэй и стал самолично во главе рати своей и, пововав Гур-хана, понудил его бежать в страну Тангуудов, а подданных, имущество и скот его отдал Ван-хану. С тех самых пор андами-побратимами они стали.

Впоследствии младший брат Ван-хана – Эрхэ хар, страшась быть убитым старшим братом своим, перекинулся на сторону найманского Инанча-хана. И ополчился тогда Инанча-хан на Ван-хана, и понудил его бежать прочь. Скитаясь, прошествовал Ван-хан через три града, пока не достиг пределов Гур-хана хар хятанского. Но и с ним не поладил Ван-хан. И отошел он от Гур-хана и бродил по уйгурским и тангудским городам, в пути перебиваясь пищей скудною. Доя пять дойных коз и точка на еду кровь верблюда, насилу добрался Ван-хан до озера Гусэгур.

Чингисхан, памятуя о прежнем побратимстве Ван-хана с отцом своим, Есухэй-батормом, отослал к нему навстречу Тахай-батара и Сухэхэй жэгуна, а потом и сам встретил его у истоков Керулена. Сжалился Чингисхан над вконец отошавшим от голода Ван-ханом и обложил оброком аратов своих в его пользу и призрел в курене своем. Вместе откочевав, провели они зиму в урочище Хубахая.

Тем временем младшие братья Ван-хана поносили его словами гневными:

«У брата старшего Ван-хана

Страшны зловещие повадки:

Он близких родственников наших

Уничтожает без оглядки.

Видать, и наш черед наступит:

Убьет – по ветру прах разметет.

Как дальше жить?

Ведь этак род наш

Он оборвет иль изувечит.

К хар хятанам теперь подался —

Защитников он ищет там.

Без хана наш улус остался...

Как дальше жить?

Что делать нам?

Видать, запомнил он, как семи лет от роду в мэргэдский плен попал и как молол мэргэдское зерно с зари и до зари в Бур хэре, что на Селенге. И как отец наш, Хурчакхус Буйруг-хан, беднягу вызволил, повоевав мэргэдов. Забыл и как верблюдов пас у Ажай-хана, когда его в тринадцать лет татары вместе с матерью пленили, и как, бежав от Ажай-хана, явился ненадолго восвосяи. Не помнит он, и как потом, найманами гонимый, переметнулся к хар хятанскому Гур-хану, сидящему на Чуе в землях Сартаульских^[91], и как, покинув хана через год, скитался по уйгурским и тангудским градам, в пути перебивался скудной пищей – доил пять дойных коз и кровь верблюда на еду себе точил; и как едва живым явился к Тэмужину, который, в курене своем его призрев, аратов обложил оброком в его пользу. Все это позабыл Ван-хан, и подлы нынче замыслы его».

Алтан ашух донес Ван-хану о том, что сказывали про него мятежные братья. И похватили тогда ханские нукеры Хутура, Хулбари, Арин тайши и прочих. И лишь Жаха гамбу удалось бежать и добраться до найманов.

Ван-хан согнал схваченных братьев в одну юрту и, приступив к ним, молвил: «Вы что-то говорили меж собой о том, как я скитался по уйгурским и тангудским землям?! О, недостойные! Что вы еще себе позволили задумать?» И с этими словами наплевал он в лицо братьям своим, и, глядя на него, все бывшие в юрте хэрэиды стали плевать в недостойных.

Рассказ о том, как Чингисхан ополчился на люд татарский

Осенью года Собаки^[92] ополчился Чингисхан на люд татарский^[93] из четырех родов: Цаган татар, Алчи татар, Тутагуд татар, Алухай татар. Но прежде он изрек закон: «Покуда неприятеля тесним, никто не смеет у поживы мешкать! Повержен враг – и все его добро считается тогда добычей нашей, тут наступает время дележа.

Когда же нам случится отступать, всем следует вернуться к месту, откуда шли мы в бой. А кто его немедля не займет, тот предаст нас и будет умерщвлен!»

И сразился Чингисхан с татарами в местности Далан нумургэс, и понудил их спастись бегством. И гнали татар вплоть до урочища Улхой шилугэлжид, где их и полонили.

Когда умиряли знать татарскую из родов Цаган татар, Алчи татар, Тутагуд татар, Алухай татар и брали в полон народ татарский, Алтан, Хучар и Даридай преступили закон, что изрек Чингисхан, замешкались, позарившись на поживу.

«Ужель мужи мои не держат слова, закон, реченный мною, не блюдут?!» – вознегодовал Чингисхан. И отослал Чингисхан к ним Зэва и Хубилая^[94], и отобрали они у Алтана, Хучара и Даридая коней татарских и прочую поживу, что те успели захватить.

Одолев и полонив татар, Чингисхан призвал к себе ближайших сродников; и держали они совет, как быть с полоненными татарами. И порешили на сходе том Чингисхан и сродники его:

«Паршивые татары искони

Губили дедов наших и отцов.

Чтобы покончить с ними навсегда,

Мы уничтожим каждого из них,

Кто перерос тележную чеку,

А женщин их и маленьких детей

По семьям в услуженье разобрать,

И – пребывать рабами им навек».

Когда сродники расходились со схода, Их чэрэн приступил к Бэлгудэю и спросил его: «О чем уговорились сродники твои?» И молвил ему в ответ Бэлгудэй: «Всех вас, татар, кто выше чеки колеса, мы порешили истребить!»

Услышав эти слова Бэлгудэя, Их чэрэн бросил клич, и собрались мужи татарские заедино и встали стеной неприступной. И много полегло ратников наших, когда штурмовали ряды татарские. Насилу одолев их, Чингисхан приказал рубить им головы, примеряя к чеке колесной. Тут татары повыхватывали припрятанные в рукавах ножи, желая умереть, главою возлежа на вражьем теле. И снова много наших полегло. И порубили, наконец, головы татарам, всем, кто выше чеки колесной.

И изрек тогда Чингисхан закон: «Все то, о чем договорились мы на сходе, брат Бэлгудэй вмиг разгласил врагу. И вот какой нам нанесен урон! Отныне да не будет Бэлгудэй на сход допущен. Покуда держим мы совет, пусть он порядок наблюдает за дверьми, споры и тяжбы разбирает. И лишь когда, испив вина, закончим мы совет, ему и Даридаю войти к нам в ставку будет можно!»

Тогда же Чингисхан соизволил взять себе в жены Есухэн хатан – дочь татарского Их чэрэна. И молвила Есухэн хатан, обласканная Чингисханом: «Хан соизволил в жены взять меня – знать, позаботится он о моей судьбе. Но, право, более достойна будет хана сестра моя по имени Есуй. Сосватана она была недавно. Неведомо, однако, мне, куда она от разоренья скрылась».

И сказал тогда Чингисхан: «Раз уж и впрямь так хороша твоя сестра, велю я тотчас же сыскать ее. А явится она, уступишь ли свое ей место?»

И отвечала Есухэн хатан: «Коль соизволит хан сыскать мою сестру, я сей же час свое ей место уступлю».

И бросил клич Чингисхан ратникам своим и велел сыскать Есуй хатан. И узрели ратники наши Есуй и жениха ее, кои хотели скрыться в лесу. И словили они Есуй хатан, а жених ее бежал. Как увидела Есухэн хатан сестру старшую, Есуй хатан, верная слову, уступила она ей место свое подле Чингисхана, а сама села подале. И была Есуй хатан божественно красива, точь-в-точь как говорила Есухэн хатан. И соизволил Чингисхан взять ее в жены.

Покончив с татарами, как-то раз восседал Чингисхан подле ставки своей, пируя с ханшами Есуй хатан и Есухэн хатан, кои сидели по обе стороны от него. Вдруг Есуй хатан тяжело вздохнула. И заподозрил Чингисхан неладное. И призвал он к себе Борчу, Мухали и прочих ноёнов и повелел: «По аймакам^[95] сберите подданных моих. И да не будет чужаков меж ними!»

И когда развели всех аратов по аймакам, остался один добрый молодец, что не был причислен ни к одному из них. И спросили его: «Чей ты подданный?» И ответил тот человек: «Я в жены взял Есуй, дочь Их чэрэна; спасаясь от разора вражьего, бежал. Уверовав, что воцарился мир и что опознанным не буду среди прочих, теперь вернулся».

Когда Чингисхану передали эти слова, Чингисхан повелел: «Явившийся бродяга к нам зловерное замыслил. И разве мы уже не истребили всех, ему подобных? Пусть участь он разделит недругов татар, дабы глаза мои не видели его отныне!» И тотчас человек тот был казнен.

В тот же год Собаки, пока Чингисхан воевал татар, Ван-хан ополчился на мэргэдов^[96]. И понудил Ван-хан бежать мэргэдов во главе с Тогтога бэхи в сторону местности Баргужин тухум, и убил он старшего сына Тогтога бэхи – Тугус бэхи, захватил его двух дочерей – Хутагтай хатан и Чалун хатан, а также сыновей его Хуту и Чулуна вместе с их подданными. Но не поделился на этот раз Ван-хан своей добычей с Чингисханом.

Рассказ о том, как Чингисхан и Ван-хан ополчились на найманов

Засим Чингисхан и Ван-хан выступили вместе повоевать найманского Хучугуда, прозванного Буйруг-ханом^[97]. Когда они достигли местности Улуг тагийн Согог ус, Буйруг-хан, будучи не в силах противостоять им, двинулся к Алтаю. И преследовали наши его от Согог уса и понудили перевалить через Алтай и погнали в направлении Хумшингирийн Урунгу. Тогда же найманский ноён Йэди тублуг, будучи в дозоре, наехал на наш караульный разъезд и был обращен в бегство. Йэди тублуг хотел было скрыться в горах, но вдруг лопнула конская подпруга. Тут-то он и был схвачен. И настигли наши Буйруг-хана у озера Хишилбаши и там покончили с ним.

Когда Чингисхан и Ван-хан возвращались из похода, в излучине реки Байдараг к ним навстречу вышел богатырь найманский Хугсэгу сабраг с ратью своею. Чингисхан и Ван-хан также выстроили в боевой порядок свои рати. Но тут наступил вечер, и уговорились они с найманами биться завтра.

Среди ночи Ван-хан, оставив горящими костры на месте привала своего воинства, двинул свою рать вверх по течению реки Хар сул^[98].

Той ночью к Ван-хану присоединился Жамуха. Приступив к Ван-хану, он молвил: «Давно известно, что анда Тэмужин с найманами во дружестве живет. Вот потому он и не выступил вослед за нами.

Ты видишь, хан:

Я при тебе – как та степная птица,

Что отлетать в край дальний не стремится.

Другое дело – анда Тэмужин:

Все мечется он,

Все куда-то мчится.

С найманами сошелся он

И от тебя желает отделиться».

Убчигдайский Хурэн-батор, услышав слова Жамухи, ему прекословил: «Почто лукаво льстишь, на честных сродников напаслину возводишь, Жамуха?!»

Наутро следующего дня Чингисхан пробудился, готовый двинуться в бой с найманами. Тут обнаружилось, что стоянка, где прошлой ночью стали на привал ратники Ван-хана, опустела.

«Неужто ты, Ван-хан, решил нас одурачить и бросить здесь на произвол судьбы?!» – вознегодовал Чингисхан, узнав об этом. И тронулся Чингисхан с ратью своей и, стрелку перейдя, где Эдэр сливается с Алтаем, пришел в местность Саарь хээр и сел там. Тут Чингисхан и Хасар прознали, какой разор учинили найманы хэрэйдэ Ван-хана, но не придали этому значения.

А приключилось там вот что. Найманский богатырь Хугсэу сабраг, преследовавший по пятам Ван-хана, полонил жену и детей, захватил всех подданных и имущество сына его – Сэнгума. И сразился Хугсэу сабраг с Ван-ханом в местности Тэлэгэту амсар и, захватив много подданных и скота Ван-хана, вернулся восвояси.

Улучив момент, сыновья мэргэдского Тогтога бэхи – Хуту и Чулун, захваченные прежде Ван-ханом, забрали подданных своих и, соединившись со своим отцом, двинулись в направлении Селенги.

Поверженный найманским богатырем Хугсэу сабрагом, Ван-хан отослал к Чингисхану посла со словами: «Разор мне учинили вороги-найманы: жен и детей в полон забрали, имущества меня лишили. Сын мой, прошу и умоляю: пошли на помощь мне бесстрашных четырех богатырей своих, имущество и подданных вернуть мне помоги!»

И снарядил Чингисхан свою рать на помощь Ван-хану. И шли впереди посланные им четверо богатырей – Борчу, Мухали, Борохул и Чулун.

Тем временем Сэнгум сражался с найманами в местности Улан хут. В бою лошадь его была ранена в ногу, а сам он едва не был пленен найманами, но подоспели четыре богатыря Чингисхана и отбили его у врага. Засим вернули они Ван-хану угнанных найманами подданных, жен и детей его и все добро, отнятое у него недругом.

И возрадовался радостью великою Ван-хан, и молвил он: «Было время, когда Есухэй, благородный отец Тэмужина, воедино собрал мой распавшийся было улус. А теперь его сын, снарядив четверых верных богатырей, воротил вновь утраченный мною народ. Да поможет теперь мне Небес и Земли покровительство отплатить благодарностью за услуги великие те!» И молвил еще Ван-хан:

«Улус, что мной уже утерян был,

Мне Есухэй когда-то воротил.

Теперь помог мне Есухэя сын,

Чингис, что в прошлом звался Тэмужин.

Все, что опять я было потерял,

Он вызволил и для меня собрал.

Но почему с отцом теперь и сын

В поступке благородном стал один?

Какие же они имели цели,

Что дважды бедный мой улус призрели?

Совсем уже я дряхлым становлюсь...

Дух испустить когда я соберусь,

Кто же тогда мой унаследует улус?

Однажды теплой юрты я лишусь

И в каменной, холодной поселюсь, —

Кто сохранит тебя тогда, улус?

Да, младшие есть братья у меня и кроме них немалая родня, но где же честных, где достойных взять, чтобы могли улусом управлять?! Есть у меня лишь сын единственный, Сэнгум, но нет наперсников достойных у него. Желал бы я, чтоб Тэмужин стал старшим, названным Сэнгума братом. Тогда, имея двух любимых сыновей, в спокойствии провел бы я остаток дней».

И сошлись Чингисхан и Ван-хан в Черной роще^[99], что на берегу реки Тола; и поклялись они друг другу, что отныне Ван-хан будет считать Чингисхана сыном своим, а Чингисхан Ван-хана – отцом, поскольку отец Чингисхана, Есүхэй-батор, и Ван-хан когда еще стали побратимами. И сговорились они тогда:

«Случится, чужеземцы нападут —

Отпор им будет общею заботой.

На антилоп облава – что ж, и тут

Они займутся сообща охотой».

И еще они порешили:

«Коль змеи ядовитой жало

Подстрекало бы нас, искушало,

Клевету, навет извергало —

Расходиться нам не пристало:

Мы сойдемся лицом к лицу,

Как положено добрым соседям,

Яд губительный обезвредим.

Если б вдруг смертоносный клык —

Злой разлад среди нас возник,

Злыдень не одолел бы нас...

Мы бы встретились с глазу на глаз,

Примирительный разговор

Завершил бы любой наш спор».

Скрепив дружество свое взаимной клятвой, жили они с тех пор душа в душу.

Рассказ о том, как Жамуха и Сэнгум задумали погубить Чингисхана

И замыслил однажды Чингисхан упрочить их дружество^[100], и просил он для Жочи^[101] руки младшей сестры Сэнгума – Чагур бэхи, и хотел выдать свою Хожин бэхи за сына Сэнгума – Тусаха.

Но обуяла Сэнгума гордыня, и молвил он: «Коли моя родня войдет в их дом, ей на пороге суждено топтаться, ступи же кто из них на мой порог, так непременно вломится и в хоймор»^[102].

Так поносил чванливо нас Сэнгум и младшую сестру свою Чагур бэхи за Жочи выдать отказался. И потому с тех пор Чингисхан испытывал неприязнь к Ван-хану и Нилха Сэнгуму.

И прознал Жамуха о взаимной их неприязни, и весною года Свиньи^[103], сговорившись с Алтаном, Хучаром, Хартагидаем, Увугжином, Ноёхоном, Сугэдэем, Торилом и Хачигун бэхи, пришли они в местность Бэрхэ элст, что на гребне возвышенности Жэжээр, где встретились с Нилха Сэнгумом. И оговаривал Жамуха бесстыдно Чингисхана: «Таян-хану найманскому Тэмужин то и дело гонцов шлет, силы общие сплачивает, не иначе!

Упорно он твердит:

«Мы – сын с отцом родные»,

Но мысли у него совсем, совсем иные.

Коли теперь упустите вы время,

Подумать страшно,

Что ожидает ваше племя!

Коль с Тэмужином воевать решите,

К вам с целой ратью присоединюсь!»

И молвили Алтан и Хучар:

«На сыновей Огэлун нападем —

Куда подевается спесь их?!

Чингиса, старшего, мы уьем,

На дереве младших повесим».

Увугжин, Ноёхон, Хартагидай добавили:

«Можете ждать

И от нас подмоги:

Свяжем им руки,

Спутаем ноги».

Засим слово молвил Торил: «Давайте-ка сперва его людей захватим. Ведь, потеряв улус, бессилён будет Чингисхан!»

И, наконец, Хачигун бэхи клятвенно изрек: «Нилха Сэнгум, сын мой, уверуй! Все наши помыслы с тобой.

В земную глубь мы для тебя проникнем,

До края света за тебя пойдем!»

И отправил Нилха Сэнгум к отцу Ван-хану посла по имени Сайхан тудэн, чтобы пересказал ему слово в слово эти речи.

Вслушав посланника, Ван-хан молвил: «Негоже, сын мой, дурно думать о Тэмужине! Поверь, в нем наша главная опора. За мысли скверные о нем Всевышний Тэнгри лишит нас своего благоволения. А Жамуха, известный всем бродяга и болтун, на Чингисхана зря напраслину возводит».

И отослал посланника он с этими нелестными словами к сыну.

И снова Сэнгум отправил посла к отцу со словами: «Почто не веришь ты, отец?! Он – честный человек и искренен в словах!»

Не в силах убедить отца, Сэнгум явился самолично к нему и сказал: «Даже теперь, когда ты в добром здравии, отец, нас, сродников твоих, он ни во что не ставит. Но поперхнись ты белым молоком, кусочком мяса подавись внезапно, и вовсе отберет улус, что собран был твоим отцом, Хурчакус Буйруг-ханом, и непременно нас лишит законной власти!»

И молвил Ван-хан: «Как руку мне поднять на названного сына, который был воистину опорой нам?! Замысли мы такое, от нас, неверных, тотчас Всевышний Тэнгри отвернется».

Услышав сие, вознегодовал сын его Нилха Сэнгум. И вышел он прочь, хлопнув дверью. Тогда не выдержало отцовское сердце любящее, и уступил Ван-хан. И призвал он к себе сына Сэнгума и молвил: «Небесной кары убоясь, не смел я поднять руку на названного сына, Чингисхана. Но коль по силам вам такое, что ж, воля ваша!»

И сказал тогда Сэнгум: «Мне помнится, недавно Чингисхан просил руки моей сестры – Чагур бэхи, для Жочи. Давайте с ним о дне условимся теперь и пригласим, как водится, на багалзур¹⁰⁴¹, а тут его и схватим».

И, порешив так, послали они к Чингису посланника со словами: «На багалзур тебя мы приглашаем, готовы выдать за Жочи Чагур бэхи».

И отправился тогда Чингисхан к Ван-хану в сопровождении десятка мужей. По дороге заночевал он у отца Мунлига.

И сказал Чингисхану отец Мунлиг: «Когда просили мы руки Чагур бэхи, Сэнгум, чванливо понося нас, ее за Жочи выдать отказался. И вдруг он сам на багалзур нас приглашает. Все это очень подозрительно и странно! Не лучше ли тебе поостеречься, хан, и отложить женитьбу Жочи на потом?! Сошлись на то, что табуны за зиму отошали, и обещаю прибыть тотчас, как только в тело наши лошади войдут».

И внял Чингисхан словам отца Мунлига, и отослал вместо себя на багалзур к Ван-хану Бухадая и Хирадая, а сам воротился восвою. И прибыли Бухадая и Хирадая к Ван-хану на багалзур. И поняли тогда хэрэиды, что Чингисхан прознал об их заговоре, и порешили они выступить назавтра, рано утром, чтобы полонить Чингиса.

Рассказ о противоборстве Чингисхана и Ван-хана

После того, как они сговорились завтра же полонить Чингисхана, младший брат Алтана Их чэрэн явился в свою юрту и молвил: «Мы завтра утром Тэмужина полонить решили. Ничем не поспешил б Тэмужин для известившего его об этом человека!»

И молвила тогда жена его Алагжид: «Ну и язык же у тебя, мой милый! Не ровен час, и впрямь в твою брехню поверит кто-то!»

Весь разговор их слышал табунщик Бадай, привезший молоко. Возвратившись к себе, Бадай пересказал все, что слышал в юрте Их чэрэна, своему другу, табунщику Хишилигу. Тот решил сам убедиться в этом и отправился к юрте Их чэрэна.

У юрты Хишилиг приметил сына Их чэрэна – Нарин гэгэна, занимавшегося стрелами. И сказал Нарин гэгэн Хишилигу: «Поди, тебе уже известно, о чем тут наши сговорились. Тогда держи язык крепче за зубами!» И наказал еще Нарин гэгэн табунщину Хишилигу: «Гнедых моих коней сегодня пригони, на привязи пусть ночью постоют. Ведь завтра утром рано выступаем».

И вернулся Хишилиг к Бадаю и молвил: «Все так и есть, как ты сказал, мой друг Бадай. Дать знать об этом Тэмужину нужно непременно!»

И, сговорившись, пригнали Бадай и Хишилиг двух гнедых коней и поставили их на привязи у хозяйской юрты. А вечером разложили они костер и сварили на том костре зарезанного ягненка. И оседлали они стоявших у привязи двух гнедых скакунов, и в эту же ночь прискакали в ставку Чингисхана. И, зайдя с северной стороны юрты, обратились они к Чингисхану, и поведали ему слова Их чэрэна, и рассказали владыке о том, как сын Их чэрэна Нарин гэгэн готовил стрелы и наказал им пригнать и

держат у юрты на привязи двух гнedyх его скакунов. И еще молвили они: «Поверь же слову нашему, Чингисхан. Прийти и полонить тебя хэрэиды порешили. И это – истинная правда!»

И выслушал Чингисхан Бадая и Хишилига, и проникся доверием к их словам, и той же ночью о замыслах хэрэидов уведомил верных нукеров своих. Затем, оставив пожитки, Чингисхан снялся с места и налегке поднялся на гребень сопки Мау и отрядил урианхдайца Элэмэ назад, в сторожевой дозор, а сам двинулся дальше.

Назавтра после полудня они добрались до местности Хар халзан элст, где и расположились на привал. Пока они отдыхали после перехода, прискакал табунщик Алчидаа – Чихидай ятир, пасший на привольных пастбищах табуны и узревший тучу пыли, поднимавшейся из-под копыт вражеских коней. И, заметив врага в местности Улан бургас, что на южном склоне сопки Мау, он погнал прочь коней своих и спешно явился с известием сим к Чингисхану.

Пригляделись наши и впрямь увидели облако пыли над Улан бургасом, на южном склоне сопки Мау. И понял тогда Чингисхан, что Ван-хан с ратью преследует его, и, не заметь они эту пыль, враг застал бы их врасплох; и приказал он собрать разбредшихся коней – погрузили на них дорожный скарб и двинулись дальше.

Вместе с Ван-ханом Чингисхана преследовал и Жамуха. И спросил Ван-хан Жамуху: «Кому по силам в рати Тэмужина нам противостоять в сраженье?»

И ответил на это Жамуха:

«С ним идут уругуды и мангуды.

Думаю, они сражаться будут.

В тыл неслышно зайдут,

Со спины нападут,

Набегут, налетят,

Опрокинут, сомнут.

Знамя темное

Над головами их реет,

С малых лет они, злыдни,

Сражаться умеют.

Ты об этом, Ван-хан,

Ни на миг не забудь,

Осторожно ступай,

Настороженным будь».

Выслушав Жамуху, Ван-хан повелел: «Коль так, то пустим впереди мужей жирхинских и Хадаги над ними поставим. За ними двинется Ачиг ширун с тумэн тубэгэнцами своими, потом пойдут олан донхайдские батыры. Затем пусть выступает Хори шилэмун тайши, в сраженье тысячу ведя моих гвардейцев. И лишь потом пусть силы наши главные вступают в бой».

И молвил еще Ван-хан, обратившись к Жамухе: «Брат Жамуха! Встань во главе ты войска моего!»

И отъехал тогда Жамуха от Ван-хана, и молвил нукерам своим: «Хотя я сам с андою Тэмужином справиться не в силах, Ван-хан просил меня встать во главе всей рати... Тщедушный хан! Ничем не лучше он меня, и наше дружество, увы, недолговечно. Пожалуй, дам я знать об этом Тэмужину. Пусть ободрится побратим».

И послал Жамуха втайне от Ван-хана своего человека к Чингисхану и передал ему такие слова: «Справлялся у меня Ван-хан: «Кому по силам в рати Тэмужина нам противостоять в сраженье?» – «Есть у анды достойные богатыри, а во главе их следуют уругуды и мангуды», – ответил хану я. И повелел тогда Ван-хан: «Мы пустим вперед мужей жирхинских, за ними двинется Ачиг ширун с тумэн тубэгэнцами своими, потом пойдут олан донхайдские батыры. Затем пусть выступает Хори шилэмун тайши, в сраженье тысячу ведя моих гвардейцев. За ними силы наши главные в бой вступят». И молвил мне еще Ван-хан: «Встань во главе ты войска нашего всего». Тщедушный хан! Видать, не в силах самолично управлять он ратью. В сраженьях прежних я тебя, анда, не одолел. Ван-хану же тебя подавно не осилить. И потому будь стоек, не робей, анда!»

И выслушал Чингисхан известие, полученное от Жамухи, и, обратившись к Журчидэю из племени Уругуд, молвил: «Что скажешь, дядька Журчидэй уругудский? Хочу, чтоб ратники твои передовым отрядом выступали!»

Журчидэй хотел было ответить Чингисхану, но его опередил Хуилдар из племени Мангуд, который сказал: «Позволь передовым отрядом выступить моим мангудам. И коль в сраженье этом пасть мне суждено, пусть позаботится о моих сиротах побратим!»

И молвил тогда Журчидэй: «Мы все, уругуды и мангуды, передовым отрядом твоей рати идти готовы!»

И выстроили Журчидэй и Хуилдар уругудских и мангудских мужей, и готовы были уже они выступать передовым отрядом рати Чингисхана^[105], как вдруг показалось вражеское воинство, во главе которого двигались жирхинцы. И повоевали наши уругудские и мангудские мужи жирхинцев, повергли их к ногам своим. Но наехал на наших ратников Ачиг ширун с тумэн тубэгэнцами своими. И поверг он наземь Хуилдара в их ратоборстве. Узрели это мангуды и, воротившись, Хуилдара обороняли. Тем временем вступил в бой Журчидэй с мужами уругудскими. И смял он тумэн тубэгэнцев, а за ними и олан донхайдских батыров, что встали на его пути. Потом навстречу Журчидэю выехала тысяча отборных воинов-гвардейцев Ван-хана, которых вел в сраженье Хори шилэмун тайши. И их одолел Журчидэй. И тогда, не спросив отцова дозволения, выехал против него Сэнгум, сын Ван-хана. И пал он с коня, раненный в щеку румяную. И когда раненый Сэнгум пал наземь, все мужи хэрэйдские собрались вокруг него. Пока наши ратники избивали хэрэйдов, солнце закатное скатилось с горы. И возвратились мужи в свой стан, и вынесли они с поля брани раненого Хуилдара.

Сей же вечер Чингисхан снялся с того места, где они ратоборствовали с Ван-ханом. Удалившись оттуда, стали станом они на ночлег.

А наутро, только забрезжил рассвет, недосчитались они в своих рядах Угэдэя^[106], Борохула и Борчу. И молвил тогда Чингисхан: «Отстали вместе с Угэдэем два верных нукера мои – Борчу и Борохул. И что бы с ними ни случилось, будь в добром здравии они или на одре смертном, но Угэдэя эти двое не покинут!»

Сей ночью наши ратники своих коней пастись не отпускали, держали при себе. Чингисхан приказал: «Всем быть готовыми к сраженью, коль враг внезапно нападет!»

Когда совсем уж рассвело, с северной стороны к ним подъехал всадник. Это был Борчу. Чингисхан, ударив себя в грудь, воскликнул: «Все в воле Всевышнего Вечного Тэнгри!» И призвал он к себе Борчу и вопрошал с пристрастием. И отвечал ему Борчу: «В сраженье подо мною лошадь пала. Тогда к своим я пеший устремился, но тут узрел, что спешились хэрэиды, обступив Сэнгума. И, улучив момент, к коню навьюченному я пробрался и, мигом от व्यюков его освободив, вскочил в седло и вслед за вами устремился».

Вскоре вдалеке показался другой конный. Приглядевшись, узрели наши, что под седлом свисают не две, а четыре ноги. Когда же они подъехали, признали наши Угэдэя и сидящего за ним Борохула. По углам рта Борохула сочилась кровь. Тогда и узнали наши, что Угэдэй был ранен в шею в сражении и потому Борохул всю дорогу отсасывал из раны и сплевывал сгустки его крови.

И опечалился весьма Чингисхан, и слезы пролил горькие. И, приказав тотчас разжечь костер, прижег он рану Угэдэя и дал питье ему целебное.

Тем временем все наши ратники изготовились к бою, на случай, если враг внезапно нападет. И молвил тогда Борохул: «Пыль вилась из-под вражеских копыт на южном склоне сопки Мау и удалялась в сторону Улан Бургаса. Должно быть, враг решил обратиться восвояси».

Выслушав его, Чингисхан молвил: «Коль враг напал бы, его поковать готовы были мы. Но коли вороги бежали, мы тотчас силы ратные свои пополним и двинемся вослед». И сей же час выступили наши вверх по реке Улхой шилугэлжид и пришли в урочище Далан нумургэс.

Затем пришел в стан Чингисхана Хадан далдурхан и всех мужей своих привел к нему, в уделе только женщин и детей оставив. Хадан далдурхан рассказал владыке, что, когда Сэнгум, раненный стрелой в щеку, пал на поле брани, к нему подскакал Ван-хан и, склонившись над ним, молвил:

«Ты недруга

В бою побить желал,

Но сам ты ранен

И на землю пал.

Ты на соседа

Пожелал напасть,

Но рок твой —

Со стрелой в щеке упасть!

За то, что кровь

Сыновья пролилась,

На недруга

Я нападун тотчас!»

Тут выступил вперед Ачиг ширун:

«Прошу, остерегись,

Владыка хан,

Не нападай сейчас

На вражий стан.

Припомни,

Как, желая сына, сам

Молился ты

Когда-то небесам.

И до небес

Мольба твоя дошла:

Жена тебе

Сэнгума родила.

Уйми же, хан,

Воинственный свой пыл,

Молись, чтоб выжил сын,

Здоровым был.

К тому же нынче большинство монголов, идя за Жамухой, Алтаном и Хучаром, уже пристали к нам. Те ж, что переметнулись к Тэмужину, от нас далече не уйдут.

У каждого из них лишь по коню,

И кров их скромный – лес укромный.

И коли сами они не явятся тотчас,

Нам ничего не будет стоять

К рукам прибрать их,

Как конский подбирается навоз».

И, согласившись со словами Ачиг шируна, Ван-хан молвил: «Воистину ты прав, Ачиг ширун. Как бы всерьез не захворал мой сын Сэнгум! Так позаботься о его выздоровлении!»

Сказав это, он удалился с поля брани.

Тем временем Чингисхан выступил из Далан нумургэс в сторону реки Халхин-гол. И шли с ним тогда две тысячи шестьсот человек, коих половина двигалась западным берегом реки, а другая половина, уругуды и мангуды, – восточным. И добывали они себе в пути пропитание облавной охотой. И, не вняв словам Чингисхана, погнался за антилопой не залечивший толком свои раны Хуилдар, и занедужил он после того пуще прежнего, и скончался вскорости. И схоронили прах его на берегу Халхин-гола, в местности, именуемой Ор нугын хэлтгий хад.

Прослышав, что в том месте, где Халхин-гол впадает в озеро Буйр, кочуют безбедные хонгирады, Чингисхан послал к ним уругудов во главе с Журчидэем и дал такой наказ:

«Ты давнюю им присказку напомни

О том, что испокон веков

Лишь славой дев своих

Все хонгирады жили;

Пожалуй, с радостью

Они последуют за нами.

А вздумают противиться,

То повоюй и полони негодных!»

Но хонгирады и не думали противиться, а покорно пошли за Журчидэем. И потому Чингисхан не разорил народ хонгирадский.

Сказ о посольстве Чингисхана

После того как Чингисхан понудил покориться хонгирадов, он удалился с тех земель, пришел и сел на восточном берегу речушки Тунхэ горхи. И послал Чингисхан ^[107] к Ван-хану послами Архай хасара и Сухэхэй жэгуна со словами: «Мы стали станом на восточном берегу речушки Тунхэ горхи. Какие сочные, прекрасные тут травы! Здесь наши лошади набрались сил, окрепли. К тебе, отец Ван-хан, я шлю послов спросить, почто ты сердишься, почто меня пугаешь? Почто нам не даешь покоя, наводишь страх на недостойных сыновей и дочерей своих?

Зачем ты набежал и потревожил

Досуга моего, покоя ложе?

Дым над моими юртами курился —

Зачем его развеять ты решился?

Ты утрашить, ты погубить желаешь

Того, кого давно считал за сына...

Сын недостойн твоего отцовства?

Какая гнева твоего причина?

Мой мудрый хан-отец,

Во что поверил ты?

Как сердце ты открыл

Уколам клеветы?

Так вспомни, хан-отец, о чем с тобой уговорились мы, сойдясь в Улан болдоге. Тогда пообещали мы друг другу:

«Коль змеи ядовитой жало

Подстрекало бы нас, искушало,

Клевету, навет извергало —

Расходиться нам не пристало:

Мы сойдемся лицом к лицу,

Как положено добрым соседям,

Яд губительный обезвредим».

Так почему же нынче ты преследуешь меня, сгубить желая? Почто лицом к лицу сойтись не хочешь для беседы? Разве любезно не порешили мы с тобой однажды:

«Если б вдруг смертоносный клык —

Злой разлад среди нас возник,

Злыдень не одолел бы нас...

Мы бы встретились с глазу на глаз,

Примирительный разговор

Завершил бы любой наш спор».

Почто же нынче, хан-отец, не встретившись, ни словом не обмолвившись со мною, ты отойти от сына поспешил? Пускай немного нас, монголов, ни в чем мы не уступим и изрядной силе; пускай народ монголы недостойный, ничем не хуже мы и истинно достойных. Коль у телеги, что о двух оглоблях, вдруг переломится одна, быку телегу ту не увезти. Не я ли, хан-отец, в твоей телеге был этой самою оглоблей?! Коль у повозки, что о двух колесах, одно отвалится внезапно, то далее возок уже ни с места. Не я ли, хан-отец, в твоей повозке был этим самым колесом?!

Из сорока сынов Хурчахус Буйруг-хана по праву старшего ты ханом стал. И, ханом став, ты братьев младших погубил – Тай тумур тайши и Буха тумура. Другой твой младший брат, Эрхэ хар, тобою быть убитым убоявшись, бежал и был призрен найманским Инанча билгэ. Прогневал ты Гур-хана, дядьку по отцу, тем, что нещадно загубил ты младших братьев; и ополчился на тебя Гур-хан, в сражении побил; едва живым, лишь с сотнею мужей своих бежал ты с поля брани к Селенге и здесь в ущелье Харагун укрылся. Подластившись к мэргэду Тогтога, дочь свою, Ужагур ужин, ему отдав, едва ты выбрался из Харагунского ущелья; и к моему отцу, Есухэй-хану, ты, Ван-хан, пришел и умолял отца улус твой у Гур-хана отобрать. И поднял на Гур-хана Есухэй своих мужей, и в бой тайчуды их вели – Хунан и Бахажи. И, разгромив Гур-хана в Гурван Дэрсте, понудил Есухэй его бежать в страну Хашин. Лишь двадцать или тридцать воинов сумел с собою увести Гур-хан. Так спас Есухэй-хан улус твой и возвратил его тебе. Тогда с отцом, Есухэй-ханом, вы побратались в Черной роще, что на Толе. Возрадовавшись радостью великой, Ван-хан, тогда ты молвил: «Да поможет теперь мне Небес и Земли покровительство отплатить благодарностью за услуги великие, кои вовек не забудут потомки мои благодарные!»

Но засим младший брат твой, Эрхэ хар, на тебя ополчился, войско выпросив у найманского Инанча билгэ. И покинул улус свой, и с горсткой людей ты бежал. В Сартаульской земле, на Чуй-реке приют себе нашел ты у Гур-хана, правителя хар хятанов. Но, и года при нем не пробыв, ты с Гур-ханом расстался и, по землям уйгуров и тангудов скитаясь, скудной пищей перебивался. Доя пять дойных коз и точа на еду кровь верблюда, на буланом слепом жеребце ты до наших пределов насилу добрался.

Прослышав о твоих, Ван-хан-отец, мытарствах и памятуя о нашем прежнем с ханом Есухэем побратимстве, послов направил я тебе навстречу – Сухэхэя и Тахая. Затем из Бурги эрэг, что на Керулене, пришел и встретился с тобою самолично у озера Гусэгур. Не я ли, зная, что ты явился чуть живым, оброком обложил аратов в твою пользу? Точь-в-точь как прежде, в дружестве с отцом моим вы клятву дали в Черной роще, что на Толе, не поклялись ли мы друг другу быть отцом и сыном? И помнится, зимою той я в курене своем тебя призрел. До следующей осени мы кочевали вместе, а осенью пошли войной на Тогтога бэхи. С мэргэдами сразились мы в Муручэ Суле в отрогах Хатиглигского хребта и Тогтога бэхи погнали к Баргужин тухуму. Пленили мы тогда народ мэргэдский и их скотину, жилища и съестное захватили; тебе все отдал я, мой хан-отец.

В те дни, когда ты голодом терзался,

Я милосердным был, тебя кормил;

Когда ты в одиночестве скитался,

Тебе опорой и поддержкой был.

Потом, пововав найманов Хучугурдэй Буйруг-хана, погнали мы его по местности Сохог ус, понудили перевалить через Алтай, шли по пятам до речки Урунгу. У озера Хичилбаши разбили мы врага дружину. Когда мы возвращались из похода, в излучине реки Байдраг дорогу преградил нам Хугсэгу сабраг найманский, желая нас пововать. Мы быстро выстроили в боевой порядок свою рать. Но уж смеркалось. И тогда уговорились мы с врагами биться завтра. Но среди ночи ты, мой хан-отец, горящие костры оставив на привале, вверх по течению реки Хар сул увел поспешно ратников своих. Наутро мы узрели, что на привале нет тебя, что бросил ты нас, словно те костры. И двинулись мы с войском и, стрелку перейдя, где Эдэр сливается с Алтаем, пришли в Саарь хээр и сели там.

Тем временем батыр найманский Хугсэгу сабраг вслед за тобою устремился. Он полонил жену, детей, он захватил всех подданных и все добро Сэнгума, сына твоего. Тебя настиг он в местности Тэлэгэту амсар, в сражении отбил немало подданных

и табуны твои. Тобой захваченные прежде сынки мэргэдского Тогтога бэхи – Худу и Чулун момент благоприятный улучили, забрали подданных своих, затем с отцом соединились и двинулись на Баргужин тухум.

Тогда ко мне гонца послал ты со словами: «Разор мне учинил найманский Хугсэгу сабраг: всех подданных в полон забрал, имущества меня лишил. Сын мой, прошу и умоляю: пошли на помощь мне бесстрашных четырех богатырей своих!»

Тогда-то, не в пример тебе, дурного не замыслив, я тотчас Борчу, Мухали, Борохула и Чулуна всем вам на помощь с ратью отослал. Тем временем Сэнгум с найманами сражался в Улан хуте и сам едва не был пленен. Но вовремя поспели богатыри мои, у недруга его отбили, тебе сполна все возвратили, что было отнято врагом. И молвил ты тогда благоговейно: «Достойный сын мой, Тэмужин, послал мне четырех богатырей и возвратил улус, что я утратил».

Скажи мне, хан-отец, в чем пред тобою провинился, чем тебя прогневал я теперь? Через послов своих Хубарихури и Идургэна извести о том. Коль не отправишь их – пошли гонцом другого!»

И с этими словами Чингисхан своих послов Архай хасара и Сухэхэй жэгуна к Ван-хану отослал.

Выслушав эти слова, Ван-хан покаянно вскричал:

«О горе мне, горе!

Достойного сына я предал,

Улус опозорил,

виновен в его разоренье.

Я тесные узы расторг

с благородным, с достойным

Разрыв допустил...

Это только мое преступленье!»

И к покаянью своему присовокупил Ван-хан клятву:

«Вот так же пусть моя прольется кровь,

Коль против сына Тэмужина недоброе замыслю!»

И уколол он ножом подушечку мизинца своего, и, выточив из раны несколько капель крови, слил их в чашечку, отдал ее своему гонцу и наказал: «Сыну передай!»^{[1108](#)}

И наказал также Чингисхан послам своим передать анде-побратиму Жамухе такие слова:

«Из черной зависти ты разлучил меня с Ван-ханом. Помнится, в детстве, когда с тобой мы жили в юрте у него, меж нами было уговорено: тот пьет кумыс из синей чаши хана, кто встанет раньше поутру. Я вечно упреждал тебя и пил кумыс из синей чаши хана. Тогда от зависти возненавидел ты меня. Что ж, вдоволь пей теперь из синей чаши хана! Да только вряд ли много чаш осушишь ты...»

И послал также Чингисхан гонцов к Алтану и Хучару передать такие слова: «Почто вы отвернулись от меня? Недоброе замыслили иль как? Хучар – ты сын Нэхун тайши, и потому мы предлагали ханом быть тебе. Но сам ты им не стал. Тебя, Алтан, как сына нашего владыки, Хугула-хана, мы возвести на ханский трон хотели. Но ведь и ты согласия не дал. И Сача бэхи и Тайчу, которые потомков Бартан-батара по происхождению знатнее, упрашивал я тщетно в ханстве бразды правления принять. Никто из вас не согласился, поэтому я, возведенный вами в ханы, правил всем народом.

Но если б ханом стал один из вас,

То, получив благословенье Небесного Владыки,

Я трусости б не знал,

Во всех походах и во всех сраженьях

Я б впереди скакал

И для владыки забирал в полон

Прекрасных дев, красивейших из жен.

Коней бы у врагов я отбивал

И самых лучших – хану доставлял.

Ко времени его охоты ханской

На антилоп лесных

Выслеживал бы и поближе к хану

Я подгонял бы их.

Степных джейранов

В стадо б я сбивал,

Чтоб табуном держались

Среди скал;

Так утеснял бы,

Чтоб они, бедняжки,

Толкались, терлись

Ляжками об ляжки...

Сородичи мои! Ведь до сих пор в народе отступниками все сльвете вы. Так хоть теперь с Ван-ханом дружество храните и вдругорядь не смейте своему владыке изменять! Да не позорьте звание гвардейца жаут хури!^[109] Да не позвольте врагу вступить в пределы отчины, к истокам трех родимых рек!»^[110]

«Скажи сие Торилу, меньшому «брату» моему», – такой наказ Чингисхан дал послам своим и отослал к Торилу со словами: «Давным-давно Чархай линху и Тумбиной вернулись из похода с пленником по имени Охта. Его потомок – раб Субэхэй. Сын Субэхэя – Хохочу хирсан, сын Хохочу хирсана – Ехэй хонтахар. Ты, Тори́л, – сын того Ехэя хонтахара, нашего холопа. Так чей же ты улус своим холопством теперь замыслил захватить?! Ведь никому другому Алтан и Хучар в моем улусе править не позволят. Поэтому тебя я меньшим «братом» кличу.

Вот сказ мой милосердный,

Непритворный

Тебе, что искони —

Наш раб покорный.

Все то же я скажу тебе

Повторно.

Понеже ты вовек

Наш раб бесспорный».

И приказал также Чингисхан послам передать анде Сэнгуму такие слова: «Родился я в отцовском дэле, достойным сыном своего отца. Ты ж, как все смертные, на этот свет нагим явился. Ван-хан-отец двоих нас равно опекал. За это ты, Сэнгум, меня и ревновал, псов своих верных натравлял, вбить между нами клин старался. Отныне ты не бреди отцову душу, родительское сердце не терзай, напротив, по утрам и вечерам отца родного навещая, отцовы думы ты возвесели, рассей его душевные заботы. Пока во здравии наш хан-отец, оставь все мысли о его престоле, родительскую душу не томи. Брат названный, Сэнгум, пошли ко мне послами Билгэ бэхи и Тутугэна».

И присовокупил к сказанному Чингисхан: «Мой хан-отец, мои два побратима, Сэнгум и Жамуха, и вы, Алтан, Хучар, Ачиг ширун и Хачигун! Пускай придут ко мне по два посла от каждого из вас!»

И понудил Чингисхан послов Архай хасара и Сухэхэй жэгуна повторить его устные послания и засим отправил их.

И выслушал речи посольские Сэнгум и молвил в ответ:

«Еще недавно отца он называл убийцей-старичиной;

Теперь Ван-хан ему отцом любезным стал?!

За то, что неразлучен с Тогтога шаманом,

Меня хвостом овечьим он прозвал;

А нынче вдруг я побратимом стал?!

Коварный смысл его речей я все ж уразумел: повоевать он нас желает, несомненно! Билгэ бэхи и Тутугэн, готовьте боевых коней, установите боевое знамя!»

И, услышав слова эти, Архай хасар отправился восвояси, а Сухэхэй жэгун остался у хэрэйдов. Семья – жена его и дети – жили в курене Торила, и Сухэхэй жэгун был очень обеспокоен их судьбой.

И пришел Архай к Чингисхану, и пересказал ему слово в слово речи хэрэйдские.

Вскоре перекочевал Чингисхан к озеру Балжуна. И повстречался ему там Чогос цаган из племени Горулас, после чего все горуласцы покорились Чингисхану.

И еще к нему явился на белом верблюде человек по имени Асан сартагтай^[111]. Тот Асан гнал тысячу овец из пределов онгудского Алахуши дигитхури^[112] и остановился у озера Балжуна напоить отару. И дальше путь его лежал в окрестности реки Эргунэ, где он желал купить беличьи и соболиные меха.

Рассказ о том, как были разбиты хэрэиды

Когда Чингисхан сидел у озера Балжуна, к нему пришел брат его, Хасар. Вместе с горстью нукеров он отошел от Ван-хана^[113], оставив в его курене жену свою и трех сыновей – Егу, Есунхэ и Туху. Безуспешно искал Хасар своего старшего брата, бродя по склонам Харагун жидуна. Уже вконец оголодав, набрел на брата он у озера Балжуна. Обрадовавшись брату, порешил Чингисхан послать посольством к Ван-хану Халигудара из племени Жэгурэдэй и Чахурхана из племени Урианхдай, и наказал Чингисхан им передать хану-отцу такие слова Хасара:

«О хан-отец!

Искал я брата, Тэмужина,

Но след его простыл,

В смятении

Все проглядел глаза —

Но не видать его.

Нет от него вестей,

Я в одиночестве брожу,

А ночью, притулившись к пню,

Я в небо звездное гляжу.

Мои жена и дети остались у вас в улусе. Надежного пришлите человека, и к вам я с ним отправлюсь в тот же час».

И еще сказал Чингисхан Халигудару и Чахурхану: «Как только вы отправитесь к Ван-хану, мы двинемся на Керулен в Аргал хухий и станем станом там. Повелеваю вам туда явиться!»

И, отправив Халигудара и Чахурхана послами к Ван-хану, Чингисхан выслал вперед, в разведку Журчидэя и Архая, а уж за ними двинулись и все остальные. И пришли они и сели на Керулене в урочище Аргал хухий.

И пришли Халигудар и Чахурхан к Ван-хану, пировавшему в то время под сводами золотого шатра, и молвили ему слова, кои велено было передать как речи Хасаровы.

И выслушал их Ван-хан, и сказал в ответ: «Коль так, да изыдет ко мне Хасар! За ним пошлем мы верного нам Итургэна».

Когда вместе с Халигударом и Чахурханом Итургэн подъезжал к условленному месту – урочищу Аргал хухий, впереди он узрел множество людей и скота; заподозрив недоброе, он поворотил коня и поскакал прочь. У Халигудара был резвый скакун, и он быстро догнал беглеца, но, не в силах остановить его, то обгонял Итургэна, то следовал за ним. Лошадь Чахурхана была не столь резвой, как конь Халигудара, поэтому Чахурхан, насилу приблизившись к беглецу на расстояние полета стрелы, выстрелом из лука осадил Итургэна на круп вороного, под золотым седлом, коня. Потом Халигудар и Чахурхан схватили Итургэна и привели к Чингисхану. Ничего не пытая у Итургэна, он приказал: «Ведите пленного к Хасару». Когда Итургэна привели к Хасару, тот, не тратя слов, на месте зарубил врага хэрэйдского.

И сказали тогда Халигудар и Чахурхан Чингисхану: «Под сводами шатра златого Ван-хан в безопасности пирует. Наш хан, давай тотчас же ополчимся на хэрэйдов и, окружив их под покровом ночи, на врагов внезапно нападем!»

Чингисхан одобрил слова своих мужей и отправил в разведку Журчидэя и Архая, а за ними под покровом ночи в поход на хэрэйдов двинулись основные силы. И окружили они Ван-хана в Жэр хавцгайском ущелье, что в горах Жэжэр. И бились наши с хэрэйдами три ночи и три дня, и на исходе третьего дня враг сдался.

Ван-хана и Сэнгума среди пленных хэрэйдов не оказалось. Ночью им удалось незаметно для наших выбраться из ущелья. А сражался против нас все эти дни Хадаг-батор из племени жирхин со своими мужами.

И приступил Хадаг-батор к Чингисхану, и молвил: «Чтобы не попал наш хан во вражеские руки и дабы не был ими умерщвлен, три ночи и три дня мы бились, его оберегая жизнь. Теперь, спася его от смерти и выведя из вражьего кольца, на милость победителей мы сдались. Коли прикажешь, хан, убить меня, умру. Но если соизволишь мне оставить жизнь, верой и правдой послужу тебе!»

И одобрил Чингисхан его речи, и повелел тогда же: «Кто смеет мужа осудить, не бросившего хана своего, сражавшегося, дабы жизнь его спасти?! Такой нам в нукеры годится!»

И даровал Чингисхан жизнь Хадаг-батору, и отдал он его и сто других жирхинцев в услуженье вдове и детям Хуилдара, умершего от ран. И повелел при этом Чингисхан: «Коль у жирхинцев народятся сыновья, пусть верою и правдой служат сродникам нукера Хуилдара. Родители жирхинских дев не сменют по своей воле выдавать их замуж! Да будут все они – их сыновья и девы – в бессрочном услужении семейства Хуилдара!»

Хуилдар сэцэн самым первым поклялся в преданности своей, поэтому Чингисхан повелел: «За службу истовую Хуилдара да не оставим мы своей заботой всех его потомков – и больших, и малых!»

История бесславной гибели Ван-хана

Повоевав хэрэйдов, Чингисхан отдал людей, кони похватали на побоище, своим сродникам и мужам. Так, Тахай-батору из племени Сулдудэй за заслуги его была отдана в услужение сотня жирхинцев. Ибаха бэхи, старшую дочь Жаха гамбы – младшего брата Ван-хана, – взял Чингисхан себе в жены, а ее младшую сестру по имени Сорхагтани отдал своему сыну Толую. Даровав прощение самому Жаха гамбе и не учинив разора его подданным, Чингисхан пожелал, дабы тот, подобно второй оглобле телеги, стал верным соратником его.

Тогда же Бадаю и Хишилигу дарованы были шатер златоверхий, в котором восседал Ван-хан, чаша золотая, из коей он пил, а также вся свита и челядь, что ему прислуживали. Сии дары преподнося, хан молвил:

«Всю челядь отдаю вам в услуженье:

Пускай вам на пиру подносят чаши,

А на охоте ваш колчан таскают.

Пускай из поколения в поколение

Ваш достославный род, потомки ваши,

Повинностей не зная, процветают.

Желаю, чтобы горы той добычи,

Что у врага в сражение отобьете,

Навек остались с вами;

Надеюсь я, что грудой разной дичи,

Которую убьете на охоте,

Воспользуетесь сами».

И возгласил тогда же Чингисхан:

«Бадай и Хишилиг спасли мне жизнь, великую услугу оказали. И, покровительство у Вечного Всевышнего Тэнгри найдя, хэрэйдов я поверг, и на престол высокий я взошел. Так пусть же ныне и вовеки, аж до праправнуков, наследники престола моего заслуги этих двух мужей не забывают!» Так повелел он.

Хэрэйдов племя повоевав,

Своих никого мы не позабыли —

Пленных меж всеми распределили.

Тумэн түбэгэнцев в полон забрав,

Его на части тотчас поделили,

Мужам и сродникам всех раздали.

В день боя, еще не приспела тьма,

Донхайдцев множественный народ

Уж был по стойбищам разведен.

И полоненных жирхинцев тьма —

Воинственный и жестокий род —

Меж воями также был поделен.

Довершив избиение хэрэйдского народа, Чингисхан сидел всю зиму в урочище Абжига худэхэри.

Ван-хану и его сыну Сэнгуму удалось вырваться из кольца наседавших на них мужей Чингисхана. Когда, добравшись до места Нэгун ус в урочище Дидиг сахал, Ван-хан спешился у реки, чтобы утолить жажду, на него наехал Хори субэчи из караульного отряда найманов.

«Я – Ван-хан», – назвался беглец. Но Хори субэчи не знал хана хэрэйдов в лицо; он не поверил иноплеменнику и убил его.

Тем временем сын Ван-хана Сэнгум, его конюший Хухучу с женой ехали втроем в обход урочища; в поисках источника они скакали по пустынному песчаному нагорью, как вдруг Сэнгум заприметил стадо куланов, которые паслись, отбиваясь хвостами от оводов и мух. Сэнгум сошел с коня, передал поводья конюшему, а сам крадучись стал подбираться к куланам. Когда Сэнгум удалился на порядочное расстояние, Хухучу поворотил своего коня вспять и пустил его рысью, увозя за собой и лошадь хозяина. Жена конюшего окликнула мужа:

«Всегда ты был хозяином приближен,

Ни платьем, ни едою не обижен.

Души в тебе не чаял он – почто ты

Спешишь отвергнуть ханские заботы?

Зачем ты от Сэнгума убегаешь,

На произвол судьбы его бросаешь?»

Видя, что жена начинает отставать, Хухучу крикнул ей: «Никак ты хочешь стать женой Сэнгума?»

На что та ответила: «Негоже, милый, бессовестною тварью, псу подобной, считать меня! Прошу тебя, оставь ему хотя бы чашу золотую! Пусть будет из чего воды напиться».

Хухучу швырнул назад золотую чашу и поскакал восвояси. Явившись к Чингисхану, конюший поведал владыке, как бросил Сэнгума среди песчаных барханов, пересказал слово в слово свою перебранку с женой. Выслушав его, Чингисхан повелел: «Дарую жизнь лишь женщине его. Конюший же, что бросил хана, что своего же властелина предал, и моего доверья недостоин». И Хухучу тотчас был казнен.

Рассказ о том, что замыслил надменный Таян-хан

Узнав о случившемся в урочище Дидиг сахал, мать Таян-хана найманского Гурбэсу сказала: «Ван-хан – потомок рода древнего и ханского к тому же. Пусть принесут мне голову несчастного того. И если убиенный – точно хан хэрэйдов, устроим тризну по усопшему тогда».

С чем и послали к Хори субэчи. Тот голову убитого отсек, доставил в ставку, где ее и опознали. А опознав, водрузили на белый войлок и совершили обряд жертвоприношения – возложили перед новым кумиром напитки и кушанья; прислуживали при этом невестки – стол трапезный накрывали, кубки с вином подносили, наигрывали на хуре ^[114].

В разгар церемонии голова Ван-хана вдруг рассмеялась.

«Она смеется!» – вскричал взбешенный Таян-хан и велел ее растоптать.

Воля хана была немедля исполнена.

Тогда найманский воевода Хугсэгу сабраг, поступок хана не одоблив, изрек: «Негоже, хан, с кумиром – главою хана убиенного – так обходиться. Вон и собаки заскулили на дворе. Все это не к добру! Отец твой, Инанча билгэ, однажды слово обронил такое:

«Почтенные пришли ко мне года,

Жена была, однако, молода.

И был Всевластным Тэнгри дар мне дан:

На свет явился мальчик – сын Таян.

Тщедушным, словно хилый тальник, сын мой рос,

И задавал я сам себе вопрос:

Как сможет он страну управлять,

Тьмой подданных своих повелевать?»

Сомнения терзали душу твоего отца,

И, видно, неспроста.

Собаки брешут – беды на носу.

Единовластно ханша Гурбэсу

В округе всем и всеми управляет.

Ты робок, Таян-хан, и мягкотел.

Охота – твой единственный удел,

Другого голова твоя не знает».

Не вняв увещеванью воеводы, самолюбивый Таян-хан надменно рек:

«Торчат в степи, что на востоке, и много возомнили о себе монголы. Их кучка жалкая до смерти запугала, согнала с отчины и в бегство обратила, и, наконец, свела-таки в могилу Ван-хана, потомка древлесславнейшего рода. Ужели всех прибрать к рукам они хотят, поставить хана своего над нами? Известно, что на небе два светила – луна и солнце; в их воле освещать небесный свод. Но как же можно на земле двум ханам сразу править?! Я непременно поплению монголов этих и в отчину свою их пригоню».

Но мать его на это возразила:

«Что пользы нам от них? Одна морока!

Немытые тела их так смердят,

Одетые в нестираный халат.

Нет от монголов никакого прока.

Нам приближать их вовсе не пристало.

Вот разве только девок их отбить,

Пригнать да хорошенько их отмыть —

Могли б они коров доить, пожалуй».

На это Таян-хан сказал: «Какие б ни были они, а все же мы пленниками их приведем к себе, колчаны их захватим».

Но тут все тот же верный воевода Хугсэгу сабраг предостерег его: «Не много ль на себя берешь, мой хан? Тебе ли говорить такое? Одумайся, прошу».

Надменный Таян-хан, не вняв ему, тотчас же отослал посла по имени Торбиташи к главе онгулов Алахуши дигитхури со словами: «Монголов кучка, что в степях восточных, кичиться стала силою чрезмерно. Так вместе повоеюем тех монголов, их попленим, колчаны отберем. И выступай, мой Алахуши, немедля, и будь в моей дружине правым краем».

Выслушал найманского посла Алахуши дигитхури и отослал с таким ответом: «Нет, не могу быть правым краем в твоей дружине».

И тут же вождь онгулов послал гонца по имени Юхунан с поклоном к Чингисхану и словами: «Найманский Таян-хан твои колчаны отобрать грозит. Мне предложил в его дружине правым краем быть. Я отказался – Всевышний Тэнгри тому свидетель. Теперь же, зная замыслы его, я шлю гонца тебя предостеречь: будь осторожен, не дай врагу себя обезоружить» ^[115].

Юхунан, посыльный Алахуши дигитхури, разыскал Чингисхана в урочище Тулгинчэгуд в окрестностях Тэмэн хээр, где он устроил облавную охоту. Выслушав онгудского гонца, здесь же, в урочище, собрались держать совет, как быть, что делать.

«Отощали лошади у нас, воевать теперь не можем», – сетовали многие мужи. Но Отчигин ноён ^[116] им возразил: «Тоже мне нашли причину – кони, мол, их отощали. А мои – крепки и в теле. Разве смеем сложа руки мы сидеть, коли известие такое получили?!»

Знатный монгольский всадник на охоте. *Иранский рисунок начала XIV в.*

Отчигин ноёну вторя, Бэлгудэй ноён такое слово молвил:

«В живых остаться

Да с колчанами вдруг расстаться?

Стоит ли тогда за жизнь цепляться?

Для достойного мужа, поверьте,

Нет почетнее смерти,

Чем сном забыться вечным

На просторе степном, бесконечном.

Верой в силы свои укрепляясь,

Так найманы рекут, похваляясь:

«Наш улус – обширный, пространный!..

Многочисленны мы, найманы,

И стада у нас так обильны,
Род найманов – воинственный, сильный».
На найманов ратью пойдем,
Нападем на них, нападем.
Все найманские земли займем.
Не помешкает наша рать
Луки, стрелы у них отобрать.
Если мы нападем тотчас,
Не успеют найманы от нас
И свои табуны угнать.
Побросают скарб, побегут,
Даже ставку свою не свернут,
Не успеют юрты убрать.
В одиночку они и скопом
По лесным разбредутся тропам —
Гибель каждого ожидает...
Таян-хан набег замышляет —
Слов коварных его не снесем,
Нападем на него, нападем».

Рассказ о том, как Чингисхан занимался устройением войска и караульной стражи

И одобрил Чингисхан речи Бэлгудэй ноёна, и, покончив с охотой, откочевал из Абжига худэхэриг, и стан раскинул в местечке Ор нугын хэлтгий хад, что на реке Халхин-гол. Подсчитав силы свои, разделил Чингисхан дружину свою на тысячи, на сотни и десятки и поставил над ними тысяцких, сотников да десятников. А Додаю, Доголху, Угэлэ, Толуну, Бучарану и Суйхэту был пожалован чин высокий – чэрби^[117].

И, покончив с этим, занялся Чингисхан устройением личной караульной стражи – хишигтэна^[118], в коей было восемьдесят хэвтулов – ночных охранников и семьдесят турхагов – гвардейских стражников дневной охраны.

И собрал Чингисхан в свою караульную стражу всех смышленных и крепких телом мужей – сыновей и младших братьев сотников своих и тысяцких, а также сыновей и младших братьев людей свободного состояния.

Обратясь милостиво к Архай хасару, Чингисхан тогда же повелел: «Тысячу лучших мужей отбери! Во дни сражений впереди меня пусть в бой они идут! В дни мира и покоя пусть личною охраной моей стоят на карауле!»

И повелел он тут же: «Да будет Угэлэ чэрби главою над турхагами стоять! И в том помощником ему пусть будет Хутусхалчан».

И молвил дальше Чингисхан: «Пускай дневальные мои – стрелки-хорчины, турхаги и прочие конюшие, и вратари, и кравчие несут дозор, нас охраняя, сменяясь каждодневно. Перед закатом солнца пускай сдают свой пост ночным охранникам – хэвтулам. А те всю ночь пускай стоят у входа часовыми, обходят стан дозором. Пока мы утром заняты едою, хорчины и турхаги, вратари и кравчие должны явиться и на посту хэвтулов заменить. А через трое суток сменного дозора охране всей для отдыха смениться надлежит».

Так Чингисхан дружину разделил на тысячи, назначил шесть чэрби, устроил стражу караульную – хишигтэн, поставил Архай хасара главою гвардии своей и выступил повоевать найманов.

Лагерь Чингисхана. Миниатюра из «Сборника летописей» Рашид ад-Дина. XIV в.

Рассказ о том, как был полонен народ найманский

В день после полнолуния – шестнадцатого числа первого летнего месяца года Мыши^[119], окропив боевое знамя, Чингисхан выступил в поход^[120].

Зэв и Хубилай, посланные в дозор вверх по реке Керулен, добрались до долины Саарь хээр, где наехали на разъезд найманов, располагавшийся на вершине Ханхар ханы. В короткой стычке найманы захватили у наших дозорных тощую пегую кобылу под плохоньким седлом. Найманский разъезд, отбивший эту кобылу, разнес слух о том, что «кони у монголов вконец отощали».

Тем временем и наши главные силы достигли долины Саарь хээр. В ставке решался вопрос: «Как быть дальше?» И тогда Додай чэрби, обращаясь к Чингисхану, сказал: «О, хан, немногочисленны, утомлены столь дальним переходом наши силы. И потому я предлагаю задержаться здесь, чтоб воинам дать отдых, а лошадям – насытиться хотя бы. Давайте стан раскинем и по всей долине расставим наши силы; причем пусть каждый муж, живая каждая душа по пять костров разложит ночью разом, чтоб навести нам на найманов страху. Доносят нам, что враг числом нас превосходит; при этом говорят, что Таян-хан – дитя изнеженное, что прежде никогда не покидал отцовской юрты он. Покуда будут сбиты с толку, запуганы кострами нашими

враги, дадим своим коням мы передышку, откормим их, и вот тогда, пожалуй, самая пора напасть нам на передовые их отряды, преследовать до главного их стана, воспользоваться паникой врага и одолеть его в решающем сражении».

Додая чэрби речи мудрые пришлось владыке по душе, и отдан был приказ разжечь костры. И стали наши станом по всей долине Саарь хээр, и каждый из мужей разжег по пять костров.

Разъезд найманский, взиравший на долину с вершины Ханхар ханы, был ночью крайне поражен: «Ведь говорили, что монголов мало. Костров же здесь, в долине, больше, чем на небе звезд!»

И, в стан пригнав отбитую кобылу под плохоньким седлом, дозорные найманы доложили: «Монгольские войска заполонили всю долину; их силы, подобно быющему из-под земли ключу, все прибывают. А ночью их костров пылает больше, чем на небе звезд».

Выслушав донесение дозорных, Таян-хан, сидевший в местечке Хангайн Хачир ус, послал гонца к сыну Хучулуг-хану со словами:

«Истощены монголов кони,

Донесят нам. Но, судя по кострам,

Которых больше, чем на небе звезд,

Монголов тьма. И коли нам сейчас

С монголами столкнуться б довелось,

От них не отвязались бы мы разом...

Монголу проколи щеку насквозь,

А он, упорный, не моргнет и глазом.

Ему хоть кровью б истекать пришлось —

Он не отступит: не такого склада.

Вступать в борьбу, надеясь на авось,

Со стойкими монголами не надо.

Но мы наверно знаем: кони у монголов отошали. И потому я предлагаю: мужей найманских переправить за Алтай; там наше войско укрепим. В монголах страсть наживы разжигая, собакою на поводке притащим их в пределы отчины родной. Поскольку лошади у нас упитаны вполне, они в походе брюхо подберут, и только. А вражеские клячи выбьются из сил, костей мешок от них останется, пожалуй. Тут и ударим мы врагу навстречу».

Выслушав переданные ему слова отца, Хучулуг-хан рек раздраженно: «Труслив, как паршивая баба, отец мой, Таян-хан, и потому сейчас несет такое. Откуда вдруг привиделась ему монголов тьма? Ведь большинство их вслед за Жамухой прибились к нам».

И, понося на все лады отца,

Сын передал ему через гонца:

«Так может рассуждать лишь Таян-хан,

Чьей трусости нет меры и конца,

Чей путь от юрты – к пастбищу телят

И, без привычки, – сразу же назад,

Брюхатой бабе за нуждой пойти —

Видать, не знал он большего пути».

Услышав, как его поносит сын, Таян-хан молвил:

«В твоих насмешках, сын мой, Хучулуг,

Надменности и похвальбы немало.

А как дойдет до драки, свой испуг

От глаз людских не скроешь ты, пожалуй.

Надменный нрав показывай врагу,

А я лишь повторить тебе могу:

Ввязавшемуся в схватку забияке

Уже не выйти без потерь из драки».

Но Таян-хана правая рука, великий ноён Хори субэчи на это возразил:

«Нет, не доводилось отцу твоему никогда

От равного силой врага удирать.

Нет, хан Инанча билгэ не стерпел бы стыда

В сраженьи коней поворачивать вспять.

Что ты заране возбоился, Таян-хан?! Знай прежде, что ты такой отважный, мы верховодить бы поставили над всеми воинственную ханшу Гурбэсу. Все к одному: на счастье монголов и богатырь наш Хугсэгу сабраг вконец уж одряхлел – порядка в нашем воинстве не стало. Никчемный из тебя правитель вышел, Таян-хан».

В сердцах ударив по колчану, великий ноён Хори субэчи поворотил коня и прочь умчался.

Разгневанный речами великого ноёна, Таян-хан вскричал: «Не все ль равно, что умереть в бою, что долгий век влачить, дряхлея телом! А коли так – то будем биться!»

Найманы снялись с местечка Хачир ус и двинулись в направлении реки Тамир; по пути они переправились через реку Орхон, обогнули восточный склон горы Наху хун; вблизи местечка Цахир могод их заметили дозорные Чингисхана.

Когда Чингисхану донесли о приближении найманов, он сказал: «Чем больше их, тем больших жди потерь. А мало их – невелики потери будут!» И повелел Чингисхан двинуть войска навстречу найманам.

Отгнав передовой отряд неприятеля, наши ратники выстроились в боевой порядок; и было решено:

«Как колючки караганы в тело недруга вонзая,

Тут и там его терзая, обтекая, окружая,

Клинья по бокам вбивая,

Разрывая, расчлняя,

Будем бой вести»^[121].

Отдав главные силы под начало брата Хасара, а запасный табун – Отчигин ноёна, сам Чингисхан поскакал впереди своего войска.

И повернули найманы вспять от Цахир могода, и раскинули стан у подножия восточного склона горы Наху хун.

Наш сторожевой отряд, преследуя дозорных найманов, наехал на стан их главных сил. Узрев врага, Таян-хан спросил у Жамухи, который выступил против Чингисхана заодно с найманами: «Скажи мне, кто эти волки, что гонятся за нашими мужами, словно, овечье стадо настигая, прорваться так и норовят в загон?»

На это Жамуха ответил: «Есть у моего анды Чингиса четыре пса, на цепь посаженные, мясом человеческим вскормленные. Они-то и преследуют дозорных наших.

Монгольские конники в пластинчатых доспехах преследуют противника. *Иранская миниатюра XIV в.*

Не сердца у них, а уголья,

Языки – что острые колья.

И носы у них, как зубила,

И не лбы – чугунные била,

Четыре бешеных пса.

Оборвали железные цепи,

Побежали они через степи.

Как слюна-то из пасти брызнет —

Посягают на тысячи жизней

Четыре бешеных пса.

С диким воем, с рыком и лаем

Мчится первым Зэв с Хубилаем,

Вслед – Зэлмэ, Субэгэдэй... Вся свора.

Тэмужина анды опора —

Четыре бешеных пса.

Их питье – лишь роса одна,

Их еда – своя же слюна,

Ветры их на себе несут,

Лишь колчаны друзьями зовут

Четыре бешеных пса».

«Ну, коли так, нам от поганных этих подальше надобно держаться», – молвил Таян-хан, и вспять он отступил, повыше в горы. Но и оттуда видел он, что по пятам преследователи за ним несутся. И снова стал у Жамухи пытаться:

«Вглядись, взглядишь, почтенный Жамуха:

Что там за люди? Кто бы это были?

Похоже, будто резвых жеребят,

Насытившихся, с привязи спустили.

Смотри, смотри: они всё ближе к нам,

Всё гонятся за нами по пятам».

На это Жамуха ответил:

«Уругудов и Мангудов узнаю:

И пеший их пугается, и конный.

Как безоружный перед ними слаб,

Так слаб пред ними и вооруженный.

Любой с врагами на расправу скор:

Разоружат – и кончен разговор.

С отвагою они стремятся в бой,

Противнику всегда дают отпор».

«Что ж, коли так, нам от поганных этих подальше надобно держаться», – промолвил Таян-хан и дальше отступил, все выше в горы.

Там снова вопрошает Жамуху трусливый Таян-хан: «Кто это вслед за нами голодной птицей летит, стремится?»

На это Жамуха ответил:

«Вон тот, что нас преследует один,

Не кто иной, как анда Тэмужин.

Хан Тэмужин – силач,

Он телом – исполин.

Броню на нем

И шило не проткнет,

Игла в кольчуге

Дырки не найдет.

И свищет, рыщет

Голодной птицей он.

Как зверь за пищей,

Вперед стремится он.

Вы давеча, однако, похвалялись, мол, мы, найманы, нападём и разнесём монголов в пух и прах. Теперь они пред вами, так побейте ж их!»

Но, возбоявшись богатырей Чингисхана, Таян-хан изронил такое слово: «Нет, Жамуха, сейчас нам будет лучше подальше в горы отступить». Но, выше забираясь в горы, он видел по пятам идущую погоню и снова вопрошал у Жамухи:

«Скажи мне, что за исполин преследует нас неотступно?»

На это Жамуха ответил:

«Не узнаешь? Огэлун хатан сын

Сюда несется вскачь,

Он Хасаром зовется у врагов,

Вскормленный человечиною силач.

Верзила грозный, вымахал в сажень,

Блестя броней, напропалую мчится.

И кажется, навис уже, как тень,

Свежатиною жаждет поживиться.

Могуч!.. Тяни его хоть три быка —

Упрется Хасар, и не сдвинешь с места.

Утроба велика не велика —

Шутя трехлетку-коровенку съест он.

А доведется воина настичь,

Так тут ему и вовсе не задача:

Проглотит человека, словно дичь,

С колчаном и со стрелами в придачу.

Представьте, человек стоит живой,

Вдруг тень падет – и вмиг его не станет.

А злыдень помотает головой —

И жертва даже в горле не застрянет.

А если Хасар гневом распален,

Хватает из колчана стрелы он,

В намеченную цель проворно мечет.

Случится, жертва не видна порой

И от стрелка сокрыта за горой —

Стрела ее сразит иль изувечит.

Взъярился Хасар и рассвирепел —

Возьмет охапку самодельных стрел

И вроде в пустоту метнет их кучей.

Перемахнут они за гребень гор,

И будет войску за горой разор:

Падет погибель на людей из тучи.

Здесь Хасар — и беды нам не отвести,

Пред ним любой рассыпья неприятель.

В нем мощь нечеловеческая есть,

Ведь это мангас, людопожиратель.

Он тетиву натянет посильней —

Летит стрела на тыщу сажень;

Вполсилы лук натянет — и стрела

На пятисотой сажени легла».

О, как же убоился Таян-хан, внимая Жамухе!

«Укроемся быстрее в тех горах, взберемся поскорей повыше», — рек он, поспешно поднимаясь в горы. Карабкаясь на кручи поднебесные, он снова у Жамухи спросил: «Скажи, а кто там скачет за Хасаром?»

На это Жамуха ответил:

«А там — Огэлун хатан младший сын,

Прозвание батыру — Отчигин.

Хоть нежит мать сыночка непрестанно,

Хоть у нее он засыпает рано,

В бою, однако, он и смел, и тверд.

Хоть, младшенький, вставать привык он поздно,

Но вид в сражении имеет грозный,

Достаточно силен и в меру горд.

Коль грянет бой, не станет Отчигин

Искать в тылу укрытие один».

«Ну, коли так, – дрожа от страха, молвил Таян-хан, – тогда скорей взберемся на вершину».

После разговора с Таян-ханом Жамуха с верными ему нукерами удалился от найманов и послал к Чингисхану гонца со словами:

«Таян-хану Тэмужин внушает страх,

Отступает хан и прячется в горах.

Выше, выше он крадется по лесам,

Лезет с войском чуть не к самым небесам.

Будь же стоек, Тэмужин. Все ясно тут:

От тебя найманы в панике бегут.

В их испуганные лица загляни:

Потеряли дух воинственный они.

Итак, я от найманов ухожу,

И нукеры мои уходят»^[122].

Когда солнце уже клонилось к закату, Чингисхан окружил гору Наху хун, где и заночевал. Той же ночью найманы, пытаясь спастись бегством, сорвались с горы Наху хун; как рухнувшая поленица дров, они попадали вниз, давя друг друга насмерть.

Назавтра был пленен и сам Таян-хан. Его сын Хучулуг-хан стоял поодаль от главных сил и поэтому смог избежать пленения. Настигнутый преследователями, он занял круговую оборону у реки Тамир, но не смог сдержать нашего натиска и бежал прочь. Вот и весь сказ о том, как был полонен и подчинен весь народ найманский на Алтае.

Племена же, раньше ведомые Жамухой, – Жадаран, Хатагин, Салжуд, Дурбэн, Тайчуд, Унгирад – влились под водительство Чингисхана.

Чингисхан повелел доставить к нему мать Таян-хана Гурбэсу хатан и сказал ей так: «Ты говорила, что смердят монголы. Тогда зачем же вдруг пожаловала в земли наши?» После того он взял ее себе.

Сказ о том, как Чингисхан взял в жены мэргэдку Хулан

Осенью того же года Мыши в местечке Хар талын узур Чингисхан сразился с предводителем мэргэдов Тогтога бэхи. Одолев и преследуя его, Чингисхан полонил народ мэргэдский. Сам Тогтога бэхи, двое его сыновей, Хуту и Чулун, в сопровождении незначительной свиты сумели скрыться.

Вождь племени Увас мэргэд по имени Дайр усун, не желая воевать против Чингисхана, решил показать ему свою дочь Хулан^[123]. Когда же монгольские воины преградили ему путь, Дайр усун обратился к Наяе ноёну баридайскому со словами: «Я еду к Чингисхану. Ему свою я дочь желаю показать». На что Наяа ноён отвечал: «Пожалуй, будет лучше, если мы вдвоем к Чингису твою дочь доставим. Опасно нынче ехать одному. Всяк может по дороге повстречаться. Что стоит воину тебя сгубить, а над Хулан твоею надругаться. Послушайся совета: обожди три дня, да и поедем вместе к Чингисхану».

Как и было условлено, через три дня Наяа ноён и Дайр усун доставили Хулан к Чингисхану. Чингисхан разгневался, когда узнал о том, что Наяа ноён на трое суток задержал Хулан и ее отца у себя.

«Зачем ты у себя задерживал Хулан?» – вскричал он, уже было готовый расправиться с ноёном. Но тут Хулан вмешалась и сказала: «О Чингисхан, великий твой ноён – достойный муж: он предложил нам покровительство свое в пути, он убеждал нас, что, не ровен час, нам люди могут встретиться лихие, и непременно быть тогда беде. Теперь я точно знаю: не повстречайся нам он на пути, мы стали бы добычей легкой любого воина из тех, что по дороге попадались нам навстречу. О хан, как благодарна я судьбе, что нас свела с твоим ноёном! К чему теперь сии пристрастные допросы? Ты лучше на меня взгляни, мой хан, достойно оцени то тело, что Всевышний Тэнгри мне даровал, кое родители однажды породили».

Тогда же Наяя ноён молвил:

«Властитель ты всего и вся, Чингис,

В моей ты службе верной убедись.

Тебя я уважаю и лелею —

Других же целей в мыслях не имею.

Твою добычу из земли далекой

Хранит мое недреманное око.

Прекрасной хатан, этим скакунам

Был преданным хранителем я сам.

И все это тебе принадлежит,

Нет в помыслах моих тебе обид.

А если что не так содеял я,

Пусть тут же оборвется жизнь моя».

Чингисхану понравились искренние речи Хулан хатан, и в тот же день он соизволил с ней уединиться. Ее правдивость и невинность подтвердились, и поэтому она была обласкана владыкой. Поелику слова Наяя ноёна тоже были сущей правдой, Чингисхан, сменив гнев на милость, молвил: «Ты – преданный и честный муж. Тебе доверю я большое дело».

История бегства Хучулуга и избиения мэргэдов

Полонив народ мэргэдский, Чингисхан пожаловал Угэдэю Дурэгэнэ хатан ^[124] – одну из двух жен Хуту, старшего сына Тогтога бэхи. Самые воинственные из мэргэдов не покорились Чингисхану, пришли в таежную местность и, укрепившись там, заняли круговую оборону.

И повелел тогда Чингисхан Чимбаю, сыну Сорхон шара, стать во главе левого крыла его рати и повоевать укрепления мэргэдские. Сам же Чингисхан стал преследовать Тогтога и его сыновей Худу и Чулуна, которым с горсткой мужей мэргэдских удалось выбраться из кольца окружения.

На зиму Чингисхан раскинул стан на южном склоне Алтая, а весной года Быка ^[125], перевалив через Арайский перевал, в местности Бухдурма, что на реке Эрчис ^[126], наехал на мужей мэргэдского Тогтога и найманского Хучулуга, которые соединились против него. В сражение мэргэдского Тогтога настигла шальная стрела, и он тут же скончался. Дети Тогтога бэхи не смогли вынести с поля боя тело отца, чтобы похоронить его, поэтому отсекли отцовскую голову ^[127] и тотчас скрылись. Бежали оттуда и прочие найманские и мэргэдские мужи, что не устояли перед воинством нашим. И погибли многие из них, утонув при переправе через Эрчис. Те же немногие из найманов и мэргэдов, что переправились через Эрчис, разделились и пошли каждый своим путем.

Найманский Хучулуг-хан проследовал через земли племен уйгурдаев и харлугов, пришел и соединился с Гур-ханом хар хтанским, что сидел на реке Чуй в землях Сартаульских. Сыновья мэргэдского Тогтога бэхи – Худу, Гал и Чулун – во главе прочих мэргэдов двинулись на запад через земли ханлинов и кипчаков.

Чингисхан, перевалив через Арайский перевал, возвратился в свою ставку. Тем временем Чимбай полонил мэргэдов, укрепившихся в таежной местности. И повелел тогда мужам своим Чингисхан иных из мэргэдов погубить, остальных поделить между собой. Мэргэды, ставшие под водительство Чингисхана раньше, подняли бунт в его ставке, но тут же были подавлены охраной владыки.

И молвил тогда Чингисхан: «Позволили мэргэдам мы жить вместе, на роды их, на семьи не делили, они же против нас предательски восстали». И, сказав так, Чингисхан поделил среди мужей своих всех недругов-мэргэдов до единого и разослал их в разные концы улуса своего.

В тот же год Быка Чингисхан, предоставив Субэгэдэю колесницу, отослал нукера своего вдогонку за сыновьями Тогтога бэхи – Худу, Галом, Чулуном и прочими мэргэдами^[128]. Посылая Субэгэдэя, Чингисхан повелел:

«Трусливые сыновья

Зловредного Тогтога

Дрожат, трепещут заране,

Словно кулан на аркане;

Страхом животным объаты,

Словно подранок сохатый.

Обороняются вяло,

Прочь отступают устало...

Удирают Чулун и Худу...

Коли вдруг у тебя на виду

Крылья у них отрастут,

В синем небе они пропадут, —

Ты как ястреб за ними лети,

Догони беглецов и схвати.

Может, эти трусливые братцы

Тарбаганами вдруг обратятся

И со страху забьются в нору...

Стать тебе, Субэгэдэй мой, полезно

Богатырской пешнею железной,

Чтоб насквозь протаранить дыру.

Обратись они рыбами в море,

Скрывшись в глуби его и просторе,

Ты, Субэгэдэй мой,
Неводом стань,
Ты проныр из пучины достань.
Богатырь Субэгэдэй,
Друг сердечный мой!
Отсылаю тебя в день намеченный,
Чтоб перевал ты одолел,
Реки широкие переплыл,
Мэргэдов мстительных разгромил.
Реки широкие переплывешь —
В землях далеких все примечай.
Не загони ездовых коней,
Еду запасенную не расточай.
Когда обезножат твои рысаки,
Жалей — не жалей их тогда,
А врага не достанешь;
Когда иссякнут твои харчи,
Прижимистым станешь,
Да поздно: недолго протянешь.
В краю чужедальнем,
Увлечшись охотою разной,
Гляди, чтобы верх над тобою
Не взяли соблазны.
Запасы еды пополняя,
Держись середины.
Коль долго вам ехать придется
Дорогой равнинной,

Езжайте спокойно,
Без дела коней не гоните,
Ослабьте подпругу,
Уздечку на время снимите.
Коль будут порядок
И строгость во всем соблюдаться,
Зазорно мужам твоим станет
За дичью гоняться.
А тех, что посмеют
Запретом моим пренебречь,
Ослушников дерзких
Без жалости следует сечь.
Коль неслуха знаю —
Пришлите, я буду с ним крут;
Не знаю – тогда уж
На месте устраивай суд.
Хребты одолеете вы
И высокие горы,
Но пусть незнакомы вам будут
Разлад и раздоры.
Вы переплывете
Большие и малые реки,
Но помыслы наши
Да будут едины вовеки.
Даст Вечный Небесный Владыка —
И будут крепки ваши кони,
Тогда не уйдут

Сыновья Тогтога от погони.

Пожалуй, не стоит

Везти вам их в ставку мою,

Что делать вам с ними —

Решите вы в дальнем краю».

Отважному Субэгэдэю наказывал Чингисхан:

«Ступайте и разорите

Мэргэдов-грешников стан.

Я, помню, был еще мал —

Их род на нас нападал,

На Бурхан халдуне,

Горе священной,

Скрываться нас заставлял.

Зловредные эти мэргэды

В верности нам клялись,

Но тут же нарушили клятву,

В сторону подались.

Как достигнешь конца пути,

Их возмездье должно найти:

Их со дна морского достань,

Но возьми с них, коварных, дань,

И пусть будет дань велика!..»

Субэгэдэй, сердцу хана любезный,

На его колеснице железной

В путь отправился в год Быка.

Субэгэдэю-богатырю на прощанье хан говорил:

«Хоть и скроешься ты из виду,

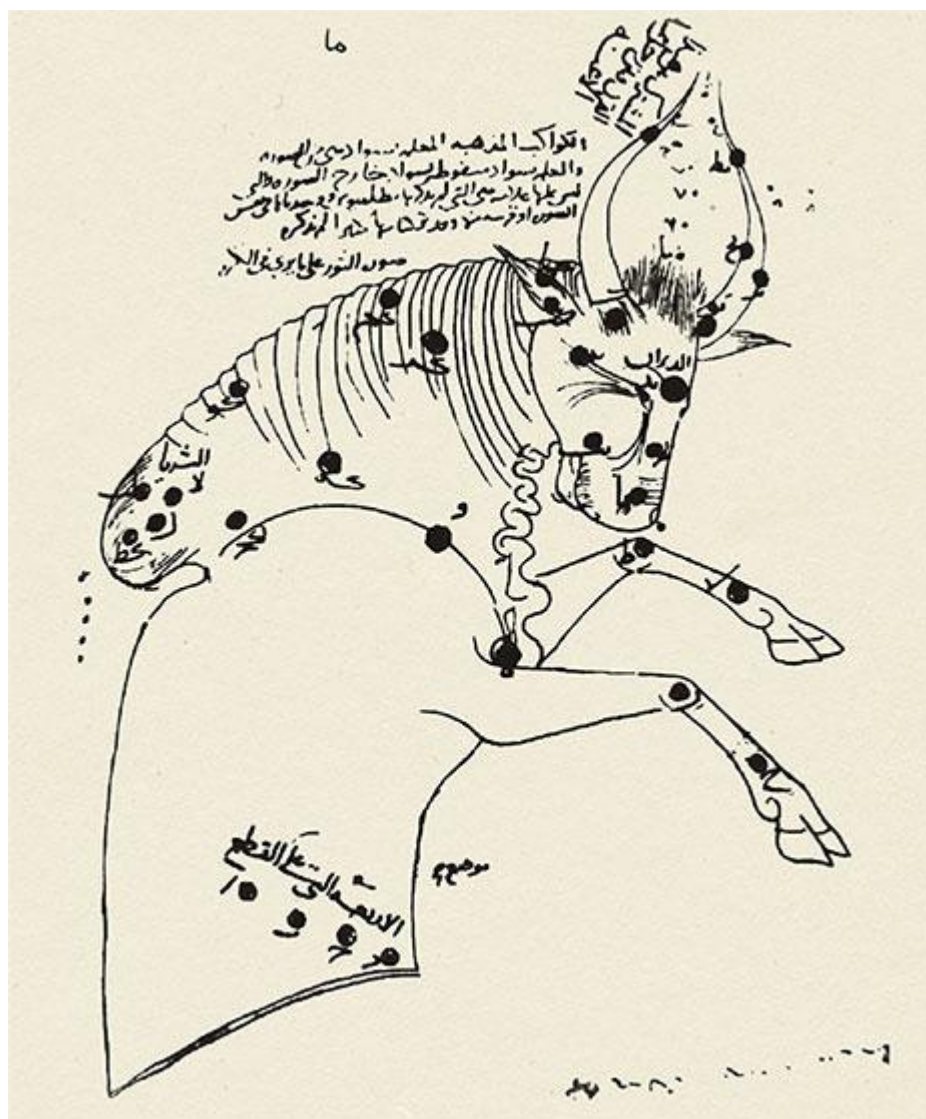
Но считай, что ты на виду.

Далеко уедешь, но думай,

Что я рядом с тобой иду.

При служении мне безгреховном

Будешь взыскан ты Владыкой Небесным».

Созвездие Быка. Древний монгольский рисунок

Сказ о том, как Чингисхан казнил Жамуху

После того как были взяты в полон найманы и мэргэды, лишился народа своего и Жамуха, бывший вместе с найманами. И бродил он с пятью нукерами своими, пристанище ища. На горе Тагна подстрелили они горного барана и, зажив его, принялись за трапезу. И прорек тогда Жамуха: «Скажите мне, чьи дети нынче бродят по горам и кормятся вот так, случайною добычей?!»

И схватили Жамуху пятеро нукеров его прямо за трапезой, и привели к Чингисхану. Схваченный нукерами, Жамуха передал Чингисхану такие слова:

«Черные вороны

Стали на селезней

Вдруг налетать.

Низкие слуги

Смеют владыкам

Путь заступать.

Яви справедливость,

Мудрость яви, как всегда,

Хан мой, анда!

Хищные коршуны

Уток достойных

Посмели ловить.

Низкие слуги

Законного хана

Готовы убить.

Как ты рассудишь —

Было ль такое когда,

Хан мой, анда?»

Выслушав переданные ему слова Жамухи, Чингисхан так сказал: «Нет прощения нукерам, кои на хана посягнули своего! И разве они будут верными нукерами другому?! На хана посягнувших тех холопов и всех их сродников от мала до велика повелеваю истребить!»

И тотчас на глазах Жамухи были казнены посягнувшие на него нукеры.

И повелел Чингисхан передать Жамухе такие слова:

«Давай же сойдемся

И дружество наше навек возродим.

Как прежде

В одной колеснице

Двумя мы оглоблями станем.

И все, что угасло в душе, воскресим,

И все позабытое вместе вспомянем.

Хотя и разные мы выбрали пути,

Но побратимство наше было свято.

Когда случалось мне на бой идти,

Я знал, что ты душой болел за брата.

Да, разные пути-дороги,

Друг, выбирали мы порой.

Но в битве с врагом закланым

Душой ты был всегда со мной.

Ты помнишь, конечно:

Большую услугу ты нам оказал,

Когда Торил Ван-хана

Коварные замыслы разоблачил.

Гонец от тебя

Накануне сраженья ко мне прискакал

И словом сердечным меня ободрил.

Вспомяни и про то, как найманов

Напугать ты до смерти сумел.

А потом известил нас об этом.

Очень вовремя нам подсобил!»

И Жамуха ему на это ответил:

«Приходит мне на память юность наша

В долине Хорхонаг жубур.

Дружили мы,

Любили мы друг друга,

Мой хан, мой побратим.
Тогда была у нас с тобой еда,
Которой в одночасье не свариться;
Друг другу говорили мы слова,
Которым в одночасье не забытья;
Одним мы укрывались одеялом,
Одни у нас и мысли вызревали...
Однако я, себе же на беду,
Однажды воле чужака поддался,
Губительным словам его поверил,
Убийственным их ядом напился —
Втянулся в козни, в происки чужие
И от тебя, мой побратим, мой хан,
Душою отошел и – отделился.
С тех пор страшился встретиться с тобой,
Явить перед тобою лик свой черный,
Как будто кожа содрана с него.
Мне вспоминались наши разговоры,
И места я не находил, страдая,
Перед твоим великодушьем трусил
И опасался мудрости твоей,
Боясь лицом к лицу с тобой столкнуться,
Явить перед тобою красный лик,
Как будто бы с него содрали кожу.
Да, было время дружбу нам водить.
Увы, от этой дружбы я бежал.
Ты призываешь чувства возродить,

Которых я, увы, не удержал.

О, ты, который множество племен
Объединил и дал им свой закон,
Народов тьму ты умиротворил,
Своею властью их объединил.

С тобою все улусы, все края —
Тебе почет от сопредельных стран.

Что значит дружба для тебя моя,
Когда для всех и вся теперь ты хан!

Хочу ль быть на глазу твоём бельмом,
Средь бела дня – твоим кошмарным сном,
Вшой на груди твоей,
Занозою в ключице?

Нет, мне с такою долей не смириться!
Когда-то я, доверчивый и слабый,
Был с толку сбит завистливою бабой,
Ушел от друга я, от побратима.

Беда моя была неодолима.

И с той поры душа моя больна...

Всем, всем известны наши имена.

Повсюду, от восхода до заката,
Все слышали: брат отошел от брата.

Но ты – ты ничего не потерял.

Я отошел – слабее ты не стал.

Мать мудрая тебе дана судьбой,
И братья достославные с тобой.

И есть богатыри в твоих пределах;

Под ними рысаки – статны и в теле.
Я побежден тобой,
Твоею ратью уничтожен.
Какой же между нами мир возможен!
Без матери и без отца я рос,
Без братьев младших, даже без друзей,
И одиноким вырос сиротой;
Был взыскан я одною лишь женой,
Болтливой бабой, вздорной и пустой.
Вот почему меня ты победил!
Да, предопределен твой жребий был.
Всевышний Тэнгри все решил за нас.
Коли меня ты умертвишь сейчас,
Почувствуешь мгновенно облегченье,
И будет сердцу твоему покой,
Блаженство будет и отдохновенье.
Последнюю назначив мне юдоль,
Ты, побратим мой, приказать изволь,
Чтоб смерть моя по нраву мне пришлась:
Чтоб кровь моя на землю не лилась,
Чтоб кости тела моего могли
Лежать в утробе матери-Земли.
Да будет покровителем мой дух
Твоим потомкам^[129], Тэмужин, в веках!
Твоим суддэ, увы, повергнут я^[130],
Им да хранима вся твоя семья.
Так помни, хан, слова мои всегда,

Теперь же отпусти меня туда!..»

Выслушав эти речи Жамухи, Чингисхан передал ему через посыльного:

«Ты шел иной дорогой, Жамуха,

Но мне преступных слов не говорил,

Нет за тобой великого греха,

Который бы достоин смерти был.

Ты мог бы все поправить, но, увы,

К тому усилий ты не приложил;

Не должен бы лишаться головы,

Твой смертный час еще не наступил.

Ты, человек высокого пути,

Не должен просто так от нас уйти.

Чтоб человека взять да умертвить —

Тут веская должна причина быть...

Но если говорить о той причине, ты помнишь, анда Жамуха, как брат Тайчар твой, учинив разбой, угнал табун у Жочи Дармалы, но нагнан и убит им был. Тогда ты, ослепленный мстью, на побратима ополчился своего. И в местности Далан балжуд сразились наши рати; тогда на нас нагнал ты страху, в Жэрэнское ущелье потеснив. А нынче ты отверг желанье наше во дружестве с тобою жить. Тебя, анда, желал я пощадить, но тщетно. Так будь по-твоему: ты будешь умерщвлен, но кровь твоя не будет пролита, и прах твой с почестями будет погребен».

И по велению Чингисхана Жамуха был умерщвлен и прах его был предан земле.

Рассказ о Великом хуралдае

И воцарились тогда мир и справедливость в улусе войлочностенном^[131], и в год Тигра^[132] у истока Онона собрался народ его на хуралдай^[133], и воздвигли они белое девятибунчужное знамя свое, и провозгласили всенародно Тэмужина Чингисханом.

Там же Мухали был пожалован в гуй ваны^[134], а Зэва Чингисхан отослал вдогонку за найманским Хучулу-ханом.

Так закончив объединение всех монгольских народов, Чингисхан повелел:^[135] «Своих нукеров непоколебимых, кои державу нашу создавали, возвысить я повелеваю в тысяцких ноёнов!»

И провозглашены были тысяцкими ноёнами отец Мунлиг, Борчу, Мухали гуй ван, Хорчи, Илугэй, Журчидэй, Гунан, Хубилай, Зэлмэ, Тугэ, Дэгэй, Толун, Унгур, Чулгэдэй, Борохул, Шигихутуг, Хучу, Хухучу, Хоргосун, Усун, Хуилдар, Шилугэй, Жэтэй, Тагай, Цаган-Ува, Алаг, Сорхон шар, Булуган, Харачар, Хухучус, Суйхэту, Наяа, Жуншэй, Хучугур, Бала, Оронардай, Дайр, Мугэ, Бужир, Мунгур, Долодай, Бугэн, Худус, Марал, Жибгэ, Юрухан, Хуху, Жэбэ, Удудай, Бала чэрби, Хэтэ, Субэгэдэй, Мунх, Халжа, Хурчахус, Гэуги, Бадай, Хишилиг, Хэтэй, Чагурхай, Онгиран, Тогон тумур, Мэгэту, Хадан, Мороха, Дори-Буха, Идугадай, Ширахуй, Даун, Тамачи, Хагуран, Алчи, Тобсаха, Тунхойдай, Тобуха, Ажинай, Туйдэгэр, Сэчур, Жэдэр, Олар хургэн^[136], Хингияадай, Буха хургэн, Хорил, Ашиг хургэн, Хадай хургэн, Чигу хургэн.

«Коронование» Чингисхана. Миниатюра из книги «Книги чудес света» Марко Поло. XV в.

Алчи хургэн – тысяцкий над тремя тысячами хонгирадцев, Буту хургэн – тысяцкий над двумя тысячами ихэрэсцев, онгудский Алахуши дигитхури – тысяцкий над пятью тысячами онгудов, не считая притом тысяцких над лесными народами^[137]. Всего по благоволению Чингисхана девяносто пять нукеров его были возвышены в тысяцкие ноёны.

Были среди них и хургэны – зятя владыки. Назначив тысяцких ноёнов, Чингисхан также повелел: «Любезных нукеров, главную мою опору, пожаловать особо я хочу. Пусть явятся ко мне Борчу и Мухали и прочие ноёны!»

Шигихутугу, который был в то время в ханской юрте, было велено их привести. И сказал тогда Шигихутуг:

«Разве Мухали и Борчу

Больше всех тебе помогали?

Я усерден был меньше их?

Не входил я в твои печали?

Я не с самых ли малых лет

Был ближайшей твоей охраной?

Наконец бородой оброс

И – служу тебе неустанно.

Я – всю жизнь при тебе

И всечасно

Был заботой твоей обласкан.

С малолетства я стражем был

На твоём золотом пороге,

До серьёзных годов дожил,

Рот усами уже прикрыл.

Твой хранитель, верный и строгий,

Жизнь мою тебе отдаю,

Век усердствую, не устаю.

Был тебе я как сын родной —

Так уж ты меня воспитал,

Спать укладывал вместе с собой,

Одеялом своим накрывал.

При тебе я, как младший брат,

Год за годом жил и взрастал,

И как брату ты был мне рад,

Одеялом своим накрывал...

Так что пожалеешь ты мне, мой хан?»

И молвил Чингисхан в ответ Шигихутугу:

«Из братьев младших ты – шестой.

И наравне с другими братьями свою получишь долю.

И, памятуя о твоих заслугах,

Да будут прощены тебе твои любые девять прегрешений!

Когда в державе милостью Небесного Владыки

Порядок водворять мы станем,

Будь веждами моими, окрест взирающими ясным днем,

И слухом, внемлющим во тьме ночной!

Тебе вверяю поделить меж нашей матушкою,

Братьями и их сынами

Всех наших подданных из юрт войлочностенных,

Державы нашей граждан, за плоскими дверьми живущих,

Кои отныне и навечно будут лишь им принадлежать.

Никто не смеет впредь тобою сказанному прекословить.

Да будешь ты судьей верховным в государстве нашем,

Карающим за ложь

И взыскивающим за воровство,

Подсудных всех судящим

И выносящим смертный приговор

Всем, кто достоин смерти.

Деля державы достоянье и тяжбы разные судя, в Синие росписи вноси об этом запись и росписи сии своди в единый Свод. И все, что с моего согласия порешишь и в Своде синем том по белому запишешь ^[138], во веки вечные никто не имеет изменить! И всякий, кто преступит сей указ, поплатится за это!»

И, выслушав повеленье Чингисхана, Шигихутуг молвил: «Да разве мне, усыновленному семьею вашей, пристало получать наследственную долю с братьями единокровными твоими наравне?! И коли будет, хан, на то твое соизволение, я взял бы в подчинение себе людей из городищ».

И повелел тогда Чингисхан: «Поелику ты сам решать сии дела поставлен, теперь как знаешь поступай!»

Облагодетельствованный ханом Шигихутуг тотчас вышел и к хану Борчу, Мухали и прочих пригласил.

И обратился Чингисхан перво-наперво к отцу Мунлигу:

«О, благодетель мой любезный,

Подле которого родился я и вырос,

Не перечеть твоих благодеяний.

Хотя бы взять последнее из них,

Когда Ван-хан и сын его Сэнгум

Решили заманить меня к себе обманом,

И коли б ты тогда не настоял,

Не избежать мне смерти лютой —

Гореть мне в жарком пламени костра

Иль быть утопленным в пучине черной.

И, по заслугам милость оценив твою,

Ее все поколения монголов не забудут.

И, памятуя о твоих благодеяниях,

Отныне будешь ты усажен на почетном месте;

И каждый год, невзгод не зная,

Наградами не будешь обделен;

И будут все твои потомки

Нами обласканы и одарены!»

Обращаясь к Борчу, Чингисхан сказал: «В дни юности моей с тобою повстречался, когда за конокрадами погнался, уведшими соловых наших лошадей. Решил ты мне, плутавшему в степи, помочь; не заглянув домой, отцу ни слова не сказав, бурдюк с кумысом среди степи оставив, в табун пустил ты моего буланого коня, а серого мне дал взамен; вскочил ты на каурого коня и, без присмотра свой табун оставив, три дня за конокрадами со мной шел по пятам. Так мы достигли куреня, в котором я узрел своих соловых лошадей. От табуна мы отделили их, вдвоем с тобой погнали их обратно.

Единственный ты сын Наху баяна. Что мог ты ведать обо мне такое, чтоб тотчас помощь предложить и дружбу?! Не из корысти, знаю я, лишь искренне помочь желая, со мною подружился ты! Когда же, о тебе затосковав, послал я брата Бэлгудэя, дабы призвать тебя в ряды своих нукеров, ты, бурку серую на плечи возложив, на горбунке буланом вдруг ко мне явился.

Когда на нас мэргэдские три рода ополчились и окружили на Бурхан халдуне, ты неотступно следовал за мной. Потом, когда в Далан нумургэсе с татарами мы воевали, и день и ночь дождь не переставая лил. Ночь напролет ты надо мной стоял, мой сон оберегая. Тогда ты с ноги на ногу лишь раз переступил, тем самым звание батыра подтверждая. Заслуг твоих мне всех не перечить.

Вы с Мухали, помогая мне в делах благих, остерегая от шагов неверных, меня на этот трон высокий возвели. Отныне посажу вас на почетнейшее место, и да простятся вам любые девять ваших прегрешений! Пусть Борчу станет во главе тумэна правого крыла, что на Алтае!»^{[\[139\]](#)}

Затем Чингисхан обратился к Мухали и молвил повеление свое: «Когда остановились мы в тени раскидистого древа в долине Хорхонаг жубур, где некогда поставленный над всеми ханом Хутула плясал и пировал в свою охоту, из уст твоих, мой Мухали, услышал я божественного провиденья глас. И помянул я отца твоего, Хумун гоо, добрым словом, и было то согласия началом между нами. По воле Неба и молитвами твоими на ханский я взошел престол, и потому да будет жалован державного гуй вана титул тебе и всем наследникам твоим из поколения в поколение. Так ведай же, мой Мухали, тумэном левого крыла, сидящим в Харагун жидуне».

Обратясь к Хорчи, Чингисхан молвил:

«С юных лет моих до нынешних времен

Был ты другом-покровителем моим;

Мок и drog со мною вместе под дождем,

В стужу лютую со мною вместе мерз,

Службе преданной все силы отдавал.

В те давно уже прошедшие года ты, Хорчи, мне ханство это напроорочил и добавил: если сбудутся слова, если милостью великою Небесного Владыки все свершится, как пророчествуешь ты, чтобы я, о предсказанье не забыв, тридцать жен тебе красивых даровал.

Слова твои пророческие нынче сбылись; так выбери себе среди народов, нами покоренных, любезных жен, прекрасных женщин!»

И повелел еще Чингисхан: «К своим трем тысячам баринцев вместе с Тахаем и Ашигом прибавь еще чинов-адархинцев, тулусов, тэлэнцев и, тумэн подданных собрав, владычеству над ними! И да подвластны тебе будут все подданные наши, живущие в лесах по берегам реки Эрчис. И да не смеют жители лесные перекечевывать туда-сюда без твоего соизволения! Всех, кто преступит повеление твое, пусть суд твой покарает непременно!»

И, обратясь к Журчидэю, Чингисхан молвил: «Когда с хэрэйдами сошлись мы в сече в Хар халзан элсте, хоть анда Хуилдар и вызвался идти на недруга передовым отрядом, победой все ж таки мы здесь обязаны тебе. Ты в бой вступил, поверг жирхинцев, смял тубэгэнцев и донхайдцев, в сраженье одолел и тысячу отборных воев Хори шилэмуна; засим, добравшись и до главных сил хэрэйдов, ты в щеку ранил выехавшего супротив тебя Сэнгума. Тотчас врата победы перед нами распахнуло Провиденье. Когда б не ранил ты тогда Сэнгума, не знаю я, чем эта битва обернулась бы для нас. Победа в этой сече – заслуга несомненная твоя!

Когда с тобой мы кочевали к Халхин-голу, я чувствовал себя покойно, будто нашел надежное укрытие за каменной стеною гор. Потом пришли мы к водопою на озеро Балжуна. Оттуда и отправили тебя в разведку в стан хэрэйдов и вскорости врагов разбили милостью Небесного Владыки и Матери-Земли. Поелику первейший из врагов – улус Хэрэйдский был повержен, его приспешники, найманы и мэргэды, в бессилье пали духом и были все захвачены в полон. Тогда лишь младший брат Ван-хана Жаха гамбу не потерпел разора и, будто следуя за дочерьми, всех подданных он при себе держал. Когда ж, поправ доверье наше и воспылав враждою, Жаха гамбу покинул нас, ты, Журчидэй, пойдя ему вослед, перехитрил и полонил его. И, там с предателем покончив, к рукам прибрал его улус. И в этом, верный нукер мой, твоя бесценная заслуга!»

Журчидэй благородный

В день губительной сечи

Для победы старался,

Тяжесть жаркого боя

Взял отважно на плечи,

Как батыр он сражался.

И поэтому Чингисхан милостиво даровал Журчидэю ханшу Ибаха бэхи. При этом Чингисхан сказал ей:

«Отдаю тебя не потому,

Что нрав твой мне не по нраву,

И вовсе не потому,

Что краса твоя мне не во славу.

Я дарую тебя тому,

Кто был предан, себя не жалея;

Послужи, моя хатан, ему,

Верноподданному Журчидэю...

Отдаю тебя, хатан мою, —

Журчидэю за то воздаю,

Что в сраженьях, отважный смельчак,

Был щитом он,

Был ближе мне сына.

Мой распавшийся было улус

Он собрал воедино.

На себя взял опасностей груз,

Стал кольчугой, надежной и длинной.

Мой распавшийся было улус

Он собрал воедино.

За досточтимые ему заслуги воздавая, тебя я Журчидэю отдаю. Да будет вечно чтим и у моих потомков, наследников престола моего, закон священный воздаянья по заслугам! Да будут вечно незабвенны честь и имя любезной Ибаха бэхи! Никто не смеет повеление мое сие нарушить!»

И молвил еще Чингисхан, обращаясь к Ибаха бэхи: «Жаха гамбу, отец твой, дал тебе в приданое две сотни подданных и двух кравчих — Ашиг тумура и Алчига. Сегодня уходя к уругудам, оставь на память о себе Ашиг тумура и сотню подданных своих».

И, получив в дар от Ибаха бэхи кравчего Ашиг тумура и сотню людей, Чингисхан обратился к Журчидэю: «Я ханшу Ибаха бэхи тебе отдал. Отныне все четыре тысячи уругудов вступают под водительство твое!»

И молвил еще Чингисхан, обращаясь к Хубилаю ^[140].

«Ты шен дюжим молодцам сворачивал

И наземь исполинов запросто валил.

Сейчас Зэв и ты, Зэлмэ и Субэгэдэй —

Вы четверо, подобно верным псам,

Мне преданы и телом, и душой.

Куда я только вас ни посылал,

Вы отправлялись по команде сразу,

Вершили дело точно по приказу,

Крушили скалы, камни разбивали.

В любое место шли,

Во все пределы,

Воинственное вы вершили дело,

Вы бились насмерть и – не отступали.

Когда я мог, как верных псов, с тобой Зэлмэ, Зэва и Субэгэдэя туда отправить, где были вы всего нужнее^[141], когда богатырей бесстрашных Борчу, Чулуна, Мухали и Борохула мог при себе держать^[142] я днем и ночью; когда уругудов и мангудов храбрых, ведомых Журчидэем с Хуилдаром, мог выставить передовым отрядом, – тогда лишь я душою был покоен».

И повелел тогда же Чингисхан: «Приказываю, Хубилай, тебе всеми военными делами ведать!»

И молвил еще Чингисхан: «За нрав строптивый Бэдуна осудив, его я не поставил тысяцким ноёном. Наставь его на ум, мой Хубилай! И пусть командует он тысячью моих мужей да держит всякий раз совет с тобою. Засим увидим мы, каким он станет».

Потом подошел Чингисхан к Гуану из племени Гэнигэдэй и молвил: «Борчу и Мухали и остальные достославные ноёны, Додай и Доголху и прочие почтенные чэрби! Про нукера Гуана так скажу:

Светлым днем

Он всюду вороном летает —

Все повысмотрит;

Темной ночью,

Словно волк, он всюду рыщет,

Чтоб наброситься.

Кочевал я – никогда не отделялся он,

Оставался я – он прочь не откочевывал,

Был со мною всюду и всегда.

С чужеродным не вступал в сношения

И перед врагами не заискивал.

Было от меня ему доверие:

Ни коварства в нем, ни лицемерия

Я не приметил никогда.

Да будут Гуан и Хухучос во всех делах надежными советниками вам!»

И повелел тогда же Чингисхан: «Верный нукер, Гуан мой, правь же сродниками, гэнигэсцами своими! И да будешь ты ноёном-темником, повинующимся Жочи, старшему из сыновей моих!»

И присовокупил Чингисхан к сказанному им: «Нукеры верные Гуан, Хухучос, Дэгэй, старик Усун увиденного не сокроют – правдиво обо всем доложат, услышанных вестей не утаят».

И молвил Чингисхан, обратясь к Зэлмэ: «Когда в Дэлун болдоге появился я на свет, старик Жарчудай, взвалив на плечи раздувательные мехи, с горы Бурхан халдун спустился. Любезной матушке моей он соболями устланную люльку подарил, а позже сына в нукеры мне отдал.

Привратник верный мой, Зэлмэ!

Нас выпестовали с тобой

В одной и той же люльке с соболями,

Мы выросли как верные друзья.

Не перечить твоих заслуг передо мной.

Да будут прощены тебе, Зэлмэ,

Любые девять прегрешений!»

Обратясь к Толуну, Чингисхан повелел: «Тысячью мужей моих водительствова, правою рукой отца родного став, ты усердно собирал народы наши воедино и порядок в государстве водворял. И за это был пожалован ты в чэрби. И отныне вместе с Туруханом в согласье правьте теми, коих вы пригнали из походов!»

И сказал затем Чингисхан кравчему Унгуру:

«Унгур, Мунгут хиана сын!

Ты к нам пришел, собрав в курень единый

Три рода тохурудов, и пять родов таргутов,

И чаншуттов, и баягутов – сродников своих.

Во тьме ни разу ты не потерялся,

В сраженье никогда не отделялся,

Со мною вместе под дождями мок,

А в холода со мною рядом дрог...

Ответствуй мне: чего бы ты взыскался?»

И отвечал владыке кравчий Унгур: «Коли позволено мне выбрать пожалованье хана, хотел бы я всех баягутов, сродников своих, которые теперь разбросаны повсюду, собрать и ими править».

И повелел Чингисхан: «Что ж, будь по-твоему, Унгур. Ты баягутов собери и тысяцким над ними будь!»

И повелел тогда же Чингисхан:

«О, кравчие мои, Унгур и Борохул!

Когда вы яствами обносите

По обе стороны сидящих от меня,

В порядке должном оделяя тех, кто слева,

И чередом всех потчуя, кто справа,

Мои душа и плоть покойны.

И потому повелеваю ответствовать тебе и Борохулу за кашеварство: в походе всех наделять едою вы должны. А в ставке на пиру, округ большой кумысницы расставив угощенье, втроем с Толуном сядьте среди юрты и подавайте кушанья затем». И, повелев так, Чингисхан указал место, где следует кумысницу расположить.

Потом Чингисхан обратился к Борохулу: «В родных кочевьях сродниками брошенных – тебя, Шигихутуга, Хучу и Хухучу матушка наша Огэлун призрела.

Всех на своей кровати укрывала,

Баюкала, кормила – воспитала;

За воротверху вас приподнимала,

С мужами настоящими равняла;

За плечиверху каждого тащила,

Чтоб вас равнять с мужами можно было.

Она вскормила вас, дабы вы стали тенью нашей, сыновей ее. За милость и благодеяния ей воздавая, усердствовали вы. Ты, Борохул, стал нукером моим.

Как ни гнали бы мы в походе коней,

Как бы дождь ни лил, ни давил нас мрак,

Не бывало таких ни ночей, ни дней,

Чтобы спать улегся я натошак.

Случалось идти на рысях средь тьмы,

Но я бы не смог на то попенять,

Что вдруг без похлебки остались мы,

Что день хоть единый пришлось голодать.

Когда побивали мы злых татар,

Что наших отцов и дедов губили,

Когда справедливо мы мстили им,

Любого к тележной чеке подводили, —

татарский Харгил шар бежал, избегнув лютой смерти; скитаясь по степи, вконец от глада обессилев, он воротился и в юрту к матушке моей вошел и умолял кусок ему подать съестного.

«Коль просишь есть, присядь вон там, пожалуй», — сказала Огэлун и усадила Харгил шара в правой части юрты возле двери. Толуй, в то время отрок пятилетний, снаружи в юрту забежал и тут же поспешил обратно. Но Харгил шар его перехватил; он сгреб мальчика, зажал его под мышкой и выскочил из юрты, на бегу вытаскивая из чехла свой нож.

Но в левой части юрты сидевшая смиренно твоя супруга Алтани, «Спасите, сына убивают!» – крик Огэлун истошный услышав, за Харгил шаром бросилась вдогонку; настигнув врага, одной рукой ему вцепилась в волосы она, другой перехватила вражескую руку с ножом, над отроком уж занесенным, и так рванула за руку врага, что нож невольно выпал из нее.

Мои нукеры Зэлмэ и Жэтэй, что за юртою разделявали тушу быка, зарезанного ими, услышав крики Алтани, на помощь прибежали с топорами в окровавленных руках и врага татарского на месте топорами порубили.

Тогда заспорили Жэтэй, Зэлмэ и Алтани, чья большая заслуга в спасении Толуя. И молвили мои нукеры: «Когда бы мы вдвоем сюда не подоспели и не убили Харгил шара, ужели, женщина, ты справишься бы с ним одна?! Тогда не миновать бы смерти отроку Толую. И значит, во спасении его заслуга только наша есть!»

В ответ на это Алтани сказала: «Но разве вы сюда бы прибежали, мой зов о помощи не услышав? И не настигни Харгил шара я, и не вцепись я в волосы ему, и руку вражескую что есть мочи не рвани так, что невольно выпал из нее над отроком уж занесенный нож, давным-давно бы Харгил шар убил Толую!»

И порешили все тогда, что главная заслуга во спасении Толуя все же останется за Алтани. Так Алтани, жена нукера Борохула, не только помогала мужу, в телеге став второй оглоблей, она Толую жизнь спасла, тем самым нам великую услугу оказала.

Когда был ранен в шею и пал на поле брани Угэдэй в сраженье в Хар халзан элсте, ты, верный нукер Борохул, ночь напролет отсасывал из раны сгустки его крови. Поелику мой сын тогда самостоятельно в седле не мог держаться, ты, Борохул, перед собою усадил его в седло и к нам привез благополучно. Так, воздавая за заботу матушки моей, вы, Борохул и Алтани, спасли двух сыновей моих. Усердие твое и верность помню. Да будут прощены тебе любые девять прегрешений!»

И сказал еще тогда Чингисхан: «Пожалованы будут мною и женщины, чтимые в нашем роду»^[143].

Обратясь к старику Усуну, Чингисхан повелел:

«Усун, Гунан, Дэгэй и Хухучос

Увиденное не скрывают,

Услышанное не таят

И говорят о замыслах своих правдиво.

У нас, монголов, исстари так повелось:

Почтенных старцев

Мы возводим в сан бэхи ноёнов.

Так будет же Усун,

Потомок рода древнеславного Барин,

В бэхи ноёны нами возведен!

И пусть отныне белый дэли носит он,

На белом скакуне пусть ездит

И, восседая на почетном месте,

Пророчествует нам!»^[144]

И повелел еще Чингисхан: «Когда с хэрэидами сошлись мы в сече, мой анда, Хуилдар, всех наших упредив, на ворога пошел передовым отрядом. И, памятуя о заслугах доблестного мужа, повелеваю я призреть осиротевших детей и внуков Хуилдара!»

Женщина дома Чингизидов. Китайская живопись на шелке. XIV в.

И обратился Чингисхан к сыну Цаган-Ува – Нарин Торилю – и сказал ему: «Родитель твой, Цаган-Ува, всегда бесстрашно с недругом сражался и был убит в Далан балжудской сече Жамухой. Тебя же за отцовские заслуги готов я поддержать нашим вспомоществованием!»

И молвил в ответ Чингисхану Нарин Торил: «Мои сородичи, нэгусы, поделены и расселились по разным аймакам сейчас. Коль будет мне соизволение владыки, готов собрать я воедино всех нэгусов».

И повелел тогда Чингисхан: «Что ж, будь по-твоему, Торил. Нэгусов-братьев воедино собери и ими правь наследно!»

Женщина дома Чингизидов. Китайская живопись на шелке. XIV в.

Потом сказал Чингисхан Сорхон шару так: «В дни юности моей, когда тайчуды воспылали завистью и ненавистью к нам и отрока, меня, схватили, твои сыны – Чулун и брат его Чимбай, уразумев причину моего плененья, надежно спрятали меня, старшей сестры своей по имени Хадан заботам поручив. Вы все мне помогли вернуться восвояси.

И в сновиденьях ночью темной,

И в помышлениях дневных

О ваших тех благодеяниях

Я вечно помнил.

Хоть, от тайчудов отделившись, вы перешли ко мне не сразу, пожалованья вы достойны! Какой же милости вы бы желали для себя?»

И отвечали Сорхон шар и сыновья его – Чулун и Чимбай: «Желали б мы дархадство получить и жить на Селенге в мэргэдских землях^[145]. А впрочем, воля ваша, какою милостыней осчастливить нас».

И повелел тогда Чингисхан: «Да будет вам даровано дархадство, наследственно владейте землями мэргэдов, что на Селенге, свободно промышляйте там охотой, сходитесь на пирах, архи^[146] хмельною наполняя чаши! Да не заслужат порицанья любые ваши девять прегрешений!»

И, обратясь к Чулуну и Чимбаю, Чингисхан соизволил сказать: «Вовек мне не забыть тех слов добросердечных ваших! И коли мыслями со мною захотите поделиться или нужда заставит помощи просить, посреднику не доверяйтесь, являйтесь предо мною самолично и сами за себя просите и откровенно мыслями делитесь».

И повелел Чингисхан:

«Мои дарханы – Сорхон шар, Бадай и Хишилиг!

Когда, на врагов своих нападая,

Пожитки и юрты у них отобьете —

Делиться не надо вам – все заберете!

Когда завладеете вы добычей,

Проворство явив на облавной охоте, —

Делиться не будете – всю заберете!»

И присовокупил Чингисхан к сказанному: «Был прежде Сорхон шар холопом у тайчуда Тудугэя. Бадай и Хишилиг – конюшими Чэрэна. Я сделал их гвардейцами-стрелками. Да будут счастливы они теперь в своем дархадстве и чаши пусть заздравные сдвигают вновь и вновь!»

И сказал Чингисхан, приступив к Наяе: «Старик Ширгэт с сынами Алагом и Наяа тайчуда Таргудая хирилтуга – господина полонили своего и перво-наперво решили привезти его ко мне. Засим до Хутухул нуга добрались, и тут промолвил Наяа, устыдившись: «Как смели посягнуть мы на своего владыку?!» И отпустили они тут же господина своего, а сами вскорости втроем ко мне явились.

И молвил Наяа покаянно: «Везли к тебе мы хана Таргудая хирилтуга, но вот одумались и устыдились и отпустили хана восвояси. Явились мы служить, отдать тебе все силы. Но если б привезли тебе мы хана, неужто бы поверил ты холопам, поднявшим руку на владыку своего?!» Понеже не чинили хану зла и, значит, ведом им закон великий ханопочитания, мне по сердцу пришлись их речи, и посулил тогда я Наяа серьезное ему доверить дело.

Мой нукер Борчу ноён – командующий западным тумэном, а Мухали гуи ван – восточным. Отныне быть тебе, Наяа, ноёном, тумэн срединный будет под тобой!» Так повелел Чингисхан.

И сказал еще Чингисхан, обращаясь к Зэву и Субэгэдэю: «Людей, коих пригнали из походов, до тысячи сберите и ими правьте!»

Пастырю Дэгэю была собрана отовсюду тысяча человек, и пожалован он был в тысяцкие ноёны.

Поскольку плотник Хучугур при разделе подданных был обделен, Чингисхан повелел ему добрать недостающих людей у прочих ноёнов и, соединив их с жадаранцами Мулхалху, править той тысячей подданных им сообща.

Рассказ о том, как Чингисхан приумножил ряды хишигтэна – своей гвардейской стражи

Всех, кто усердие приложил к созданию улуса, назначил Чингисхан ноёнами тумэнов, тысяцкими, сотниками и десятниками; пожалованья и милости достойных пожаловал и людям, повеления его достойным, повелел.

Засим Чингисхан молвил свой указ: «В былые времена я караульную устроил стражу; восемьдесят хэвтулов – ночных охранников и семьдесят турхагов – отборных стражников дневной охраны ханской были в хишигтэне моем тогда. Сегодня милостью Небесного Владыки Вечного, под покровительственным оком Матери-Земли сильны мы стали, сплотили многие улусы в единую державу, бразды правления которой в руки взяли. И потому да приумножатся ряды хишигтэна – моей гвардейской стражи! И да пополнят мой хишигтэн лучшие мужи, отобранные из каждой тысячи! А все мои хорчины-лучники, хэвтулы и турхаги числом составят пусть тумэн!»

Засим Чингисхан тысяцким своим ноёнам дал указ, как отбирать мужей в хишигтэн: «В мою охрану ханскую возьмите из сыновей ноёнов-темников, а также тысяцких и сотников и граждан состояния свободного мужей, достойных этой чести, – смысленных, крепких телом. Вступая в личную мою охрану, пусть тысяцких ноёнов сыновья с десятью нукерами и младшим братом придут ко мне. Сыны же сотников моих – с пятью нукерами и младшим братом, а сыновья десятников и граждан состояния свободного – с тремя нукерами и младшим братом. Да чтобы были все они верхом! Пусть тысяцких ноёнов сыновья и десять их нукеров, вступающие в мой хишигтэн, у тысячи своей на содержание будут. И содержание сие, в размерах нами установленных, да не зависит от наследства, коим они родителем наделены, и от того добра, кое добыли сами. Равно и содержание сыновей ноёнов-сотников с пятью нукерами и сыновей десятников и граждан состояния свободного с тремя нукерами да не зависит от личного их состоянья!»

И еще повелел Чингисхан: «Коли ноёны-тысяцкие, сотники, десятники пойти решатся супротив сего указа, суровая их ждет за это кара. Те же, кто будет уклоняться, при ставке службы убоявшись, да будут подменены другими, а сами осуждены на ссылку. Никто не смеет препятствия чинить тем подданным моим, кто пожелает в мою охрану личную вступить».

Сообразно указу сему сыновья тысяцких, сотников и десятников были отобраны и посланы в ханский хишигтэн. Хэвтулов, коих в прежние годы было восемьдесят, стало восемьсот. И повелел тогда Чингисхан пополнить их ряды до тысячи и наказал не сместь запрещать подданным его к нему в хэвтулы поступать на службу. И повелел еще Чингисхан назначить Их Нэгүрина командующим тысячью его хэвтулов.

Отбрав четыре сотни лучников-хорчинов, Чингисхан распорядился быть над ними головой Есунтэгэ, сыну Ээлмэ, а помогать ему советом в службе Бугидэю, сыну Тугэ. И приказал Чингисхан хорчинам нести караул вместе с турхагами в четыре смены: первой сменой лучников-хорчинов командовать Есунтэгэ, второй – Бугидэю, третьей – Орхудагу и четвертой – Лаблаху. И, назначив командующих сменами лучников-хорчинов в доблестной гвардии своей и пополнив их ряды до тысячи, поставил он над ними Есунтэгэ.

И повелел Чингисхан: «Ряды турхагов, коими прежде правил Угэлэ чэрби, до тысячи пополнены пусть будут. И пусть по-прежнему над ними властвует Угэлэ чэрби, сородич Борчу. Вторую тысячью турхагов водительство пусть Буха, сородич Мухали, а тысячею третьей – Алчидай, сородич Илугэя, четвертой тысячей – Додай чэрби, а пятой – Доголху чэрби, шестою тысячей – Чанай, сородич Журчидэя, а тысячей седьмою – Ахудай, сородич Алчи. Отобрана пусть будет тысяча батыров; водительство ею пусть Архай хасар. И да несут они во дни покоя сменный караул гвардейский, когда же с ворогом сойдемся в сече, пускай щитом стоят передо мной!»

И отобрали среди присланных тысяцкими людей восемь тысяч турхагов. Вместе с двумя тысячами хэвтулов и хорчинов составили они тумэн хишигтэна – десяти тысячный гвардейский корпус личной караульной стражи.

И повелел Чингисхан: «Так пусть отныне хишигтэна гвардейцы во ставке нашей станут главной силой!»

Повелением Чингисхана турхаги – стражники дневной его охраны – были разделены на четыре смены. Во главе смен владыкой были поставлены Буха, Алчидай, Додай чэрби и Доголху чэрби, коим наказано было: «Заступать в караул лишь после построения и проверки всей караульной смены и сменяться после трех дней сменного дозора. И коли стражник-хишигтэн не явится в караул в свою смену, на первый случай бить его три раза палкой; коль вдругорядь пропустит смену он свою, бить его палкой семь раз; коли, будучи в здравии, без согласия старшего в смене не выступит в дозор он в третий раз, бить его палкой тридцать семь раз и сослать в места чуждадельные как не пожелавшего быть в свите нашей. Старшим в сменах должно повестить смену свою о повелении оном. А коли не повестят, сами повинны будут. Но если был хишигтэн повешен и все же повеление сие нарушил, не заступил в свой сменный караул, он порицания достоин».

И повелел Чингисхан: «Старшие в сменах да не смеют самолично чинить расправу над хишигтэном моим. Пусть прежде о виновных повестят меня. И казни предадим мы всех, кто смерти заслужил, и будут биты палками, кто наказания одного достоин. Но коли в сменах старшие, свой произвол чиня, на равных им хишигтэнов поднимут руку, их кара неминуемая ждет: за палки – будут биты палками они, за зуботычины – познают сами зуботычин».

И соизволил еще повелеть Чингисхан: «Мой страж-хишигтэн мною чтим поболе любого воеводы тысяцкого, и тот, кто в денщиках стоит при мне, десятников и сотников моих досточтимее. А посему, коли муж из тысячи простой с хишигтэном моим как с ровнею себе повздорит, да будет предан он суду!»

И провозгласил Чингисхан свое повеление старшим в сменах хишигтэна: «Пускай дневальные мои – хорчины и турхаги, в свой сменный заступив дозор, в местах назначенных нас охраняют и пред закатом солнца, сдав пост ночным охранникам – хэвтулам, покидают ставку. И пусть всю ночь стоят при нас хэвтулы в карауле. Сдают хорчины им, сменяясь, колчаны и луки, а кравчие – всю ханскую посуду, и лишь тогда уходят на ночлег. Пока мы утром трапезу вкушаем, хорчины и турхаги вместе с кравчими, явившись к коновязи, да известят хэвтулов о своем приходе. Лишь после нашей трапезы явиться в ставку к нам дозволено им будет. И пусть тогда хорчины примут колчаны и стрелы, турхаги в караул заступят, а кравчие приступят к делу своему. Отныне сменная моя охрана да будет следовать сему мной заведенному порядку!»

И присовокупил Чингисхан к повелению оному: «И пусть хэвтулы всех слоняющихся вокруг ставки нашей после захода солнца берут под стражу на ночь, дабы наутро учинить допрос. Когда же явится им смена, хэвтулы, предъявляя отличительные бляхи, сменяются с постов и тотчас ставку покидают! И пусть стоящие у входа в ставку хэвтулы нещадно головы секут всем тем, кто в ханские покои вознамерится пробраться. Тому, кто в ставку к нам прибудет ночью с известьем спешным, спервоначалу следует хэвтулов известить, после чего, у задней стенки юрты с хэвтулом вместе стоя, снаружи должно повестить о донесенье. Никто не смеет занимать постов хэвтулов и в ставку без их согласия входить. Не дозволяется слоняться подле стражи и в ставку проникать промеж постов, а также выспрашивать число хэвтулов. Да будет схвачен всякий, кто слонялся возле стражи! Да будут конфискованы конь с уздою и седлом и вся одежда у того, кто спрашивал число хэвтулов. Мой верный муж, Элжигэдэй, и тот хэвтулами был схвачен, когда меж их постов слонялся ночью».

И воздал Чингисхан хвалу хишигтэну – своей гвардейской караульной страже:

«Вы, хэвтулы надежные,

Караул простодушный,

Неизменно при входе вы,

Воле хана послушны.

Вы ночами ненастными

Бережете мой сон,

На престол сей возвышенный

Вами я возведен.

Славьтесь, благоподатели!

Вы и в звездные ночи

Мой покой охраняете,

Не смыкаете очи.

Вы мне стали опорой —

У престола легли.

Сами в звание ханское

Вы меня возвели.

Вы – мои покровители.

Даже в дождь проливной,

Даже в ночи морозные

Вы при мне, вы со мной.

Жизнь мою охраняете,

Строй ваш – как частокол.

Вы меня возвеличили,

Возвели на престол.

О, хэвтулы отважные,

Тесен верный ваш круг.

От набегов злокозненных,

От грабительских рук

Вы меня охраняете,

Не смыкаете глаз,

Похвалой моей ханскою

Восхваляю я вас.

Где колчанов берестовых

Вдруг раздастся шуршанье,

Вы туда поспеваете

Тотчас, без опоздания.

Чуть у лука враждебного

Тетива запоем,

Тут же стража отборная

Вокруг хана встает.

Я желаю хэвтулов,

Что издавна хана умеют беречь,

Достославною стражей наречь.

Семь десятков турхагов и Угэлэ чэрби,

Главою над ними поставленный, —

Как великие будут прославлены.

Под водительством Архай хасара

Служат службу мужи дерзновенные.

Назовем их – батыры почтенные.

Есунтэгэ и Бугидэю

Отданы мной стрелки-хорчины.

Пусть зовутся они – старшины».

Засим завещал Чингисхан потомкам своим: «Сыны мои, мои потомки, которым восходить на мой престол великий! Да будет вам из поколения в поколение наказ сей памятен: заботой окружите отобранный из девяноста пяти тысяч моих мужей и личной стражею при мне стоящий хишигтэн, тумэн гвардейский, дабы не ведал он ни горя, ни тревоги! Ужель возможно нам их не возвысить и славной стражею не величать!»

И повелел еще Чингисхан: «Отныне да начальствуют хэвтулы и над прислугой во дворце, и пастырями, что наш скот пасут; пусть будут в веденье хэвтулов знамена наши, барабаны, сбруя, телеги-юрты, боевые пики; да будет в их распоряжение дворцовая посуда. Пусть ведают они столом моим и жертвоприношением священным. Да будет впредь с них спрос за скудость, за ничтожность нашей пищи! Мои хорчины, питье и кушанья нам подавая, да спросят дозволение хэвтулов и прежде всех хэвтулам пищу подадут. Хэвтулам же да будет ведом всяк, входящий в ставку и покидающий ее. Да будет у ворот дворцовых приставлен ими стражник. Дабы стоять подле кумысницы великой, пусть двух хэвтулов во дворец к нам отрядят. И пусть хэвтулы при перекочевке для нашей ставки место избирают да сами же и разбивают стан. Пусть часть хэвтулов нас сопровождает на охоту, а прочие, соображаясь с положеньем, при ставке остаются в карауле».

И еще наказал Чингисхан: «Когда мы сами не вступаем в битву, не велено же будет и хэвтулам от нас особо выступать! Но если чэрби, что ведают у нас войсками, мой ведомый ему указ нарушит и самочинно моих хэвтулов выступить понудит, да будет он подвергнут наказанью. И если спросите вы о причине, по коей воспреещаю на дело ратное отборную мою охрану посылать, скажу вам так: поставлены хэвтулы жизнь драгоценную мою хранить, они со мною делят все тяготы охоты, сопровождают при перекочевке, в ночное время охраняют ставку. Легко ли, думаете, мой покой блюсти всечасно?! Так просто, думаете, в перекочевках вечных и нас, и ставку охранять?! Столь много дел возложено на них, и потому от нас особо хэвтулов посылать на сечу я не позволяю».

Засим Чингисхан повелел: «Когда судья верховный в государстве, Шигихутуг, суд праведный вершит, да будут в нем участвовать хэвтулы! Пусть ведают они сохранностью кольчуг, колчанов, стрел и луков и самолично их по надобности раздают! Они же пусть и собирают наши табуны, навьючивают при перекочевке на лошадей поклажу, а также вместе с достопочтенными чэрби между мужами нашими имущество распределяют. Когда кочуем мы на место, хорчинами с турхагами указанное нам, хорчины Есунтэгэ и Бугидэя, турхаги Алчидая, Угэлэ и Ахудая по праву руку следуют от нас. Турхаги Бухи, Чаная и Додай чэрби и Доголху чэрби сопровождают нас по леву руку, а впереди нас шествуют батыры славные Архая. Хэвтулы, нас и наше достояние оберегая, пусть будут подле нас по леву руку! Весь мой хишигтэн, а также и турхагов, моих дворовых, пастырей-конюших, овчаров, верблюдоводов пусть будет наставлять Додай чэрби! Да следует он позади всех нас!»

История покорения харлугов, уйгуров и лесных народов

Засим Чингисхан отослал ноёна Хубилая к харлугам^[147]. Харлугский Арслан-хан с людьми своими явился к Хубилаю сам и выразил свою покорность. Хубилай доставил его в ставку, где Арслан-хан предстал перед владыкой. Поелику Арслан-хан присоединился не противясь, Чингисхан к нему отнесся благосклонно и соблаговолил пожаловать ему дочь.

Субэгэдэй-батор, отправившийся с мужами своими вдогонку за сыновьями мэргэдского Тогтога – Худу и Чулуном, нагнал их на реке Чуй^[148]. И истребил он их на побоище и вернулся восояси. Зэв настиг Хучулуг-хана найманского в местности, именуемой Сариг хун, и, убив его, возвратился к владыке^[149].

Уйгурский идугуд отправил к Чингисхану послов^[150] своих Адкирага и Дарбая, чтоб передали они слова такие:

«Когда взошел на трон Чингисхан,

Словно исчезли тучи черные

И воссияло светлым ликом солнце,

Словно льды хладные растаяли

И воды рек свободно излились.

Коли Чингисхан соблаговолит,

Хотел бы я застежек его золотого пояса коснуться

И удостоиться лоскутика его священной багряницы,

Хотел бы стать его я пятым сыном,

Служить ему и верно, и усердно!»

Выслушав послов, Чингисхан соизволил передать идугуду сей ответ: «Будь моим пятым сыном, идугуд! Пожалую тебе я дочь свою. Приди ж сегодня ты ко мне и принеси с собою золота и серебра, и жемчугов, и перламутров, шелков, парчи, узорчатые штофы».

Возрадовавшись радостью великой ханской милости, идугуд предстал пред Чингисханом и преподнес ему и золото, и серебро, и жемчуга, и перламутры, шелка, парчу, узорчатые штофы. Чингисхан милостиво призрел идугуда и пожаловал ему дочь свою Алаттун.

В год Зайца старший сын Чингисхана, Жочи, во главе ратаев правой руки был отправлен к лесным народам. Проводником вместе с ним пошел Буху. И пришел первым на встречу Жочи ойрадский Хутуга бэхи с тумэн ойрадами своими, и уверил его в повиновении своем^[151]. И следовал Хутуга бэхи в провожатых Жочи по землям тумэн ойрадским, и дошли они аж до реки Шишгид-гол^[152]. И подчинил Жочи себе племена ойрадов, буриадов, баргун, урсудов, хабханасцев, ханхасцев и тубанцев. Потом пошел он в пределы тумэн хиргисов. И явились к Жочи ноёны хиргисские Йэди, Инал, Алдихэр и Урэбэк дигин, и выразили смирение свое, и кланялись ему белыми соколами, белыми скакунами и черными соболями. Кроме оных, покорил Жочи многие племена лесные – шибирцев, кэшдиймов, байидов, тухасцев, тэнлэгцев, тугэлэсцев, ташцев – всех вплоть до бажигидов^[153].

И возвратился Жочи в ставку вместе с ноёнами-темниками и тысяцкими хиргисскими и ноёнами лесных народов. И предстали они пред Чингисханом, и кланялись ему белыми соколами, белыми скакунами и черными соболями. Ойрадский Хутуга бэхи первым явился и уверил в повиновении своем, поэтому Чингисхан милостиво соблаговолит пожаловать сыну его, Иналчи, свою дочь Чэчэйигэн, а старшему брату его Турулчи – дочь старшего сына своего Жочи Олуйхан. Дочь владыки, Алаха бэхи, была пожалована в замужество онгудам^[154].

И, приступив к Жочи, Чингисхан соблаговолит изречь: «Любезный Жочи, старший из сынов моих! Ты, в первый раз покинув отчие пределы, потерь не понеся, достойно совершил поход: к державе присоединил лесных народов племена. И потому народы эти жалую тебе!»

Затем Чингисхан отослал ноёна Борохула хорь тумэдов к державе присоединить^[155]. После смерти хорь тумэдского ноёна Дайдухула сохора народом хорь тумэдским стала править его жена Ботохой таргун. Когда ноён Борохул, упредив главные силы свои, вместе с тремя мужами пробирался впотьмах по глухой лесной тропе, хорь тумэдские дозоры зашли им в тыл и перекрыли путь для отступления. И, не узрев, кто стоит пред ними, хорь тумэды схватили и убили Борохула.

Извещенный об убийении Борохула хорь тумэдами, Чингисхан вознегодовал и хотел было уже сам выступить против них. Насилу Борчу и Мухали отговорили владыку. И повелел тогда Чингисхан дурбэдейскому Дурбэю, прозванному догшин, что значит «грозный»: «Вечному Небу помолясь, во строгости и страхе ратаев держа, врагов хорь тумэдов завоюй!»

Грозный Дурбэй, желая ввести врага в обман, послал немногих из мужей своих по той тропе, что хорь тумэды охраняли, а сам основные силы пустил по тропе, коей взбирались в гору дикие яки. Дабы дух ратный поддерживать в мужах, он понудил каждого воина возложить на плечи розги и наказал хлестать всякого, кто трусостью своею сеять смуту будет. И вооружил грозный Дурбэй мужей своих топорами, пилами да тёслами, и приказал взбираться вверх в гору по следу диких яков, очищая дорогу себе от дерев, преградою стоящих на пути. И взойшли они по тропе оной на самую гору, и ударили оттуда по хорь тумэдам, беспечно пировавшим во стане своем, и подчинили их владыке.

В то время в плену у Ботохой таргун были ноён Хорчи и Хутуга бэхи, дотолё плененные ее мужами. А пленены они были так: ноёну Хорчи владыкой было наказано выбрать себе в пределах хорь тумэдских тридцать девиц красы ненаглядной. И пришел он в пределы хорь тумэдские забрать их красавиц, но покорившиеся дотоль хорь тумэды снова врагами обернулись и схватили Хорчи. Извещенный о том Чингисхан послал Хутуга бэхи, знававшего народы лесных племен, выволить ноёна Хорчи. Но хорь тумэды и его пленили.

Повоевав и подчинив себе хорь тумэдов, Чингисхан семье убиенного Борохула пожаловал сотню тумэдцев. Хорчи Чингисхан пожаловал тридцать девиц хорь тумэдских, а Хутуга бэхи – ханшу Ботохой таргун.

Сказ о том, как Чингисхан пожаловал подданных родичам своим

И призвал к себе Чингисхан матушку Огэлун, сынов своих и младших братьев и молвил: «О матушка любезная моя, во муках мученических сбиравшая улус наш! Ты, Жочи, старший из моих сынов! Ты, Отчигин, мой самый младший брат, родительского очага хранитель! Всем вам и прочим родникам моим пожалованы будут подданные наши!»^[156]

И пожаловал Чингисхан матушке и брату Отчигину десять тысяч подданных своих. Матушка Огэлун восприняла милость сию безгласно, выказав сим неудовольствие свое. Жочи было пожаловано девять тысяч человек, Цагадаю^[157] – восемь тысяч, Угэдэю – пять тысяч, Толую^[158] – также пять тысяч, Хасару – четыре тысячи, Алчидаю^[159] – две тысячи, Бэлгудэю – тысяча пятьсот. Поскольку дядька владыки по отцу Даридай в свое время перешел на сторону хэрэйдов, повелел Чингисхан гнать его с глаз долой и покончить с ним.

И заговорили тогда наперебой Борчу, Мухали и Шигихутуг: «Чингисхан! Разве то, что ты изволил повелеть, не разоренье очага родного, не порушенье крова своего! Не дядька ль Даридай единственным остался об отце тебе напоминаем?! Возможно ль так бездушно погубить его? Прости, Чингисхан, недомыслие! Пусть вьется дым над очагом в кочевье, где детство твоего достойного отца прошло!»

Так горячо, до дыма из ноздрей, они увещевали Чингисхана. И тот, вспомняв любезного отца, их уговорам внял и молвил умиротворенно: «По-вашему пусть будет!»

Засим Чингисхан молвил: «Пожаловал я матушке и брату Отчигину десять тысяч подданных моих и дал в распоряженье им Хучу, Хухучу, Жунсая, Хоргасуна. А под начало Жочи дал Хунана, Мунхэгура и Хэтэ. Пожаловал я Цагадаю Харачара, Мунхэ, Идохудая. Ибо характер крут у Цагадая, да будет велено тебе, мой Хухучос, всечасно быть при нем, советом мудрым с ним делиться!»

И тогда же Илугэя и Дэгэя отдал Чингисхан под начало Угэдэя, а Жэтэя и Бала – Толую. Хасару в распоряженье отдан был Жэбэхэ, а Алчидаю – Чагурхай.

Сказ об убийении Тэв тэнгэра^[160]

У хонхотадайского отца Мунлига было семеро сыновей. Средним из них был Хухучу, коего звали еще шаман Тэв тэнгэр. И сошлись семеро братьев хонхотадайских вместе, и, подкараулив Хасара, избили его. Хасар, известивший Чингисхана об избийении своем хонхотадайцами, попал под горячую руку, и вознегодовал Чингисхан пуще прежнего, и вскричал на него: «Не ты ли, брат Хасар, слынешь в народе неодолимым?! Почто же ты позволил одолеть себя!»

И вскочил тогда с места своего Хасар, и пошел прочь, роняя слезы. И осерчал Хасар на брата, и три дня не являлся в ставку.

И молвил шаман Тэв тэнгэр Чингисхану: «Слуги Всевышнего Вечного Тэнгри, духи-хранители повестили нас о том, что власть державная лишь временно тебе принадлежит и что будет править на твоём престоле брат Хасар твой. Коли не остережешься нынче ты Хасара^[161], не возьмусь я предсказать, что будет впереди».

В ту же ночь Чингисхан отправился вдогонку за Хасаром, дабы пленить его.

Монгольский шаман. Фрагмент картины Б. Чорикова «Удельные князья отвергают податной мир, предложенный послами Батые в 1237 г.»

Тем временем Хучу и Хухучу (приемные сыновья Огэлун) известили об этом матушку Огэлун. Огэлун тотчас села в крытую повозку, запряженную белым верблюдом, и поспешила за Чингисханом. Когда на рассвете она добралась до Хасарова стойбища, Чингисхан, забрав у брата пояс и малахай и туго стянув рукава его дэла, учинял ему допрос. И оторопел, и отпрянул Чингисхан, матушку свою узрев. И вознегодовала матушка, сходя с повозки. И освободила она Хасара от пут, и возвратила ему пояс и малахай, и, не в силах сдержать гнева своего, осела на землю, скрестив ноги. И выпростала матушка Огэлун груди свои на колени, и возопила: «Узрите эти груди, вы ими были вскормлены когда-то! Вы, ребра свои грызущие и выдирающие пуповину животворную! Чем провинился мой Хасар пред вами? Я помню, Тэмужин мою одну лишь грудь опорожнял, а

Отчигин и Хачигун даже вдвоем одной груди не испивали, Хасар высасывал их обе до последней капли, даруя облегченье, успокоенье телу моему.

Оттого ты вышел, Тэмужин, умом,

Хасар же — мощью необыкновенной.

Пускал с такою силой стрелы он,

Что скручивал и забирал в полон

Врагов своих, бежавших с поля брани.

В стрельбе из лука он так меток был,

Что брал в полон и в ставку приводил

Врагов, бежать пытавшихся заране.

Не за то ли возненавидели Хасара,

Что он врагов всех наших погубил?!»

Умерив гнев матушки Огэлун, Чингисхан молвил: «О матушка, узрев тебя во гневе, я утратился страхом страшным, стыдом смертельным устыдился. Давайте же покончим с этим навсегда и воротимся тотчас восвояси!»

Чингисхан украдкой от матушки присвоил себе часть Хасаровых подданных, оставив ему тысячу четыреста человек. Прознав про то, матушка предалась печали великой, и оттого увяла она до срока. Жэбэхэ из племени Жалайрдай, дотоль пожалованный Хасару, удалился от него и подался в пределы Баргузинские.

Засим монголы всех девяти наречий^[162] стали собираться в стане шамана Тэв тэнгэра. И многие Чингисовы подданные, покинув стан его, пришли и подчинились шаману.

И люди ноёна Отчигина — те тоже прибились к Тэв тэнгэру. И отослал тогда ноён Отчигин посла по имени Сохор к Тэв тэнгэру, дабы возвратить подданных своих.

И приступил Тэв тэнгэр к послу Отчигинову, и рек надменно: «С чего бы это вам на пару с Отчигином приспичило послами вдруг оборотиться?!»

И избили хонхотадайцы посла Сохора жестоко, и водрузили на плечи ему седло, и выдворили вон, понудив брести пешком восвояси.

На следующий день после возвращения посла Сохора из стана Тэв тэнгэра, где избили его и понудили брести пешком восвояси, ноён Отчигин самолично явился к Тэв тэнгэру и молвил: «Когда я Сохора послал к тебе с поклоном, избитого его брести понудили вы восвояси. Теперь к тебе пришел я самолично, чтоб подданных своих вернуть».

И обступили тогда ноёна Отчигина семеро братьев-хонхотадайцев, и вопрошали они его пристрастно: «Послав к нам Сохора, ты думаешь, что поступил благочестиво?!»

И убоился ноён Отчигин приступивших к нему хонхотадайцев и молвил покаянно: «Повинен я, Тэв тэнгэр, пред тобой в том, что посла к тебе прислал».

«А коли сознаешь вину, покайся, преклонив колени!» — возопили тогда семеро хонхотадайских братьев. И понудили они ноёна Отчигина встать на колени позади Тэв тэнгэра.

Так и возвратился ноён Отчигин ни с чем. И на следующее утро, придя к Чингисхану, когда тот еще был на ложе своем, ноён Отчигин рек, слезами обливаясь: «Во стан Тэв тэнгэра стекаются монголы девяти наречий. К нему послал я Сохора послом,

дабы всех подданных своих вернуть назад. Когда посол мой, в кровь избитый, с седлом, на плечи взваленным, припелся, я самолично в стан Тэв тэнгэра пошел. Семь братьев-хонхотадайцев со всех сторон ко мне враждебно подступили, понудили перед шаманом повиниться и преклонить колени позади него».

И, говоря сии слова, ноён Отчигин ронял слезы горячие. И узрела Бортэ ужин, что ноён Отчигин плачет, и приподнялась с постели, прикрыв грудь краем одеяла. И, упредив Чингисхана, молвила она, сама не в силах сдержать слезы: «Что за дурные люди эти хонхотадайцы?! Дотоль Хасара отходили, теперь вот Отчигина позади Тэв тэнгэра понудили колени преклонить. Что это за деяния такие – твоих прекрасных, как лесные сосны, достойных младших братьев попирасть?!

Когда в одночасье исчезнет

Твое исполинское тело,

Что станет, Владыка,

С великим улусом твоим?

Дадут ли его в управление

Братьям твоим меньшим?

Могучий, ты в тень обратишься,

Рассыплешься в прах, —

Враги ль позаботятся

О государстве твоём,

Иль ждет его крах?

Как сосны в горах,

Подрастают теперь твои братцы,

Но как же над ними

Жестокие люди глумятся!

Тем более, отпрыскам нашим,

Что еще не успели взрасти, —

Им даже со временем

Власти не обрести.

О, эти мерзостные хонхотадайцы! Да разве ты, Чингисхан, спустишь им, взирая, как они глумятся над твоими братьями меньшими?!»

И обливалась слезами Бортэ ужин, молвя оные слова.

И выслушал Чингисхан слова Бортэ ужин, и, приступив к Отчигину, молвил: «Теперь Тэв тэнгэр пусть идет ко мне. И думай сам, как переведаться нам с ними!»

Засим Отчигин, утерев слезы, вышел из ставки. И призвал он к себе трех могучих мужей, и приказал им стоять наготове. Вскорости пришел отец Мунлиг в сопровождении семерых сыновей своих. И вошли они в ставку, и расселись. Тэв тэнгэр хотел было сесть справа от кумысницы, но Отчигин схватил его за ворот дэла и молвил: «Не ты ль вчерашний день меня понудил повиниться?! Давай же силами померимся теперь!»

И, сказав так, Отчигин поволок Тэв тэнгэра к выходу из ставки. Тэв тэнгэр начал упираться и тоже схватил Отчигина за ворот. И пошла меж ними борьба прямо в ставке. В борьбе с головы Тэв тэнгэра слетел малахай и упал подле очага. Отец Мунлиг поднял малахай сына и, поцеловав, спрятал за пазуху.

И повелел тогда Чингисхан: «Пойдите за порог и там уж силами померьтесь!»

И выволок Отчигин Тэв тэнгэра за порог, и перехватили там Тэв тэнгэра трое могучих мужей, кои стояли наготове, и переломили ему тут же хребтину, и бросили тело его подле телег, стоявших справа от ставки.

И взошел засим Отчигин в ставку и молвил: «Вчерашний день Тэв тэнгэр меня понудил повиниться. Теперь я пожелал помериться с ним силой, но он противится, возлег притворно наземь».

И уразумел отец Мунлиг, что произошло снаружи, и молвил, роняя слезы:

«Когда необъятный теперь материк

Из крошечной кочки еще не возник,

С тобой мы спознались, Чингис.

Когда полноводная ныне река

Текла наподобие ручейка,

Мы близко с тобою сошлись...»

При этих словах отца шестеро хонхотадайцев – сыновей его встали вокруг очага, заслонив выход из ставки, подобрали рукава дэлов своих и были готовы наброситься на владыку.

Теснимый хонхотадайцами, Чингисхан метнулся к двери, воскликнув: «Прочь с дороги!»

И обступили вышедшего из ставки владыку хорчины и турхаги, взяв под защиту свою. И узрел Чингисхан Тэв тэнгэра, лежавшего с переломленной хребтиной подле телег, и повелел принести с задворок плохонькую юрту и поставить ее над телом убиенного Тэв тэнгэра. И повелел он готовить телеги к перекочевке. И вскорости удалился от места оногo.

К юрте, в которой покоилось тело Тэв тэнгэра, приставили стражника; ее дымник был наглухо задернут кошмой, а дверь приперта. На рассвете третьего дня с дымника спала кошма, и тело Тэв тэнгэра бесследно исчезло. Удостоверившись, что в юрте нет останков Тэв тэнгэра, доложили об этом Чингисхану. И прорек тогда Чингисхан: «Тэв тэнгэр на меньших моих братьев руку поднял, наветами раздор посеять вознамерился меж ними и потому в немилость впал у Вечного Небесного Владыки, который и унес с собою и дух его, и тело навсегда!»^[163]

Засим Чингисхан, приступив к отцу Мунлигу, с укором молвил: «Своих сынов неумных не образумил ты, и вознамерились они со мной тягаться и поплатилися Тэв тэнгэра главой за это. Коль знать мне прежде ваш враждебный нрав, вас участь Жамухи, Алтана и Хучара ожидала б!»

И присовокупил Чингисхан к гневным речам своим:

«Постыдно, право,

Отказываться ввечеру

От сказанного утром

И отрешаться поутру

От вечером реченного тобой.

Да будем впредь верны мы сказанному прежде слову!»

Соблаговолив изречь сие, Чингисхан унял свой гнев и молвил: «Попрдержжи вы норов свой, тогда бы кто посмел равняться с вашим родом!»

После убийения Тэв тэнгэра хонхотадайцы вдруг присмирели.

История завоевания Чингисханом державы Алтан-хана

Засим в год Овцы^[164] Чингисхан пошел повоевать хятадский народ^[165]. И захватил он город Фу Жиу, и, перейдя через перевал Унэгэн, занял и город Сун дэн фу (Шуан те фу). И отослал он с передовым отрядом Зэва и Гуйгунэг-батара. И достигли они перевала Цавчал, где на пути их стояла сильно укрепленная вражеская застава. И сказал тогда Зэв: «Вид сделав, что уходим, врага понудим выйти из заставы. Тогда и вступим в бой, поверотятся!» И приказал Зэв своим мужам повернуть коней назад. Узрев, что наши ратники отходят, хятады выступили из заставы, дабы догнать их и разбить. И было хятадов число несметное, и заволокли они всю долину и склоны гор. Отступив до Сун дэн фу, Зэв повернул доблестных своих мужей и вступил в ратоборство с хятадами и разбил их. И подоспел тогда Чингисхан с главными силами, и преследовал он хятадов. И поверг он вставших на его пути надменных хар хятадов, зурчидов, истребляя всех и вся, словно пни трухлявые. И занял тогда Зэв заставу, что на перевале Цавчал, и перешел перевал с мужами своими. И стал Чингисхан станом в Шар дэгтэр, и отослал оттуда мужей своих, дабы захватили они город Жунду и другие города и городища хятадские.

И послан был Зэв подчинить город Дун чан^[166]. И осадил Зэв город Дун чан, но не смог взять его приступом. И отошел нарочно Зэв от Дун чана на расстояние шестидневного перехода на лошадях, и оттуда вдруг повернул мужей своих и за одну только ночь при заводных конях воротился к Дун чану и захватил его, застав дунчанцев врасплох.

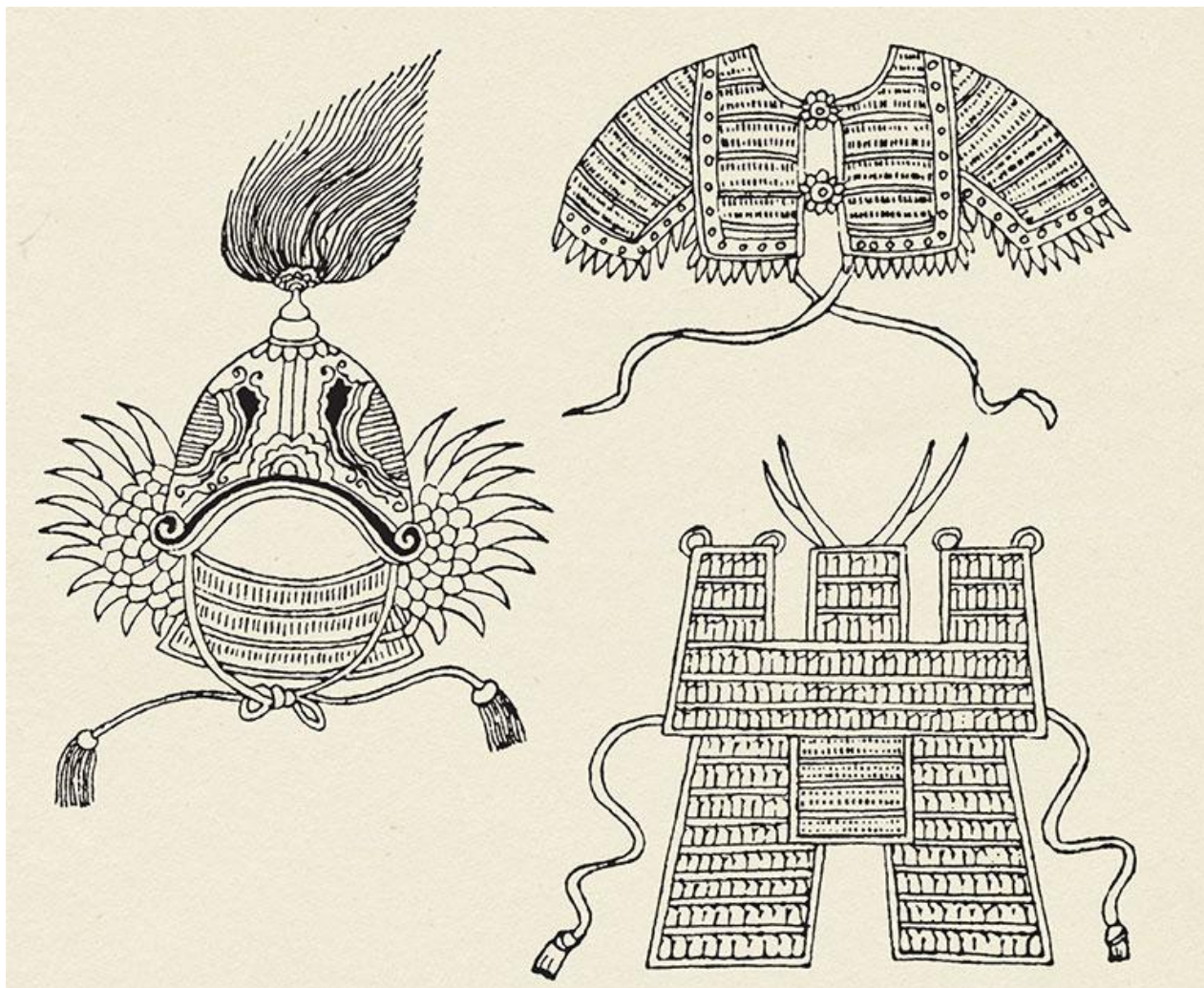
Повоевав дунчанцев, Зэв воротился в ставку Чингисхана. Тем временем ратаи наши осаждали Жунду^[167].

И приступил тогда великий ноён Вангин чинсан к владыке своему Алтан-хану со словами: «Течет неумолимо время, кое ниспослано нам Всевышним Тэнгри и Матерью-Землей; иные наступают времена, пожалуй. Теперь монголы стали всемогущи. В пределы наши заявившись, они повергли доблестных зурчидов и хар хятадов и заняли Цавчалскую заставу, на неприступность коей уповали мы.

Мы можем, рать собрав, повоевать монголов, но коли будем биты ими вдругорядь, то наши ратаи по городам и весям разбредутся, и многотрудно будет снова их призвать. А коли силой вознамеримся созвать их, не ровен час, на сторону врага они перевертнутся. И посему да соизволит Алтан-хан покудова покорность выказать монголам. Когда ж, уверовав во дружбу нашу, монголы уберутся восвою, мы на своем совете все можем и перерешить. Притом доносят нам, что их мужи и кони едва выносят здешний зной. Пожалуем же Чингисхану твою дочь, а ратаям монгольским серебра и злата не скупясь отсыпшем. Как знать, возможно, Чингисхан на это наше предложение польстится!»

И, выслушав речи Вангин чинсана, Алтан-хан благословил их и молвил: «Будь по-твоему!»

И выразил Алтан-хан свою покорность Чингисхану, и пожаловал ему свою дочь по имени Гунжу; и привез Вангин чинсан из осажденного Жунду Чингисхану столько серебра и злата, шелков и прочих товаров, сколько были в силах увезти с собой ратаи монгольские.

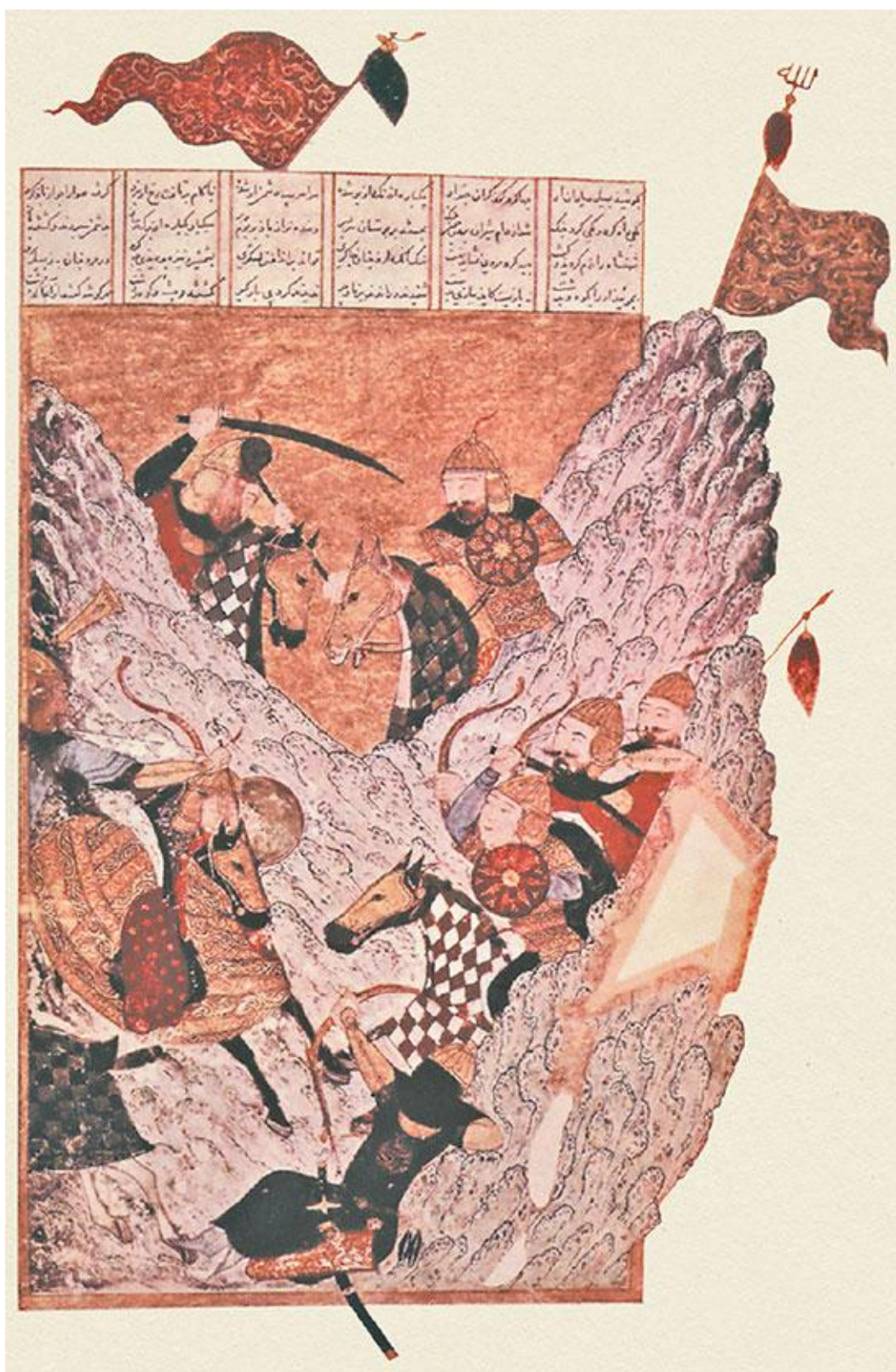

Китайские средневековые доспехи и шлем. Изображение из средневекового китайского военного трактата «У цзин цзун-яо». 1043 г.

И прельстили Чингисхана покорность и подарки Алтан-хана, и возвратил он тотчас ратаев своих, осаждавших города хятадские. И сопровождал Вангин чинсан владыку Чингисхана до уездов Можу и Фужиу и оттуда возвратился.

И погрузили ратаи наши на телеги столько добра хятадского, сколько они могли выдержать, и перетянули поклажу, богатую крепом и шелком.

И пошел Чингисхан оттуда в страну Хашин^[168]. И явился к нему правитель страны по имени Бурхан^[169], и, выразив покорность свою, молвил: «Буду твоею правою рукой: тебе служа, все силы положу!»

Монгольская кавалерия в сражении с чжурчжэнями. Миниатюра из «Сборника летописей» Рашид ад-Дина. 1305 г.

И пожаловал Бурхан владыке нашему свою дочь Чаха, и молвил при этом: «С благоговением и содроганием внимали имени мы твоему. И нынче, недостойные, трепещем перед величием твоим, Чингисхан. Отныне мы, тангуды, будем твоею правою рукой; служа тебе, все силы мы положим!

Мы – какая ни на есть, тебе подмога,

Но не требуй очень много, слишком строго.

Где однажды мой народ обосновался,

Там в жилищах глинобитных и остался.

С мест насиженных не в силах мы подняться,

Наш простор оседлым бытом ограничен,

И не можем мы, как вы, передвигаться,

Образ жизни кочевой нам непривычен.

Враз не сняться,

В бой не ринуться всем родом...

Непривычны мы к стремительным походам.

Будь же милостив, Чингис!

Прими, Чингисхан,

От тангудского улуса дар великий.

Мы растим на наших пастбищах ковыльных

Многочисленных верблюдов – быстрых, сильных.

А ткачи у нас искусными руками

Ткут различные узорчатые ткани...

Ловчих соколов своих не зря мы славим —

Их тебе, Чингисхан, тоже предоставим».

И сдержал слово свое правитель страны Хашин, и пригнали Чингисхану верблюдов стадо несметное, коих взыскали с народа тангудского.

Так в походе этом Чингисхан понудил покориться Алтан-хана хятадского, у коего взял он добычу великую, и подчинил себе правителя тангутов Бурхана, от коего получил верблюдов стадо несметное. И, понудив в год Овцы покориться Ахутай Алтан-хана хятадского и Илаху Бурхана тангудского, Чингисхан возвратился восвояси, пришел и сел в местечке Саарь хээр^[170].

Засим Чингисхан направил многочисленное посольство во главе с Жубханом к Жау гону^[171], дабы к покорности владыке его понудить. Поелику Ахутай Алтан-хан хятадский чинил препятствия продвижению нашего посольства, вознегодовал Чингисхан и в год Собаки^[172] снова выступил супротив него.

И последовал Чингисхан в направлении заставы Тун гуан, а Зэв с мужами своими направлен был к Цавчалскому перевалу. Извещенный о том, что Чингисхан вознамерился захватить Тун гуан, Алтан-хан поставил во главе рати своей Илэ, Хада и Хубугэтура, и усилил он рать свою отрядом передовым, коим командовать был поставлен Улан Дэглэн. И тотчас отослал Алтан-хан ратаев Илэ, Хада и Хубугэтура к Тун гуану и наказал им строго-настрою: «Да будет Тун гуан надежно вами защищен и не позволено перевалить за перевал монголам!»

Когда Чингисхан подошел к Тун гуану, окрест все было заполнено ратаями хятадскими. И повоевал Чингисхан мужей Илэ, Хада и Хубугэтура, и понудил отступить их. Тем временем Толуй и Чугу хургэн ударили с фланга по передовому отряду Улан Дэглэна и повергли его. И погнажи они ратников Илэ и Хада, и разбили их в пух и прах, словно пни трухлявые.

Узнав, что мужи хятадские разбиты, Алтан-хан покинул Жунду, пришел и сел в Намгине^[173].

Оставшиеся в живых после сечи кровавой этой хятадские ратаи до смерти изголодались, и убивали они друг друга, и поедали мясо человеческое^[174].

И воздал хвалу Чингисхан Толую и Чугу хургэну за доблесть, в битве явленную. Чингисхан, стоявший станом в Хо си ву, пришел и сел в Шар хээре неподалеку от Жунду. И пришел к нему с мужами своими Зэв, что повоевал и захватил Цавчалскую заставу хятадов.

Алтан-хан, покинув Жунду, посадил в нем наместником – лиу-шиу – ноёна Хада. И послал Чингисхан в Жунду Унгур бурча, Архай хасара и Шигихутуга, дабы счесть злато и серебро и прочие богатства, оставшиеся в граде том^[175]. И вышел навстречу к ним из-за городской стены лиу-шиу Хада и поклонился им златом и серебром и прочими дарами.

И приступил Шигихутуг к лиу-шиу Хада, и молвил такие слова: «Дотоле стольный град Жунду и все его несметные богатства принадлежали только Алтан-хану. Отныне это все – владенья Чингисхана. И по какому праву ты, презренный, богатства эти расточаешь воровски?! Твои я подношенья не приму».

Унгур бурч и Архай хасар приняли подношения лиу-шиу Хада. Засим сочли они втроем богатства града стольного Жунду и воротились в ставку Чингисхана.

И спросил тогда Чингисхан Унгур бурча, Архай хасара и Шигихутуга: «Что вам пожаловал лиу-шиу Хада?»

Штурм войсками Чингисхана чжурчжэньской крепости на перевале Унэгэн даваа

И отвечал ему Шигихутуг: «Лиу-шиу Хада нам кланялся и серебром, и золотом, и прочими богатыми дарами. На это я ему сказал: «Дотоле Алтан-хану стольный град Жунду принадлежал. Но ныне это Чингисхановы владения. И по какому праву ты, презренный, богатства эти расточаешь воровски?!» Я подношения его не принял, а Унгур и Архай прельстились хятадскими дарами».

И покарал тогда Чингисхан покором лютым Унгура и Архай хасара, а Шигихутугу, милость свою явив, соизволил сказать: «Ты, ставший веждами моими, окрест взирающими ясным днем, и слухом, внемлющим во тьме ночной, воистину блюдешь закон великий!»

Севший в Намгине Алтан-хан, своею волею желая с Чингисханом замириться, отправил к владыке сына Тэнгэра со ста нукерами, дабы служили верою и правдой в гвардии его. И благословил Чингисхан покорность, выказанную Алтан-ханом, и пожелал он возвратиться восвояси^[176], пройдя через Цавчалскую заставу. И, уходя, повелел Чингисхан Хасару принять под водительство свое рать левой руки и, следуя берегом моря-океана, прийти и подчинить нам Бэйжин^[177], засим пойти на град зурчидский (чжурчжэньский) Фуфану и, коли возжелают вдруг зурчиды супротив подняться, их повоевать. А коли покорятся с миром, пройти через зурчидские пределы, их грады подчиняя. Засим, минуя реки Ула и Нау и перейдя в верховье реку Таур (Тор-гол), в Верховную вернуться ставку!

И отослал Чингисхан вместе с Хасаром в поход оный Журчидэя, Алчи и Толун чэрби. И подчинил Хасар Бэйжин и град зурчидский Фуфану, и занял прочие стоявшие на пути грады зурчидские, и, пройдя чрез Таур-реку, пришел в ставку Верховную.

Сказ о том, как Чингисхан выбрал преемника

Известясь о том, что в землях Сартаульских пленена и перебита сотня мужей наших^[178], кои во главе с Ухуной посланы были к сартаульцам посольством, вознегодовал Чингисхан: «Возможно ли спустить неслыханное поруганье, которое бессовестные сартаульцы над нашими поводами золотыми^[179] учинили?! Так повоюем лиходеев-сартаульцев! За муки смертные Ухуны, за поруганье над мужами нашими сполна им поруганьем воздадим!»

Прежде чем Чингисхану выступить в поход, приступила к нему Есуй хатан и молвила:

«Кому предстоит многотрудный поход,

Кто скоро за дальние горы уйдет,

Кто реки широкие переплывет,

Тот должен, конечно, себя вопрошать:

А кто остается людьми управлять,

Всю тяжесть улуса на плечи возьмет?

Не первая ль это из ханских забот!

Ты разумом всесовершенным, о хан,

Познал, что закон одинаковый дан

Всем, всем, кто является в мир, чтобы жить.

Он в том, что настанет пора уходить.

Как крепкий утес, тебе тело дано,

Но в немощах рухнет однажды оно.

И кем управляться твой будет улус?

Кто примет на плечи великий твой груз?

Ты – сила сейчас, ты – опора, конечно,

Но смертен и сильный... Ничто же не вечно!

Так чьими подхвачено будет руками

И славы твоей, и всеилия знамя?^[180]

Имеешь ты, хан, четырех сыновей —

Кому из них править по воле твоей?

И дети, и младшие братья, и жены,

И слуги —

Ждут: молви нам слово закона».

Соизволив выслушать Есуй хатан, Чингисхан прорек: «Хотя и женщина она, но истинно глаголет. Вы, мои братья, дети, Борчу и ты, мой Мухали, подобных слов не сказывали мне дотолє.

Да я и сам не помышлял об этом вовсе,

Как будто мне последовать

За предками не суждено,

Не предавался размышленьям оным,

Как будто стороною может смерть пройти.

Мой старший сын, Жочи,

Что скажешь мне на это?»

Упредив Жочи, Цагадай воскликнул: «Повелевая Жочи первым говорить, чем выделяешь ты его средь нас? Ужели нами править суждено ему, мэргэдскому ублюдку?!»^[181]

И вскочил тогда Жочи с места своего, и, схватив Цагадаю за грудки, сказал:

«Наш хан-отец и в мыслях мною не пренебрегал,

Почто же ты меня считаешь чуженином?!

Скажи, какими же достоинствами ты превзошел меня?

Пожалуй, токмо необузданной гордыней.

Даю большой свой палец я на отсечение,

Коль ты сумеешь помрачить меня в стрельбе!

И не восстану я живым с земли,

Коли тобой в борьбе повержен буду!

И да благословит сие Чингисхан повелением своим!»

И сцепились Жочи и Цагадай в борьбе. И, желая разнять их, Борчу стал оттаскивать за руку Жочи, а Мухали тянул за руку Цагадая. Чингисхан же взирал на сие безгласно. Стоявший по левую руку Хухучос молвил тогда:

«Почто ты поспешаешь, Цагадай?

Твой хан-отец среди сынов своих

Всегда к тебе был благосклонен.

Пред тем как появиться вам на свет,

Над землей многозвездное Небо

Вне законов и правил кружилось,

Многотемная рать в поле бранном

С ратью столь же великою билась.

Возвращались с богатым полоном,

Пригоняли коней, что в теле.

Ни один из нас, многих тысяч,

Месяцами не спал в постели.

Вся земля, как и Небо над нею,

Беспорядочно так же кружилась;

Все и вся на ней слепо боролось,

В жарких схватках сражалось и билось.

Сколь жестокими были сраженья!

И телам ратоборцев усталым

Долго не было отдохновенья,

Сна спокойного под одеялом.

Для сомнений мы и для раздумий

Не имели ни сил, ни часа,

Ибо время борьбе отдавали,

Отдавали силы боям.

Мы вперед и вперед стремились,

Отступать приходилось не часто,

И понятия «покой» или «счастье»

Незнакомыми были нам.

Ты сказал слова недобрые, Цагадай,

Душу матери горячую остудил,

Сердце любящее, нежное оскорбил,

Мысли, чувства благородные погубил.

Дети, дети, Бортэ хатан – всем вам мать,

В жилах ваших – кровь от печени одной,

И родство вам невозможно растерять —

Братья кровные, должны вы быть родней!

Коль посмеете родством вы пренебречь,

Коль услышит мать бессовестную речь,

Коль не станете любовь ее беречь,

Что же ей теперь – живую в землю лечь?

Дети, дети, ведь она носила вас,

И заботами она дарила вас.

Коли грубостью обидите вы мать,

Боль души ее вовек вам не унять.

Отец ваш хан вел долгую войну,

Чтобы создать единую страну.

Он головой за это рисковал,

Своей горячей крови не жалел,

В степи на дэле собственном он спал,

А в головах – рукав – все тот же дэл.

Чтоб подданных объединить в страну,
Не есть, не пить, не спать он был готов.
Хотелось пить – свою же пил слюну,
Ел мясо, что застряло меж зубов.
Шел в гору он – с лица струился пот,
Но был отец ваш хан неутомим.
И Бортэ хатан, не боясь невзгод,
Все горести переносила с ним.
У нее благородный нрав,
Мать, повыше полы подобрав
Своего бессменного дэла,
Никогда не сидела без дела,
А трудилась – себя не жалела.
Чтоб взрастить детей,
Чтобы их поднять,
Выпадало ей
Недоесть, не спать.
Детям – первый глоток,
Детям – лучший кусок.
Уставала так,
Что валилась с ног.
Мать благодарность вашу заслужила:
За плечи кверху каждого тащила,
До совершеннолетия довела.
Ее заслугам равных нет, пожалуй:
За ворот кверху вас приподнимала
И что могла – все сыновьям дала.

Всю жизнь она за вами убирает...

Кто из детей под стремя вырастает,

Того с мужами зрелыми равняет.

И нынче часто думается ей:

«Жизнь им я отдала. За все старанья

Увидеть бы мне добрые деянья

Моих возросших милых сыновей!»

Смотрите ж, дети, мать не огорчайте,

Враждою дум ее не омрачайте.

Умом светла, душой, как лист, раскрыта,

Солнцеподобна мать, многоочита».

Засим Чингисхан рек: «Как можно так порочить Жочи?! Ужель не старший он из всех моих сынов?! Ужели, Цагадай, не стыдно напраслину на брата возводить!»

На эти слова владыки Цагадай ответил покаянно:

«Вовек я не пренебрегу

Умом и силой брата Жочи.

Как говорят в народе,

Нельзя же злоречивого казнить,

Что тщился словом ближнего убить;

И шкуру нам не след с того сдирать,

Кто языком хотел нас растоптать.

Да, брат мой Жочи,

А за ним и я —

Мы старшие отцовы сыновья.

Мы – братья,

Силы мы объединим,

Мы преданно отцу послужим с ним.

А тех, кто прочь пытался убежать,

Догоним и на месте порешим.

Кто отделился,

Кто отстал в пути,

Тому от мести нашей не уйти.

Вот Угэдэй – великодушной нас,

О нем как о преемнике и сказ.

Ему бы при отце и пребывать,

Чтоб хан учил его повелевать,

Вникать в ведение державных дел,

Чтобы великой шапкой Угэдэй

По воле государя завладел».

Затем поворотился Чингисхан к Жочи и вдругорядь вопрошал его: «Так что же скажет сын мой Жочи?»

И молвил Жочи в ответ хану-отцу: «Что говорить? Все сказано уж было Цагадаем. Сплотим свои мы силы воедино с братом, дабы тебе, отец, служить! Преемником твоим и я хотел бы видеть Угэдэя».

И прорек тогда Чингисхан: «Не надобно объединять вам силы. Ведь наша мать-Земля бескрайна, и рекам ее нет числа. Уделом иноземным каждого из вас я наделю. Живите розно и владения приумножайте! И будьте верны слову, блюдите дружество свое. Не приведи Всевышний стать вам притчей во языцех, посмешищем у подданных своих! Должно быть, ведома вам, сыновья мои, судьба Алтана и Хучара: они однажды так же поклялись, но слов заветных так и не сдержали. Я нынче ж поделю меж вами всех подданных Алтана и Хучара. Пусть будут вам они напоминаньем об их судьбе и в жизни вашей предостережением!»

И, приступив к Угэдэю, молвил еще Чингисхан: «Что ты мне скажешь, Угэдэй?»

И ответил Угэдэй на это владыке: «О хан-отец, желаешь ты мой выслушать ответ. Но, право, что сказать тебе, не знаю. Могу ли я сказать, что мне невмочь однажды стать преемником твоим?! Но, коли воля есть твоя, явлю усердие в делах державных.

Не дай, Всевышний,

Таких наследников мне породить,

Которыми бы погнушалась и корова,

Хотя бы трижды обернули их травой,

Которыми бы пренебрег и пес дворовый,

Хотя бы трижды салом обложили их.

И как бы нам не угодить в полевку,

Метя в лося.

И это все, что я хотел сказать».

Выслушав Угэдэя, Чингисхан молвил: «Мне любы Угэдэевы слова. Ну а Толуй что скажет?»

И сказал Толуй:

«Я буду рядом с тем из старших братьев,

Которого отец преемником однажды назовет.

Ему напоминать я буду все,

Что он запомнил невзначай,

И буду пробуждать в нем пыл,

Коль затухать он будет.

Я стану отзывом на клич его призывный

И плеткою для лошади его;

В походах дальних, в предстоящих сечах

Ему я буду верною опорой!»

И одобрил Чингисхан слова Толуя, и повелел при этом: «Да будет же один из сыновей Хасара наследником его! Да унаследует потомок Алчидая его наследство! Да станет Отчигиновым преемником один из сыновей его! И да придет на смену Бэлгудэю его же семья! Один из вас, сынов моих, да унаследует престол мой! Да будут оставаться неизменны, и нерушимы, и неоспоримы все мои веленья!

И коль у Угэдэя наследники родятся,

Которыми бы погнушалась и корова,

Хотя бы трижды обернули их травой,

Которыми бы пренебрег и пес дворовый,

Хотя бы трижды салом обложили их,

Ужель среди моих потомков

Достойного не будет сына?!»

Выступая в поход в земли Сартаульские, Чингисхан отослал к Бурхану тангудскому посла со словами: «Ты говорил, что правою рукой моею станешь. Иду я нынче повоевать сартаулов, что мои поводья золотые бесчестно оборвали. Так стань же правою рукою в рати нашей!»

И передал посол слова владыки Бурхану тангудскому. И не успел Бурхан вымолвить ответ, как вдруг его вельможа Аша Гамбу сказал: «Коль немог ты сам, почто стал ханом?!»

И не послали тангуды подмоги Чингисхану и выпроводили посланника его, гордыню явив свою.

Известясь от посла об ответе тангудов, Чингисхан гневно молвил: «Ужели позволительно Аша Гамбу нам говорить такое?! Не должно ль нам за это тотчас их повоевать?! Однако бег свой мы теперь стремим в края другие, и потому с тангудами считаться недосуг нам. Когда же возвратимся восвою, то милостию Вечного Небесного Владыки держа бразды державные золотые, мы с ними посчитаемся наверно!»

Рассказ о том, как Чингисхан выступил повоевать сартаулов

В год Зайца выступил Чингисхан через Арайский перевал повоевать сартаулов^[182]. Из ханш в поход он взял лишь Хулан хатан, из братьев младших в Верховной ставке оставил Отчигина.

И отправил Чингисхан с передовым отрядом Зэва, а вслед ему выслал Субэгэдэя, а вслед за Субэгэдэем шел Тохучар. И, посылая вперед трех мужей своих, Чингисхан наказал им: «Султанские пределы стороною обойдя, зайдите в тыл к нему, но в бой до нашего подхода не вступайте!»

И обошел Зэв стороною грады хана Мелига^[183], разор им не чиня. Вослед ему пришел и Субэгэдэй, грады сартаульские не разоряя. А шедший за ними Тохучар разор учинил порубежным градам хана Мелига, похватал аратаев его. Известясь о полонении городов своих, хан Мелиг выступил с ратью и воссоединился с Жалалдин султаном^[184]. И ополчились они вместе на Чингисхана.

Во главе рати Чингисовой с передовым отрядом шел Шигихутуг. И наехали Жалалдин султан и хан Мелиг на Шигихутуга, и повергли они мужей наших, и преследовали их до стана Чингисхана^[185]. Но подоспели тут Зэв, Субэгэдэй и Тохучар, и ударили они по врагу с тыла, и сокрушили его. И преследовали мужи наши ратаев Жалалдин султана и хана Мелига, не допуская их к градам сартаульским – Бухаре, Сэмисгабу (Самарканду) и Удурару (Отрару). И гнали мужи наши врагов сартаульских до реки Шин, в водах коей множество сартаульцев и сгинуло. Спасаясь от мужей наших, Жалалдин султан и хан Мелиг бежали вверх по Шину^[186].

Следуя в верховья реки Шин, Чингисхан прошел через город Бадхэшэн (Бадахшан) и, достигнув речек Эх горхи и Гун горхи, стал станом в местности Бараан хээр^[187]. И послал он оттуда ноёна Бала Жалайрдайского в погоню за Жалалдин султаном и ханом Мелигом.

Засим Чингисхан восславил мужей своих Зэва и Субэгэдэя. И молвил он, обратясь к Зэву: «Мой доблестный Зэв! Именовался ты до нашей первой встречи Зургадай. Но, изыдя ко мне от ворогов-тайчуудов, стал зваться ты Зэвом!»

И повелел Чингисхан предать смерти Тохучара за то, что учинил разор самочинный градов порубежных хана Мелига и ополчил его против мужей наших. Но смиловался потом Чингисхан и лишь выговорил ему сурово и лишил права предводить мужами его.

Выступая из Бараан хээр, Чингисхан повелел Жочи, Цагадаю и Угэдэю стать во главе ратаев правой руки и, перейдя через реку Амуй, осадить город Урунгэчи (Гурганж)^[188]. И отослал Чингисхан Толуя полонить Иру (Мару), Исэбур (Нисабур) и прочие грады. А сам Чингисхан пришел и сел в Удураре.

Жочи, Цагадай и Угэдэй, придя к Урунгэчи, отослали к хану-отцу посла со словами: «С мужами нашими достигли мы Урунгэчи и град сей осадили. Кому из нас троих теперь всем ратаям повиноваться?» И повелел Чингисхан: «Да будет впредь над всеми вами воля Угэдэя!»^[189]

Полонив Удурар, Чингисхан пришел и сел в Самарканде^[190]. Потом, выступив из Самарканда, Чингисхан пришел и сел в Бухаре^[191].

В ожидании ноёна Бала Чингисхан провел лето в летнем дворце султана, что в горах на речушке Алтан горхи. И отослал Чингисхан оттуда посла к Толую со словами: «В сей летний зной дай рати передышку. И самолично к нам приходи!»^[192]

К тому времени Толуй успел полонить Иру, Исэбур и прочие грады, повоевал и порушил Систэн (Систан). Когда посол владыки к нему явился, Толуй разор чинил во граде Чухчэрэне. Разорив и порушив град оный, возвратился Толуй с мужами своими к Чингисхану.

И захватили Жочи, Цагадай и Угэдэй Урунгэчи и прочие грады и поделили меж собой граждан сартаульских, но не уделили долю хану-отцу своему. И прогневался на них Чингисхан, и не допускал сыновей три дня в ставку свою. И приступили тогда к владыке Борчу, Мухали и Шигихутуг и молвили: «Мы одолели супротивника – сартаульского султана – и покорили его грады, полонили граждан. Разгромленный и поделенный твоими сыновьями град Урунгэчи, и сами сыновья, и ратаи твои – мы все в твоей же власти. Возрадовались все мы, твои мужи и кони, что сокрушили сартаулов силою великой, кою умножили в нас Всевышний Тэнгри и Мать-Земля. Почто же ты так гневаешься, хан? Сыны твои вину уразумели, и все трепещут покаянно. И это будет впредь наукой им.

Да не лишит их гнев твой сильной воли! О, хан, призвать к себе сынов раскаявшихся соблаговоли!»

И выслушал Чингисхан нукеров своих, и, уняв гнев, соизволил призвать к себе сыновей.

И увещевал их Чингисхан,

Рассказывая притчи стародедовские,

И выговаривал им,

Заповедую истины седые,

И ругал на чем свет стоит

Так, что не знали они, куда и деться,

И едва успевали со лба пот стирать.

И приступили тогда к владыке три его стрелка-хорчина – Хонхай, Хонтагар и Чормахан, и молвили они Чингисхану: «Добро ли столь сурово ранить душу сынов, кои, подобно в первый раз на хватку выпущенным соколятам, лишь только постигают ратную науку?! Да не лишит их страх перед тобой, Чингисхан, доблестного сердца! Куда ни глянь – с восхода до заката, повсюду

ворогов не счесть. Да будет только воля хана подобно верным псам послать нас на врага, мы силою, дарованной нам Всевышним Тэнгри и Матерью-Землею, его повергнем и серебром, и златом, и прочими дарами поклонимся тебе, Чингисхан! Пошли же рать свою на запад, в пределы Халибай султана^[193], властителя Багдада!»

И призадумался Чингисхан над речами трех хорчинов, и уняли они гнев его. И соизволил Чингисхан оставить при себе Хонхая адаргидайского и Хонтагара долонгирдайского, а третьего из них – Чормахана утэгэдэйского – послал в пределы властелина Багдада Халибай султана.

И послал Чингисхан тогда же дурбэдейского Турбэя догшина поковать город Абту, что стоит между землями хиндусов^[194] и багдадцев и населен народами ару, мару и мадасари^[195].

И был отослан с ратью Субэгэдэй-батор на север^[196]. И прошел он через земли одиннадцати стран и народов – ханлинцев, кипчаков, бажигидов^[197], русских, мажаров, асудов, сасудов, сэркэсцев (хиргис), кэшимирцев, болгарцев (болгар), раралцев. И преодолел Субэгэдэй-батор реки Адил^[198] и Жаяг^[199], и дошел до градов Кивамэн^[200] и Кэрмэн.

Когда закончил Чингисхан завоевывать земли сартаульские^[201] и назначал наместников своих в грады повоенные, явились к нему из города Урунгэчи два человека. И звали их Ялавачи и Масхун, и были они отец и сын из рода Хурумши. И поведали они владыке законы и обычаи народов оседлых. Ибо каждый из них в законах и обычаях оных был одинаково сведущ, Чингисхан повелел Масхуну хурумши вместе с монгольскими наместниками править в Бухаре, Самарканде, Урунгэчи, Удане (Хотане), Кисгаре (Кашгаре), Урияне (Яркэне), Гусэн дариле (Кусэн дарили) и прочих градах сартаульских, а отца его Ялавачи взял с собой и поставил наместником в хятадском городе Жунду. Поскольку среди сартаулов Ялавачи и Масхун были самыми сведущими в законах и порядках городских, они были приставлены в помощники к монгольским наместникам в градах сартаульских и хятадских.

Семь лет был Чингисхан в землях сартаульских. И сейчас ждал он возвращения ноёна Бала жалайрдайского. Тем временем ноён Бала с мужами своими переплыл реку Шин, и преследовал он Жалалдин султана и хана Мелига до земель хиндусских, но так и не нагнал их. И, пройдя полземли хиндусской, ноён Бала повернул рать свою назад восояси. И по дороге назад в порубежных землях хиндусских пополнил он много люда хиндусского и увел с собой коз и верблюдов стада многочисленные, с коими и воротился в стан владыки.

Возвращаясь из земель сартаульских в родные пределы, Чингисхан провел лето на реке Эрдис (Эрчис)^[202], и на седьмой год похода своего осенью года Курицы^[203] пришел и сел он в ставке своей, что в Черной роще на реке Тола.

Рассказ о том, как Чингисхан ополчился на тангутов и умер в походе

И, перезимовав в ставке своей, возжелал Чингисхан пойти поковать тангутов. И подсчитаны были вдругорядь ратаи наши, и засим осенью года Собаки^[204] выступил Чингисхан в поход на врагов-тангутов^[205]. Из ханш взял он с собой в поход Есуй хатан.

И устроил Чингисхан в пути облавную охоту на куланов. И было это зимой в местности, именуемой Арбух, и скакал Чингисхан на скакуне по кличке Зост бор. Когда мимо проносился табун куланов, Зост бор поднялся на дыбы, и упал Чингисхан наземь, и сильно ушибся. И встали они станом в местности, именуемой Цорха. Наутро следующего дня Есуй хатан, призвав к себе сынов Чингисхановых и ноёнов его верховных, молвила: «Всю ночь владыку мучил сильный жар. Скажите же, что делать нам теперь?»

И держали совет сыновья Чингисхана и ноёны его. И молвил тогда Толун чэрби хонхотадайский:

«Оседло век векует народ тангудский,

Бессменно в глинобитных городищах жительствоет он.

И не уйдут они с насиженного места,

Век не покинут глинобитную свою обитель!

Так воротимся тотчас восояси!

Когда ж от недуга оправится наш хан,

Мы снова выступим на недругов в поход».

Сыновья Чингисхана и ноёны его одобрили речи Толун чэрби и повестили об этом владыку.

И молвил тогда Чингисхан: «Коль воротимся мы теперь, тангуды скажут, что монголы оробели. Вернее будет к ним посольного отправить и, ожидая возвращения его, здесь, в Цорхе, недуг уврачевать. Когда посольный привезет ответ тангудов, тогда мы все и порешим!»

И назначил Чингисхан посла, и повелел ему затвердить и передать тангудскому правителю такие слова: «Бурхан, дотоль ты сказывал, что верные тебе тангуды мне правою рукою станут. И потому, когда отправился я воевать сартаулов, тебя через посла я известил. Ты ж слова не сдержал и не послал подмогу, зато надменными речами нанес мне кровную обиду. Тогда свой бег стремили мы в края другие, с тобой считаться было недосуг. Теперь же, милостию Небесного Владыки повоевав и покорив сартаулов, пришли мы перевестаться с тобой»^[206].

И пересказал посольный Бурхану слова Чингисхана, и ответил послу Бурхан: «Сих слов надменных я не глаголаю!»

И сказал тогда Аша Гамбу: «То я нанес тебе обиду, Чингисхан! И коль твои монголы делу ратному уж обучились и с нами посчитаться пожелают, пусть следуют в мои пределы, Алашу.

Там мы сразимся,

И там найдется им пожива

В юртах многостенных

И на верблюдах выючных люда моего.

А коли возжелают серебра и злата,

Пусть бег свой устремляют в города

Яргай и Эрижэгу!

Обряд оплакивания монгольского хана. Миниатюра из «Сборника летописей» Рашид ад-Дина. XIV в.

Известясь от посла ответом оным, Чингисхан, все так же мучимый сильным жаром, воскликнул: «Вы слышали ответ тангутов?! Как можно уходить нам восвояси, когда они глаголют нам такое! Пусть я умру, но пусть Всевышний Тэнгри видит, врагу обиды этой не спущу!»

И пошел Чингисхан на Алашу, и сразился там с ратию Аша Гамбу. И поверг Чингисхан врагов-тангутов, и пленил он Аша Гамбу, что засел в горах Алашанских, и истребил народ его, живший в юртах многостенных, вьючными верблюдами богатый, и прах тангудский по ветру развеял.

И повелел засим Чингисхан: «Мужи мои! Коварных врагов изничтожайте! А тех, кои покорность явят, себе берите по произволенью!»

Чингисхан летоовал в горах Цаст, и послал он мужей своих собрать людей тангудских, кои вслед за Аша Гамбу бежали в горы. И похватали мужи наши люд тангудский, живший в юртах многостенных и вьючными верблюдами богатый. И соизволил повелеть тогда Чингисхан своим ноёнам Борчу и Мухали: «Себе возьмите столько врагов-тангутов, сколь силы хватит вам с собою увести!»

И присовокупил Чингисхан к повелению своему: «Доселе я не жаловал хятадов ни Борчу, ни Мухали. Так поделите же хятадских зуйнцев (чжурчжэней) по-братски меж собою! Пусть достославные мужи их при вас сокольничими будут, а взрощенные вами зуйнские девицы прислужницами вашим женам служат! Сгубившие немало предков наших зуйнцы за службу

верную свою были обласканы при Алтан-хановом дворе. Вы же, Борчу и Мухали, за преданность свою воистину моей душе любезны ныне!»

И, удалясь от гор Цаст, Чингисхан пришел и сел в граде Яргай. Засим выступил он из Яргая и осадил Дурмэгэй. Когда Чингисхан осаждал Дурмэгэй, пришел к нему тангудский хан Бурхан и кланялся дарами богатыми: девятью золотыми бурханами^[207] и чашами златыми и серебряными, коих было по девять, и юными мужами и девицами тангудскими, коих было по девять, и славными скакунами и верблюдами, коих было по девять, и прочими подношениями знатными, коих, как и всех прочих, было по девять.

И соизволил Чингисхан встретить Бурхана за дверями ставки своей. И когда Чингисхан вышел к Бурхану, сделалось ему плохо.

На третий день после того изрек Чингисхан: «Жалую Илуху Бурхану имя Шудрага»^[208]. И призвал он к себе Илуху Бурхана «Шудрага» и повелел: «Коли зовешься ты отныне «Шудрага», да будет умерщвлен Илуху!»

И приказал он Толун чэрби собственноручно умертвить Илуху. И когда Толун чэрби вновь явился и известил владыку, что им Илуху умерщвлен, Чингисхан повелел: «Когда я занемог после охоты облавной, кою устроили мы по пути в тангудские пределы, о здравии моем душой болея, ты первым пожелал вернуться восвоюси, дабы скорее мой недуг уврачевать. Понужденные друга мнимого надменными речами, мы нашей силою, умноженною Всевышним Вечным Тэнгри, притворщика повергли и поквитались с ним. Да будут пожалованы Толун чэрби дворец походный вместе с утварью его, что Илуху, ко мне пожаловав, привез!»

Итак, завоевал Чингисхан страну тангутов и пожаловал повелителю ее Илуху Бурхану прозвание «Шудрага», что значит «верный слову своему», и умертвил его. И развеял в прах он племя тангудское до последнего отродья. И повелел за трапезой вседневно возглашать об этом. Ибо нарушили тангуды слово, однажды данное, Чингисхан вдругорядь ополчился на них и поверг народ их.

И, повергнув их, в год Свиньи^[209] Чингисхан вознесся на небеса^[210]. Пред тем множество тангутов были пожалованы Есуй хатан.

Жизнеописание Угэдэй-хана

Рассказ о возведении Угэдэя на ханский престол

В год Мыши^[211] в местности Худо арал, что на Керулене, сошлись Цагадай^[212] и Бат^[213], прочие властители улуса правой руки, ноён Отчигин^[214], Егу, Есунхэ^[215] и прочие властители улуса левой руки, Толуй^[216] и прочие властители срединного улуса, а также прочие наследники, ноёны-темники и тысяцкие. И исполнили они сокровенное повеление владыки Чингисхана, и возвели на ханский престол Угэдэя^[217].

Старший брат, Цагадай, возведя брата младшего, Угэдэя, на ханский престол, вместе с братом своим Толуем вложил в руки его бразды правления хэвтулами, хорчинами и восемью тысячами турхагов, кои оберегали златую жизнь отца их, владыки Чингисхана, и передал во власть Угэдэя тумэн хишигтэна – собственной охраны владыки, которая следовала за ним всечасно. И передан был во власть Угэдэй-хана также срединный улус монголов.

Угэдэй-хан, возведенный на ханский престол и принявший власть над тумэном хишигтэна – личной охраны своей и срединный улус, посоветовался прежде со старшим братом Цагадаем и отправил Оготора и Мунгута вслед за Чормахан хорчином, бывшим в пределах Халибай султана, властителя Багдада, в походе, что не завершил их отец, Чингисхан.

Отосланный с мужами своими повоевать ханлинцев, кипчаков, бажигидов, русских, асудов, сасудов, мажаров, кэшимирцев, сэркэсцев, бухарцев, кэрэлцев, перейти через реки Адил и Жаяг и дойти до градов Мэкэтмэн, Кэрмэн и Кэйиб, Субэгэдэй-батор известил Угэдэй-хана о том, что народы оные противоборствуют отчаянно. И послал тогда Угэдэй-хан вослед Субэгэдэй-батору Бата, Бури^[218], Мунха^[219], Гуюга^[220] и прочих многих доблестных мужей своих. И повелел Угэдэй-хан предводительствовать в походе оными мужами Бату, а мужами, кои выступили от срединного улуса, – Гуюгу.

И повелел еще Угэдэй-хан: «Да отошлют властители уделов в сей поход самого старшего из сыновей своих! И те наследники, кои уделов не имеют, равно и темники, и тысяцкие, и сотники с десятниками и прочие, кто б ни были они, да отошлют в поход сей самого старшего из сыновей своих! И все наследницы и все зятья пусть старших сыновей в рать нашу высылают!»

И присовокупил Угэдэй-хан к повелению оному: «Брат Цагадай мне присоветовал в поход отправить наших старших сыновей. Ко мне посыльного прислал он со словами: «Всех наших старших сыновей давай пошлем вслед Субэгэдэю! Коль все они отправятся в поход, мы рать свою пополним во сто крат. Чем больше будет наша рать, тем в бой пойдет она смелее. Пред нами

в странах чужеземных тьма врагов. Страшны они в неистовстве своем: от своего меча мужи их смерть принять готовы. И, сказывают, их клинки остры».

И повелели мы тогда в поход собраться всем нашим старшим сыновьям, как это нам радельный брат Цагадай глаголал, и потому в далекий мы отправили поход Бата, Бури, Мунха и Гуюга»^[221].

Угэдэй, третий сын Чингисхана и его официальный наследник. Китайская живопись на шелке. XIV в.

Засим Угэдэй-хан послал к старшему брату Цагадаю испросить совета. И передал посольный Цагадаю такие слова Угэдэевы: «Взошел я на престол, мне уготовленный отцом-владыкой Чингисханом. Терзаюсь думой я теперь: чем заслужил я честь такую?!^[222] И ныне шлю к тебе совета и благословенья испросить: задумал я пойти в поход на Алтан-хана и не оконченное Чингисханом дело завершить^[223]. Брат мой, благословишь ли ты сие решение?»

И благословил Цагадай намерения Угэдэй-хана и передал через посольного такие слова:

«Почто откладывать сие, мой Угэдэй?! Оставь заботам доблестного мужа ставку, а сам немедля выступай в поход. Я рать свою пошлю тебе вослед».

И оставил Угэдэй-хан ставку великую заботам хорчина Олдагара.

Предание о том, как Угэдэя постиг недуг злосчастный

В год Зайца ^[224] Угэдэй-хан выступил поковать хятадов. И отправил он с передовым отрядом верного мужа своего Зэва. И сокрушил Угэдэй рать хятадскую, и изничтожил мужей хятадских, как пни трухлявые. И, перейдя через Цавчалский перевал, послал Угэдэй ратников своих по городам и весям хятадским, а сам пришел и сел в Шар дэге. И постиг его тут недуг злосчастный, и лишился он дара речи.

И призвали тогда шаманов и ворожей и понудили их ворожить Угэдэй-хану. И, поворожив, сказывали они, что вознегодовали и напустили хворь на хана духи земель и вод хятадских, ибо полонил он людей хятадских и разор учинил городам ихним. И принялись шаманы задабривать духов, обещая им откупиться златом и серебром, скотом и людьми. Но пуще прежнего разгневались духи земли и вод хятадских. И вопрошали тогда шаманы духов, не соблаговолят ли они принять в качестве выкупа сродника Угэдэй-хана. И открыл тогда хан глаза, и попросил напиться. И, испив воды, спросил он шаманов: «Скажите мне, что вы наворожили?» И отвечали ему шаманы: «Прогневал, хан, ты духов земель и вод хятадских, ибо людей хятадских полонил и учинил разор их градам. Задабривали духов мы, им обещая откупиться серебром и златом, но пуще прежнего прогневались они. Когда ж мы обещали откупиться сродником твоим, духи явили нам свое благоволение. Теперича какое будет повеление твое, наш хан?»

И вопрошал Угэдэй-хан: «Кто рядом есть из сродников моих?»

Рядом с ним был брат его младший Толуй. И молвил тогда Толуй: «Наш хан-отец, Великий Чингисхан, из старших, кои над тобою, и младших, кои тебя ниже, остановил свой выбор на тебе.

Тебя испытывал Чингисхан

Как испытывают скакуна,

Тебя высматривал пристрастно,

Как выбирают лучшего барана.

Вложив бразды державной власти

В твои руки

И возложив тебе на плечи

Над тьмой людскою бремя власти,

Вознесся он на небеса.

Мне повелел наш хан-отец быть вечно рядом с ханом —

старшим братом,

Напоминать ему все то,

Что невзначай запамятует хан,

И раздувать в нем пыл сердечный,

Коль затухать он будет.

Коль потеряем мы тебя теперь, чей пыл сердечный раздувать я буду, кому запомняемое мне напоминать?! Коль не оправится хан от болезни, народ монгольский осиротеет, а все хятады возликуют. Так пусть же сгину я вместо тебя!

Я переламывал хребет тайменя,

Ломал хребтину я у осетра.

И явных недругов одолевал,

И наповал разил врагов незримых.

Красив я ликом,

Статен телом я.

Взывают же, шаманы, к духам,

читайте заклинания свои!»

И принялись взывать шаманы к духам и читать заклинания. И дали они испить Толую заговоренную воду. И, посидев немного, Толуй молвил: «Хан, брат мой старший Угэдэй! Обереги и удостой опеки малых детей моих и овдовевшую невестку, пока хмель заговорный не сойдет. Я все сказал, и меня силы оставляют...»

И вышел Толуй из ставки и пал замертво^[225].

Рассказ о предосудительном поведении на пиру Бури и Гуюга и об их наказании Угэдэем

И так Угэдэй-хан поверг Алтан-хана, и дал он Алтан-хану прозвание Шиао-си, что значит «ничтожный слуга». И взял Угэдэй-хан из пределов хятадских добычу богатую: и золото, и серебро, и златотканые, узорчатые штофы, и табуны лучших скакунов, и людей хятадских множество. И, посадив в Намгине, Жунду и прочих городах наместников и воевод своих, Угэдэй-хан благополучно воротился и сел в Каракоруме^[226].

Чормахан хорчин подчинил державе нашей народ багдадский. И, известясь от него, что земли багдадские изобильны, а товары славны, повелел Угэдэй-хан: «Да будет Чормахан хорчин моим наместником в багдадских землях, да будет доставлять он в ставку ежегодно и золото, и золотые украшения, и златотканые парчи, и штофы, и жемчуга, и перламутры, равно как и коней высоких, длинноногих, и мулов, и верблюдов выючных!»

Бат, Бури, Гуюг, Мунх и прочие достойные мужи наши, что посланы были в поход вослед Субэгэдэй-батору, покорили ханлинцев, кипчаков, бажигидцев, учинили разор в городах Эжил, Жаяг и Мэгэд, повергли и полонили русских. И подчинили они Асуд, Сасуд, Боларман, Кэрмэн, Киву и прочие грады и посадили в них наместников своих.

И послал Угэдэй-хан Есудэр хорчина на помощь Жалайрдай хорчину, что дотоле пошел в поход в земли зурчидов (чжурчжэней) и корейцев. И повелел Угэдэй-хан Есудэр хорчину быть наместником в землях оных.

Засим прибыл к Угэдэй-хану посланный от Бата из земли кипчаков и передал владыке сие, реченное Батом: «Благоволением Небесного Владыки Вечного и всемогуществом хана, дяди нашего, порушили мы град Мэгэд, люд русский покорили, твоей державной власти подчинили одиннадцать народов чужеземных. И, возжелав державные поводы золотые в пределы отчие направить, раскинули шатер широкий и на прощальный пир сошлись. Ибо на оном пиршестве честном я самым старшим был средь братьев-сродников наследных, застольную испил я первым чашу, чем вызвал Бури и Гуюга недовольство. И прочь они ушли с честного пира, и молвил тогда Бури, уходя:

«Равняться с нами возжелали

Бородатые старухи.

Их пяткой ткнуть бы,

А после и ступнею растоптать!»

«Поколотить бы, что ли, хорошенько старух, кои на пояс понавешали колчаны!» – ему Гуюг надменно вторил.

«И понавесить деревянные хвосты!» – присовокупил Аргасун, сын Элжигдэя.

Тогда мы молвили: «Коли пришли мы чужеземных врагов повоевать, не должно ль нам крепить согласие меж собою полюбовно?!»

Но нет, не вняли разуму Гуюг и Бури и пир честной покинули, бранясь. Яви же, хан, теперь нам свою волю!»

Выслушав посланника Бата, Угэдэй-хан пришел в ярость и, не допустив к себе прибывшего в ставку сына Гуюга, молвил: «Кому внимает самохвал спесивый этот, глумясь над старшим братом подло и воли супротив его идя?! Уж лучше бы сие яйцо протухло вовсе!

Да будет послан он в отряде штурмовом

На неприступный, словно горы, град,

Дабы карабкался на городские стены,

Пока ногтей всех с пальцев не сосучит!

Да будет послан воеводой он на град,

Стеною кованою обнесенный,

Дабы взбирался он на эти стены,

Пока ногтей всех с пальцев не облупит!

А этот мерзкий зложелатель Аргасун, какой еще вражине вторя, стал лаять наших сродников надменно?! Казнить нам следовало Аргасуна, да упрекнуть меня, что строг я равно не ко всем. И посему да будут вместе сосланы Гуюг и Аргасун! А с Бури мы поступим так: пусть Бата известят, дабы отправил он смутьяна к отцу, моему брату Цагадаю. И пусть брат старший Цагадай судьбу его решит!»

И приступили тогда к Угэдэй-хану Мунгэй (Мунх), наследник хана, и ноёны Алчидай, Хонхордай и Жанги, и молвили они: «Дал нам наказ Чингисхан: дела походные решать в походе, домашние же – дома разрешать. Хан соизволил на Гуюга осердиться за провинность, что свершил в походе он. Тогда не должно ль это дело отдать на порешение Бату?»

Внимал Угэдэй-хан словам их с благоволением, и унял он свой гнев, и призвал к себе Гуюга, и выговаривал ему за дела его недостойные: «Мне сказывали, как в походе ты сек моих мужей нещадно, ни одного здорового седалища в дружине не оставил; так мордовал ты ратаев моих, что кожа клочьями с лица спадала. Не думаешь ли ты, что русские, лишь гнева убоявшись твоего, нам покорились?! Не возомнил ли, сын, что Русь ты покорил один, и потому позволено тебе над старшим братом так глумиться и воли супротив его идти?! «Страшна лишь многочисленная рать, лишь глубина морская смертоносна!» – разве не так нас поучал отец, Чингис. Ведомые в сраженье Субэгэдзем и Бужэгом, вы силой общею повергли русских и кипчаков. Так что же ты, впервые кров родной покинув, в бою не одолев ни русского, ни кипчака и даже не добыв паршивого козленка шкуры, кичишься доблестью своею громогласно, как будто врага разбил один?! Как друг, kloкочущее сердце успокаивающий, как ковш, смиряющий в котле бушующую воду, Мунгэй и Алчидай, и Хонхордай с Жанги воистину мою уняли ярость. И впрямь дела походные решать Бату лишь надлежит, и посему пусть судит он Гуюга с Аргасуном! А брат мой старший Цагадай да порешит судьбу Бури!»

Рассказ о деяниях, совершенных Угэдэй-ханом по восшествии на ханский престол

Засим Угэдэй-хан изрек указ, в коем все подданные державы его извещались о распорядке службы хэвтулов, хорчинов, турхагов и всего хишигтэна, прежде несших службу охранную подле Чингисхана.

И повелевалось сим указом: «Да будут подданные наши держаться, как и прежде, велений владыки Чингисхана! Пусть, как и прежде, дневальные мои – хорчины и турхаги, в свой сменный заступив дозор, в местах назначенных нас охраняют и пред закатом солнца, сдав пост ночным охранникам, хэвтулам, покидают ставку! И пусть всю ночь стоят при нас хэвтулы в карауле, дозором вокруг дворца обходят! Да будут брать они под стражу на ночь слоняющихся вокруг дворца после захода солнца! И пусть стоящие у входа во дворец хэвтулы нещадно головы секут всем тем, кто в ханские покои вознамерится пробраться ночью! Тому, кто в ставку к нам прибудет ночью с известьем спешным, спервоначалу следует хэвтулов известить, засим, у задней стенки юрты с хэвтулом вместе стоя, снаружи повестить нас о донесении своем. Да будет ясаулам Хонхордаю с Шираханом, равно как всем хэвтулам, ведом всяк человек, входящий в ставку и покидающий ее! Владыки верный муж Элжигэдэй и тот хэвтулами был схвачен, когда меж их постов слонялся ночью. Воистину надежен только тот хэвтул, что повеленье ханское блюдет!

Никто не смеет занимать посты хэвтулов! Не дозволяется слоняться подле стражи и в ставку проникать промеж постов, а также и выпрашивать число хэвтулов! Да будет схвачен всякий, кто слонялся возле стражи! Да будет конфискован конь с уздою и седлом и вся одежда у того, кто спрашивал число хэвтулов!

Да будут сберегать хэвтулы знамена наши, барабаны, сбрую, телеги-юрты, боевые пики; да будут сберегать они дворцовую посуду! Пусть ведают и пищей, и питьем моими!

И коли мы собственноручно в поход не выступаем, да будет не позволено хэвтулам от нас отдельно выступать! И пусть хэвтулов часть сопровождает нас в охоте облавной, а прочие, соображаясь с положением, при ставке остаются в карауле! И пусть хэвтулы при перекочевке для нашей ставки место избирают и сами же ее и становятся. И да приставлен будет на вратах дворцовых ими страж! Да будет тысяцкий ноён Хадан командовать хэвтулами моими!»

Засим Угэдэй-хан, соизволив назначить ноёнов четырех смен хэвтулов, молвил: «И пусть в согласии водительствоуют первой сменой Хадан и Булахадар и охраняют им назначенное место – справа или слева от дворца! И пусть в согласии второю сменой ведают Амал и Чанар и караулят им назначенное место – справа или слева от дворца! И пусть Хадай и Хорихачир в согласье третьей сменой командуют и стерегут им назначенное место – справа или слева от дворца! И пусть Ялбаг и Харагудар в четвертой смене предводительствуют и стерегут им назначенное место – справа или слева от дворца! Пусть смена Булахадара с Хаданом и смена Чанара с Амалом – по леву руку от дворца сидят, а смена Хорихачира с Хадаем и смена Харагудара с Ялбагом – пусть справа от дворца сидят! И предводительствует всеми сменами хэвтулов ноён мой тысяцкий Хадан. И пусть хэвтулы, вокруг дворца свой караул неся, за дверью неусыпно наблюдают и отряжают к нам двух стражей во дворец, дабы стояли у кумысницы большой!»

И повелел еще Угэдэй-хан: «Есунтэгэ и Бугидэй, Хорхудаг и Лабалха поделят пусть своих хорчинов на четыре части, в дневной дозор посменно их выводят, спутствуя турхагов должной смене!»

Назначая ноёнов смен отборной стражи – турхагов из сродников мужей, кои дотоль командовали ими, Угэдэй-хан повелел: «Ноёны Алчидай с Хонхортахаем, что ведали всей караульной службой, возглавят смену первую турхагов. Тэмудэр и Йегу в согласье пусть командуют второю сменой турхагов! А Мангудай оставшихся турхагов пусть в третью смену собирает! И всеми сменными ноёнами турхагов да будет верховодить нукер Элжигэдэй!»

И еще повелел Угэдэй-хан: «Да будет, как и прежде, бит палками три раза страж, что в смену должную не явится в дозор. Семь раз бить палками его, коль вдругорядь пропустит смену он! И коли, будучи во здравии и без согласия ноёна своего не выступит в дозор он в третий раз, тридцать семь палок ему всыпать да и сослать его в пределы дальние – как в свите нашей быть не пожелавшего.

И коль без построенья и поверки в дозор заступит смена караульная, ее ноён подвержен наказанью должен быть! Ноёны караульных смен да оглашают наше повеленье, сменяясь с караула всякий третий раз! А коль мужей своих не повестят, они повинны будут сами. Но если был хишигтэн повешен и все же повеление сие нарушил – не заступил в свой сменный караул, он порицания достоин!

Старшие в сменах да не смеют самолично чинить расправу над хишигтэном моим. Пусть прежде повестят меня об их провинностях! И казни предадим мы всех, кто смерти заслужил, и будут биты палками, кто наказания одного достоин. Но если в сменах старшие, свой произвол чиня, на равных им хишигтэнов поднимают руку, их кара неминуемая ждет: за палки – будут биты палками они, за зуботычины – познают зуботычины и сами!

Мой страж хишигтэн мною чтим поболее любого воеводы тысяцкого, и те, кто в денщиках у нашей стражи, десятников и сотников моих почтенней. А посему, коль воевода тысяцкий с хишигтэном моим, как с ровнею себе, повздорит, да будет предан он суду!»

И молвил засим Угэдэй-хан: «Не стану бременем я для державы, что в муках выстрадал родитель мой, Чингисхан! Облагодетельствую я монгольский люд, дабы, как говорится, во блаженстве возлежал он, беспечно ноги растянув и руки по земле раскинув.

На уготованный родителем престол взойдя, не буду подданных своих мытарить! Да будет каждый год на нужды провиантские от стада каждого двухгодовалая овца дана нам! И по одной овце из сотни каждой – на пособленье сырым и убогим! Взимать негоже и питье, и провиант с мужей и подданных моих, кои по зову нашему стекаются во ставку. Да будут пригнаны от каждой тысячи кобылы и присланы доильщики, приставленные их доить; да будут тот табун пасти распорядители кочевий, да учинят присмотр за жеребятами они!

Когда ноёны, братья-сродники все вместе собираются во ставке, свои дары мы соизволим им пожаловать. Для этих нужд пускай в хранилище хранятся ткани и серебро, и хлеб насущный, и оружие боевое. Да будет стража особая приставлена к хранилищу сему!

Хотим мы поделить все земли государства нашего. И для сего из каждой тысячи назначены пусть будут распорядители кочевий – нутагчины!

Досель гобийские пределы нелюдимы, там токмо лани вольные пасутся. И дабы подданные наши сели в сих пределах, да будут посланы с Чанаем и Уйгурдаем нутагчины и ими вырыты и огорожены колодцы!

Посыльные, что едут с донесеньем, в пути неспешны и в айлы то и дело заезжают, обременяют подданных моих. Желаем ныне мы поставить станции-уртоны, при коих бы служили от каждой тысячи посаженные ямщики. И установим впредь порядок, по коему уртонною дорогой следовать, не мешкая в пути, послам всем надлежит!

Все это присоветовали мне Чанай и Булахадар; я полагаю одобрения сие достойно. Однако что на это скажет брат мой старший Цагадай? Хотел бы выслушать я и его сужденье». И известил через посыльного Угэдэй-хан брата старшего Цагадаю о делах сих. Известясь об оных, Цагадай благословил их и передал Угэдэй-хану свой ответ: «Да будет все по-твоему сотворено!»

И присовокупил к этому Цагадай: «В своих пределах выставлю я тотчас станции-уртоны; Бата же извещу, дабы тянул уртонный тракт ко мне навстречу. Из прочего всего учреждение уртонной службы вниманья истинно достойно!»

И изрек тогда Угэдэй-хан: «Брат старший Цагадай, Бат и правого улуса прочие властители, и Отчигин ноён с Егу и левого улуса прочие властители, наследники, зятя, и прочие ноёны-темники, десятники и сотники срединного улуса благословенно вняли всем суждениям нашим о том, что каждый год на нужды наши провиантские от стада каждого двухгодовалого барана дать они должны да по одной овце суягной – на пособленье сырым и убогим; поставить станции-уртоны, при коих бы служили ямщики, – не тяготило бы то подданных моих, да и посыльным бы моим покойно было.

И посему с согласия брата Цагадаю повелеваю, дабы год от года со всякой тысячи народа моего от стада каждого взималось по барану да по одной овце суягной из каждых ста овец. Да буду пригнаны кобылы, а к жеребьям пастухи приставлены – унагачины; пусть будет выставлена хозяйственная стража – амучины и балгасчины.

Поставим станции-уртоны, при коих бы служили ямщики! Сим ведать будут Арачан и Тохучар. Да будут к каждому уртону приписаны по двадцать ямщиков и счетом достодожным приданы ему и кони ездовые, кобылы дойные и овцы провиантские, повозки и упряжные быки.

Но коли будет недостача из того

Хотя бы и веревки малой,

Виновный да поплатится губой!

Коль будет недостача

И колесной спицы,

Поплатится виновный половиной носа!»

И молвил впоследствии Угэдэй-хан: «Отца-владыки на престол взойдя великий, деянья совершил я таковые: пошел и покорил народ зурчидский Алтан-хана, сие во-первых; поставил станции-уртоны, коими следовать должны посольные и вести без задержек доставлять, то во-вторых; засим в безводных землях по моему указу вырыты колодцы, и впредь в воде и в пастбищах не будет недостатка подданным моим; и, наконец, по городам и весям я воевод и управителей поставил. И сим благодетельствовал я монгольский люд, дабы, как говорится, во блаженстве возлежал он, беспечно ноги растянув и руки по земле раскинув. Итак, после отца-владыки такие вот деянья я свершил.

Престол отца-владыки обрета, обременив себя державной властью, попал я в плен к зеленому вину. И сознаю я это прегрешенье. Пошел на поводу у женских чар, к себе я привезти велел дев из улуса дядьки Отчигина. Великий грех державному владыке такие беззакония чинить!

Повинен я и в том, что, вняв навету, нукера Доголху безвинного сгубил, который в битвах вечно первым на врагов бросался. За неразумное мое отмщенье верному нукеру отца-владыки раскаяния мучают меня! Кто беззаветно так отныне мне послужит?!

Заботясь, как бы во владенья братьев не ушли рожденные по благоволенью Небесного Владыки и Матери-Земли газели, поставил средостенья я. За то услышал я укор от братьев и нынче каюсь в согрешении своем.

Итак, к благодеяниям отца-владыки сии деянья четыре я присовокупил. И совершил четыре прегрешенья, в коих каюсь!»

В месяц дождей года Мыши^[227], когда сошлись все на Великий хуралдай и стали ставкой на Худо арале, что на Керулене^[228], в долине между Долон болдогом и Шилхэнцэгом, сказание свое мы завершили.

«Великая книга Ясы» и «Билик» Чингисхана

Перевод А. М. Джувейни «История завоевателя мира» – В. Ф. Минорский

Перевод «Сборника летописей» Рашид ад-Дина – И. Н. Березин

Перевод билик из «Золотого изборника» Лубсан Данзана – А. В. Мелехин и Г. Б. Ярославцев

Перевод «Поучений Чингисхана его младшим братьям и сыновьям» – В. Л. Котвича

Перевод билик из «Хрустальных четок» Рашпунцага и «Ключа разума» – А. В. Мелехин

Комментарии – А. В. Мелехин

«Великая Яса»

Фрагменты «Великой Ясы» из сочинения А. М. Джувейни «История завоевателя мира»^[229]

О порядках, введенных Чингисханом после его появления, и о ясах, кои он повелел^[230]

Введение

Поелику Всевышний отличил Чингисхана умом и рассудком от его сотоварищей и возвысил его над царями мира по бдительности и могуществу, то он без утомительного рассмотрения летописей и без докучного соображения с древностями единственно из страниц своей души изобретал то, что известно из обычаев гордых хосроев и что записано о порядках фараонов и кесарей, и из ума-разума своего сочинял то, что было связано с устройством стран и относилось к сокращению мощи врагов и к возвышению степени своих подвластных...

Соответственно своему мнению, как оно того требовало, положил он для каждого дела законы и для каждого обстоятельства правило и для каждой вины установил кару. А так как у племен татарских (монгольских) не было письма, повелел он, чтобы люди из уйгуров научили письму монгольских детей, и те ясы и приказы записали они на свитки, и называют они их Великой Книгой Ясы. Лежит она в казне доверенных царевичей, и в какое время станет хан на трон садиться или посадит [на коня] войско великое, или соберутся царевичи и станут советовать о делах царства и их устройении, те свитки приносят и по ним кладут основу дел; построение ли войска, или разрушение стран и городов по тому порядку выполняют.

В ту пору, как зачиналось его дело, и племена монгольские к нему присоединились, отменил он дурные обычаи, что соблюдались теми племенами и признавались ими, и положил похвальные обычаи, коим всепрославленный им путь указывает, и много среди тех приказов есть, что соответствует шарияту.

Содержание Великой книги Ясы

I. В тех указах, что рассылал он по окружным странам, призывая их к повиновению, он не прибегал к запугиванию и не усиливал угроз, хотя правилом для властителей было грозиться множеством земель и мощностью сил и приготовлений. Наоборот, в виде крайнего предупреждения он писал единственно, что если [враги] не смирятся и не подчинятся, то «мы-де что можем знать. Древний Бог (Всевышний Тэнгри) ведает».

II. Поелику Чингисхан не повиновался никакой вере и не следовал никакому исповеданию, то уклонялся он от изуверства, и от предпочтения одной религии другой, и от превозношения одних над другими. Наоборот, ученых и отшельников всех толков он почитал, любил и чтил, считая их посредниками перед Господом Богом, и как на мусульман взирал он с почтением, так христиан и идолопоклонников (буддистов) миловал. Дети и внуки его, по несколько человек, выбрали себе одну из вер по своему влечению: одни наложили ислам [на выи свои], другие пошли за христианской общиной, некоторые избрали почитание идолов, а еще некоторые соблюли древнее правило дедов и отцов и ни на какую сторону не склонились, но таких мало осталось. Хотя и принимают они [разные] веры, но от изуверства удаляются и не уклоняются от Чингисхановой Ясы, что велит все толки за один считать и различия меж ними не делать.

III. И еще у них похвальный обычай, что закрыли они двери чинопочитания, похвальбы званиями и [воспретили] крайности самовозвеличения и недоступности, кои в заводе у счастливых судьбы и в обычае царей. Кто ни воссядет на ханский престол, одно имя ему добавляют – Хан или Каан, и только. Более сего не пишут, а сыновей его и братьев зовут тем именем, что наречено им при рождении, будь то в лицо или за глаза, будь то простые или знатные. Когда пишут обращения в письмах, одно то имя пишут и между султаном и простолюдином разницы не делают. Пишут только суть и цель дела, а излишние звания и выражения отвергают.

IV. Ловитву (облавная охота) Чингисхан строго содержал, говорил, что-де лов зверей подобает военачальникам: тем, кто носит оружие и в боях бьется, надлежит ему обучаться и упражняться (дабы знать), когда охотники доспеют дичь, как вести охоту, как строиться и как окружать дичь, по числу людей глядя.

Когда соберутся на охоту, пусть высылают людей на дозор и осведомляются о роде и числе дичи. Когда не заняты военным делом, пусть непременно ревнуют об охоте и войско к тому приучают. Цель не только сама охота, а больше то, чтобы воины привыкали и закалялись и осваивались со стрелометанием и упражнением. А как двинется хан на великий лов – срок ему: едва наступит зимняя пора, – то рассылает приказы, чтобы те войска, что находятся в средоточии ставки и по соседству с ордами, готовились к лову, чтобы, как указано будет, столько-то людей из десяти садилось на конь, и чтобы сообразно каждому месту, где будет охота, собирали они снасти, оружие и все другое.

Тогда определяет [хан] правое и левое крыло и середину, распределяет их между великими эмирами (нойонами), а [сам] выступает с катунями (ханшами), наложницами, яствами и питьями.

Кольцо для лова охватывается за месяц либо за два-три месяца, и зверя стогоняют постепенно и полегоньку, и берегутся, чтобы он не вышел за кольцо. А ежели каким разом выскочит зверь из круга, то станут обсуждать и расследовать причину до последней мелочи и бьют на том деле палками тысяцких, сотников и десятников, часто случается, что и до смерти убивают.

И ежели, к примеру, кто не соблюдает строя, что зовется у них нерге, и выступают из него либо отступят от него, наказание ему великое и спуску нет.

Ван-хан («Пресвитер Иоанн») принимает послов Чингисхана. Миниатюра из книги «Книги чудес света» Марко Поло. XV в.

Таким чином два-три місяця денно і нічно гонять вони дичь, як будто стадо баранов, и шлють послов к хану и дают ему сведения о звере и о его числе, что-де докуда достиг и откуда спугнут, пока наконец не сомкнется кольцо. Тогда на два-три фарсах понавяжут вервий одно к одному и понабросают [на них] войлок ^[231].

Войско стоит на местах, плечо к плечу, а дичь внутри круга голосит и волнуется, и разные звери мычаньем и воем выражают, что-де пришло возмешенное время, когда соберутся купно звери: тигры свькаются с дикими ослятами, гиены содружаются с лисами, и волки собеседуют с зайцами.

Когда стеснится кольцо до крайности, так что не станет мочи двигаться диким зверям, сперва хан с несколькими приближенными въедет в круг и с час времени пускает стрелы и разит дичь, а как прискучит ему, сойдет наземь на высоком месте среди нерге, чтобы полюбоваться и тем, как въедут царевичи, а за ними по порядку воины, начальники и простой люд.

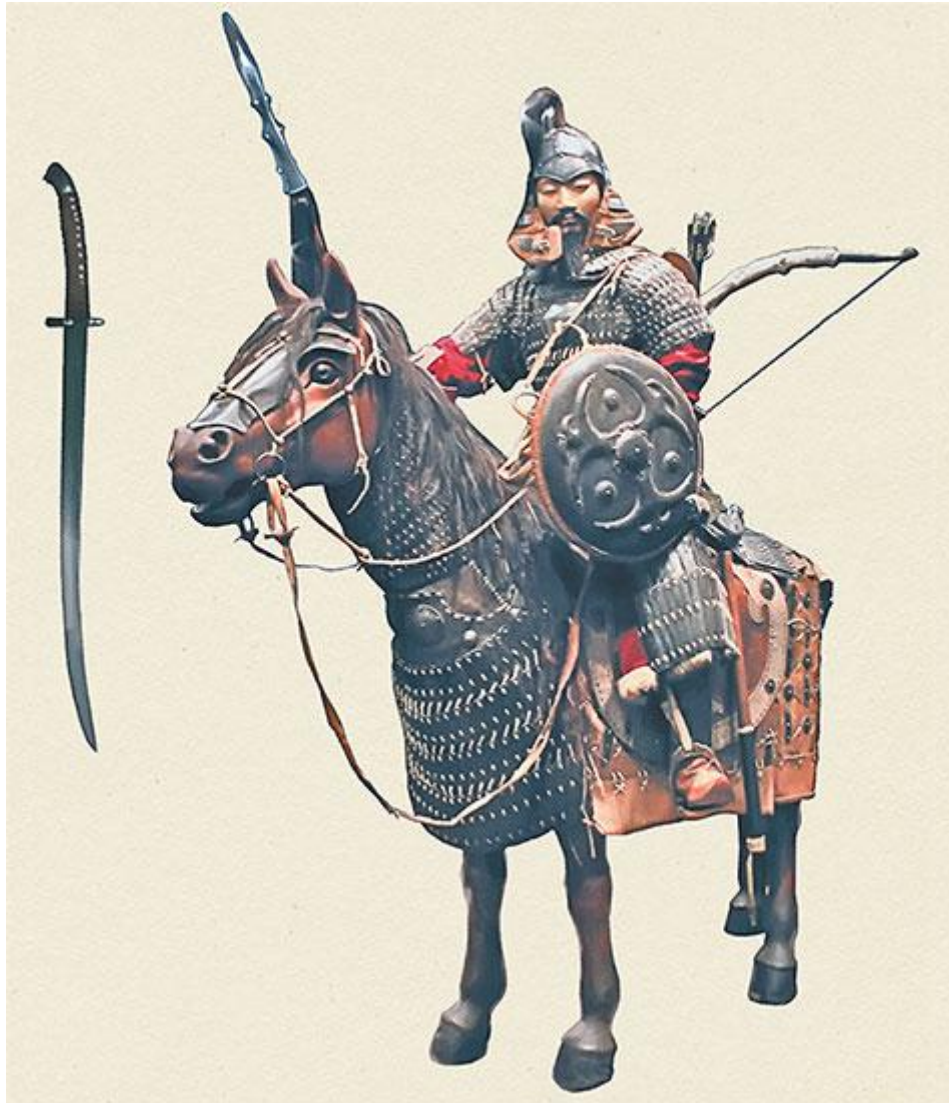
Таким родом пройдет несколько дней, пока из дичи не останется ничего, кроме одиночек или парочек, раненых и разбитых. Тогда удрученные годами старики смиренно подступят к хану, вознесут мольбу и заступятся за продление жизни остатков зверья, чтоб выпустили его через то место, где ближе до воды и травы. Всю дичь, что побита была, собирают, и коль нельзя счесть, исчислить и перечислить разных пород зверья, считают токмо хищных зверей да диких ослов. Друг один сказывал, что в дни царствования Каана (Угэдэя) таким путем одной зимой охота была, и Каан, ради любования и развлечения, сидел на холме. Звери всех родов устремились к его трону и под холмом подняли крики и вопли, словно просили справедливости.

Каан приказал всех зверей выпустить и отгять от них руки насилия. Он же приказал, чтобы посреди страны Хатайской (Китай), в месте зимовий, была построена стена из дерева и земли, и на ней двери (ворота), чтобы из дальних мест собиралось туда зверей множество, и чтобы таким путем на них охотились. Тоже и в пределах Цагадаева Алмалыка да Куяша он устроил такое же место для охоты. (Не) таковы ли суть и обычаи войны, убийства, счета убитых и пощады остающихся; таковы они шаг за шагом, ибо то, что оставляется в живых в (покоренных) странах, состоит из бедняков, немногих числом, и немощных.

V. Что до устройства войска, то от времен Адамовых до сего дня, когда большинство климатов (стран) находится под владычеством и в повиновении рода Чингисханова, ни в какой истории не вычитано и ни в какой книге не написано, чтобы когда-либо какому-нибудь царю, бывшему господином всех народов, удалось иметь войско, подобное татарскому, которое

терпеливо в трудностях и благородно в спокойствии, которое в радости и несчастьи одинаково покорно полководцу, не из-за чаянья жалованья и корма (нареза земли) и не из-за ожидания прибытка и дохода, – и сие есть наилучший порядок для войска. Львы, пока не взалкают, не идут на ловитву и не нападают ни на какого зверя. В пословицах персидских говорится, что «от сытой собаки охоты нет», и сказано есть: неволь гладом пса твоего, да пойдет за тобою.

Какое войско в мире может быть, как татарское, что (даже) среди (ратного) дела охотится для одоления и презрения диких зверей; в дни покоя и досуга ведет себя, как баранье стадо, приносящее молоко, шерсть и многую пользу; а среди трудов и несчастий свободно от разделения и супротивности душ. Войско наподобие крестьян, что несут разные [повинности] поставок и не высказывают доуки при выполнении того, что приказано, будь это копчур (налог, дань, оброк), аваризы (дополнительные сборы), расходы на проезжих, содержание ямов ^[232], предоставление подвод, заготовка корма для животных.

Доспехи и оружие конного монгольского воина

Крестьяне в образе войска, что во время ратных дел от мала до велика, от знатного до низкого – все рубят саблями, палят из луков и колют копьями и идут на все, что в ту пору потребуется.

Коль возникает опасение войны от врагов или козней от бунтовщиков, они заготавливают все, что в том случае пригождается: разное оружие и другое снаряжение, вплоть до знамен, иглоков, веревок, верховых и вьючных животных, ослов и верблюдов. Таким образом, по десяткам и сотням, каждый выполняет свою повинность, а в день смотра предъявляют они снаряжение, и если хоть немного не хватит, то такому человеку сильно достается, и его крепко наказывают. И хотя бы они находились среди самого сражения, все, что потребуется на разные расходы, через них достается.

Что до женщин их и людей, оставшихся при грузах (в обозе) или дома, то поставки (взносы), что производились, пока сам человек (мужчина) – был дома, остаются в силе, до того, что если случайно повинностью того одного человека будет его личная помощь (в значении барщины), а мужчины не окажется, то женщина [того двора] выйдет лично и выполнит дело.

Места смотра и учета войска так устроены, что через них уничтожена необходимость смотрового приказа^[233], и служащие такового и их помощники уволились.

Все люди разделены на десятки, в каждой десятке один человек назначен начальником других девяти; из среды десяти начальников одному дано имя сотника, и вся сотня ему подчинена. Таким родом дело идет до тысячи и достигает десяти тысяч, над которыми поставлен начальник, называемый темником. В сем соответствии и распорядке, какое дело ни возникнет, потребуется ли человек или вещь, дело передается темнику, этим последним – тысяцкому, и так далее до десятника.

Для равенства: каждый человек трудится, как другой; разницы не делают и на богатство и поддержку не смотрят. Если вдруг понадобится войско, то приказывается: «столько-то тысяч нужно в такой-то час», и в тот день или вечер они являются в том месте. Не замедляют ни часа, ниже упреждают его^[234], и ни на мгновение ока не случается у них спешки или проволочки.

Повиновение и послушание таковы, что, если начальник тьмы^[235], будь он от хана на расстоянии, отделяющем восток от запада, – совершит промах, [хан] шлет конного, чтобы наказать его, как будет приказано: прикажут «голову снять» – снимут, захотят золота – возьмут.

Не то, что другие цари, которым приходится говорить с опаскою с рабом, купленным за их же деньги, как только в конюшне его окажется десяток коней. Что уж и говорить о том, коль поставят они под начальство этого раба целое войско и он приобретет богатство и поддержку. Сменить его они не в силах. Чаще всего восстает он мятежом и бунтом. А коль пойдут цари эти на врага либо враг затеет что-то против них, нужны месяцы и годы, чтобы собрать войско, и переполненные сокровищницы, чтобы истратить их на жалованья и кормы начальников. При получке жалованья и прибавок их число переваливает за сотни и за тысячи, а как дойдет до сражения, ряды их от края до края пусты и никто из них не вступает на ристалище битвы.

Так раз шел счет с пастухом. «Сколько баранов налицо оказалось?» – говорил счетчик, а пастух спрашивает: «Где?» Говорят: «В приказных списках». Пастух отвечает: «Потому я и спрашивал; в стаде их нет». Это верная притча для войска [тех царей], ибо каждый начальник, для увеличения отпуска жалованья, поименно, говорит, столько-то у меня людей, а как дойдет до смотра, подставляет одного за другого, чтобы счет вышел верен.

VI. А еще яса такая: чтобы никто из тысяч, сотен или десятков, к которым он приписан, не смел уходить в другое место или укрываться у других, и никто того человека не должен к себе допускать, а если кто-либо поступит вопреки этому приказу, то того, кто перебежит, убьют всенародно, а того, кто его укрыв, ввергнут в оковы и накажут. Посему никто чужого к себе допускать не может. К примеру, если будет царевич, то и наималейшего звания человека к себе не пустит и от нарушения ясы воздержится. Всеконечно, никто не может перед своим начальником зазнаваться, а другие не смеют его совращать.

VII. И еще: где в войске найдутся девицы луноподобные, их собирают и передают из десятков в сотни, и всякий делает свой особый выбор вплоть до темника. После выбора девиц ведут к хану или царевичам и там сызнова выбирают: которая окажется достойна и на вид прекрасна, той возглашается: удержать по законности, а остальным: уволить по-хорошему, и они поступают на службу к катуням (ханшам), захотят хан и царевичи – дарят их, захотят – спят с ними.

VIII. И еще: когда удлинилось и расширилось протяжение их царства, и стали случаться важные события, невозможно стало без сообщений о положении врагов. Приходилось также перевозить ценности с запада на восток и с Дальнего Востока на запад. Посему учреждены ямы чрез всю ширь и длину страны, и определены припасы и расходы по каждому яму, положено число

людей и животных и [количество] яств, питий и прочего снабжения, и произведена раскладка на тьмы (тумэны): по одному яму на две тьмы, чтобы раскладка была по числу и чтобы сборы были взысканы, дабы путь проезда послов не удлинялся из-за [неудобства] посадки на перекладных и дабы ни войско, ни крестьяне не терпели постоянного беспокойства.

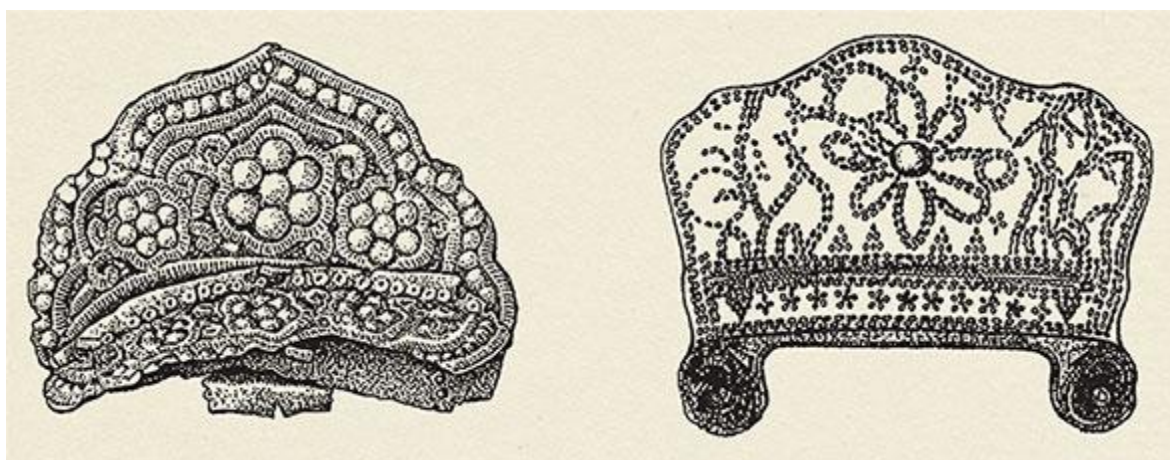
И послам он дал строгие приказы беречь животных и все другое... Ежегодно ямы должны осматриваться: коль будет какой недостаток или убыль, надо брать замену с крестьян.

IX. А как стали страны и люди под [монгольским] владычеством [жить], по установленному положению введены [среди них] переписи и назначены титла десятков, сотен и тысяч, и определены набор войска, ямская [повинность], расходы [на проездных] и корм для скота, не считая денежных [сборов], да сверх всех этих тягот наложили еще копчур (оброк).

X. А еще такой у них порядок, что коль умрет чиновник либо простолюдин, что после него останется, много ли, мало ли, – прицепки не делают, и никто не вмешивается. Коль не было у покойного наследника, дают [имущество] его ученику либо холопу, и ни под каким видом добро умершего не берут в казну и считают это недопустимым.

Заключение

И много есть еще подобных яс. Каждую описывать долго будет. На этом и покончим.

Металлические украшения монгольских женских головных уборов эпохи Чингисхана

Фрагменты «Великой Ясы» из сирийской «Летописи» Григория Аб-уль-Фараджа ^[236]

О законах, постановленных Чингисханом

Поелику у монголов не было письменности, Чингисхан повелел уйгурским грамотеям обучить письму татарских (монгольских) детей. И посему монгольские слова пишут уйгурскими буквами, так же как египтяне [пишут] греческими буквами, а персы – арабскими. И он также повелел записать следующие постановленные им законы.

I. Когда нужно писать бунтовщикам или отправлять к ним послов, не надо угрожать надежностью и множеством своего войска, но только объявить: если вы подчинитесь, обретете доброжелательство и покой. Если вы станете сопротивляться – что мы знаем? Бог всевечный знает, что с вами будет. И в этом они (монголы) показали уверенность, возложенную ими на Господа. И этим они побеждали и побеждают.

II. Должно возвеличивать и уважать чистых, невинных, праведных, грамотеев и мудрецов какого бы то ни было племени, а злых и неправедных презирать. И видя между христианами чистоту и другие добродетели, монголы в начале своего владычества много возлюбили христиан. Но любовь их позже обратилась в ненависть, они не могли больше одобрять христиан, потому что всем множеством народа сделались они мусульманами.

III. Царям и знати не надо давать многообразных, цветистых имен, как это делают другие народы, в особенности мусульмане. Тому, кто на царском троне сидит, один только титул приличествует – Хан или Каан. Братья же его и родичи пусть зовутся каждый своим первоначальным [личным] именем.

IV. Когда нет войны с врагами, пусть предаются делу лова – учат сыновей, как гнать диких животных, чтобы они навывали к бою и обретали силу и выносливость и затем бросались на врага, как на диких животных, не щадя [себя].

V. Воины берутся не ниже двадцати лет от роду. Да будет поставлен начальник над каждым десятком, сотней, тысячей и тьмой.

VI. Весь народ монгольский да содержит хана из ежегодных достатков своих, [уделяя ему] коней, баранов, молока, также от шерстяных изделий.

VII. Никто да не уходит из своей тысячи, сотни или десятка, где он был сосчитан. Иначе да будет казнен он сам и начальник той (другой) части, который его принял.

VIII. От каждого двух тем (тумэнов) лошади должны быть поставлены (в распоряжение ямов) по всем дорогам для проезда послов.

IX. Из имущества умершего, у коего нет наследника, хан ничего да не возьмет, но его имущество все дается тому, кто за ним ходил.

Много у монголов и других законов, но, чтобы не удлинять изложения, мы только эту часть отметили.

Фрагменты «Великой Ясы» по версии Аль-Макризи^[237]

1. Прелюбодей предается смерти без всякого различия, будет ли он женат или нет.

2. Кто повинен в содомии, тот также наказывается смертью.

3. Кто лжет с намерением или волхвованием, или кто подсматривает за поведением другого, или вступается между двух спорящих и помогает одному против другого, также предается смерти.

4. Тот, кто мочится в воду или на пепел, также предается смерти^[238].

5. Кто возьмет товар и обанкротится, потом опять возьмет товар и опять обанкротится, потом опять возьмет и опять обанкротится, того предать смерти после третьего раза.

6. Кто даст пищу или одежду полоненному без позволения полонивших, тот предается смерти.

7. Кто найдет бежавшего раба или убежавшего пленника и не возвратит его тому, у кого он был в руках, подвергается смерти.

8. Когда хотят есть животное, должно связать ему ноги, распороть брюхо и сжать рукой сердце, пока животное умрет, и тогда можно есть мясо его; но если кто зарежет животное, как режут мусульмане, того резать самого.

9. Если кто-нибудь в битве, нападая или отступая, обронит свой выюк, лук или что-нибудь из багажа, находящийся сзади его должен сойти с коня и возвратить владельцу упавшее; если он не сойдет с коня и не возвратит упавшее, то предается смерти.

10. Он (Чингисхан) постановил, чтобы на потомков Алибека, Абу-Талеба всех до единого не были наложены подати и налоги, а также ни на кого из факиров, чтецов Аль-Корана, законодателей, врачей, мужей науки, посвятивших себя молитве и отшельничеству, муэдзинов и омывающих тела покойников не были налагаемы подати и налоги.

11. Он постановил уважать все исповедания, не отдавая предпочтения ни одному. Все это он предписал, как средство быть угодным Богу.

12. Он запретил своему народу есть из рук другого, пока предоставляющий сначала не вкусит сам от предлагаемого, хотя бы он был князь (эмир), а получающий – пленник; он запретил им есть в присутствии другого, не пригласив его принять участие в еде; он запретил насыщаться одному более товарищей и шагать через огонь трапезной и через блюдо, с которого едят.

13. Если кто проезжает подле людей, когда они едят, он должен сойти с лошади, есть с ними без позволения, и никто из них не должен запрещать ему это.

14. Он запретил им опускать руку в воду и велел употреблять что-нибудь из посуды для черпания воды.

15. Он запретил им мыть их платье в продолжение ношения, пока совсем не износится.

16. Он запретил говорить о каком-нибудь предмете, что он нечист, утверждал, что все вещи чисты, и не делал различия между чистыми и нечистыми.

17. Он запретил им оказывать предпочтение какой-либо из сект, произносить слово с эморазисом, употребляя почетные названия, и при обращении к султану или к кому другому должно употреблять просто его имя.

18. Все воеводы обязаны делать лично осмотр войску и вооружению до выступления в поход, предоставлять им все, с чем воин совершает поход, и осматривать все до иголки и нитки. Если у воина не оказалось какой-либо нужной вещи, начальник должен наказать его. Вооружение (легкое!) и обмундирование воин должен делать за свой счет.

Рукоять монгольского меча. XIII в.

19. Он предписал, чтобы женщины, сопутствующие войскам, исполняли труды и обязанности мужчин в то время, как последние отлучались на битву.

20. Он приказал воинам по возвращении из военного похода исполнять определенные повинности на службе правителя.

21. Он предписал им предоставлять в начале каждого года всех своих дочерей султану (хану), чтобы он выбрал для себя и для своих детей.

22. Он поставил эмиров (беков) над войсками и учредил эмиров тысячи, эмиров сотни и эмиров десятка.

23. Он узаконил, что старейший из эмиров, когда он проступится и государь пошлет к нему последнего из служителей для наказания его, отдавал себя в руки последнего и распростирался бы пред ним, пока он исполнит предписанное государем наказание, хотя бы то было лишение живота.

24. Он запретил эмирам (военачальникам) обращаться к кому-нибудь, кроме государя, а если кто-нибудь обратится к кому-нибудь, кроме государя, того предавал смерти; кто без позволения переменит пост, того предавал смерти.

25. Он предписал султану учреждение постоянных почт, дабы знать скоро о всех событиях в государстве.

26. Он предписал наблюдать за исполнением Ясы сыну своему Цагадаю.

Фрагменты «Великой Ясы» по Г. Лэмбу^[239]

1. Повелеваем всем верить в Единого Бога, Творца неба и земли, единого подателя богатства и бедности, жизни и смерти по Его воле, обладающего всемогуществом во всех делах.

2. Запрещено под страхом смерти провозглашать кого-либо императором, если он не был предварительно избран князьями, ханами, вельможами и другими монгольскими знатными людьми на общем совете.

3. Запрещается главам народов и племен, подчиненных монголам, носить почетные титулы.

4. Запрещается заключать мир с монархом, князем или народом, пока они не изъявили полной покорности.

5. Правило подразделения войск на десятки, сотни, тысячи и тьмы (десять тысяч) должно быть сохранено. Этот порядок позволяет собрать армию в короткое время и формировать командные единицы.

6. Ко времени начала похода каждый воин должен получить оружие из рук начальника, которому он подчинен. Он обязан содержать его в исправности и перед сражением предъявлять на смотр своему начальнику.

7. Запрещается под страхом смерти начинать грабеж неприятеля, пока не последует на то разрешение высшего командования, но по воспоследованию такового солдат должен быть поставлен в одинаковые условия, и ему должно быть позволено взять, сколько он может унести, при условии уплаты сборщику причитающейся императору доли.

8. Всякий, не участвующий лично в войне, обязан в течение некоторого времени поработать на пользу государства без вознаграждения.

9. Ни один подданный империи не может иметь монгола в качестве раба. Каждый мужчина, за редким исключением, обязан служить в армии.

10. Чтобы не допустить бегства чужеземных рабов, запрещается под страхом смерти скрывать беглых рабов, кормить их.

11. Прелюбодеяние наказывается смертью. Виновные в таковом могут быть убиваемы на месте преступления.

12. Воспрещается купаться или стирать одежду в проточной воде во время грозы.

13. Шпионы, лжесвидетели, все люди, подверженные постыдным порокам, и колдуны приговариваются к смерти.

14. Должностные лица и начальники, нарушающие долг службы или не являющиеся по требованию хана, подлежат смерти. Если их проступок не очень серьезный, то они должны лично предстать перед ханом.

Фрагменты «Великой Ясы» по другим источникам^[240]

Из книги персидского историка X века Мирхонда «Равдату-с-сафа»

«От убийства (казни за преступление) можно отпустить пенею, заплатив за мусульманина сорок золотых монет (барыш), а за китайца рассчитывались одним ослом».

«Он предписал солдат наказывать за небрежность; охотников, упустивших зверей в облаве, подвергать наказанию палками, иногда и смертной казни».

Из книги Ибн-батуты «Путешествия Ибн-батуты»

«Тот, у кого найдется украденная лошадь, обязан возратить ее хозяину с прибавкой девяти таких же лошадей; если он не в состоянии уплатить этого штрафа, то вместо лошадей брать у него детей, а когда не было и детей, то самого зарезать, как барана».

Из «Истории монголов инок Магакии»

«Яса предписывает: любить друг друга, не прелюбодействовать, не красть, не лжесвидетельствовать, не быть предателем, почитать старших и нищих; за нарушение – смертная казнь».

Из разных источников

«Чингисова Яса предписывает: человека, подавившегося пищей, протаскивать под [решетчатой стенкой] ставки и немедленно убивать, равным образом предавать смерти, кто ступил ногой на порог ставки воеводы».

«По смерти отца сын распоряжается судьбою его жен, за исключением своей матери; может жениться на них или выдать их замуж за другого».

«Строжайше воспрещается пользоваться чем-либо из вещей покойного, за исключением законных наследников».

«Билик»

Фрагменты биликов из «Сборника летописей»^[241] Рашид ад-Дина

Чингисхан сказал: «Дети их не слушали нравоучительных речей отцов; младшие братья не обращали внимания на слова старших; муж не имел доверия к жене, а жена не следовала повелению мужа, свекры смотрели неблагоклонно на невесток, а невестки не уважали свекров, большие не воспитывали малых, а малые не соблюдали наставления старших; вельможи замкнулись в своем окружении, а не привлекали к себе людей вне их ближайшего окружения; люди богатые пользовались всеми благами, но не делали состоятельными людей, которыми они управляли; они не почитали Ёс^[242], Ясу^[243] и путь разума. По этой причине у такого народа [были] враги, воры, лжецы, возмутители и разбойники. Такому народу в собственном их стойбище не являлось солнце, т. е. его грабили, лошади их не имели покоя; лошади, на которых отправлялись в поход передовые отряды, не имели отдыха, поэтому вскоре неизбежно умирали, сдыхали, гнивали и уничтожались. Таково [было] это племя (монголов) без порядка, без смысла.

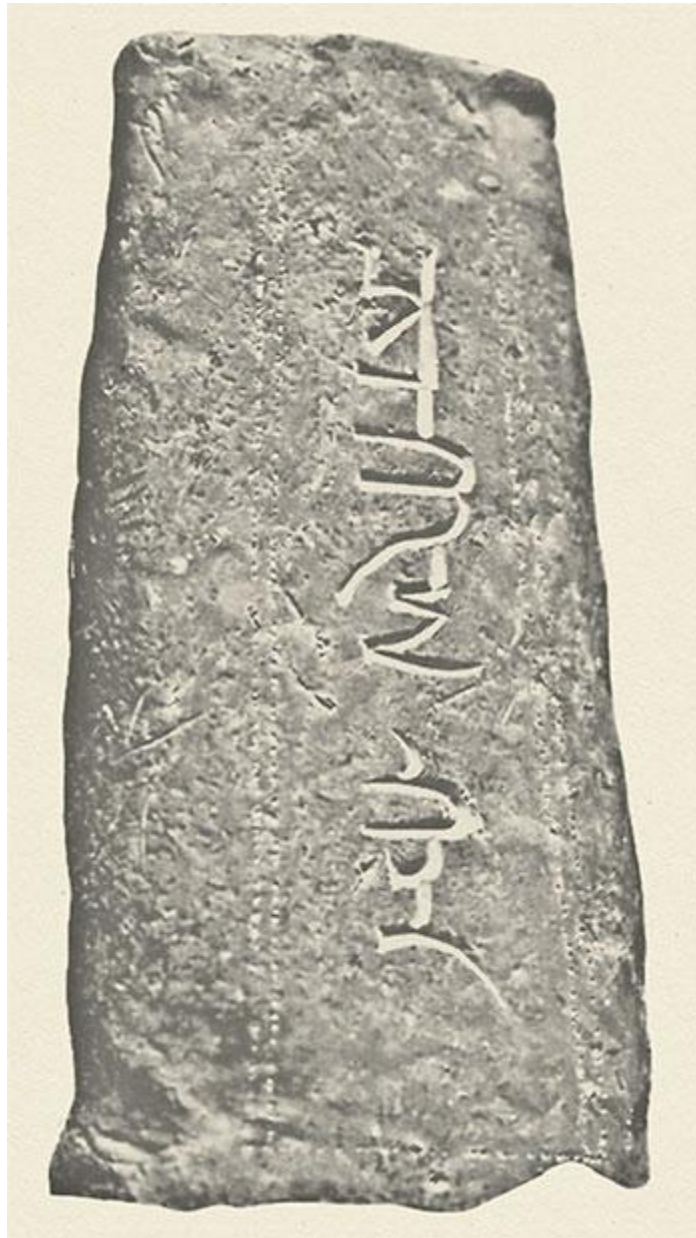
Когда явилось счастье Чингисхана, они пришли под его приказ, и он управлял ими посредством твердо установленного Ясака. Тех, которые были сведущие и храбрые, сделал командующими войском; тех, которые были проворны и ловки, сделал табунщиками; невежд, дав им небольшую плеть, послал в пастухи.

По этой-то причине дело его, словно новый месяц, возрастает изо дня в день, от Небесного Владыки, силою Всевышнего Тэнгри, нисходит победоносная помощь, а на земле, помощью его, явилось благоденствие; летние кочевья (летовки) его стали местом веселья и пиров, а зимние стойбища стали полностью соответствующими своему назначению.

Когда с благоволения Великого Бога (Всевышнего Тэнгри) я уразумел и обрел эти мысли (билики), то по этой причине спокойное житие, веселые празднества и пиры продолжались и достигли до сего времени.

В дальнейшем, и через пятьсот и тысячу, и десять тысяч лет, если наши потомки, которые родятся и займут мое место, сохранят и не изменят таковой Ёс и Ясу Чингисхана, который для народа ко всему пригоден, то от Неба придет им помощь благоденствия, непрерывно они будут в веселье и радости. Господь взыщет их пожалованием и милостями, а люди мира будут молиться за них. Они (наследники Чингисхана) будут жить долго и наслаждаться благами».

Еще он сказал: «Если вельможи, богатыри и военачальники, находящиеся на службе у детей ханов, которые наследуют мне, не будут крепко соблюдать Ясу, то дело государства испытает потрясение и прервется. Опять будут охотно искать Чингисхана и не найдут».

Камень с выгравированной подписью Чингисхана, которому следовало поклоняться как святыне

Еще он сказал: «Военачальники тумэна, тысячи и сотни, съезжающиеся выслушать наши мысли в начале и в конце года и возвращающиеся назад, могут начальствовать войском; состояние тех же, которые сидят в своем юрте^[244] и не слышат мыслей наших, походит на камень, упавший в большую воду, или на стрелу, пущенную в заросли тростника: они оба бесследно исчезнут. Таким людям не подобает командовать».

Еще он сказал: «Всяк, кто может достойно содержать свой дом и хозяйство, сможет верно распоряжаться и во вверенном ему уделе; всякий, кто может выстроить как подобает к бою десять человек, прилично дать тому тысячу и тьму воинов (тумэн), и он сможет выстроить их к бою так же хорошо».

Еще он сказал: «Всякий, кто может очистить свою душу от скверны, тот сможет очистить от воров и вверенный ему удел».

Еще он сказал: «Всякого военачальника, который не может выстроить к бою свой десяток, того мы делаем виновным с женой и детьми, и выбираем в командиры кого-нибудь из его десятка. Так же [поступаем] с сотником, тысячником и темником».

Еще он сказал: «Всякое слово, с которым согласились трое мудрецов, можно сказывать всюду; в противном случае нельзя полагаться на него. Сравнивай слово свое и слово других со словами истинно мудрых: если оно будет им соответствовать, то можно его сказывать, в противном же случае никак не должно говорить».

Еще он сказал: «Всякий идущий к старшему, не должен говорить ни слова до того времени, пока тот старший не спросит; тогда сообразно вопросу пусть младший ответит соответственно. Если он скажет слово прежде, хорошо, коли его захотят услышать. В противном же случае, он кует холодное железо».

Еще он сказал: «Всякую лошадь, будучи в теле, бегущую хорошо, можно назвать хорошей, если она побегит так же, будучи в полтеле и тощей. Но нельзя назвать хорошей лошадь, которая бежит хорошо только в одном из этих трех состояний».

Еще он сказал: «Старшие военачальники и все воины, подобно тому, как, занимаясь охотой, отличают имена свои, должны установить каждый имя свое и военный клич и когда выступают на войну. И пусть они всегда, моля усердно Всевышнего Тэнгри, со смиренным сердцем желают достичь благоденствия в любой из сторон света».

Еще он сказал: «В мирное время среди народа воину моему должно быть подобным смирному теленку, а во время войны – подобным голодному соколу, который устремляется на охоту за дичью».

Еще он сказал: «Всякое молвленное слово сильно, если его скажут серьезно; а если оно сказано шутя – то и проку от него нет».

Еще он сказал: «Каким образом человек познает себя, пусть познает и других».

Еще он сказал: «Мужчина – не солнце, чтобы являться во всех местах людям. Его жена должна, когда муж займется охотой или войной, держать дом в благолепии и порядке, чтобы, если заедет в дом гонец или гость, он увидел бы все в порядке. Жена приготовила бы хорошее кушанье, и гость не нуждался бы ни в чем. Тем самым непременно она доставит мужу хорошую репутацию и возвысит имя его в собраниях, подобно горе, вздымающей вершину. Хорошие мужья узнаются по хорошим женам. Если же жена будет дурна и бестолкова, без рассудка и порядка, будет от нее видна дурность мужа».

Еще он сказал: «В смутах должно поступать так, как поступил Даргай Уха. Он ехал в смутную пору от стойбища племени Хатагин, с ним было два нукера. Издали они увидели двух всадников.

Нукеры сказали: «Нас три человека, а их два: наедем на них».

Он сказал: «Как мы их увидели, так точно и они, должно быть, нас увидели, и потому теперь не следует нападать».

Ударив лошадь плетью, он усккал. После оказалось точно и истинно, что один из тех двух незнакомых всадников был Тимур-Уха из племени татар; около пятисот человек из своих нукеров он посадил в ущелье, устроив засаду, а сам показался, чтобы, когда три наших всадника напали бы на него, обратиться в бегство, достичь условленного места и с помощью нукеров схватить их.

Так как Даргай Уха понял вражеский замысел, он бежал и соединился с двадцатью другими нукерами, которые ожидали его поблизости, и всех увел в безопасное место. Смысл сказанного в том, что во всех делах необходима осмотрительность».

Еще он сказал: «Мы отправляемся на охоту и убиваем много изюбрей; мы отправляемся на войну и убиваем много врагов. Когда Всевышний Тэнгри указывает нам путь и так облегчается дело, нам не следует важничать и забывать об этом».

Еще он сказал: «Нет героя, подобного Есун-Баю, нет в военном деле искуснее его человека. Однако так как он не знает усталости от тягости похода, не чувствует ни жажды, ни голода, то и других людей из нукеров и воинов, которые будут вместе с ним, всех считает подобными себе в перенесении трудностей, а они не имеют такой же силы и твердости к перенесению трудностей военного похода. По этой причине не подобает ему начальствовать войском. Подобаает начальствовать войском тому, кто сам чувствует жажду и голод и соразмеряет с этим положение других, идет в дороге с расчетом и не допустит, чтобы войско испытывало голод и жажду, а скот отощал».

Еще он сказал: «Подобно тому, как купцы наши, привозящие парчовые одежды и хорошие вещи в надежде барыша, становятся чрезвычайно опытны в тех товарах и материях, и командиры армейские также должны хорошо обучать мальчиков стрельбе из лука и езде на конях, упражнять их в этих делах и делать их столь же сильными и храбрыми, как опытные купцы в искусствах, которыми владеют».

Еще он сказал: «После нас наследники наши будут носить златом шитые одежды, есть жирные и сладкие яства, ездить на добронравных лошадях, обнимать благообразных женщин и не скажут, что все это собрали отцы и старшие братья. И забудут они нас и тот великий день».

Еще он сказал: «Человек, пьющий вино и водку, когда опьянеет, не может ничего видеть и становится слеп. Когда его зовут, он не слышит и становится немым; когда с ним говорят, он не может отвечать. Когда становится пьян, то бывает подобен умирающему человеку: если хочет сесть прямо – не может, и будет бесчувственным и ошеломленным, словно человек, которого ударили по голове».

В вине и водке нет пользы для ума и доблестей, нет также добрых качеств; они располагают к дурным делам, убийствам и распрям; они лишают человека вещей, которые он имеет, и доблести, которой он обладает. И становятся постыдны путь и дела его.

Государь, жадный до вина и водки, не способен на высокие помыслы, не может вершить великие дела. Военачальник, жадный до хмельного зелья, не может держать в порядке дела тысячи, сотни и десятка, не может довести эти дела до конца. Простой воин, который будет жаден в питье вина, подвергается весьма большой опасности, т. е. его постигнет великая беда. Человек простой, т. е. из черни, если будет жаден к питью вина, пропьет лошадь, стадо и все свое имущество, и станет нищим. Слуга, жадный к питью вина, будет проводить жизнь непрерывно в мучениях и страданиях. Эти вино и водка не смотрят на лицо и сердце пьющих, одурманивают и хороших, и дурных. Хмельное зелье руку делает слабой, так что она отказывается брать, а человек становится неспособным к своему ремеслу; ногу делает нетвердой, лишает человека способности самостоятельно идти; сердце и разум делает слабым, так что человек не может размышлять здраво: все чувства и орудия разума делает непригодными.

Если нет уже средства от питья, то должно в месяц напиваться три раза; если перейдет за три, будет считаться наказуемым проступком; если в месяц два раза напивается – это лучше, а если один раз – еще похвальнее, а если не пьет вовсе, что же может быть лучше этого? Но где найдут такого человека, который бы не напивался? Если найдут, то он достоин всякого почтения».

Еще он сказал: «Чингисхан перед тем, как предпринять поход в области Китайские и пойти войной на Алтан-хана, как обычно в таких случаях, один поднялся на вершину горы, развязал пояс, повесил его на шею, расстегнул застежки халата, пал на колени и сказал: «О, Всевышний Тэнгри извечный! Ты знаешь и ведаешь, что прежде Алтан-хан произвел смуту и он начал вражду. Он убил безвинно Охин бархага и Амбагай-хана, которых схватили татары и послали к нему, а это были старшие родичи отца и деда моего».

Я есмь ищущий за кровь их возмездия и мщения. Если знаешь, что это намерение мое правое, ниспосли свыше в помощь мне силу и победоносность, и повели, чтобы мне помогали свыше ангелы, люди, пери и дивы и оказывали мне вспоможение».

Такое он, молясь, произнес воззвание с полным смирением. После того он отправился в поход на Алтан-хана. По причине чистоты и правого намерения он одержал победу над Алтан-ханом, который был такой могущественный и великий государь, у которого не было конца многочисленному войску, обширному государству и неприступным крепостям его. Чингисхан овладел всеми теми областями его и детьми его».

Еще он сказал: «Однажды Чингисхан остановился в горах, на Алтае. Бросив взгляд по сторонам, он оглядел свои орды, своих воинов и слуг и сказал: «Стрелки и воины мои чернеют подобно многочисленным лесам; жены, невестки и девушки алеют подобно красноцветному пламени. Попечение и намерение мое состоит в том, чтобы усладить их рот пожалованием сладкого сахара, украшать перед, зад и плечи их парчовыми одеждами, сажать их на хороших мерин, напоить их чистой и вкусной

водой, пригнать их скот на обильные травоя пастбища, приказывать удалять с больших дорог и путей, которые служат путями для народа, сор, сучья и все вредное; и не допускать, чтобы окрестности наши зарастали колючками и терном».

Еще он сказал: «Если из нашего рода кто-нибудь поступит вопреки утвержденной Ясе один раз, пусть его укорят словом; если сделает вопреки два раза, пусть действуют на него красноречием; в третий же раз пусть сошлют его в отдаленную, пустынную местность, именуемую Балжун Хулджур. Когда он сходит туда и возвратится – он одумается и станет внимателен и благоразумен. Если же он не образумится и на этот раз, пусть посадят его в тюрьму. Если выйдет оттуда добронравным и образумившимся – это будет очень похвально и хорошо; в противном же случае пусть соберутся все родственники и на общем сходе решат, что с ним делать».

Еще он сказал: «Военачальники тумэнов, тысячники и сотники должны каждый так содержать в порядке и готовности свое войско, чтобы во всякую пору по приказу его воины тут же садились на коня и выступали, пусть даже ночью».

Еще он сказал: «Всякий мальчик, родившийся в Баргузин Тухуме, на Ононе и Керулене, будет умным и мужественным воином-богатырем, знающим и сметливым мужем без руководства и наставлений; всякая девушка, родившаяся там, будет прекрасна без причесывания и украшений».

Еще он сказал: «Как-то однажды в молодости Чингисхан проснулся ранним утром. Его приближенные заметили, что несколько прядей волос в локонах его побелели. Тогда они спросили Чингисхана: «О, Владыка! Ты находишься в счастливом, молодом возрасте, и тебе еще далеко до старости. Каким же образом явился след седин в твоих локонах?»

Чингисхан сказал в ответ: «Так как Всевышний Тэнгри восхотел сделать меня старшим и вождем тумэнов и тысяч и водрузить через меня знамя благоденствия, то и явил на мне знак старости, который есть знак старшинства».

Еще он сказал: «Однажды Чингисхан спросил у Борчу-нойона, который был главою над всеми военачальниками: «В чем состоит высшая радость и наслаждение мужа?»

Борчу сказал: «Оно состоит в том, чтобы человеку, взяв на руку сокола сизого своего, сесть на хорошего мерина и охотиться раннею весною за сизоголовыми птицами, и чтобы одеваться в хорошие одежды».

Чингисхан спросил Борохула: «А что ты скажешь?»

Борохул ответил: «Высшее наслаждение состоит в том, чтобы выпустить своего ловчего кречета на охоту за журавлями и наблюдать за тем, как кречет низвергнет журавля с небес ударами когтей и схватит его».

После этого Чингисхан задал тот же вопрос детям Хубилая^[245]. На что те ответили: «Истинное блаженство человека состоит в облавной охоте, особенно с ловчими птицами».

Тогда Чингисхан промолвил: «Вы все не то говорите! Настоящее наслаждение и блаженство мужа в том, чтобы подавить и победить возмущившегося врага, отобрать у него все, чем он владеет, заставить истошно вопить его слуг и обливаться горячими слезами его жен, [в том чтобы] оседлать его быстроногих меринов, [в том чтобы] возлежать, словно на постели, на телах его прекрасных жен, лицезреть красоту их и целовать в сладкие, алые губы».

Фрагменты биликов из «Золотого изборника» Лубсан Данзана^[246]

Из наставлений дочерям^[247]

...Арслан-хану харлугудскому, который присоединился к Чингисхану не противясь, Чингисхан пожаловал дочь свою Алха бэхи и дал ей такие наставления:

«Любимейшая дочь моя Алха,

И впредь благоподательницей будь.

Муж прыгнуть хочет —

Стань его ногою,

А если пошатнется —

Стань подпоркой,

Подковой стань,

Чтоб он не поскользнулся.

Что человек?

Век тела очень краток,

Но имя незапятнанное — вечно!

Нет лучше друга нам,

Чем светлый ум,

Нет злей врага,

Чем неразумный гнев.

Вокруг достойно многое доверья,

Но вера — только самому себе;

Лелеять можно многое на свете,

Любить — одну лишь собственную жизнь.

Мы стойкие — и это всем на пользу.

Твоя безгрешность — вот благодеяние!»

...Чингисхан, милостиво призревший уйгурского Идугуда и пожаловавший ему за покорность дочь свою Ал-Алтун, соизволил дать ей наставления:

«Три мужа есть у женщины любой. Муж первый — то держава золотая. Второй муж — имя честное ее. А третий муж — ее супруг законный. И коль она своей державе верно служит, то имя честное с ней будет неразлучно. А коль она оберегает это имя, супруг ее законный вовек очаг семейный не покинет!»

...Поелику ойрадский Хутуга бэхи с тумэн ойрадами своими первым из лесных народов предался Владыке, Чингисхан пожаловал его сыну, Иналчи, свою дочь Чечей гэн. И, отдавая свою дочь замуж, Чингисхан пожелал передать ей через Борчу свои наставления. И приступил Борчу к Чечей гэн и молвил такие слова:

«Любезная Чечей гэн, внемли наставлениям отца-батюшки твоего! Поскольку родилась девицей ты, Чингисхан, народ ойрадский покорив, в замужество тебя отдал ойрадам. Теперь уж твой удел — вставать с рассветом и, как стемнеет, отходить ко сну. Почитай родню мужнину! Денно и ночью будь стойка и благочестива. Речам разумным внемли, наматывая на ус! Все доброе, чему училась в отчине родной, возьми в свой новый дом, а все дурное, что и здесь претило, отринь! Да снизойдет благодать вместе с тобой на земли ойрадские!»

Из наставлений младшим братьям, сыновьям и сподвижникам

...И сказал Чингисхан четырем сынам своим такое наставление:

«В крутых горах ищи пологий спуск,

Среди безбрежных вод – надежный брод.

Дорога далека – не унывай:

Не станешь медлить – одолеешь путь.

Поклажа тяжела твоя – терпи,

С плеч наземь лишний раз не опускай.

Есть зубы, чтобы мясо разжевать, —

Имей и зуб, чтоб одолеть врага.

Ты крепок телом – одолеешь одного,

Ты крепок духом – верх над многими возьмешь».

И обратился Чингисхан с наставлениями к своим четырем сыновьям:

«С восхода солнца до заката – годы

Я собирал вокруг себя народы;

И соплеменников своих и многих дальних —

Всех породнил, всех родственниками сделал.

Собрал единомышленников вместе

И тех еще, кто мыслили инако, —

Все разномыслие их – в голове одной!

Мы недругам своим осточертели,

Всех скудоумных как мы утомили,

Покорствовать заставив нашей воле!

О, родичи мои! В стремленьях ваших

Неутомимы будьте, заклиная!

Еще – своим пристрастиям душевным

Не изменяйте. Будьте им верны!»

...Чингисхан изволил дать наставления своим младшим братьям и сыновьям:

«В стране, что мне пожаловал Всевышний Тэнгри,

Я крепой стал, штырем своей державы,

И намертво теперь ее сплотил;
Я – привязь, на которой подобает
Держаться прочно подданным моим.
В державе этой родились на свет
Вы, братья младшие, и сыновья —
Наследники моей верховной власти.
Вам старцы мудрые опорой будут,
Их множество великое у нас.
О, братья, дети! Как зеницу ока
Наш древний род бесценный берегите!
Сил не жалейте для своей державы!
Премудрые! Не о самих себе,
О благе государства порадуйте!
Наследники! На жизненном пути
Коль умных повстречаете людей,
Их от себя никак не отдаляйте.
Совсем напротив: щедростью души
На сторону свою привлечь старайтесь —
Воздастся вам сторицею за то.
Царевичи, родная кровь моя!
Наследуя трудов моих плоды,
Старайтесь сохранить их, преумножить.
Чего достиг я тяжкими трудами —
И вы трудом вседневным закрепите.
Вот так! Иначе прахом все пойдет.
Ну а заботы, прилежанье ваше,
Увидите, окупятся сполна.

О, родичи мои! Кряхтя и тужась,
Всю мощь свою собрав в одно усилие,
Глядишь, и льва однажды одолеешь.
А если силы не собрать в кулак,
Уж тут, как ни рычи и как ни злобься, —
Все попусту: победы не видать.
Объединишь усилия сполна,
Так одолеешь, может, и слона.
А мощь свою не соберешь в кулак —
Пыхти себе, пожалуй, кипятись
И разойдись вовсю и разозлись —
Не сможешь одолеть врага никак.
Не чванься, что высок ты, как гора:
Кто на вершину взобрался, тот выше.
Великодушие – вот высота,
Не знающая верхнего предела;
Оно как безграничный океан,
Однако для любого безопасный.
Тот человек, который не позволит
Ни в жизнь переступить через себя,
Доказывает неопровержимо,
Что Человеком он пришел в сей мир.
Бывает, произносят много слов,
Но нет, увы, в них стройности и лада.
Какая ж польза в этих словесах?
Законов устанавливаем тьму.
Чтоб выполнить любой из них разумно,

Осмыслить надо каждый бы из них.

Коль светлых мыслей голова полна,

Умелой пары рук она нужнее.

Коль есть на свете человек такой,

Что смыслит в государственных делах,

Так он, один-единственный, державе

Потребнее, чем темная толпа.

...Средь скал лови лисицу – не поймаешь,

В кустах лови зайчишку – не изловишь;

Как с прочной привязи не увести скотину,

Так подданного при достойном хане

Кому бы удалось переманить?

Всесильный блаженствует хан,

Когда в державе закон и порядок;

Блаженствует простолюдин,

Когда мудр, справедлив правитель;

Блаженствует в юрте жена,

Коли муж у нее разумный.

Блаженствует весь народ,

Когда в стране покой и согласие.

Простолюдин, при хане обретаясь,

Оценит ли достоинства владыки?

Уйдя от хана, враз уразумеет

И справедливость ханскую, и мудрость.

Жена, пока она с супругом вместе,

Достоинства его не замечает;

Но только приведет судьба расстаться,

Она постигнет всю его разумность.

Коль поведет себя правитель-хан,

Как мог бы повести себя холоп, —

Державу он, пожалуй, потеряет.

А ежели случится, что холоп,

Как хан-правитель, поведет себя —

Он голову дурную потеряет».

...Чингисхан соизволил дать наставления своим сородичам:

«Забудется в речной воде рыбешка,

На время потеряет осторожность —

Глядишь, уж и забилась на крючке.

А та, что осмотрительно и чутко

Заметить может всякую опасность, —

Та вовремя уйдет на глубину.

Когда толкуешь с умным человеком,

Он слушает – на ус себе мотает.

Но окажись перед тобой глупец,

Он, дела не поняв и не дослушав,

Сорвется с места, исполнять бежит.

Забыла рыбка осторожность вдруг —

Под острогу попала иль на крюк.

А та, что с осторожностью плывет,

Поймет опасность, в глубину уйдет.

Коль внемлющий твои слова умен,

От них еще мудрее станет он.

Глупец – свой обнаруживает нрав:

Сбежит, договорить тебе не дав.

Вы, родичи, вникайте в речь мою

И уясняйте: хан ваш всюду прав».

...Рожденный по благоволению Небесного Владыки великий Чингисхан изрек такие наставления:

«Муж двоедушный – не мужчина, баба!

Муж прямодушный – драгоценный слиток.

Коль женщина свободна от лукавства,

Могла бы и мужчиною назваться.

А ежели сидит в ней лицемерье —

Не женщина она. Она собака.

Достойна ли такая дружбы нашей?»

Засим Чингисхан к сказанному добавил:

«Холоп, изрядно выпивший хмельного,

Вдруг возомнит, что всех он тут важнее.

Тряхнет его рука суровой власти —

И ощутит себя он псом бездомным.

Пригубит зелена вина мышонок —

И сам себя вообразит утесом,

А пробежит поблизости лисица —

Бросается мышонок к темной норке».

И еще Чингисхан молвил:

«Когда повалит густо снег из тучи,

Кошмою белой он укроет землю.

Коль нападает враг, несущий гибель,

Спаси, укрой скорей златой свой род.

Как бросится зима на нас в набег,

От холодов скрывает землю снег.

Когда приступит враг, суров и лих,

Так надо родичей спасать своих».

И изрек Чингисхан такие слова:

«Вдруг тело мое да запросит покоя...

Такое вело бы к потере державы.

Когда потянусь я к бездействию, к лени —

Смятение державой моей овладеет.

Пусть бренное тело мое пострадает,

Но будет держава непоколебима;

Пусть тело мое обесилит, истает,

Зато государству стоять нерушимо».

Фрагменты биликов из «Поучений Чингисхана его младшим братьям и сыновьям»^[248]

Чингисхан спросил у своих сыновей: «Какое празднество выше всех празднеств? Какое наслаждение выше всех наслаждений?»

На это Чагадай сказал: «Если устроить счастливое празднество и пировать по случаю того, что минует старый год и ему на смену приходит новый, — это и будет высшее празднество».

Но Чингисхан промолвил: «Это ваше празднество не есть настоящее празднество. Ведь в то время, когда младенец еще не родился и ему не дано имени, когда он еще не вышел из утробы и не увидел света, — кому же будет нарекаться имя, чье начало будет праздноваться впервые? Если же впоследствии вы будете праздновать и наслаждаться, вспоминая день, когда вы получили начало от отца и родились от матери, то это будет подлинное празднество».

Чагадай сказал: «По моему мнению, если подавить врага, разгромить наездника, расторгнуть сговоренных, заставить верблюдицу реветь по верблюдатам и привезти с собой добычу — это будет высшее удовольствие».

Джучи (Жочи) сказал: «На мой взгляд, высшее удовольствие — разводить многочисленные табуны лошадей, пускать взапуски многочисленных двухлеток, воздвигнуть себе ставку и забавляться пиршествами».

Угэдэй сказал: «Я полагаю, что лучшее из наслаждений будет в том случае, если обеспечить благоденствие великому государству, созданному трудами нашего отца-хана, положить ноги на почву и руки на землю^[249], предоставить своему собственному народу жить в ставке, держать в порядке дела государственного управления, дать возможность наслаждений старейшинам и обеспечить спокойствие подрастающей молодежи».

Тулуй (Толуй) сказал: «По моему мнению, высшее блаженство заключается в том, чтобы тренировать своих аргамаков, бродить по глубоким озерам, спуская своих старых ястребов, и устраивать охоту на птиц, ловя серых уток».

Чингисхан сказал: «Джучи и Тулуй, вы оба говорите речи маленьких людей. Чагадай ходил вместе со мной на врагов и потому говорит такие слова. Однако когда относились с пренебрежением к чужим, то не раз являлись причиной плача своих жен. Когда относились с пренебрежением к рыбе хариусу, то не раз были случаи, что он ранил до боли ладонь руки. Слова же Угэдэя — вполне правильны».

Чингисхан сказал: «Если дела государственного управления находятся в порядке, если хан государства — мудр и искусен, если начальствующие братья его обладают совершенствами, если давшие ему жизнь отец и мать живы и невредимы, если у него имеются чиновники, знающие дела государственного управления, если он располагает войском, способным подавить неунижающегося врага, если его жены, дети и потомство будут здравствовать до скончания веков, если ему будет покровительствовать могучий вечный дух вселенной, — то в этом и будет заключаться его несравненное великое блаженство».

Из биографии Елюй Чу-цай в «Юань ши»^[250]

Тангуд Чан-ба-цзинь был представлен и стал известен императору за искусное изготовление луков и каждый раз кичился (перед Елюй Чу-цаем): «Ныне государство как раз воюет, а Елюй – ученый. Для чего же (он) нужен!». Чу-цай (однажды) сказал (ему): «Если даже для изготовления луков необходимо использовать мастеров-лучников, то строящие Поднебесную (Великий Монгольский Улус) тем более должны использовать мастеров по управлению (*чжи*) Поднебесной». Его величеству (Чингисхану), узнавшему об этом, очень понравился (его ответ), и (с того времени Елюй Чу-цай) стал еще ближе (к императору)... (Однажды император Чингисхан сказал Тай-цзуну (Угэдэю), указывая на (Елюй) Чу-цай: «Этого человека Небо (Всевышний Тэнгри) пожаловало в наш дом! Впоследствии ты поручишь ему все управление армией и государством!»

Фрагменты биликов Чингисхана из «Хрустальных четок» Рашпунцага

На праздничном пиру, устроенном в первый летний месяц 1218 года у истока реки Онон, Чингисхан обратился к младшим братьям, своим сыновьям и приближенным с наставлениями: «О, сородичи и соратники мои!

Всяк, кто крепок телом,

Победит, конечно, одного, а то и двух врагов.

Народ, живущий в согласии,

Одолеем многочисленную рать.

Человек, сроднившийся с мечом,

Станет богатырем.

Человек, подружившийся со знаниями,

Станет мудрым.

Не одежда человека красит,

А его ум.

Спрашивай у ближних о своих недостатках,

Узнавай у премудрых о просчетах своего правления.

Пусть стрела будет идеально прямой,

Но без зарубки и оперения на ее конце стрелять без толку.

Родись ты хоть и семи пядей во лбу,

Но без усвоения знаний мудрым не станешь.

Любое, хоть и незначительное, дело

Требует усердия...»

Мудрые речи Чингисхана продолжил Гоо цэцэн:

«...Собаки хоть и редко щенятся,

У них рождается четыре-пять щенков.

Но в большие стаи они не сбиваются,

Поскольку то и дело грызутся между собой.

И если подданные хана, уподобясь псам,

Будут враждовать между собой,

Разве может Владыка спокойно взирать на это?!

А вот овцы приносят приплод чаще,

Но не более двух ягнят.

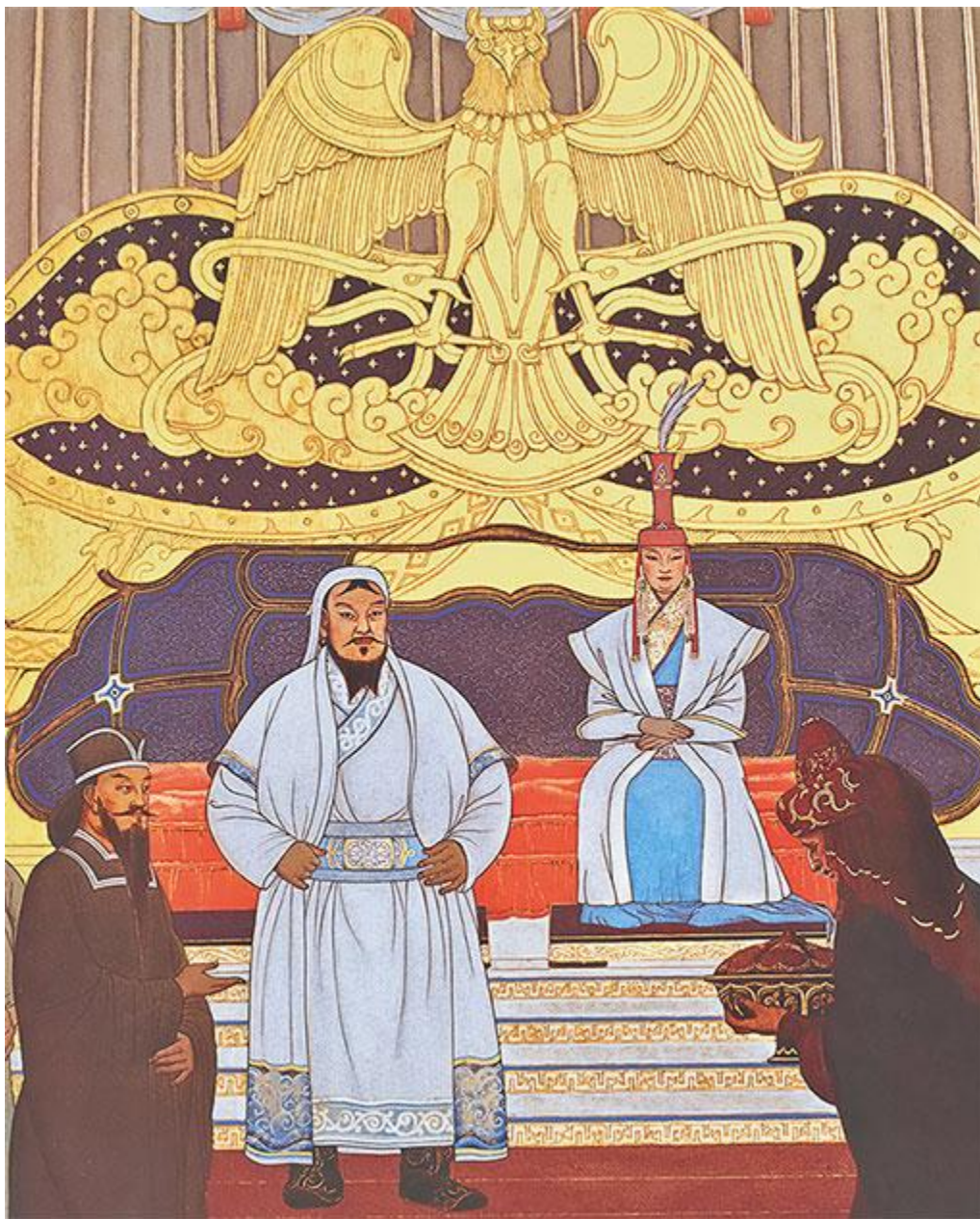
Зато между ними нет никакой вражды,

И они мирно пасутся стадами и в тысячу, в десять тысяч голов.

И если подданные хана, уподобясь овцам,

Будут жить в мире и согласии,

Разве душа Владыки не будет покойна?!»

В Золотой ставке Чингисхана

Чингисхан приказал Гоо цэцэну продолжить свои мудрые речи, и тот с радостью молвил:

«Хорошо ненаточенный стальной клинок

Не причинит особого вреда врагу.

Будучи не в теле,

Скакун долго не проскачет.

Одряхлевшему льву

Остается охотиться лишь на сусликов.

Выжившему из ума придворному вельможе

Остается следовать указке молодых...»

Чингисхан спросил Лидэр цэцэна: «Скажи мне, какого скакуна ты назовешь неутомимым, какого человека – истинно премудрым?»

Лидэр цэцэн ответил:

«Неутомимым будет тот скакун,

Чей бег не спешен.

Премудрым же я назову того,

Кто сам себя познал».

Чингисхан приказал слово молвить Мэнгэт цэцэну. Тот с радостью сказал:

«Не просто будет отыскать нукера,

Столь преданного тебе,

Как пес дворовый.

Собака, вскормленная нищим,

За толстосумом не пойдет, как ни зови.

Пес, взрощенный простолюдином,

Хозяином другого не признает,

Пусть даже будет он владыка всей земли.

Давным-давно жили две змеи: у одной было тысяча голов и один хвост,

у другой – одна голова и тысяча хвостов.

Тысяча голов первой змеи тянули ее в разные

стороны, и, в конце концов, она угодила под телегу

и была раздавлена.

Единственная голова второй змеи увлекла за собой тысячу

своих хвостов в нору и избежала участи первой змеи.

Так пусть же мы, все твои подданные, последуем за тобой,

как те самые тысяча хвостов второй змеи, и объединим

все наши силы во имя одной цели!»

Фрагменты биликов Чингисхана из «Ключа разума»

Если хан-владыка хочет собрать под свое знамя многие народы,

Он должен проявить в их отношении щедрость и снисходительность.

Чтобы не подвергать себя опасности извне,

Он должен заботиться о своих приближенных, возвышать достойных.

Если хочешь добиться военного превосходства,

Позаботься о своем войске;

Хочешь, чтобы воцарились мир и благоденствие,

Стремись к согласию...

Как говорится,

Приближенный хана, разбирающийся в делах государства,

Полезнее самого хана, ничего в этом не смыслящего.

Как говорится,

Совестливая служанка ханши заслуживает почтения более,

Нежели ее бесстыжая хозяйка.

Как говорится,

Радеющий о ханском достоянии слуга

Должен быть поставлен в пример ханскому сыну,

Разбазаривающему отцовское добро.

Сила и бесстрашие, —

Вот что отличает льва от других зверей.

Да только лисице эти качества не нужны,

Она берет хитростью и коварством.

Но и льву лисьи повадки ни к чему.

Если лев поведет себя как лисица,

Он быстро перестанет быть царем зверей.

Если лисица поведет себя как лев,

Она и вовсе быстро сдохнет.

Вдумайтесь в эту притчу,

И пусть каждый живет так,

Как ему позволяют его силы и возможности.

Как говорится,

Даже два человека,

Если они в ладах друг с другом,

Могут стать непреодолимой преградой для врага.

Даже двадцать человек,

Среди которых нет согласия,

Не смогут противостоять даже горстке врагов...

Как говорится,

Даже незнакомый тебе,

Но прямодушный, человек,

Надежнее, чем двуличный сородич.

А глупые братья

Хуже злейших врагов...

Главное, уметь различить,

Где правда, а где ложь.

Главное, распознать,

Кто друг, а кто враг!

Легенда об избииении трехсот недругов-тайчуудов (фрагмент)

...И взошел тогда Чингисхан на высокий холм, дабы помолиться Отцу-Небесному Владыке. И возложил он наземь потник и, сняв пояс, повесил его себе на шею и произнес такую молитву:

«Я стал Владыкой

Не доблести благодаря великой.

Нет, волею Небесного Отца

Я стал Владыкой.

Талант мой – не племен объединенье,

Небесного Отца благоволение

Дало мне

Справиться со вражьей силой дикой.

Вот почему я стал Владыкой.

Да, с помощью Небесного Отца

Враг чужеземный мною был подавлен.

Да, волею Небесного Отца

Владыкой я поставлен».

Чингисхан в свидетельствах современников

Перевод «Сборник летописей» Рашид ад-Дина – *И. Н. Березин*

Перевод «Записка о монголо-татарах» Чжао Хуна – *В. П. Васильев*

Перевод «Путешествие на запад монаха Чан Чуня» – *П. И. Кафаров*

Перевод «Тверская летопись» – *Д. М. Буланин*

Переводы Дж. Карпини «История монгалов» и Г. де Рубрука «Путешествие в восточные страны» – *А. И. Малеин*

Комментарии – *А. В. Мелехин*

Из персидских источников

Рашид ад-Дин. Сборник летописей (фрагменты)

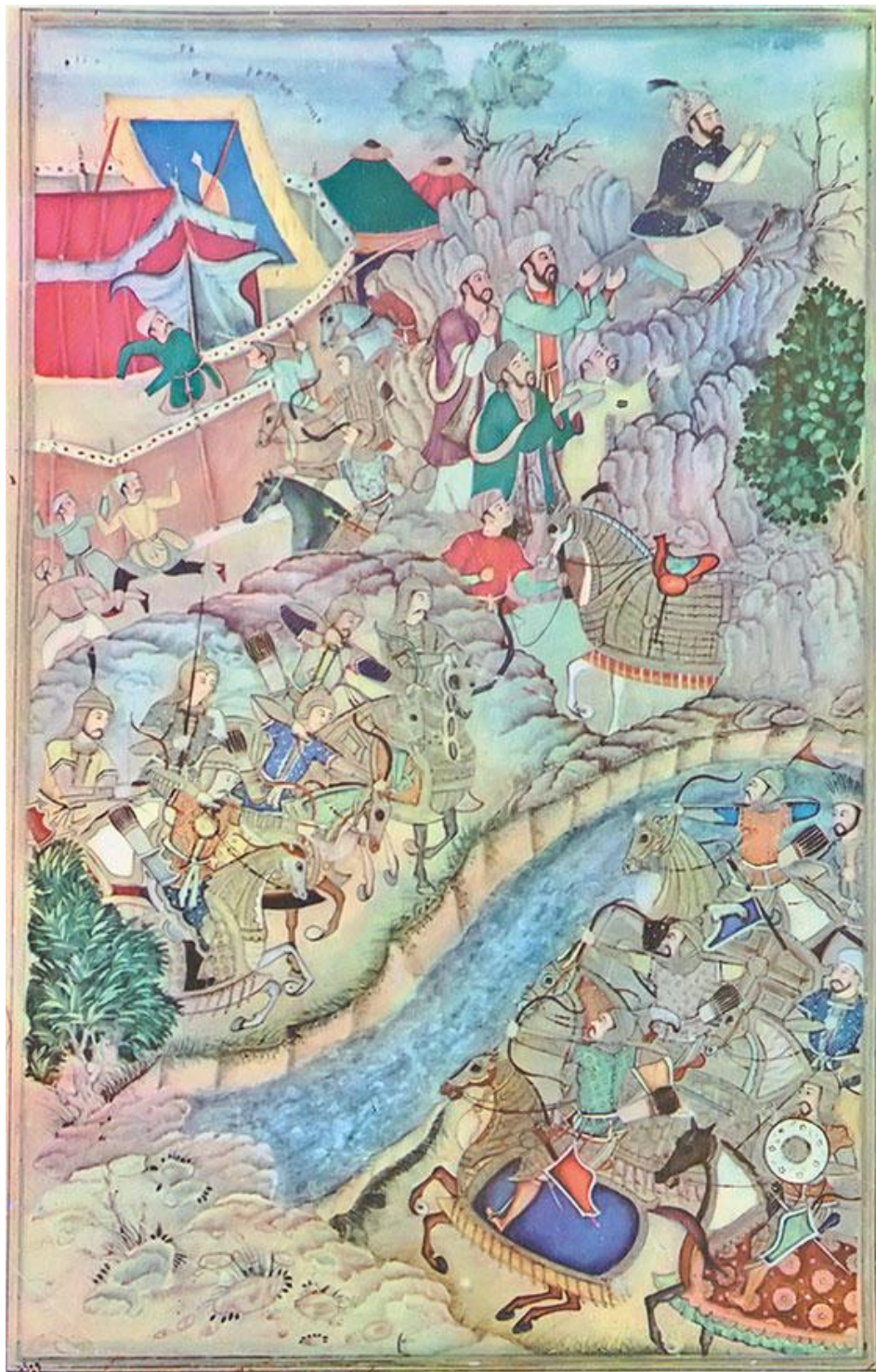
Отдел второй^[251]

Летопись и рассказы о Чингисхане, начиная от его рождения до времени ханствования. Изображение двора, супруг, царевичей и нойонов при восшествии его на ханский престол. Род его нойонов; описание сражений, в которых он участвовал в разное время, и побед, которые одержал. Длительность его царствования до конца эпохи и описание кончины его

Рассказ о начале похода Чингисхана на Хитай, кара-Хитай и Джурджэ и овладении большей частью того государства, которое монголы называют Джаокут^[252]

Весной года Барана (1211) Чингисхан пошел в поход на страну Хитай. Перед этим он послал в охранение на западные рубежи своего улуса двухтысячный отряд под командованием Тохучара из племени хонгирад, которого [еще] называли Далан турхаг Тохучар. Это было сделано для того, чтобы, когда он (Чингисхан) пойдет в страну Хитайскую, его орды и тыл были в безопасности, и [чтобы] монгольские племена, [а также] хэрэиды, найманы и другие народы, которые большею частью были покорены, не сговорились бы снова за его спиной и не замыслили супротив него чего-нибудь. После того, как он предпринял эти меры предосторожности и подготовил войско, осенью упомянутого года он благополучно выступил в поход, чтобы покорить страну Хитай, Кара-Хитай и Джурджэ, которую монголы называют Джаокут...

Когда Чингисхан двинулся в те пределы, сначала он пришел к озеру Тал-нур и взял города Тису (Да шуй Луань) и Бадини (Байдэн-чэн). Затем они взяли города Туша (Ушабуу), Хучжень-чжеу (Чанчжоу), Хунь-чжеу (Хуань-чжоу) и Фу-чжеу (Фучжоу). Сыновья Чингисхана Жочи, Цагадай и Угэдэй взяли города ^[253]: Юн-юй (Юнь-нэй), Дунь-чжень (Дун-шэн), Ду-чжеу (У-чжоу), Сунь-чжеу (Сюань-чжоу) и Юнь-чжеу (Нин-чжоу).

Молитва Чингисхана к Всевышнему Тэнгри перед походом против чжурчжэней

Затем [монголы] захватили один чрезвычайно большой город – Сибкин (Си-цзин)^[254]... (затем), не делая обхода, прошли и ушли^[255]...

Чингисхан остановился у города, называемого Фучжоу, и осадил его^[256]. Командующие войском Джурджэ – Гю-гянь Нарду (Ваньянь-гюгянь), Чжиутай Утеду (джау-тау Цзю-цзинь), Ану-Нарду (цзянь-цзюнь Вань-ну) и Мянган^[257], которые командовали тумэнами, шли [навстречу Чингисхану] с большим войском. На перевале Унэгэн даваа они остановились и перестроились в боевой порядок...

Цань-чжэнь Багуша (Ваньян Хуша^[258]) сказал главнокомандующему войсками Джурджэ [Ваньянь] гю-гяню: «Войска Чингисхана разграбили город Фучжоу и, занимаясь разделом добычи, лошадей отпустили на пастбища. Сейчас они беспечны и не знают [о наших планах]. Если внезапно нагрянем, мы их разобьем».

Гю-гянь сказал в ответ: «Места там непростые. Нападем на них рано утром совместным ударом пехоты и конницы!»

Закончив совет, они выступили [в сторону монголов]. Чингисхан получил известие об этом [наступлении врага], в то время когда войска были заняты принятием пищи. [Тем не менее] они опрокинули котлы и поспешно выступили. Придя и встав двумя отрядами в местности, называемой Хурчжоу, [монголы] стали ожидать неприятеля...

Чингисхан, разделив свое войско надвое и построив в боевой порядок, внимательно наблюдал за приближением неприятеля. Армия Алтан-хана была весьма многочисленна. Ее главнокомандующий, упомянутый Гю-гянь, призвал одного из командиров по имени Мянган и сказал ему: «Ты прежде находился среди монголов и знаешь Чингисхана. Ступай и скажи ему: «Что ты видел от нас плохого, что вот так, с войском, идешь на нас?» Если он в ответ будет перечить, поставь его на место крепким словом!»

Мянган, выполняя приказ Гю-гяня, пришел к Чингисхану и передал слова своего командующего. Чингисхан приказал его схватить и держать, чтобы допросить его после сражения.

Тем временем обе рати сошлись, и завязалась битва. Скоро войско монгольское разбило передовую часть войска хитайского; было убито столько врагов, что все поля в тех пределах стали зловонны от гниющих тел убитых. [Монголы] устремились вслед за отступающими, пока не достигли [расположения] главных сил [врага]. В местности Хой-хэ-пху были повергнуты и обращены в бегство и эти отборные войска [цзиньцев], командиром которых был Хуша.

Это было крупное и прославленное сражение, которое и поныне у монголов весьма известно как «сражение Чингисхана на перевале Унэгэн даваа». Много прославленных хитайских полководцев были убиты в том сражении.

Чингисхан достиг, чего хотел, и поэтому воротился оттуда счастливый.

Возвратившись в ставку, он спросил у взятого под стражу перед самым сражением Мянгана: «Что плохого я сделал тебе? Почему ты на людях позволил себе оскорбить меня?»

Мянган ответил: «Я давно замыслил прийти к тебе на службу, но я боялся, что меня заподозрят и помешают явиться к тебе. Когда Гю-гянь решил послать кого-нибудь к тебе с этим посланием, я сам вызвался и под этим предлогом пришел к тебе просить взять меня в услужение. Не представься мне такой случай, я вряд ли бы смог к тебе прийти».

Китайский военачальник

Чингисхан одобрил его речь и освободил Мянгана.

После этого они взяли и разрушили город Сюань Дэ, который был одним из самых больших городов. Оттуда пошли к городу Даинь-ху (Дэ син), который был также велик. В тех пределах много садов и цветников, и вино там в изобилии.

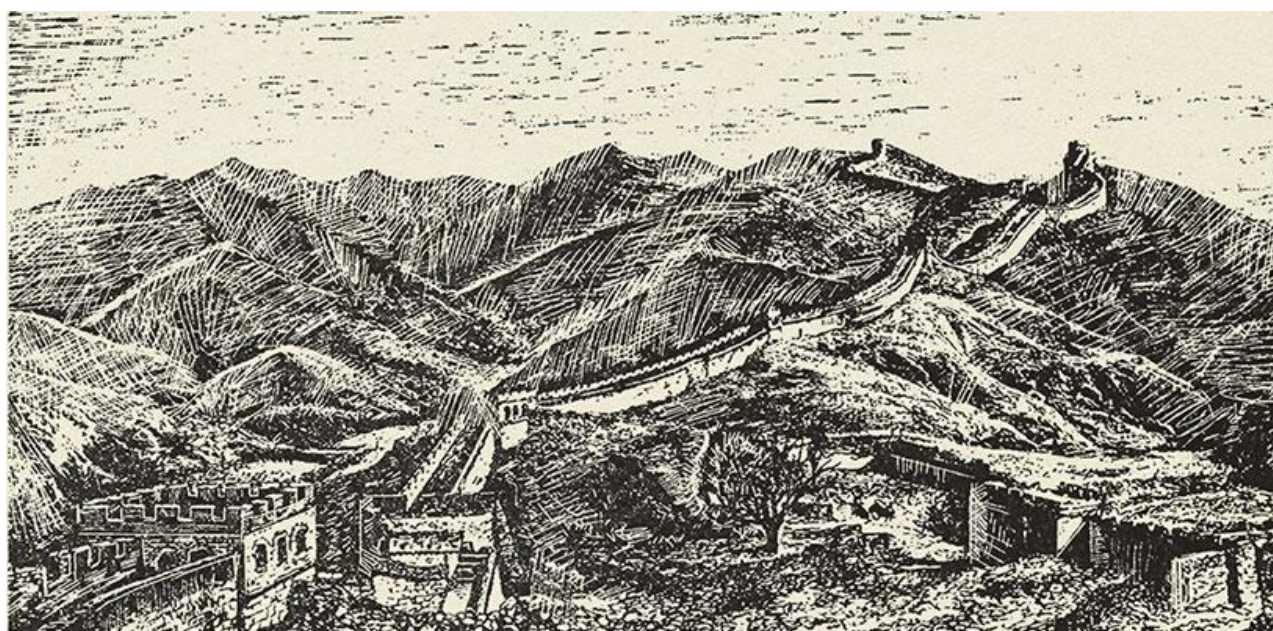
Когда они подошли [к Дэ сину], их встретило многочисленное и сильное войско. [Монголы] не смогли приблизиться [к городу] и воротились. Тогда они послали туда с войском Толуй-хана и Чигу-хургэна, который был сыном Алчи-нойона из племени хонгирад. Они сразились и разбили [цзиньцев], вошли на городскую стену, взяли крепость Чжу и возвратились^[259].

[Цзиньцы] вторично возмутились, и Чингисхан осенью (1213 года) сам пошел [на Дэ син], захватил и разрушил его^[260]. Чингисхан подошел к одному из самых больших городов Алтан-хана, который называется Хуай-лай^[261]. Ему противостоял с

большим войском вельможа Алтан-хана Гю-гэ Чжунг-ше (Чжуху Гао-ци). Гю-гэ (Гао-цы) есть имя, а значение Чжунг-ше (Чжуху) – командующий десятитысячным [войском]. Чингисхан с ним сразился, разбил и гнал до [крепости] Хавцал. Значение слова «хавцал» есть «[горный] проход». Такие укрепления с воинским гарнизоном были устроены [цзиньцами] в каждом горном проходе...

Чингисхан оставил Хэтэй и Бочэ с войском перед [северным проходом] в это ущелье, а сам направился в обход (с запада) к другому горному проходу, который называется Си-кин-гю (крепость Цзицзингуань).

Алтан-хан, которого об этом [маневре монголов] известили, срочно послал большое войско во главе с командиром Нодуном, чтобы не позволить отряду Чингисхана преодолеть этот горный проход [и закрывающую его заставу] и выйти на [оперативный] простор. Пока [цзиньцы] добрались туда, Чингисхан уже прошел через проход и заставу и послал свое войско под командованием Зэв к крепости в Хавцальском ущелье, чтобы, подойдя с тыла, он [захватил] ее и охранял. Зэв застал врага врасплох и захватил крепость. Оставленные [ранее Чингисханом] перед горным проходом [с севера] Хэтэй и Бочэ присоединились к нему. После этого Чингисхан послал Хэтэй-нойона с пятью тысячами конников, чтобы они взяли под свою охрану все дороги, ведущие к городу Жунду, а сам осадил город Чжочжоу. И после двадцати дней осады взял его ^[262].

Великая китайская стена

[Зимой 1213 года] Чингисхан отослал [войска правого крыла под командованием] Жочи, Цагадая и Угэдэя [вдоль южной стороны] хребта Чжо-лу (Тайханшай), чтобы овладеть теми пределами. Они захватили все города и крепости от города Ту-чжоу до города Хуай-Мынь-Чжоу; взяли два больших города, из коих один монголы называют Чаган-балгасун, а на китайском языке – Чжинь-Цзин-ху (Чжан Чжи), а другой, который поменьше, называют Ву-чжоу. Оттуда они пошли к Хар-Мурэну (Желтая река)... Возвращаясь оттуда, они разграбили город Тунг-Фу.

Чингисхан послал [на восток] войска левого крыла [под командованием младшего брата] Хасара, Алчи-нойона и Бочэ из [племени] хонгирад и Журчида... чтобы они, пройдя вдоль берега моря, покорили [эти пределы]. [Сначала] они пошли и захватили города Ци-чжеу (Цзинь Чжоу) и Ли-чжеу (Луань-чжоу). [Пойдя дальше], они захватили и разрушили все крепости, которые были у них на пути, после чего возвратились.

Чингисхан вместе с Толуй-ханом, которого также называли Их-нойон (монг. «Великий господин»), – повели войско центра посередине. Не останавливаясь, они проследовали мимо двух больших городов, Дань-бянь-фу и Дай-минь-фу. (Но затем) они захватили все попадавшиеся по пути города, деревни и укрепления, разрушили их и возвратились... ^[263]

Рассказ о прибытии Чингисхана в окрестности города Жунду, о том, как Алтан-хан в знак подчинения [Чингисхану] отправил ему свою дочь, о бегстве Алтан-хана в город Намгин, об осаде и завоевании Жунду войском Чингисхана

...Чингисхан прибыл в пределы упомянутого выше города Жунду. В конце весны (1214 года) Алтан-хан находился в том городе вместе с начальником войска своего по имени Гю-гянь, который имел звание юань-шуай, т. е. главнокомандующий войсками. Это был тот главнокомандующий, который однажды уже сражался с Чингисханом. Алтан-хан устроил совещание в присутствии своих военачальников, где поставил вопрос: «Монгольские воины [из-за жаркого климата] разболелись, и [войско] разом ослабело. Что, если мы теперь сразимся с ними?»

Другой придворный вельможа, юнь-гун чин-сан (первый министр Вань-янь Фу-син), сказал: «Не стоит это делать! Ведь наши воины собраны из окрестных поселений и имеют семьи: жен и детей. Разве мы можем [теперь] знать их мысли и мысли каждого человека [в отдельности]? Если вдруг мы будем разбиты, все они разбегутся по своим жилищам, а если мы разобьем монголов, они [и подавно] уйдут к женам и детям. Как можно положиться на авось, рискуя лишиться отчины, земли дедов и предков и высокого царского престола? Нельзя поступать необдуманно. Теперь должно отправить посла [к монголам] для примирения. [Узнав, что мы подчиняемся], они непременно удалятся из наших пределов, тогда-то мы все и перерешим».

Алтан-хан одобрил его предложение и отправил посла к Чингисхану, а с ним [к монгольскому хану] послал свою дочь, Гунж-хатан^[264]. Вместе с ней он отправил своего почтенного вельможу по имени Фу-кин чин-сан. Когда они прибыли туда, передали Чингисхану послание Алтан-хана и вручили девушку, он был удовлетворен их покорностью и [решил] пойти восвояси. Тот (цзиньский) вельможа, сопровождая Чингисхана, вместе с ним перевалил через Цавчалский перевал и дошел до местности под названием Мачи. Отсюда он воротился.

Сражение монголов с китайцами. Среднеазиатская миниатюра. XIV в.

Спустя четыре месяца в том же году (в мае 1214 года) Алтан-хан ушел в город Темкин (Намгин) и перенес туда резиденцию. Этот город находится на берегу Хар-мурэн (Желтой реки). Описывают его чрезвычайно большим; в окружности сорок фарсангов. В древности он был столицей китайских государей; имеет три чрезвычайно крепкие стены, реку (как естественную преграду), сады и цветники без числа.

Для защиты города Чжунду он (Алтан-хан) оставил сына своего и двух знатных вельмож, Фу-гин (чин-сана) и Цинь-чжуна, ему в помощники.

Алтан-хан [по пути в Намгин] прибыл в город Чжо-чжоу (чжеу). Войско кара-киданьское, которое [сопровождало его] и шло следом за ним, догнало Алтан-хана в местности Лин-Лингя-Гильсун (Лян-сянь); он приказал разоружить [киданей]. Они воспротивились приказу [Алтан-хана], убили местного управителя по имени Сянь-гун. Затем (кидане) поставили предводителями своими трех человек: Чжида, Бейзер и Жалар и выступили обратно [в направлении Жунду].

Это известие достигло Фу-гин чин-сана, который был одним из вельмож Алтан-хана и следовал в арьергарде. Тотчас он послал войско к мосту, который был на их пути, чтобы не дать им переправиться через него.

Тем временем кара-киданьское войско достигло татарских племен, которые обитали в тех пределах и были подданными Алтан-хана. Кидани присоединили их к себе, затем переправили тысячу человек через реку, чтобы зайти в тыл [цзиньским] войскам, которые охраняли мост. Они обратили их в бегство, некоторых убили, захватили и забрали себе лошадей, оружие и провиант. Переправившись через мост, они (кидане) угнали все табуны и стада сына Алтан-хана и его вельмож, которые находились на пастбищах недалеко от Жунду. Они насытили и накормили войско свое...

Прошло уже пять месяцев, как Алтан-хан поручил охрану города Жунду своему сыну и Фу-гин чин-сану и Цинь-чжуну, после чего (в июле 1214 года) сын Алтан-хана оставил город вельможам и ушел к отцу, в Темкин (Намгин).

Чингисхан послал с войском из монголов Самукэ-батара из племени салжуд и Мянганя из народа Джурджэ, который [ранее] покорился и был почтен, чтобы они прошли за пределы Жунду и привели бы от города Жунду то войско кара-киданьское, которое, бежав от Алтан-хана, прислало к нему посла. Они пошли, увели то войско и все вместе осадили город Жунду.

Алтан-хан, слышавший прежде, что в городе Жунду не оставалось ни съестных припасов для войска и жителей, ни фуража для животных, послал (в марте 1215 года) князя темника по имени Чжун-шай (юань-шуай Ли Ин), с тремя другими князьями, один по имени Гун-су, второй Кам-Сай и Ли-фин, чтобы они доставили в город Жунду провиант...

Когда они двинулись со съестными припасами, Чжун-шай пошел дорогою на город и крепость Сюань-фэн-чжай (около города Чжо-Чжоу), а другие князья пошли иным путем. В местности Син-бэй (укрепление Цин-гэ города Ба-чжоу) войско Чингисхана противостало им и отняло все, что несли оба отряда.

Так как съестные припасы не дошли в города Жунду, тамошние жители от чрезмерного голода ели человеческое мясо и умирали. Фу-гин чин-сан, которого Алтан-хан оставил с сыном своим в городе Жунду, принял с горя яд и умер. Другой князь, по имени Цинь-чжун, следуя завещанию умершего (Фу-гин чин-сана), ушел к Алтан-хану в Темкин.

Посланные Чингисханом Мянган с Самукэ-батаром (в мае 1215 года) вошли в город Жунду и отправили посла к Чингисхану, сообщая «мы-де взяли город Чжуду благодаря удаче, сопутствующей Чингисхану»...

Рассказ о возвращении Чингисхана из страны Хитай и прибытии в свою ставку

После того, как в течение трех-четырёх лет (Чингисхан) покорил и завоевал хитайские области и крепости, он, осуществив желаемое, победоносно отправился (осенью 1215 года) из той страны и в упомянутый же год Мыши (1216) пришел в свою ставку...

Рассказ о том, как Чингисхан закрепил за Мухали титул гуй ван и отправил его с войском на завоевание страны хитайской

В год Барса (1218) Чингисхан закрепил за Мухали титул гуй ван ^[265]. Причиной было то, что перед этим он послал его в пределы страны Джурджэ, а племена чжурчжэньские называли его гуй ван, т. е. государь одного округа. Когда Чингисхан послал его вторично в те пределы, он сказал, что это прозвание есть хорошее предзнаменование, и пожаловал ему (официально) этот титул. Чингисхан дал ему в подчинение тумэн войска... Дав в подчинение Мухали гуй вану эти войска, Чингисхан приказал ему, чтобы он охранял то, что было покорено в пределах областей хитайских и чжурчжэньских; и, по возможности, покорял то, что еще не было покорено. [В то время] Алтан-хан находился в городе Темкин (Намгин), он еще владел частью территории Хитая, и все [верные ему] войска стекались к нему...

Рассказ о поиске Хучулугом покровительства у Гур-хана, о предательстве Хучулугом своего покровителя, об убийстве Хучулуга и окончательном уничтожении монголами племени найманов

Как было сказано выше, когда Чингисхан освободился от войны с Хитаем, он отправил Мухали гуй вана с большим войском для охранения Хитая и стороны восточной, а сам направился в западные пределы^[266].

Зэв-нойона он отправил вперед с большим войском для уничтожения Хучулуга. В это время Хучулуг находился в городе Кашгар. Монгольское войско подошло к городу, но еще не вступало в бой, а Хучулуг уже обратился в бегство.

Зэв-нойон огласил [высочайшее повеление] о том, что каждый человек свободен в вероисповедании и вправе следовать путем веры своих дедов и отцов^[267]. Солдаты Хучулуга, расселенные в городе в домах мусульман, тут же все были уничтожены.

[Тем временем] войско монгольское пустилось по следам Хучулуга; но его гнали отовсюду, где бы Хучулуг ни останавливался. В конце концов он сбился с пути в гористой местности в пределах бадахшанских. В ущелье, которое называют Сарык-куль, его схватили, убили и возвратились...

Рассказ о походе знамен властелина мира, императора Чингисхана в пределы султана Мухаммеда хорезмшаха и покорении его

Когда наступил год Зайца (1219)... Чингисхан назначил сыновей и сподвижников [командирами] тумэнов, тысяч и сотен, созвал и устроил хуралдай, положил основание Ясе из нововведений и древних уставов и пошел войной в страну хорезмшаха. В год Дракона (1220) он провел лето в пути к реке Иртыш, отправил послов к султану Мухаммеду с извещением о походе на него, дабы отомстить султану за убийство купцов^[268]. Осенью он приказал выступить в поход...^[269]

Рассказ о прибытии Чингисхана к городу Отрар^[270] и взятии его монгольским войском

В конце осени упомянутого года Дракона^[271] Чингисхан с храброй армией прибыл к городу Отрар; шатер его воздвигли перед городскими укреплениями. Султан дал большое войско Гаир-хану, а на помощь ему отправил Караджа-хана с 10 000 конницы; крепостные стены были укреплены, военное снаряжение подготовлено. Чингисхан приказал, чтобы Цагадай и Угэдэй с несколькими тумэнами войска обложили город.

Жочи с войском был направлен в сторону Дженда и Енгикента, а несколько других командиров были отправлены со своими войсками в Ходженд и Бенакет. Сам Чингисхан с сыном Толуем двинулся на Бухару.

У Отрара сражение продолжалось пять месяцев. Наконец, жители Отрара дошли до отчаяния. Караджа дал согласие на изъявление покорности и сдачу города, но Гаир-хан, зная, что он есть зачинщик той распри, никак не думал с ним соглашаться под тем предлогом, что не хотел предавать своего господина. По этой причине Караджа не настаивал более и ночной порой вышел со своим войском за городские ворота. Монгольские воины схватили его и привели к сыновьям Чингисхана. И молвили они: «Ты не остался верен собственному господину, так как же нам доверять тебе!» И казнили они его. Захватив город, они выгнали из него всех жителей, как стадо баранов, после чего разграбили его. Гаир-хан с двадцатью тысячами воинов укрылся в цитадели, из которой каждый день делали вылазки отряды по пятьдесят человек. Сражения не прекращались в течение месяца, в результате чего большинство защитников крепости были убиты. Гаир-хан остался в живых всего с двумя воинами. Вскоре и они были убиты, а Гаир-хан, покинув крепость, забрался на крышу. Оставшись без оружия, он бросал в нападавших монголов камни. Наконец он был окружен и схвачен.

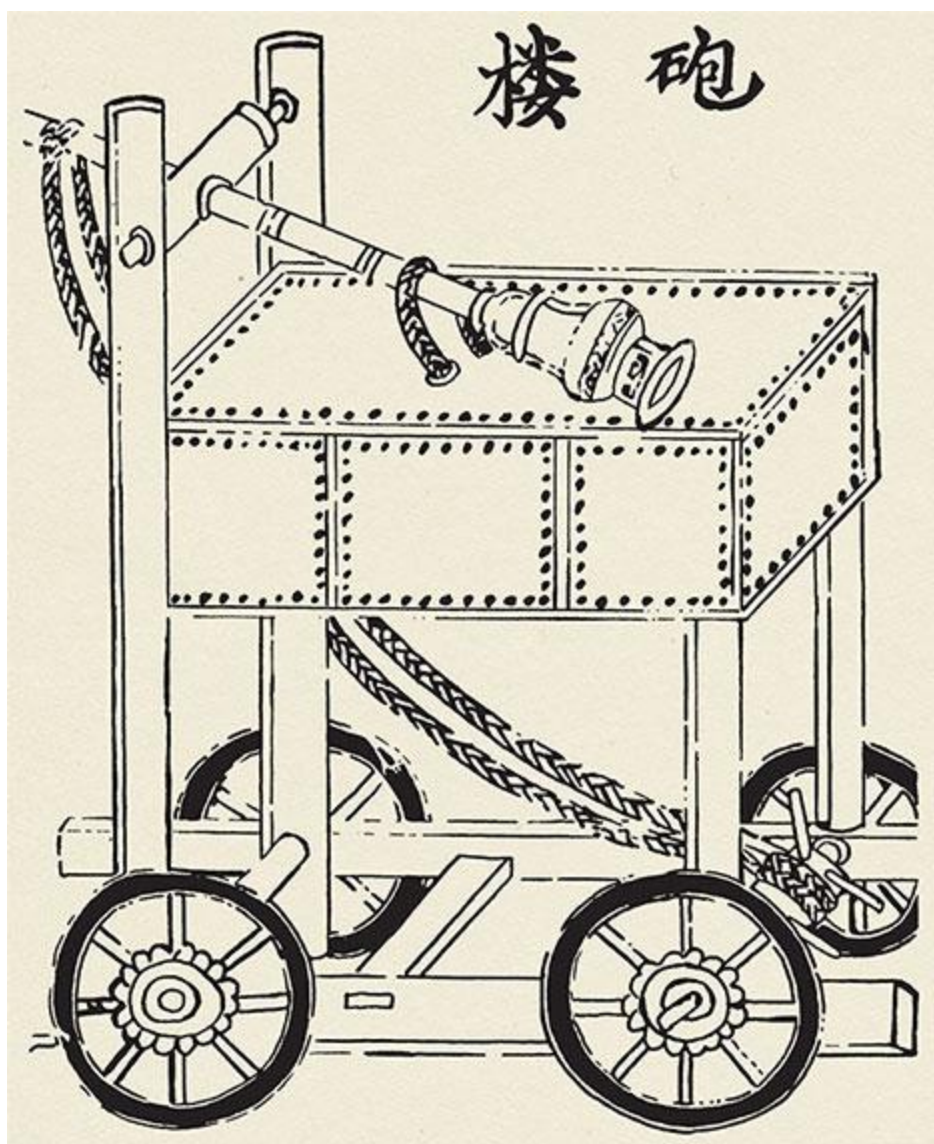
После этого монголы сровняли с землей крепостные стены и укрепления. Часть пленных угнали в полон, чтобы использовать при осаде Самарканда и Бухары, а самого Гаир-хана казнили в Кук-сараях^[272], после чего отправились дальше...

Рассказ о прибытии Чингисхана к городу Бухара^[273] и о том, как он его захватил

Отправив сыновей и командиров на завоевание разных городов и областей, сам Чингисхан отправился из Отрара в Бухару. Во главе своего храброго войска и в сопровождении младшего сына Толуя, прозванного Их нойоном^[274], Чингисхан двинулся в направлении города Зарнук^[275]. К укреплению они подошли неожиданно, на рассвете. Жители в страхе спрятались за крепостными стенами. Чингисхан отправил к ним послом Данишменд-хаджиба, дабы сообщить о своем прибытии и предложить сдаться. Неразумная чернь набросилась было на него с оскорблениями и угрозами, но Данишменд воскликнул: «Я – Данишменд-хаджиб, мусульманин и сын мусульманина. По приказу Чингисхана я пришел посланником, чтобы спасти вас от гибели. Чингисхан прибыл сюда с храбрым и мужественным войском. Если вы вздумаете сопротивляться ему, в одно мгновение крепость сделается равниной, а поля от крови превратятся в Сейхун (Сырдарью). Если же вы послушаете совета и покоритесь и подчинитесь ему, то души и имущество ваше останутся невредимы».

Услышав эти разумные речи, они увидели спасение свое в изъявлении покорности. Отцы города выступили вперед и отправили [к Чингисхану] послов с разными яствами. Когда ему доложили о прибытии посольства [горожан], Чингисхан потребовал к

себе городского голову Зарнука и разгневался, когда его не оказалось среди посольства. За ним был послан один из послов. Тогда городские вельможи поспешили явиться к нему; они были помилованы и удостоились разных почестей.

Камнеметная башня. Изображение из средневекового китайского военного трактата «У цзин цзун-яо». 1043 г.

Затем Чингисхан повелел вывести всех горожан за городские стены; молодые были отобраны и отправлены в хашар Бухары^[276], остальным было позволено возвратиться, а город с тех пор именовался Кутлук-балык (Счастливый город).

Один туркмен-проводник, который знал все местные дороги и тропы, вывел войско [Чингисхана] к окрестностям Нура^[277]... Чингисхан отправил в Нур послом Тайр-батара из передового отряда, который известил [горожан] о прибытии [Чингисхана с войском], пообещал ханскую милость [в случае капитуляции] и уничтожение [в случае сопротивления]. После возвращения посла жители Нура отправили к Чингисхану своего посла с различными яствами и изъявили покорность... Когда прибыл Чингисхан, его торжественно встретили и коленопреклоненно поднесли изысканные яства. Чингисхан отнесся к этому благосклонно и спросил: «Какую дань полагалось городу Нуру давать хорезмшаху?» Они сказали: «Тысяча пятьсот динаров».

Тогда он приказал: «Выплатите [нам] сейчас же эту сумму, и вам не будет более притеснений».

Они выплатили и тем самым избавили себя от грабежа и избиения.

Оттуда [войско Чингисхана] двинулось к Бухаре. В первых числах месяца мухаррама 617 г.х. (март-апрель 1220 года) войско Чингисхана подошло к Бухаре и остановилось у стен крепости. Войска прибывали постепенно и располагались вокруг города. Войско Бухары составляло 20 000 человек; командовал им Кук-хан... Ночной порой он [со своим сопровождением] выехал из крепости, [чтобы спасти свою жизнь], но, когда они достигли берега Сейхуна, на них наехал разъезд [монголов] и покончил с ними. На другой день [жители] отперли ворота, и к Чингисхану с выражением покорности явились имамы и ученые люди Бухары.

Чингисхан направился осматривать город и его укрепления. Добравшись до соборной мечети, он остановился у самого дальнего места храма^[278]. Его сын Толуй-хан сошел с коня и взобрался на мембер^[279].

Чингисхан спросил: «Это жилище – дворец султана?» Ему ответили: «Это – дом Бога».

Он сошел с лошади, поднялся на две-три ступени мембера и изрек: «Трава в степи пожухла. Накормите наших лошадей!»

И открыли тогда зерновые амбары, и достали зерновой хлеб, а сундуки со списками Корана сделали колодами для лошадей; бурдюки с вином разложили в мечети, привели городских певцов, чтобы они пели и танцевали. Монголы пели свои песни. [А тем временем] отцы города, сейиды, улемы и шейхи стояли у конюшен, охраняя лошадей вместо конюхов и выполняя приказания монголов.

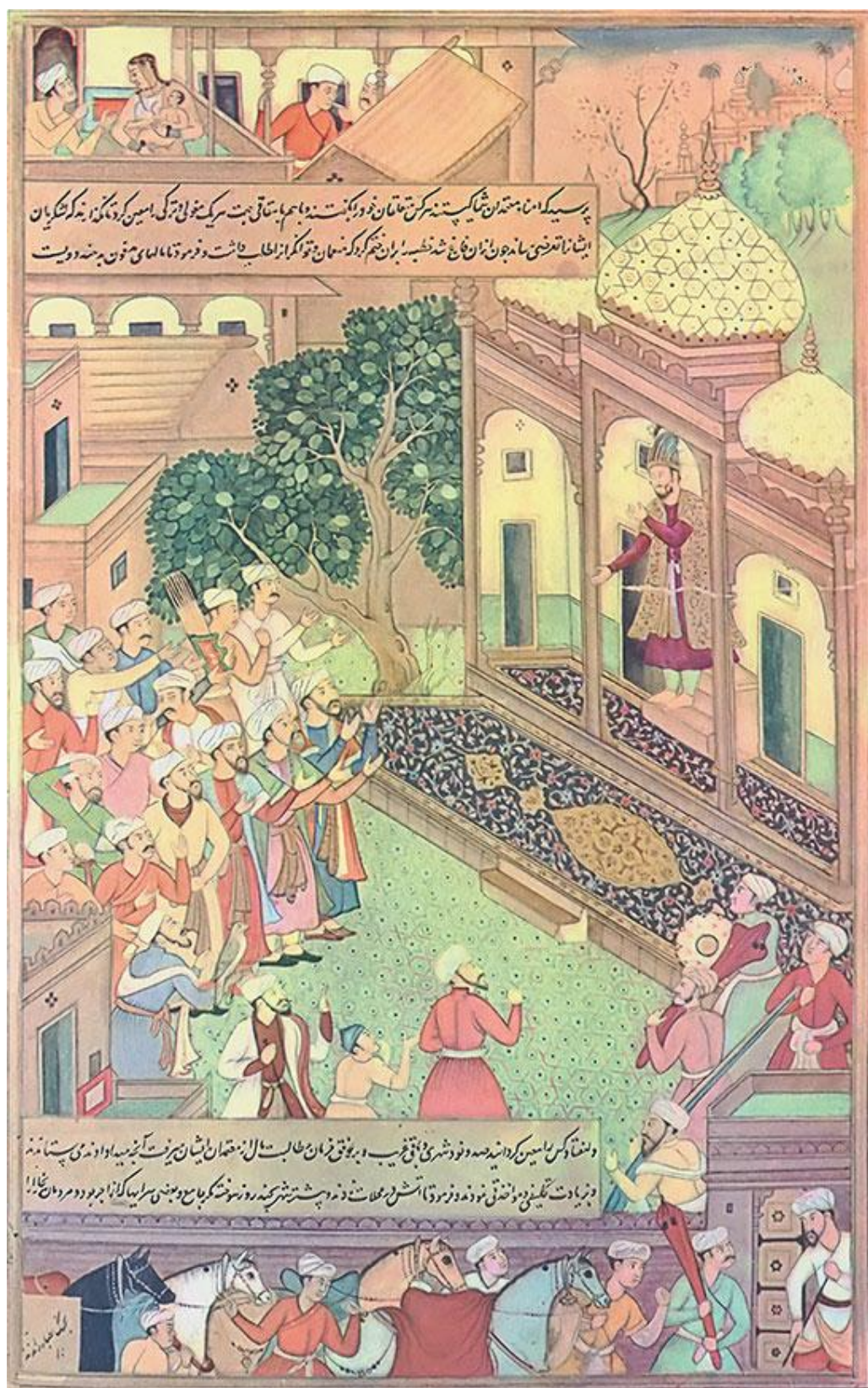
После этого Чингисхан вышел из города и приказал явиться всем его жителям. Взойдя на мембер праздничного моления и изложив по порядку все вероломные деяния хорезмшаха, он сказал: «О, народ! Знайте, что вы учинили великие грехи, но главные грешники – ваши предводители. Если вы меня спросите, чем это доказать, я отвечу: тем, что я – кара Господня. Если бы у вас не было великих грехов, Великий Бог (Всевышний Тэнгри) не послал бы меня покарать вас!»

...Затем он призвал к себе богатых и зажиточных [горожан] и приказал, чтобы они отдали припрятанные ценности. Всего к нему явились двести восемьдесят человек, из которых сто девяносто были [местными] жителями, а остальные – прибывшими из других мест. Им было приказано через доверенных лиц сдать ценности. Монголы приняли все, что было сдано, и на большее не посягали. Чингисхан приказал поджечь город, в результате чего его большая часть сгорела, остались лишь мечети и дворцы, построенные из кирпича. Жителей Бухары они погнали на осаду крепости. По сторонам [крепости] установили катапульты, метавшие камни, и арбалеты, пускавшие стрелы; стены забрасывались сосудами с горящей нефтью, крепостной ров, заполненный камнями, трупами людей и животных, сровнялся с землей. Сражение продолжалось несколько дней, пока гарнизон крепости не оказался в критическом, безвыходном положении. Вскоре бастион был взят и подожжен. В те дни погибли более тридцати тысяч человек, женщины и дети были уведены в полон, а молодых определили в хашар Самарканда и Дабусии. Оттуда Чингисхан отправился с войском к Самарканду...

Рассказ о походе миродержавного воинства Чингисхана на Самарканд и взятии его

Чингисхан в конце весны упомянутого года (1220) двинулся оттуда (из Бухары) к Самарканду^[280]. Султан Мухаммед хорезмшах поручил [охрану] Самарканда стодесятитысячной армии. Шестьдесят тысяч [из них] были туркмены, которыми командовали их ханы, а пятьдесят тысяч – таджики. У них были двадцать удивительно больших слонов; к войску могли присоединиться столько жителей города – знатных и простолюдинов, – сколько смогла бы вместить крепость. Заранее были укреплены крепостные стены, вокруг сооружены бастионы, вырытые рвы заполнены водой.

[Уже] в то время, когда Чингисхан прибыл к Отрару, молва о многочисленности самаркандского войска, прочности крепостных укреплений распространилась по округе. И все были согласны, что потребуются годы, чтобы завладеть городом и добраться до цитадели. Из предосторожности Чингисхан сначала решил захватить все окрестности. По этой причине он сначала пошел к Бухаре и покорил ее, а затем пленных погнал к Самарканду. Тем встречавшимся ему по дороге городам, которые ему покорялись, Чингисхан не причинял вреда, а у тех, которые оказывали сопротивление, к примеру Сарипуль и Дабусия, оставлял войска для осады.

[illegible]

Чингисхан обращается к жителям города Бухары

Когда он прибыл к Самарканду, сыновья и командиры его войск, ранее им отправленные на захват Отрара и других областей, завоевав их, явились к нему, пригнав тамошний хашар. Они устроили ставку в Кук-сарае. По мере прибытия войска располагались вокруг города. Чингисхан один-два дня лично объезжал вокруг цитадели и бастионов и обдумывал план взятия крепости.

Между тем пришло известие, что султан находится в летней резиденции. Чингисхан отправил своих почтенных, старших командиров Зэв-батара и Субэгэдэй-батара с тридцатью тысячами конницы за султаном, Алаг-нойоном и Бисуром он послал в сторону Вахша и Талекана.

На третий день после этого, утром, город окружило бесчисленное количество монгольского войска и [пригнанного с разных мест] хашара. Албар-хан, Сиюнч-хан, Балан-хан и другие ханы со своими отрядами [покинули крепость] и вступили с монголами в бой. Было много убитых с обеих сторон. Ночью оба войска вернулись на позиции, которые [первоначально] занимали.

На следующий день Чингисхан сел на коня и поднял в бой все войска, окружавшие город. Жители Самарканда, испуганные этим сражением, разделились во мнении [о необходимости сопротивления].

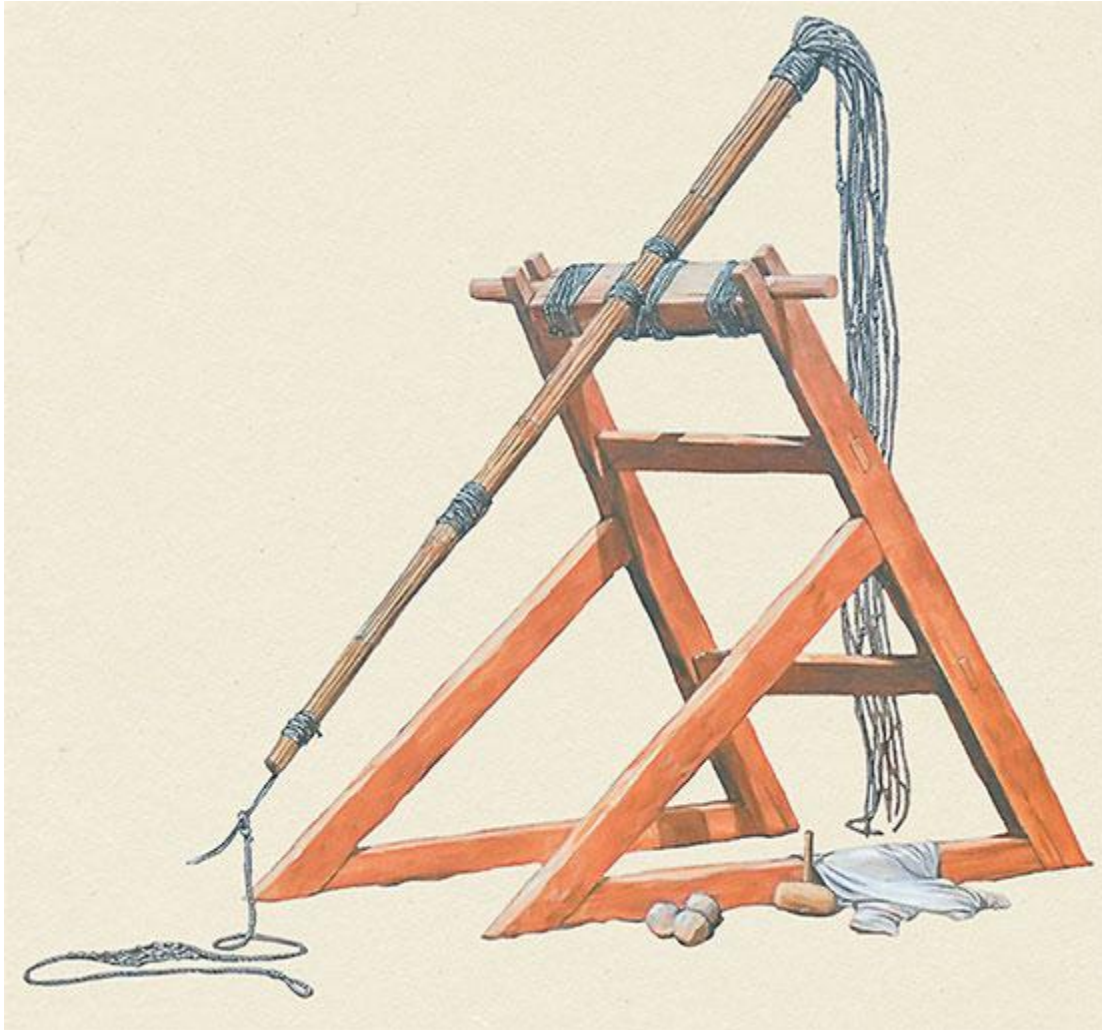
Назавтра монголы и оказывавшие им сопротивление горожане возобновили сражение. Неожиданно к Чингисхану явились казий и шейх-ал-ислам с имамами. Обнадеженные хорошими обещаниями Чингисхана, они вскоре вернулись в город. Утром отворили Намазгахские ворота, и войска вошли в город и тут же занялись разрушением стены и бастионов, которые вскоре сровняли с землей. Разбитых на сотни женщин и мужчин в сопровождении монголов вывели из города. Но казия и шейх-ал-ислам с другими служителями [церкви] оставили в покое. Таковых набралось пятьдесят тысяч человек.

Горожанам было объявлено, что каждый, кто попытается спрятаться [в городе], будет убит. Монголы, занимавшиеся в городе грабежом, убили много спрятавшихся и обнаруженных ими людей. Вожаки слонов привели их к Чингисхану и просили пищи для них. Он приказал: «Отпустите их в поле, чтобы они сами бродили и ели». Слонов отпустили [на волю], где они так и погибли от голода.

Ночью монголы вышли вон из города. Гарнизон находился в великом страхе. Алп-хан сделал мужественную вылазку с тысячько [таких же, как он сам,] сорвиголов. Ударил по [монгольскому] войску и ушел.

Утром монголы вторично окружили крепость: со всех сторон обрушили на ее защитников град стрел и камней. Стену, укрепление и бастионы разрушили и водоканал, по которому [в город и крепость] поступала вода, испортили. В ту же ночь заперли [городские] ворота и ушли.

Около тысячи отчаянных смельчаков укрылись в мечети и отчаянно бились [с монголами]. Они [монголы]... сожгли мечеть со всеми, кто в ней был...

Камнемет «Сидящий тигр»

Когда город и крепость были одинаково разрушены, а множество воинов и их командиров убито, то на другой день сосчитали оставшихся в живых. Из того числа тридцать тысяч ремесленников разделили между сыновьями, женами и военачальниками. Такое же количество отправили в хашар (на осаду). Остальные спаслись тем, что получили позволение возвратиться и выкупить свою жизнь данью в сумме 200 000 динаров. Главным сановникам Самарканда Бака-Эльмульке и эмиру Амиду-старшему он поручил собирать эту дань. Также Чингисхан назначил в Самарканд своего правителя...

Рассказ об уходе Чингисхана из пределов Самарканда вместе со своим меньшим сыном Толуй-ханом, которого называют Их нойон или Улуг-нойон, в погоню за султаном Мухаммедом-хорезмшахом, о завоевании находившихся на его пути городов Нахшаб, Термез, Балх, Талекан и прилегающих областей, об отправлении их нойона в Хорасан и покорении тех пределов

...Чингисхан... в начале лета (1220) отправил в погоню за хорезмшахом Зэв-нойона, Субэгэдэй-нойона и Тохучара. Но в то же лето он взял Самарканд и по завоевании его отправил своих сыновей к Хорезму. В начале осени Чингисхан вместе с Толуй-ханом ушел из пределов Самарканда и пришел на луга Нахшаба. Оттуда по дороге, которую монголы называют Тумур-хаалга^[281], отправился на покорение Термеза, а Толуй-хана отправил с большим войском вперед покорить Хорасан. С Толуем пошел каждый десятый воин из войска Чингисхана.

Когда Чингисхан прибыл к Термезу, он отправил в город своих послов с предложением покориться и разрушить укрепления и крепость. Местные жители, полагаясь на прочность крепостных стен, половина которых возвышалась над рекой Джейхун (Амударья), и обольщенные своим мужеством и храбростью, отказались покориться и вступили в бой. На десятый день город был взят приступом; всех его жителей выгнали [из города] в поле и, по заведенному обычаю, разделив между воинами, предали смерти.

Монета Монгольской империи

Тогда одна старая женщина сказала: «Не убивайте меня! Я вам дам одну большую жемчужину, которую я проглотила». Ей тотчас вспороли живот, и вынули ту жемчужину. [С тех пор] у всех умерших и убитых распарывали животы...

...В начале года Змеи (1221) он приказал переправиться через реку Джейхун и пошел к Балху, величайшему из городов Хорасана... Тамошние начальники вышли ему навстречу, изъявили покорность и повиновение и поднесли разные яства. После этого под предлогом того, что нужно сосчитать всех [жителей города], их всех разом вывели в поле и, по заведенному обычаю, разделили между воинами и всех предали смерти; затем разрушили бастионы, стены, городской вал, сожгли и уничтожили город.

Оттуда Чингисхан отправился к Талекану; крепость та, именуемая Нусрет-куг, была отлично укреплена, имела много военных запасов, защищалась отчаянными людьми. Сколько раз Чингисхан ни посылал послов, предлагая покориться, они отказывались. И после семи месяцев осады крепость не была взята по причине неприступности.

В ту весну, когда Чингисхан осадил Талекан, сыновья Жочи, Цагадай и Угэдэй находились на взятии Хорезма^[282]. Толуй-хан, пройдя через Тумур-хаалга, разделил свое войско на левое и правое крыло, а сам шел во главе срединного полка в направлении Мервджака, Бага и Гешура. Он захватил те области, взял Мерв и далее до конца весны упомянутого года подчинил себе все крупные, хорошо укрепленные города до Нишапура, такие как Серахс, Абиюльд, Несу, Тус, Джаджирем, Джувейн, Багик, Хааф, Шейган и Рудабат.

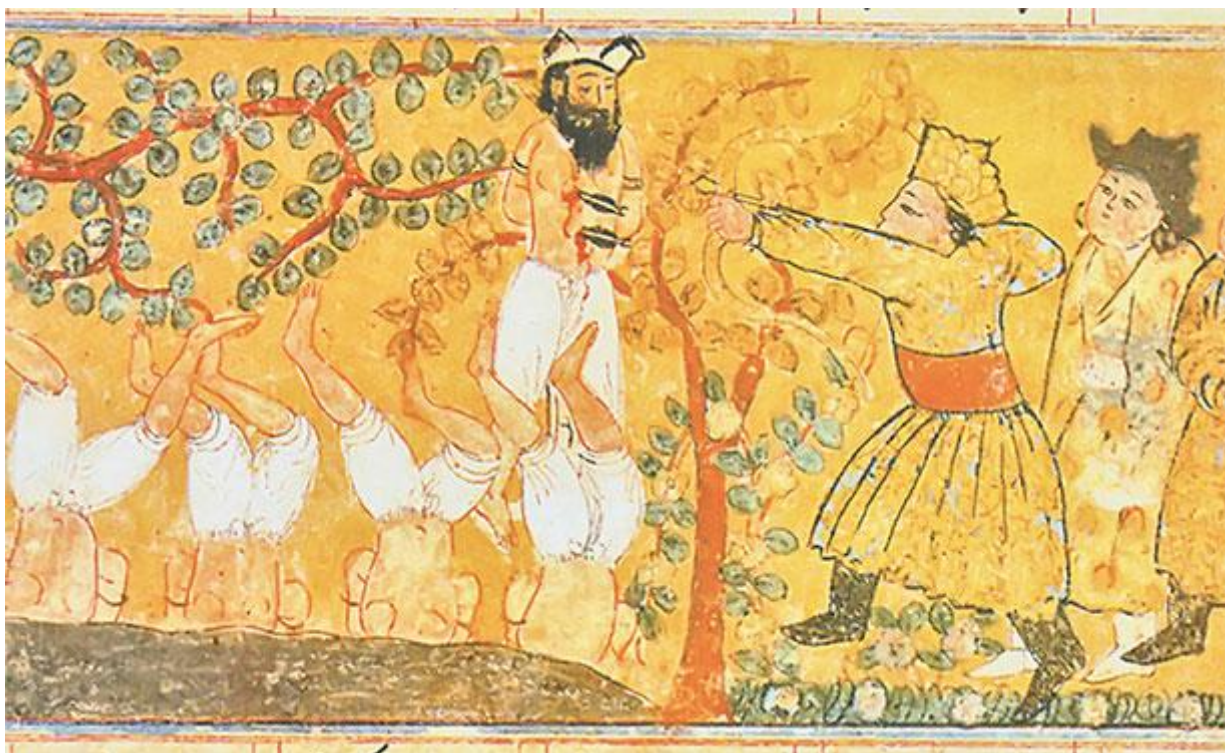
Монета Чингисхана, отчеканенная в 1221 г. в Балхе (Афганистан)

Чингисхан отправил от Талекана посыльного к Толую сказать, чтобы тот до наступления жары к нему пришел. В соответствии с приказом отца Толуй поворотил свое войско, по пути назад захватил и разграбил область Кугистан, перейдя реку Кум-джеран, взял город Герат и его окрестности, после чего присоединился к Чингисхану и преподнес ему с почтением дары. После возвращения Толуя была взята и разрушена крепость Талекан.

Через некоторое время прибыли из Хорезма Цагадай и Угэдэй и преподнесли [Чингисхану] с почтением дары. Жочи ушел из Хорезма со своим обозом.

В сражении у крепости Бамиян стрела смертельно ранила любимого внука Чингисхана, сына Цагадая, – Мутугэна, которого Цагадай сделал своим наследником. От этой раны он скончался. По этой причине Чингисхан приказал срочно захватить этот город. Когда город был взят, Чингисхан повелел предать смерти в нем все живые существа, будь то люди, животные или птицы; а сам город разрушить, превратить в пепел, чтобы там уже никогда никто не жил. С тех пор это место именовали Маукурган... И еще Чингисхан приказал, чтобы никто не говорил об этом событии Цагадаю. Когда тот прибыл и потребовал привести к нему сына, ему сказали, что он куда-то ушел. Когда [вскоре] к нему явились все сыновья, Чингисхан нарочно сделал вид, что разгневан, и молвил, обращаясь к Цагадаю: «Вы не следуете моим словам и приказам!»

Опешивший Цагадай встал на колени и сказал: «Коли мы станем тебе прекословить, пусть мы умрем».

Монголы казнят пленных. *Средневековая персидская миниатюра*

Тогда Чингисхан спросил его: «Поклянись, что ты сдержишь слово, тобой реченное!»

Цагадай поклялся: «Если я не выполню твой приказ, пусть я умру!»

После этого Чингисхан сказал: «Твой сын Мутугэн убит в сражении. Я велю тебе не плакать и не стенать [по убиенному]. И не смей ослушаться повеления сего!»

Цагадай был ошарашен этой вестью, он едва сдерживал себя, чтобы не нарушить приказ Чингисхана, и продолжал есть и пить. Через какое-то время он вышел из ставки, якобы по нужде, и в степи дал волю своим чувствам. Всплакнув и облегчив душу, он вытер слезы и вернулся обратно в ставку.

Чингисхан вместе с сыновьями и войском провел лето в горах вблизи Талекана. В то время султан Джалал ад-Дин находился в Газни^[283]. Хан-Мелик, наместник Мерва^[284], присоединился к нему с сорока тысячами всадников. Султан пожелал [взять в жены] его дочь. Сейф-эд-дин Аграк, также из числа беков туркменских, присоединился к султану с сорока тысячами человек, и эмиры Гурские также присоединились к нему...

В это время Чингисхан отправил тридцатитысячное войско под командованием Шигихутуга и других нойонов в направлении Газни, Гурджистана, Забула и Кабула, чтобы они, по мере возможности, овладевали этими областями и охраняли проездные пути. Сам Чингисхан с сыном Толуй-ханом занялся завоеванием областей Хорасана...

От караула Шигихутугу пришло известие, что хан Мелик с приверженцами и единомышленниками двинулся к султану Джелал ад-Дину. Шигихутуг с войском тотчас же пошел следом за ним и ночью его настиг... Из осторожности он остановился, чтобы сразиться на заре при дневном свете. Хан Мелик шел всю ночь и утром соединился с султаном в местности Перван. Канглы и другие [хорезмские] войска, как и обещали, прибыли туда же. [Таким образом, у султана] собралось огромное войско...

Монгольские [командиры войска Шигихутуга] распорядились, чтобы каждый всадник смастерил куклу наподобие человека и усадил ее на лошади, за своей спиной. Ночью их приготовили. На другой день вступили в бой. Войска султана, увидев это,

подумали, что к войску монгольскому подошла помощь, и хотели бежать. Тогда султан воскликнул: «Наша армия многочисленна. Так сразимся же с ними и окружим их с левого и правого крыла!»

Его войско остановилось и под страшный бой барабанов пошло в атаку на монголов. Их было больше, поэтому они почти окружили монголов, и те бросились отступать. В тех полях было много ям и нор, поэтому монгольские воины падали с лошадей, а воины султана, имея легких, быстроногих коней, догоняли их и убивали. Тогда погибло много монгольских воинов.

Когда весть об этом достигла Чингисхана, как ни был он крайне огорчен этим, однако вида не подал и сказал: «Шигихутуг привык всегда быть победителем и никогда не вкушал жестокости фортуны. Ныне, когда он вкусил ее, он будет внимателен, опытен и сведущ в делах»...

Рассказ о преследовании Чингисханом султана Джалал ад-Дина, о поражении султана на берегу реки Синд и его переправе через реку Синд

К тому моменту, когда Шигихутуг пришел к Чингисхану, тот уже захватил крепость Талекан, Цагадай и Угэдэй возвратились победителями из Хорезма, а Толуй-хан воротился из Хорасана. Все они и их воины провели лето на холмах Талекана, отдохнули сами и откормили лошадей. Как только Чингисхан услышал о том событии, он приказал, чтобы все войска в год Лошади двинулись из пределов Талекана на султана Джалал ад-Дина^[285]. Они продвигались два перехода с такой поспешностью, что не было возможности приготовить пищу.

Когда они прибыли на то место, где сражались войска Шигихутуга и султана, Чингисхан спросил у Укера и Шигихутуга: «Где располагались ваши войска и как стояло воинство султана?» Они показали. Чингисхан счел диспозиции обеих сторон негодными и пожурил своих нойонов за то, что не сумели выбрать подходящее место для сражения.

Когда Чингисхан прибыл в Газни, он услышал, что прошло уж пятнадцать дней, как султан ушел отсюда с намерением переправиться через реку Синд. Чингисхан назначил наместником в Газни Мама-Ялавача и поспешил вслед за султаном.

Султан велел привести суда к берегу, чтобы переправиться. [Отряд] Урхана прикрывал отход султана. Передовые части монголов наехали на них и перебили всех. Узнав, что султан намеревается переправиться на рассвете, войска Чингисхана, проскакав всю ночь, упредили его. Монгольская армия окружила его со всех сторон, наподобие лука. Река Синд была тетивой [этого лука]. Когда взошло солнце, султан увидел себя между водой и огнем.

Чингисхан приказал «не убивать султана, а постараться взять его живым». Он послал Укер-Гулиджу и Гугус-Гулиджу отеснить султана от берега. Те смогли придвинуться вплотную к воинам султана, сражавшимся уже на берегу. Тем временем монгольское войско пошло в атаку на правом фланге, который удерживали воины хана Мелика. Когда они были разгромлены, хан Мелик бежал в сторону Пешавара. Но монгольские войска преградили ему путь и убили. Также был разбит и левый фланг [обороны султана]. Сам султан во главе семисот воинов сражался в центре и продержался с рассвета до полудня. Потеряв всякую надежду на спасение, он кидался то вправо, то влево, то набрасывался на монголов по центру. Так как было запрещено пускать в него стрелы, то кольцо окружения вокруг него все сужалось. Когда он понял, что бессмысленно противостоять горе и сопротивляться водной стихии, султан вскочил на свежую лошадь и бросился на наступающих монголов, заставив их отпрянуть.

Потом султан повернул коня назад, перекинул за спину щит и, подхватив свое знамя, стеганул коня и через мгновение был уже на противоположном берегу...

Чингисхан от изумления даже прикрыл рукой рот. Затем, указывая в сторону Джалал ад-Дина, сказал сыновьям: «Таким должен быть сын своего отца!»...

Монгольские воины, увидев, что султан бросился в воду, хотели последовать за ним, но Чингисхан запретил им [преследовать его]. Все войско султана было перебито; все его сыновья, вплоть до младенцев, были умерщвлены, а красавицы из его гарема – расхищены. Так как большая часть казны султана состояла из золота, серебра, драгоценных камней и вещей, он приказал в тот день все это бросить в реку Синд. Чингисхан повелел, чтобы ныряльщики подняли со дна все, что сумеют отыскать...

Рассказ о возвращении Чингисхана с берега реки Синд, его пребывании в местности Перван, разорении Газни и его окрестностей

Когда султан Джалал ад-Дин переправился через реку, Чингисхан отправил за ним Бала-нойона и Дурбай-нойона, а сам весной года Овцы возвратился к верховьям реки Синд^[286]. Угэдэй был послан в низовья реки Синд, дабы покорить те края. Угэдэй захватил и разграбил Газни, ремесленников и искусников отослал в восточные пределы, прочих предал смерти, а город разрушил...

Чингисхан в ожидании Бала-нойона провел то лето в степной местности, которую монголы называют Перван. Все прилегающие к ней области он захватил и разграбил. Когда пришли Бала-нойон и Дурбай-нойон, Чингисхан ушел оттуда...

По причине [неподходящего для монголов] климата большая часть армии захворала...

Поскольку Чингисхан преодолел сопротивление султана Мухаммеда и его сына Джалал ад-Дина, из коих один умер, а другой скитался [на чужбине], и отправил Зэва и Субэгэдэя захватить султановы владения: Арран, Азербайджан, Ирак и Ширван, он считал дело сделанным и был на этот счет спокойным. Во всех городах, которыми он овладел, он поставил своих правителей. Когда воины поправились, Чингисхан замыслил о возвращении [в Монголию] через Хиндустан и царство Тангуд.

Сделав несколько [дневных] переходов [в том направлении]^[287], Чингисхан получил известие, что тангуды снова подняли восстание. На пути монгольского войска возвышались высокие горные кручи и росли труднопроходимые леса; климат этой местности был непривычен и неблагоприятен для монголов. Из-за этого и нехорошей [питьевой] воды воины снова начали заболеть. И Чингисхан поворотил войско назад, в Пешавар, и было решено возвращаться [в Монголию] той дорогой, по которой пришли сюда.

Рассказ о возвращении Чингисхана после завоевания страны таджиков в свои старинные кочевья и о событиях, случившихся в пути

Чингис после завоевания страны таджиков в год Обезьяны (1224) осуществил свое намерение возвратиться из Пешавара в свои родные кочевья и верховную ставку. Причиной поспешности было то, что пришло известие о восстании жителей [царства] Тангуд^[288]. По причине продолжительного его (Чингиса) отсутствия, они позволили себе крамольные замыслы...

Перейдя через Джейхун, он провел ту зиму (1223) в окрестностях Самарканда. Когда он выступил оттуда, Чингисхан приказал, чтобы Туркан-хатун, мать султана Мухаммеда, и весь его гарем, выйдя на дорогу, громко оплакивали царство султана, пока [все монгольские] воины не пройдут мимо них. Когда Чингисхан пришел к реке Фенакетской (Сырдарья), все его сыновья, за исключением Жочи, собрались к нему, и (весной 1224 года) был устроен хуралдай. После того все откочевали оттуда и шли тихо и спокойно от одной стоянки до другой, пока не пришли к пределам родных кочевий...

Возвращаясь из завоеванной страны таджиков, Чингисхан провел в пути лето и зиму (1224 года). Когда он достиг пределов своих кочевий, ему навстречу прибыли одиннадцатилетний Хубилай-хан и девятилетний Хулагу-хан. И сошлись (в октябре 1224 года) они в местности Алмак-Уй, на границе (бывшего) улуса найманов, близ Амол-Худжин, за рекой Гилэ, что протекает рядом со страной уйгуров. [Прямо перед их встречей дети охотились,] и Хубилай-хан убил зайца, а Хулагу-хан подстрелил (дикую) козу. Когда мальчик-монгол в первый раз охотится, по их обычаю, его большой палец полагается смазать жиром и мясом [убитого им животного]. [Тогда] Чингисхан сам совершил это помазание. При этом Хубилай-хан едва дотронулся до большого пальца Чингисхана, а Хулагу-хан крепко за него ухватился. Тогда Чингисхан сказал: «Этот [парень] чуть не оторвал мой палец!»

Двинувшись оттуда, они пришли в местность Бука-Сучигу (Буга Сочигай). И повелел Чингисхан воздвигнуть золотую ставку и устроил там хуралдай и большой пир ^[289].

Пир в ставке монгольского хана. *Персидская миниатюра. XIV в.*

Так как почва того места была мягкой и легко поднималась пыль, Чингисхан повелел, чтобы все [в его свите] набросали мелких камешков вокруг ставки. Все сделали, как приказал Чингисхан. Один только Тэмугэ отчигин, младший брат Чингиса, вместо камней набросал веток. И поэтому Чингисхан пожурил его. Когда через некоторое время они выехали на охоту, Тэмугэ отчигин не держался в общей цепи [загонщиков], а замешкался позади. За два этих проступка его семь дней не допускали в ставку [к Чингисхану]. Тогда Тэмугэ отчигин сказал, что, если он еще раз совершит предосудительный поступок, пусть его серьезно накажут. После этих заверений Чингисхан простил его и разрешил прибыть в ставку.

Весной года Курицы (1225) они прибыли и расположились в [Верховной] ставке. В ней Чингисхан провел лето и соизволил дать умные повеления. Когда его оповестили, что тангуды снова восстали ^[290], он, снарядив войска, отправился в те пределы.

Рассказ о последнем походе Чингисхана в страну Тангуд и о сражении с предводителем тангудов

Осенью года Курицы... Чингисхан напал на страну Хашин, которую называют Тангуд... Когда он прибыл в страну Тангуд, он захватил сначала такие города, как Ган-чжоу, Су-чжоу, Го-чжоу и Урукай... Во время войны предводитель той страны по имени Шудрага, именуемый по-тангудски Ли-ван, выступил с пятьюдесятью тумэнами войска из большого города, который был его резиденцией и назывался Иргай (Яргай), а по-монгольски Иргиа, чтобы сразиться с монгольским войском. И тогда Чингисхан вступил с ним в сражение. В тех местах было множество озер, и все они были покрыты льдом. Выйдя на лед, Чингисхан приказал стрелять по ногам [бегущих по льду врагов], и тут монголы не прогадали. В сражении погибло много тангудов... После этого Шудрага обратился в бегство и укрылся в крепости.

Чингисхан сказал: «Он сокрушен нами так, что после этого [поражения] у него не будет больше сил [для сопротивления]!» Затем он прошел мимо города, [в котором укрылся Шудрага,] и, захватив другие города и области, двинулся в направлении Хитая.

В начале весны года Собаки (1226) Чингисхан достиг места под названием Онгон Далан Хутуг. И здесь он задумался [о вечном], ибо [накануне] видел сон, указывающий о близости его смерти. Из царевичей при нем оказался Есунгу-ака, сын Жочи Хасара. Чингисхан спросил у него: «Далеко ли сейчас находятся мои сыновья Угэдэй и Толуй?» Они находились [в расположении] своих войск. Тот ответил: «Они находятся на расстоянии двух-трех фарсангов [отсюда]».

Войско Чингисхана штурмует тангудскую крепость. *Средневековая персидская миниатюра*

Чингисхан тотчас послал за ними человека и призвал их к себе. Наутро, после того, как все позавтракали, Чингисхан попросил своих нойонов оставить его с сыновьями одних, дабы он смог поделиться с ними своими заботами, дать советы и высказать сокровенные мысли.

Рассказ о встрече Чингисхана с прибывшими сыновьями наедине и о его завещании

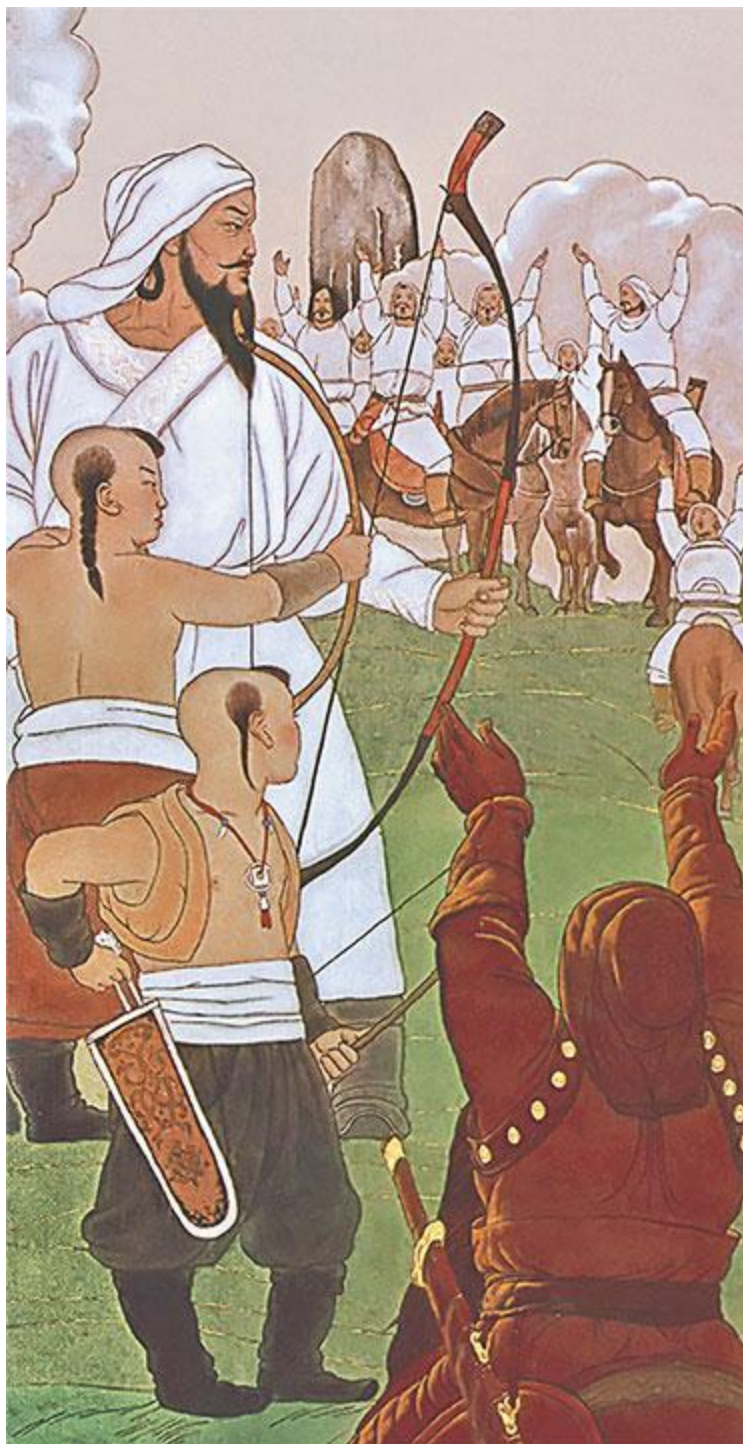
Когда нойоны и прочие люди удалились, Чингисхан остался с сыновьями наедине и после многочисленных наставлений и советов заключил: «Дети мои! Знайте, как бы этого ни не хотелось, близится время, когда я умру и отправлюсь в последний путь. Божьей силой и милостью Небесной для вас, моих сыновей, я завоевал и оставляю вам огромный улус, от центра до границ которого в каждую сторону целый год пути. А завещание мое таково: чтобы жить в довольстве и радости и получать удовлетворение от властвования своего, будьте едины в помыслах и делах своих, сражаясь с врагом и возвеличивая друзей. Моим преемником да будет Угэдэй-хан!»

Дав советы и наставления и огласив завещание свое, Чингисхан сказал напоследок: «Отправляйтесь назад в свои владения, оставленные вами улусы. Я же не желаю умереть дома и отправляюсь в поход во имя славы! После моей кончины не смейте переиначивать повеления мои. [К сожалению], здесь нет Цагадая. Упаси его бог после моего ухода переиначить мои слова и сеять смуту в улусе! А теперь ступайте!»

Будучи наедине с сыновьями, Чингисхан произнес такие речи. Затем он простился с ними обоими и отослал их в свои уделы, а сам выступил с войском в Нанкияс^[291].

Рассказ о походе Чингисхана в Нанкияс, о начале его болезни, о приходе [к нему] предводителя тангудов и выражении им покорности и его желания об отсрочке сдачи города

Чингисхан, как только огласил свое завещание и отправил сыновей [в их уделы], двинулся к [пределам] Нанкияса. Градоначальники городов, которые он проследовал, приходили, сменяя один другого, и выражали свою покорность. Когда он пришел в местность Лю-пхан-шан, там, где сходятся границы Джурджэ, Нанкияса и Тангуда, чжурчжэньский правитель услышал о прибытии Чингисхана, отправил к нему послов со словами «Мы покоряемся!» и подарками, в числе которых был поднос с превосходным жемчугом.

Чингисхан с внуком Хубилаем

Чингисхан тогда повелел, чтобы всякому, у кого проколота мочка уха, дали по одной жемчужине. Те из присутствующих, у которых не были проколоты мочки ушей, бросились протыкать свои уши. [Когда] всем дали по жемчужине, осталось еще много. И тогда Чингисхан повелел: «[Да будет объявлен] день даров! Рассыпьте весь [оставшийся] жемчуг [на улице], чтобы люди его подбирали». Сам же, чувствуя приближение своей кончины, не обратил на жемчуг [никакого] внимания. Из того

[разбросанного] жемчуга много затерялось в пыли, и еще долго с тех пор [люди] искали и находили завалившиеся [где-то] жемчужины.

Тем временем предводитель тангутов размышлял: «Несколько раз я восставал против Чингисхана. И всякий раз [после этого] в моей стране происходили убийства и грабежи [со стороны монголов]. Какой толк сопротивляться. Надо идти к нему в услужение!»

Посылая к Чингисхану своих послов с прошением мира, договора и клятвы, Шудрага сомневался: «Я и не надеюсь, что он признает меня своим сыном!»

Чингисхан благосклонно отнесся к его просьбе. Шудрага желал [получить] один месяц отсрочки на приготовление подарков и вывод населения из города. Чингисхан дал ему эту отсрочку. Шудрага хотел иметь аудиенцию для поднесения даров, но Чингисхан сказал: «Я болен. Пусть подождет, пока мне будет лучше».

Он приставил Тулун чэрби к Шудраге, и тот неотлучно следовал за тангудом.

Болезнь Чингисхана день ото дня усиливалась.

Рассказ о кончине Чингисхана, об убиении предводителя тангутов и всех жителей этого города, о возвращении нойонов в ставку с гробом [Чингисхана], объявлении о смерти Чингисхана, о его оплакивании и погребении

Чингисхан, предвидя свою кончину от той болезни, дал наказ нойонам: «Не смейте объявлять о моей смерти, не поднимайте воплей и плача, чтобы враг не узнал. Когда предводитель тангутов и жители города, как обещали, выйдут из него, всех их уничтожьте!»

В пятнадцатый день осеннего месяца в год Свиньи (1227) Чингисхан покинул этот бренный мир и оставил свой престол своему славному роду.

Нойоны, согласно наказу Чингисхана, хранили тайну его смерти. Когда тангудский народ вышел из города, их всех предали смерти. И после этого пустились в обратный путь с его гробом. По дороге убивали всякого, кто попадался навстречу, пока не доставили его тело в ставку. Все его сыновья, жены и нойоны собрались и предались печали.

Похороны Чингисхана

Чингисхан однажды был на охоте. В одном месте он увидел одиноко стоящее дерево. Ему понравился вид того дерева, и он целый час просидел под ним. Воодушевленный этим, он приказал: «Это место подходит для моего последнего приюта. Запомните это место!»

Когда оплакивали Чингисхана, люди, которые слышали от него эти слова, напомнили о [его наказе]. Сыновья и нойоны исполнили его волю и выбрали [для погребения] то самое место.

Говорят, что в год его погребения на том поле выросло бесчисленное количество деревьев и кустов. Ныне там уже стоит густой, непроходимый лес, и уже не найти и то первое дерево, и место его погребения. Теперь и старые хранители запретного места (кладбища предков) не найдут дороги к его могиле...

Из китайских источников

Чжао Хун. Записка о монголо-татарах (Мэн-да бэй-лу)^[292] (фрагменты)

I. Основание государства

Земля, в которой в первый раз являются татары^[293], лежит на северо-западе от киданей... Они (монголы) разделяются на три вида: черных, белых и непокорных (диких).

Белые татары^[294] более красивой наружности; почтительны и вежливы; знают почтительность к родителям; когда случится смерть отца или матери, изрезают себе лицо и плачут.

Находясь между ними, я часто, встретив человека недурной наружности, но с рубцами на щеках, на вопрос: «Не белый ли это татарин?» – всегда получал утвердительный ответ.

Они получили образование от захваченных в плен китайских мужчин и женщин, с которыми вступали в брак, и оттого в обращении с другими выказывают мягкость; их провинция управляется [ныне] Би-цзи, дочерью (гун-чжу) повелителя татарского Чингисхана^[295].

Непокорные татары^[296] весьма бедны, грубы и ни к чему не способны, только и умеют ездить на лошади...

Нынешний император Чингис, его полководцы, министры и главнейшие чиновники, – все принадлежат к черным татарам^[297].

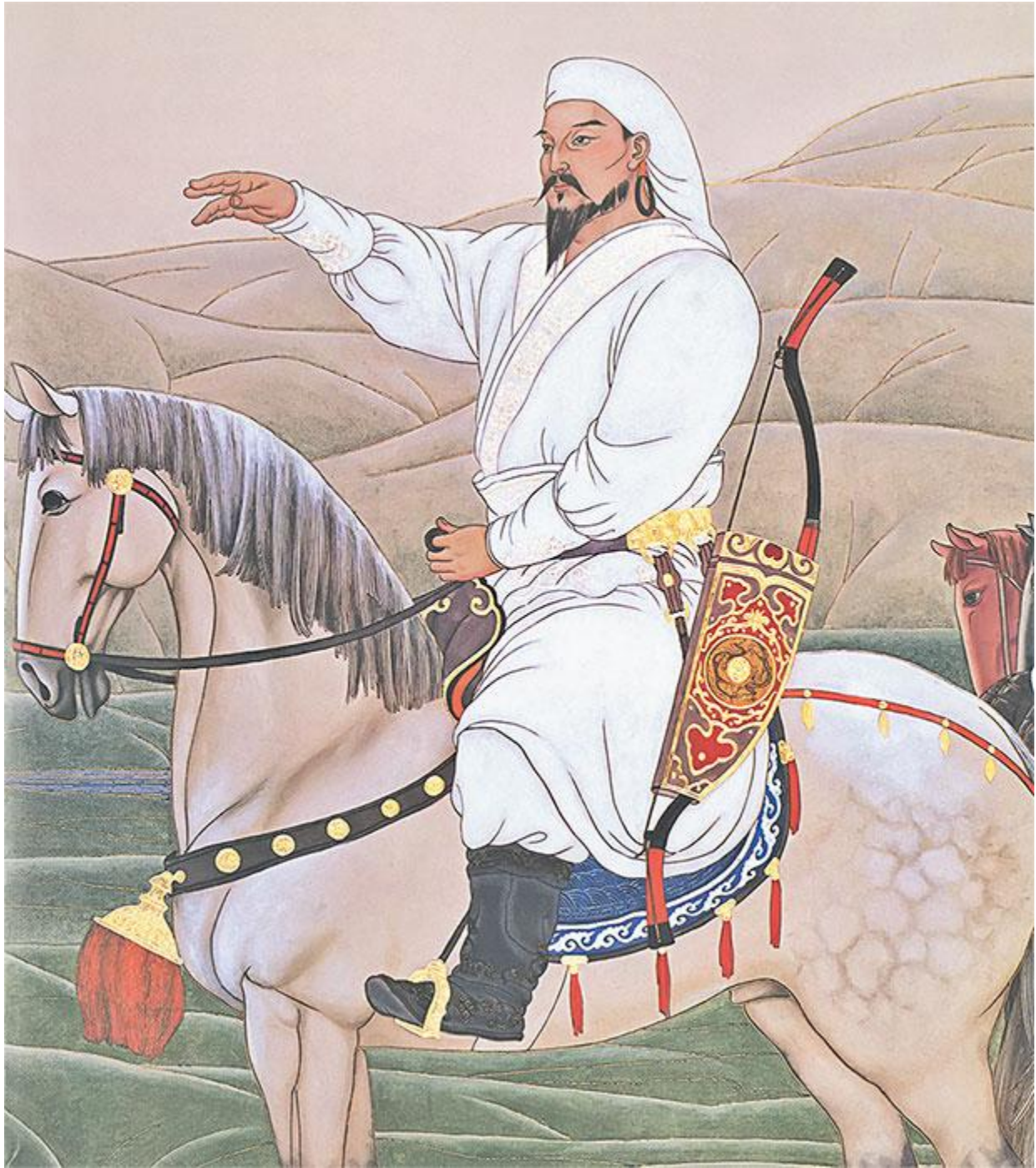
Татарская нация (монголы) по большей части невысокого роста; самый высокий человек не выше пяти футов с двумя или тремя вершками. Также нет среди них толстых и жирных. Лицо у них широкое, плоское и четырехугольное с выдавшимися скулами; глаза без верхних ресниц; волос на бороде и [на месте усов] весьма мало; их наружность весьма некрасива.

Только нынешний татарский повелитель Тэмужин огромного роста, с широким лбом, длинной бородой; он отличается мужеством...

II. Происхождение татарского повелителя

...Чингисхан, в малолетстве, попал в плен к цзиньцам (т. е. чжурчжэням), провел у них в рабстве более десяти лет и потом бежал^[298]. От этого он вполне узнал состояние и дела Цзиньского царства.

Это человек мужественный, сильный, сообразительный; привлекает к себе всех; чтит Небо и Землю, весьма уважает справедливость.

Чингисхан во время похода против Тангудского царства

Всем известное имя Тэмүжин – есть не что иное, как имя, данное ему при рождении... Некоторые говорят, что Чингис есть исковерканное слово (из двух китайских букв) «тянь-цы» («пожалованный Небом»).

III. Название династии и правления

В древности был народ монголы (мон-гу), которые при цзиньском правлении Тянь-хой (годы царствования Укимая, брата Агуды, 1123–1135) часто нападали на разбойников чжурчжэней^[299] и их беспокоили.

Цзиньцы постоянно вели с ними войну и наконец заключили мир, дав множество денег и вещей...

В начале возвышения татар у них не было вовсе письменности. И всякий раз, когда надобно было что-то повелеть, отправляли туда и сюда посланца и ему давали заучить на память послание. Но посланный не смел ни прибавить, ни убавить ни одного слова. Таков обычай этого народа, так просты их нравы.

В соседстве с ними находятся уйгуры, которые перепродают им то, что выменивают [у нас] на обеих реках.

Поныне еще, во всякой переписке с другими государствами, [татары] употребляют уйгурскую письменность, похожую на китайские ноты для флейты. Но теперь уже два года, как цзиньские изменники и сдавшиеся [монголам] чиновники, не имевшие пристанища, желая быть для них полезными, научили их письмам (т. е. китайским), и в переписке с Цзиньским царством они употребляют китайскую письменность. В прошлом году весной, просматривая их бумаги, я во всех [документах] встречал, что они называют себя великой династией (Да-чао). Более того, по привязанности к монголам, как к мужественной нации, дали своему улусу название Великого Монгольского Улуса...

VII. Военное управление

Татары рождаются и вырастают в седле и на лошади; они сами собой учатся сражаться, потому что вся их жизнь круглый год проводится на охоте. Оттого у них нет пехоты, а все – конница; войска у них может набраться несколько сот тысяч.

Письменных приказов у них (по военной части) почти нет; все, начиная от главнокомандующего до тысячника, сотника и десятника, командуют лично.

Всякий раз, когда они хотят взять большой город, то сначала нападают на окрестные селения, берут в плен тамошних жителей и гонят их на осаду [города]. Для этого они отдают повеление, чтобы каждый конный солдат захватил десятерых человек; когда это число полностью набрано, то каждым человеком (пленным) берется известное количество травы или дров, земли или камней. Затем их гонят день и ночь, убивая отставших; пригнав, немедленно заравнивают рвы и канавы (вокруг городских стен, принесенными материалами). [При осаде] употребляют еще также подкопы и проч.; при этом не жалеют десятков тысяч народа, и поэтому города всегда бывают взяты.

После взятия города его жителей убивают без всякой пощады, всех, не разбирая ни старых, ни малых, красавцев и безобразных, бедных и богатых, сопротивлявшихся и покорных; никакое знаменитое лицо не избегнет смертной казни, если оно окажет сопротивление при осаде города.

Добычу делят на пропорциональные части между высшими и низшими чинами. Велика ли, мала ли эта добыча, всегда оставляют одну долю для поднесения императору Чингису^[300].

...Всякое совещание о начале войны производится в 3-й или 4-й луне^[301]; весть о решении рассылается повсюду; потом пятого числа 5-й луны^[302] вторично обсуждается, куда направиться осенью настоящего года, после чего, в связи с летней жарой, все разъезжаются по своим стойбищам; в 8-й луне^[303] все собираются в Яньской столице (Жунду), и после этого начинается поход.

VIII. Коневодство

Татарская страна (Монголия) богата водой и травой и благоприятна для выращивания баранов и лошадей. Лошадей, через год или два после рождения, обучают и обьезжают в течение последующих трех лет. И только тогда начинают использовать в деле...

Качества лошади превосходны: весь день она обходится без пищи, и только ночью пускают ее пастись в поле, не разбирая, попалось ли место, покрытое зеленью или с высохшей [растительностью]; на рассвете [снова] сдлают; [для корма лошадей] вовсе не употребляют горох или просо. У каждого человека, по выступлении в поход, имеется несколько лошадей, на которых он скачет поочередно, по одному дню; поэтому лошади не изнуряются и не гибнут...

X. Завоевания

В то время, когда татары (монголы) не вышли еще из своих пределов, в годы правления Да-дин (т. е. 1161–1189), при разбойничьей Цзиньской династии, в Яньской столице и Киданьской стране разнеслось предсказание, что настоящее

правительство, теснимое татарами (монголами), не найдет себе убежище и [будет свергнуто]. Цзиньский глава^[304], Юн (это кличка Ши-цзуна Цзиньской династии вышесказанных годов правления Да-дин), случайно услышав об этом, с испугом воскликнул: «Татары непременно будут [впоследствии] причиной беспокойства для нашего царства!» Поэтому он отдал приказ немедленно выступить в поход против их отдаленной и пустынной страны. И через каждые три года отправлялись войска на север для истребления и грабежа. Это называлось набором (цзянь див, что буквально значит «уменьшение рабов, или слуг, рекрутов») и истреблением людей.

Поныне еще в Китае все помнят, что за двадцать лет до этого в [провинциях] Шаньдун и Хэбэй, в чьем только доме не было купленных в рабство татарских девочек и мальчиков. Все они были захвачены в плен войсками. Те, которые в настоящее время у татар [являются] нойонами, тогда, по большей части, были уведены в плен и жили в цзиньских пределах.

Кроме того, каждый год из их страны [монголы] платили дань; ее принимали за границей (на территории Монголии), отсылая назад посланных, не допуская их, таким образом, вступать в цзиньские пределы.

Татары убежали в Шамо (монгольские степи), и мщение проникло в них до мозга костей.

Когда ложный Чжан-цзун^[305] вступил на престол, то в годы его правления Мин-чан (1190–1196) было запрещено убивать и грабить. Поэтому татары (монголы) постепенно возвратились на родину; число их народа увеличилось. Это снова обеспокоило Чжан-цзуна, и он воздвигнул новую Великую стену (чан-чэн) на севере от Цзинь-чжоу и охранение ее поручил племени тангу-чжа (тангудов). Когда тангу-чжа взбунтовались, то вместе с ними взбунтовались и-ла-ду-чжа (в Цзиньской истории: е-ла-ду), мудянь-чжа, моу-чжа, хоудянь-чжа (в Цзиньской истории: гудун) и прочие [племена]. Цзиньцы отправили против них войска и усмирили; рассеянные чжасцы передались татарам (монголам).

[Тем временем] среди уйгуров был некто по прозванию Тянь, весьма богатый и ведущий торговлю на огромные суммы; он часто посещал Хэбэй и Шаньдун; вместе с чжасцами он начал рассказывать татарам (монголам) о богатстве жителей этой страны, подстрекая их к сбору войска и вторжению [в цзиньские пределы]. И Тэмужин, который уже питал ненависть за притеснения, вступил в цзиньские пределы и, завоевав, истребил все пограничные крепости.

У татар как старые, так и молодые, все теперь припоминают слова яньских разбойников (т. е. чжурчжэней), которые говорили: «Наше царство подобно морю, а ваше – горсти песка. Куда же вам с нами справиться!» Только тогда, когда была взята западная столица, вздрогнули как [чжурчжэньский] царь, так и вельможи разбойников. Они собрали все свои отборные войска в количестве пятисот тысяч человек пехоты и конницы и отправили их навстречу [Чингисхану] под начальством Хушаху; но они (чжурчжэни) потерпели великое поражение.

Было собрано новое войско, набранное в Шаньдуне, Хэбэе и других провинциях; к нему присоединена была гвардия императорских телохранителей и прочие [части]; в нем насчитывалось триста тысяч человек, командовал им Гао-ци. Это войско было разбито под стенами Яньской столицы, когда татары приступили к этому городу. [Таким образом], сокрушены были силы цзиньских разбойников. Войско, увеличившееся в течение столетия, было рассеяно и истреблено. Поэтому [Цзиньская] империя пришла в упадок.

XI. Должности

Татары (монголы), подражая цзиньским разбойникам, также ввели у себя звания лин-лу шан-шу (министров), лин-цзо-ю-сян (главноуправляющих), правого и левого пин-чжан (директоров) и другие должности. Они также поставили визирей (тайши), главнокомандующих (юань-шуай) и др., которые носят при себе (в знак достоинства) золотые пайцзы.

Первостепенные, знаменитые вельможи носят [пайцзы с] изображением двух тигров, или так называемую ху-доу («дерущиеся тигры»). На золотой пайцзе находится китайская надпись: «Святая воля ниспосланного Небом (Всевышним Тэнгри) императора Чингиса должна по возможности [с благоговением] исполняться»^[306].

За ней следует простая пайцза (т. е. без тигров) с надписью: «Святая воля ниспосланного Небом императора Чингиса да немедленно [исполнится]».

За ней следует серебряная пайцза с такой же надписью, как и на предыдущей пайцзе...

Чиновники, управляющие провинциями (чжоу), называются цзе-ши. Те богатыри, которые стоят [в карауле] по обеим сторонам [Чингисхана] с луками и стрелами и знаками достоинства, называются гвардейцами.

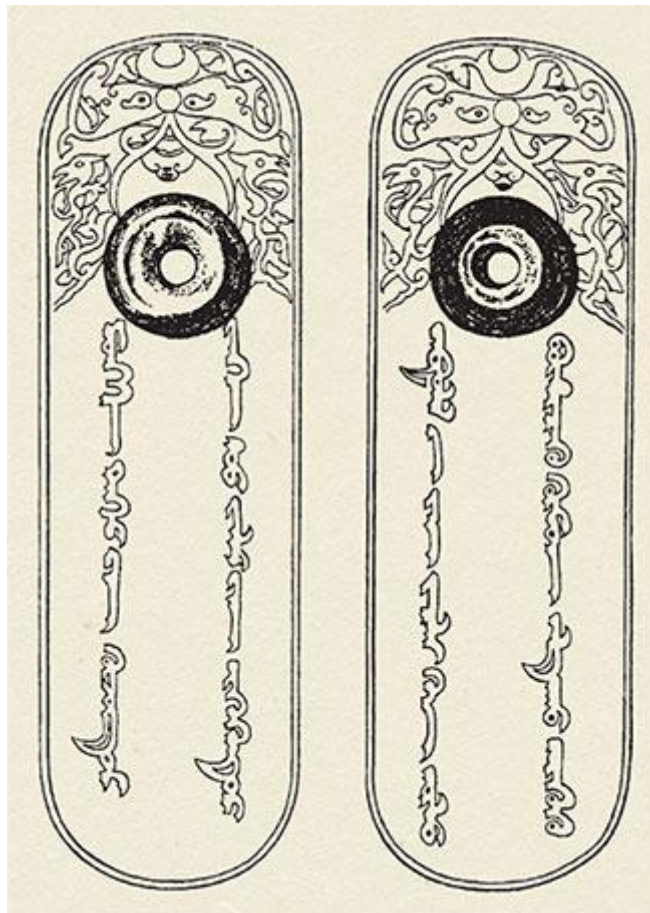
XII. Нравы

Татары презируют старость и уважают бодрость; у них не в обычае частые ссоры и драки. Первого числа первой луны они непременно поклоняются Небесному Владыке^[307]...

Они любят угощения. Всякий раз, когда правитель Мухали возвращался из военного похода, он несколько дней кряду пировал [попеременно] у своих жен; то же делают и подчиненные ему нойоны.

Татары, по большей части, имеют обычай не мыть рук и хватаются ими [во время еды] за рыбу и мясо; когда жир пристает к рукам, то обтирают их о свои кафтаны. Платье их не снимается (т. е. не меняется) и не стирается до тех пор, пока не износится. Женщины иногда намазывают себе шею (или лоб, но здесь, очевидно, лицо) желтыми белилами; они ходят поныне без перемены в старинном (традиционном) китайском костюме.

Все, начиная от Чингиса до простолюдина, подобно китайским детям, бреют окружность головы, оставляя три пучка, из которых тот, что спадает со лба, подстригают, когда он отрастает. Два других по бокам заплетают в косы и спускают на плечи.

Монгольские пайцзы – древний символ власти в Азии

ХIII. Военные принадлежности и оружие

В знак присутствия Чингиса водружают большое знамя, все белое; кроме этого, нет других знамен и хоругвей; но также бывает и зонт: он делается из желтой или красной материи.

Троном служит монгольский диван (ху-чуань) с драконовыми заголовками, обложенный золотом.

Правитель (гуй ван Мухали) иногда употребляет серебряный стул, что и служит отличием [его от других]; седло и подпруга (сбруя), так же, как и у хана, украшаются золотом и фигурами свернувшегося дракона.

Ныне [Чингисхан] употребляет только одно белое знамя о девяти хвостах (бунчуках). В середине его изображена черная луна; оно водружается, когда отправляются в поход. Говорят, что, кроме него, только у одних главнокомандующих бывает по одному знамени. Только у одного царя употребляется барабан, в который бьют, когда вступают в сражение.

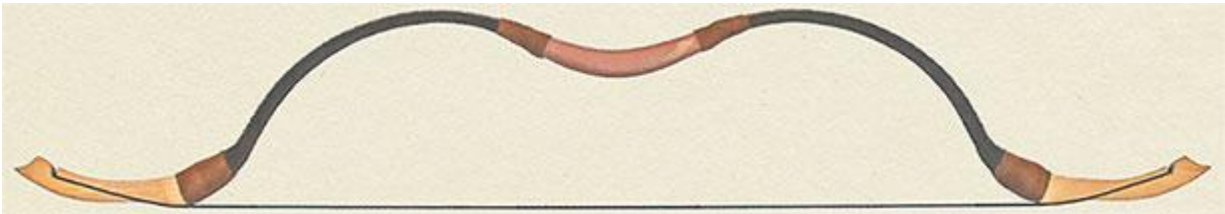
Седло делается из дерева; оно весьма легко и искусно сделано...

На стрелы употребляют песчаную иву; сабли весьма легки и тонки; они выгнуты.

XV. Жертвоприношения (религия)

Всякий раз, когда гадают о счастье или несчастье, о каком-нибудь предприятии или военном нападении, употребляют баранью лопатку: разламывают ее железным молотком или в огне и по излому и трещинам заключают об успехе. Это похоже на [китайское] гадание на черепашьем черепе.

Всякий раз, когда они пьют вино, сперва потчуют (друг друга). Они обыкновенно весьма чтут Небесного Владыку и Мать-Землю; во всяком деле упоминают о Небесном Владыке (т. е. призывают Небесного Владыку в свидетели); услышав гром, весьма пугаются и не смеют идти с войском, говоря, что такова воля Всевышнего Тэнгри.

Монгольский лук

XVI. Женщины

По их обычаю при выступлении в поход как богатые, так и бедные берут с собой и женщин, которые сами говорят, что они нужны для присмотра за багажом (постелью), платьем, вещами и деньгами. На женщинах лежит исключительная обязанность ставить юрты, принимать лошадей, седлать их, присматривать за скарбом, верблюдами и проч. Они весьма искусны в езде (на лошади)...

Мужчины и женщины садятся [на пиру вместе] без всякого разбора и без всякого запрета, потчуют друг друга...

Путешествие на запад ^[308] монаха Чан Чуня ^[309]; описано учеником его Чжень Чан Цзы ^[310] по имени Ли Чжи Чан ^[311] (фрагменты)

...Император Чин ги сы (Чингисхан) отправил своего приближенного ^[312] Лю чжун лу ^[313] с тигроголовой золотой дощечкой ^[314], на которой написано было: «Предоставляется полновластно распоряжаться, как бы я сам путешествовал» ^[315]; с ним было двадцать человек монголов; он объявил повеление [Чингиса] с усердным приглашением учителя (Чан Чуня) к себе:

Послание Чингиса ^[316]

«Всевышний Тэнгри отверг Китай за его чрезмерную гордость и роскошь. Я же, обитая в северных степях, не имею в себе распутных наклонностей; люблю простоту и чистоту нравов; отвергаю роскошь и следую умеренности; у меня одно платье, одна пища; я в тех же лохмотьях ^[317] и то же ем, что коровы и конские пастухи; я смотрю на народ, как на детей; забочусь о талантливых, как о братьях; мы в начинаниях согласны, взаимная любовь у нас издавна; в обучении тем я наперед других; в ратных боях не думаю о заде.

В семь лет я совершил великое дело и во всех странах света утвердил единодержавие. Не оттого, что у меня есть какие-либо доблести, а оттого, что у гиньцев (чжурчжэней) правление непостоянно, я получил от Неба помощь и достиг престола. На юге – Суны, на севере – Хой хэ, на востоке (?) – Ся, на западе – варвары, – все признали мою власть. Такого царства еще не было с давних времен наших... ^[318]

Но звание велико, обязанности важны, и я боюсь, что в правлении моем чего-нибудь недостает; при том строят судно и готовят весла для того, чтобы можно было переплыть через реки; подобно тому, приглашают мудрецов и избирают помощников для успокоения Вселенной^[319]. Я со времени наследования престола усердно занимаюсь делами правления, но не видел еще достойных людей для занятия санов трех гунов и девяти чинов^[320].

В сих обстоятельствах я наведалься, что ты, учитель, сроднился с истиною и шествуешь по правилам; многоученный и опытный, ты глубоко изведаль законы; твоя святость прославилась и доблести проявились; ты хранишь строгие обычаи древних мудрецов и обладаешь прекрасными талантами высших людей; издавна привитаешь в скалах и ущельях и скрываешь себя [от мира]; ты прославляешь просвещение предков; ты привлекаешь к себе людей, обладающих святостию, которые, как облака, шествуют к тебе стезей бессмертных в неисчислимом множестве.

Я беспрестанно думал о тебе. Но что мне делать? За обширностию гор и долин я не могу сам встретить тебя. Я только схожу со своего места и стою подле^[321]; постился и омылся^[322], избрал своего приближенного Лю чжун лу, приготовил легких всадников и простой экипаж^[323] и, не страшась тысяч ли, прошу тебя подвинуть святые стопы твои; не думай о дали песчаных степей; или пожалей о народе, по современному состоянию дел, или из милости ко мне, сообщи мне средства сохранения жизни. Я сам буду прислуживать тебе. Я мечтаю, что ты отыгнешь мне хоть остатки и скажешь мне хоть одно слово; но и этого довольно.

Теперь я несколько выразил мои задушевные мысли, надеясь, что они сколько-нибудь ясны в настоящей грамоте. Надеюсь, что ты, проявив сущность великого Дао, сочувствуешь всему доброму и, конечно, не поперечишь желаниям существ. Посему настоящее повеление должно быть вполне ведомо. 5-й луны 1-го числа».

Пока учитель раздумывал об этом, Чжун лу говорил ему: «Имя твое уважается в четырех морях^[324]. Император нарочно отправил меня пройти горы и моря и не положил срока года и луны, только чтобы дошел до тебя».

Учитель сказал ему: «Со времени войны, и там и здесь, всюду границы^[325]; ты, путешествуя с такими опасностями, подлинно потрудился».

Чжун лу отвечал: «Получив высочайшее повеление, мог ли я не употребить всего усердия моего».

Учитель, зная, что нельзя отказаться, подумав, сказал Чжун лу: «Здесь трудно доставать продовольствие; вы отправьтесь в Иду и, обождав, пока я кончу служение по случаю Шан юаня^[326], пришлите за мной 15 вершников, с коими я и отправлюсь 18-го числа».

Вследствие того посланец отправился со всей свитой на запад в Иду.

Учитель заблаговременно избрал из своих учеников 19 человек и ожидал прибытия провожатых. В назначенный срок вершники прибыли, и он отправился с ними в путь.

Узнав, что Чингис переходит на запад^[327], и опасаясь, что по преклонности лет ему трудно будет переносить непогоды, он хотел обождать возвращения Императора из похода и тогда явиться к нему.

Чжун лу хотел было взять с собой набранных им девиц^[328], но учитель воспротивился этому. Тогда Чжун лу отправил Хэла^[329] с донесением к государю; учитель также отправил человека к нему с адресом^[330].

Адрес Чан Чуня

«Дэн чжоуский из Сися сян; стремящийся к Дао, Цю чу цзи, получил недавно Высочайшее повеление издалика. Весь бездарный приморский народ неразумен. Представляя себе, что в делах жизни я туп, в деле изучения Дао не успел, трудился всевозможным образом, состарился и не умер, что хотя слава обо мне распространилась по государствам, но по святости я не лучше обыкновенных людей, внутренне я мучусь стыдом; тайные мысли кто ведаёт? Прежде из южной столицы (империи Цзинь) и от Сунов несколько раз были ко мне приглашения, но я не пошел туда, а ныне, по первому зову Драконова двора^[331], я иду, почему же?»

Я слышал, что Царь одарен от Всевышнего Тэнгри мужеством и мудростию, превосходящею древность и нынешние времена; правота в нем помогает чудесному величию; китайцы и варвары покоряются ему; посему я хотел сначала скрыться в горах или уйти в море, но не решился противиться повелению и счел необходимым бороться со снегами и инеями, намереваясь единожды представиться.

Я слышал, что ваша колесница отправляется далеко, неизвестно за сколько тысяч ли. Ветер и пыль непрерывны, небо помрачено, а я стар и слаб, не могу выносить [трудов] и весьма боюсь, что по такому пути не дойду. Если же и буду к Царю, то дела военные и государственные не в моих силах. По духу Дао надобно обуздывать страсти, а это дело весьма трудное, поэтому я совещался с полномочным Лю чжун лу и говорил, что лучше мне остановиться и обождать в Пекине или Дэ-син-фу и наперед отправить человека донести о том. Но Лю чжун лу не согласился; поэтому я сам вынужден был писать особое донесение. Представляя себе, что я решился исполнить волю и отправился вдаль, на ветры и иней, я прошу Царя заблаговременно ниспослать милостивое повеление и решить, должно или нет мне ехать.

Мы вчетвером поступили в монашество; трое достигли святости; только я попусту слышу за святого. Вид мой высохший, тело истощенное. Ожидаю святого решения. В год Дракона, 3-й луны (1220)».

Вскоре прибыл Али сянь из ставки великого князя Огинь ^[332] с приглашением учителя к нему; вслед за тем прибыл также Сюань фу Ван гун Цзюй чуань, говоря, что, по особому повелению великого князя, он просит учителя, если он поедет на запад, заехать к нему. Учитель сделал утвердительный знак головой. В этой луне, во время прогулки в северные горы Ван-шань, возвратился посланец Хэла, отправленный к Чингису с адресом. Он привез учителю повеление со следующим предписанием:

Чингис-император – Учителю Цю (Чан Чуню)

«С удовольствием прочитал я уведомление твое о том, что, согласно с моим повелением, ты отправился в путь, и все прописанное тобою принял к сведению. Ты святостию превосходишь трех мудрецов; твои доблести гремят во многих странах; поэтому я послал сановника с пригласительным даром ^[333], на почтовых, искать тебя у океана. Случай был согласен с моими желаниями; Небесный Владыка не воспротивился человеку.

Два двора несколько раз приглашали тебя, но ты не пошел к ним; но когда мой один посланец пригласил тебя однажды, ты восхотел подняться с места. За то, что я воздвигнут Всевышним Тэнгри, ты сам пошел ко мне. Ты не отказался переносить на открытом воздухе ветер и иней и сам решился пройти песчаные степи. Когда твое писание представлено было мне, нечего говорить, как я был рад и доволен.

Дела ратные и государственные не в моем желании, а мысли в духе Дао дэ, искренно скажу, заслуживают уважения. За непокорность тех глав (правителей государств) я громлю их грозно; только приходит моя рать, дальние страны усмиряются и успокаиваются. Кто приходит ко мне, тот со мной; кто уходит, тот против меня. Я употребляю силу, чтобы достигнуть продолжительного покоя временными трудами, надеясь остановиться, как скоро сердца покорятся мне. С этой целью я нес и проявляю грозное величие и пребываю среди колесниц и воинов.

Я снова представляю себе, что облачная колесница твоя уже тронулась с Пын-лая и что ты можешь направить путь, на журавле, в Индию. Да мо пришел на Восток, чтобы запечатлеть истины преданием духа учения; Лао ши шествовал на Запад, чтобы и варваров просветить и возвести на степень святости. Хотя равнины и широки, но недалеко узреть мне стол и посох твой. Поэтому и отвечаю на твое послание, чтобы тебе ведомы были мои мысли. Надеюсь, во время пути ты будешь благополучен и здоров; о прочем не распространяюсь».

Такие знаки уважения получил учитель. В повелении на имя Лю чжун лу также было сказано: «Не заставляй Чан Чуня голодать и утомляться, заботься о нем и путешествуй с ним помаленьку».

Третьей луны пятого числа мы поднялись с места и ехали на северо-восток; по всем сторонам, вдали, виднелись людские обиталища, состоявшие из черных телег и белых юрт ^[334]; жители переходят с места на место, смотря по тому, где есть вода и трава для пастбища, по возвышенностям и низменностям не было более ни одного дерева; во все стороны виднелись только желтоватые облака и блеклое растение...

Четвертой луны первого числа мы прибыли в ставку великого князя Огиня ^[335]; тогда лед только что таял, и на почве появились ростки растений. В то время происходило там брачное празднество. Старшины окрестных кочевий, в окружности на 500 ли, приехали с кобыльим молоком, для вспоможения ^[336]. Черные телеги и войлочные юрты стояли рядами, в числе нескольких тысяч.

Седьмого числа учитель представлялся великому князю, который спрашивал его о способах продления жизни^[337]. Учитель ответил, что надобно наперед попоститься, а потом уже слушать его наставления; решено было дать наставления в пятнадцатое число, но в назначенный день выпал большой снег, поэтому дело не состоялось.

Великий князь сказал: «Император послал нарочного за тобой, за 10 000 ли, желая слышать твои наставления. Как же я осмелюсь прежде его слушать тебя?»^[338]

Вместе с тем он приказал Али сяню, по представлению Чингису, на обратном пути заехать к нему с учителем.

Семнадцатого числа великий князь прислал на подъем быков и лошадей, до сотни, да десять телег. Путь наш лежал на северо-запад.

Далее мы путешествовали десять дней; в летний поворот солнца тень от него, по нашему измерению, была три фута и шесть или семь вершков. Мало-помалу показались пики высоких гор^[339]. Отселе на запад постепенно были горы и холмы; обитателей весьма много; все они тоже живут в черных телегах и белых юртах. Обычные занятия их суть скотоводство и звероловство. Одеваются в кожаное и меховое платье, питаются мясом и молоком. Мужчины и девицы связывают волосы и опускают их на уши. Замужние женщины надевают на голову бересту, фута в два вышиной, и весьма часто накрываются сверху черной шерстяной фатой, а богатые женщины – красной сырцовою фатой; хвосты этих шапок походят видом на гуся или утку и называются гугу^[340]; они весьма боятся, чтобы кто-нибудь неосторожно не наткнулся на эти шапки, и входят в юрты или выходят из них, нагнувшись вниз и задом.

Народ этот не знает письменности; договариваются только на словах и заключают контракты нарезыванием меток на дереве^[341]. Встретив обед, они без церемонии садятся вместе с хозяевами; во время бедствий бегут наперерыв; приказаний никогда не слушаются и, давши слово, не изменяют ему; у них остались следы нравов глубокой древности...

С рассветом мы снова отправились вдоль южных гор, на которых мы усматривали снег. Станционные сказывали, что на севере этих снежных гор стоит Балгасун Тянь чжень хая^[342]; Балгасун по-нашему значит город; в нем есть хлебные магазины; посему он называется также Цан Тоу (т. е. магазин).

Седьмой луны двадцать пятого числа живущие здесь ремесленники и рабочие из китайцев^[343] толпой вышли навстречу учителю; все они были в восторге, восклицали и кланялись ему и пошли наперед его с разноцветными хоругвями, цветными зонтами и душистыми цветами... На другой день посетил учителя Чжень хай с северной стороны гор Абу хань^[344].

Учитель, в разговоре с ним, говорил ему: «Хотя я уже в преклонных летах, однако ж, повинуюсь двукратному, настоящему повелению императора, отправился в далекий путь; я проехал несколько тысяч ли, прежде, чем достиг управляемой тобою страны. В Шамо^[345], большей частью, не занимаются земледелием; поэтому я обрадовался, увидев здесь зрелые жнивы. Хотелось бы провести здесь зиму и обождать возвращения императора. Как вы думаете об этом?»...

Чжень хай сказал: «Недавно было повеление императора всем начальникам мест, дабы они, если учитель будет проезжать у них, не замедляли его путешествия; очевидно, что он желает скорее видеть тебя. Если ты останешься здесь, то вина будет на мне. Я решился ехать вместе с тобою; что же тебе нужно, я, разумеется, не смею не позаботиться».

Учитель сказал на это: «Если такова судьба, то остается избрать день для отъезда».

Чжень хай сказал: «Впереди будут высокие и крутые горы и обширные болота, где нельзя проехать в экипаже; надобно будет сократить число телег и спутников и ехать налегке верхом»...

Восьмого числа, взяв с собой десять учеников, на двух телегах и в сопровождении двадцати с лишком станционных монголов, учитель отправился около великих гор на запад...

В третьей луне (1222 года), в первой декаде, прибыл из ханской ставки Али-сянь с таким повелением Императора: «Святой муж! Ты пришел из страны восхода солнца, пробрался с трудом через горы и долины и утрудился крайне. Теперь я уже возвращаюсь (в Монголию) и нетерпеливо желаю слышать толкование Дао; не поленись встретить меня».

На имя посланца Чжун лу было следующее повеление: «Ты, с моим повелением, проси его; если ты угодишь моей мысли – после я поставлю тебя на доброй земле»^[346].

Потом было повеление Чжень хаю: «Ты, сопровождая и сберегая учителя тщательно, заслужил мое благоволение».

Вместе с тем повелено темнику Бо лу чжи (возможно, Борчу) с тысячью латниками сопровождать его при проходе через Железные ворота^[347].

Потом, через четыре дня, мы прибыли в ханский стан. Хан выслал навстречу учителю вельможу Хэла бодэ. Это было в пятый день четвертой луны.

Когда устроено было помещение для учителя, он представился Императору^[348]. Хан приветствовал его, говоря ему: «Другие дворы приглашали тебя^[349], но ты отказался; а теперь пришел сюда из-за десяти тысяч ли; мне это весьма приятно».

Учитель отвечал: «Что горный дикарь пришел сюда по повелению Вашего Величества, то воля Неба (Всевышнего Тэнгри)».

Чингис был доволен; он пригласил его сесть и приказал подать ему кушанья; потом спросил его: «Святой муж! Ты пришел издалека; какое у тебя есть лекарство для вечной жизни, чтобы снабдить меня им?»

Учитель отвечал: «Есть средства хранить свою жизнь, но нет лекарства для бессмертия»^[350].

Чингисхан весьма похвалил его чистосердечие и прямоту. Он приказал приготовить две юрты для его проживания, на восток от ханской [юрты].

Переводчик спросил его (Чан Чуня)^[351]: «Люди называют тебя Тэн ги ли мэн гу кун (т. е. небесным человеком)^[352], ты сам так назвал себя или другие дали тебе это имя?»

Учитель отвечал: «Горный дикарь не сам назвался так; другие дали мне это имя».

Переводчик опять подошел с вопросом: «В прежнее время как называли тебя?»

Учитель доложил: «Нас было четыре человека, изучавших Дао под руководством учителя Чун яна; трое уже вознеслись; остался в мире только горный дикарь; люди называли меня Сянь шен»^[353].

Хан спросил Чжень хая: «Какое дать наименование святому мужу?»

Чжень хай отвечал: «Иные, из уважения к кому-нибудь, называют его наставником и святым мужем; другие – бессмертным».

Император сказал: «С сих пор пусть он будет называться бессмертным».

В то время, по случаю жары, он (Чан Чунь) последовал за Императором в снежные горы, куда Чингис на то время удалился.

Император назначил для слушания наставлений Чан Чуня четырнадцатое число четвертой луны (1223 года)^[354].

22-го числа встречал учителя Чжень хай, с которым и прибыли в ханскую ставку. Хан опять прислал Чжень хая спросить учителя: хочет ли он тотчас же представиться или желает несколько отдохнуть? Учитель отвечал, что он желает представиться.

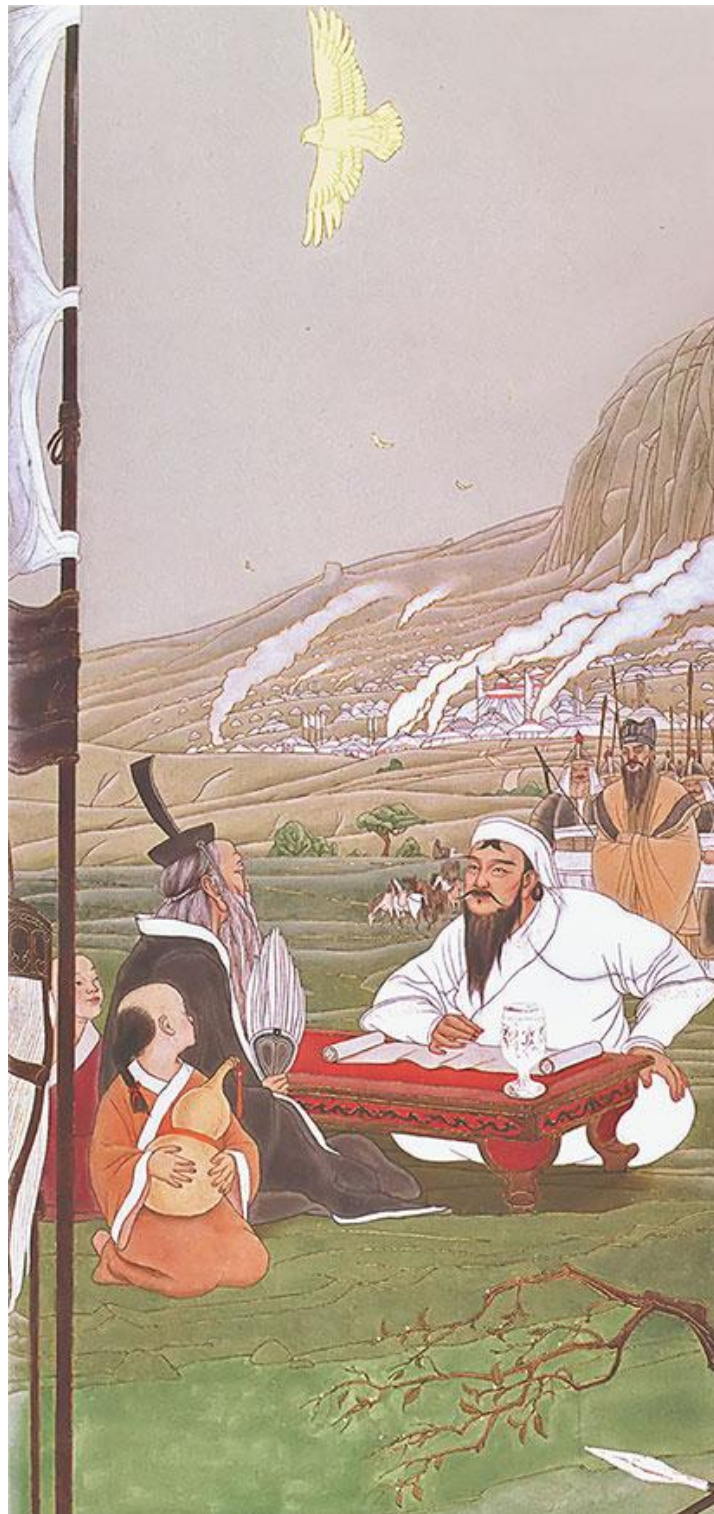
Надобно заметить, что даосы с самого начала, являясь к хану, не становились пред ним на колени и не били земных поклонов, а, войдя в юрту, только наклонялись и складывали ладони^[355].

По окончании представления хан пожаловал учителю кумысу, но учитель решительно отказался пить. Когда Чингисхан спросил его, всего ли было достаточно для него в городе, где он жил, – учитель отвечал, что в прежнее время снабжали его продовольствием монголы, Хой хэ и тайши, а в последнее время с продовольствием было несколько труднее; тайши один снабжал его оным.

На другой день хан опять прислал ближнего сановника Хэ чжу передать учителю повеление хана, коим спрашивал его, – не хочет ли он каждый день являться к нему обедать. На что учитель отвечал: «Горный дикарь – подвижник; люблю уединение».

Хан позволил ему жить по воле. Двадцать седьмого числа хан тронулся в возвратный путь на север; во время пути он часто жаловал учителю виноградного вина, дынь и закусок.

Девятой луны первого числа (сентябрь 1223) переехав через плавучий мост, мы направились на север. Учитель доложил хану, что так как время беседы наступает, то не благоугодно ли будет ему призвать тайши Ахая (Елюй Чу-цай).

Чингисхан беседует с даосским монахом Чан Чунем

Пятнадцатого числа этой луны хан приготовил палатку и убрал ее; прислужницы были удалены; по обе стороны зажжены свечи, которые распространяли кругом свет; только Шэ либи и Чжень хай и посланник Чжун лу стояли вне. Учитель вошел в палатку с тайши Ахаем и Али сянем и сел; потом сказал Императору: «Чжун лу проехал со мной десять тысяч ли, а Чжень хай сопровождал меня несколько тысяч ли. Не благоугодно ли будет позволить и им быть в палатке и слушать духовные речи?»

Хан повелел им войти. То, что говорил учитель, хан приказал тайши Ахаю передавать ему на монгольском языке. Слова его были крайне приятны и по мысли Чингиса^[356].

Девятнадцатого числа, в ясную ночь, он позвал его опять; учитель объяснял ему учение. Хан чрезвычайно был доволен. Двадцать третьего числа снова пригласил его в палатку, с такими же знаками уважения; он слушал учителя с видимым удовольствием, повелев присутствующим записывать его слова; кроме того, приказал изложить их китайским письмом, для того чтобы не забыть их.

Он сказал присутствовавшим: «Шень сянь три раза объяснял мне средства к поддержанию жизни; я глубоко вложил его слова в сердце; не нужно разглашать их вне».

Затем, вслед за ханом, отправились мы на восток. Временами учитель просвещал его учением. Потом, через несколько дней, прибыли к большому городу Семи-сыгань и остановились на юго-запад от него, в тридцати ли. Десятой луны первого числа учитель просил у хана позволения заранее возвратиться на прежнюю квартиру; хан согласился.

Хан же остановился станом на восток от города в двадцати ли. 6-го числа этой луны учитель представлялся хану вместе с тайши Ахаем.

Хан сказал: «Присутствующим можно не уходить?» Учитель сказал: «Ничего, пусть остаются». Затем, через тайши Ахая, говорил хану: «Горный дикарь, упражняюсь в Дао уже много лет; люблю постоянно в уединенных местах ходить и сидеть; перед царскою же палаткой господствует шум от ратников, так что мой дух неспокоен, посему да позволено мне будет с сих пор ехать по воле или наперед, или позади. Это будет большою милостью для горного дикаря». Хан позволил.

Хан спросил учителя о громе. Он отвечал: «Горный дикарь слышал, что подданные твои летом не моются в реках, не моют платья, не делают войлоков и запрещают собирать на полях грибы, — все для того, что боятся небесного гнева^[357], но это не составляет уважения к Небу. Я слышал^[358], что из трех тысяч грехов самый важный — непочтительность к родителям. Поэтому то Небо показывает угрозу. Теперь же я слышал, что подданные твои, большею частию, не уважают своих родителей. Хан, пользуясь силою и доблестями своими, благоволит исправить свой народ».

Хан был доволен и сказал: «Слова твои мне по сердцу» — и приказал записать хойхэскими письменами^[359].

Учитель просил обнародовать о том подданным; хан согласился. Потом хан собрал царевичей, князей и вельмож и сказал им: «Китайцы чтят Шень сяня, как вы чтите Небо; я теперь еще более убедился, что он действительно небесный человек». Затем объявил им все, что учитель прежде и после говорил ему, и сказал: «Небо внушило ему то, что он говорил мне. Вы, каждый, запишите то в своем сердце».

Второй луны в первое седьмое число (февраль 1224 года) учитель представлялся хану и говорил: «Горный дикарь, отправляясь с приморья, дал слово возвратиться через три года; теперь в этот третий год я решительно желал бы возвратиться в свои горы».

Хан сказал: «Я сам пойду на восток; хочешь ли идти вместе?»

Учитель сказал: «Лучше мне идти наперед. Когда я отправлялся сюда, китайцы спрашивали горного дикаря о времени возвращения, на что я сказал: через три года. Теперь все, чего хотел от меня хан, объяснено и кончено». Посему он снова настоятельно просил позволения откланяться.

Хан сказал: «Подожди немного, дня три или пять, когда приедут царевичи. Когда я пойму то, что осталось непонятным в прежних беседах, тогда ступай».

Восьмого числа хан охотился у восточных гор. Когда он стрелял в одного большого вепря, лошадь его споткнулась, и он упал с лошади. Вепрь остановился вблизи, не смея приблизиться; свитские тотчас подвели ему лошадь; охота прекратилась, и хан возвратился в ставку.

Узнав о том, учитель представлялся ему и говорил: «Небесный Владыка хочет, чтобы мы берегли свою жизнь; теперь у святого^[360] лета уже преклонны; надобно поменьше охотиться; падение с лошади есть указание Всевышнего Тэнгри; а то, что вепрь не смел подвинуться вперед, есть знак покровительства Небесного Владыки».

Хан отвечал: «Я сам уже понял это; твой совет весьма хорош. Мы, монголы, с ранних лет привыкли стрелять верхом и не можем вдруг оставить эту привычку. Впрочем, слова твои я вложил в сердце».

Хан, обращаясь к Гисили дала ханю^[361], сказал: «На будущее время я во всем последую советам его».

Действительно, два месяца он не отправлялся на охоту.

Двадцать четвертого числа учитель снова просил разрешения откланяться. Хан сказал ему: «Я подумаю, что бы подарить тебе на прощанье; подожди еще немного».

Учитель, видя, что ему нельзя тотчас раскланяться, волею или неволею остался ждать. Третьей луны седьмого числа он опять просился. Чингис пожаловал ему коров и коней и прочее, но учитель ничего не принял, сказав, что для него достаточно почтовых лошадей.

Хан спросил переводчика Али сяна: много ли у него (Чан Чуня) в Китае учеников?

Тот отвечал: «Весьма много; когда он ехал сюда и был в Дэсинфусской кумирне Лун ян гуань, то я постоянно видел, как местное начальство заставляло их (последователей Чан Чуня) исправлять повинности».

Хан сказал: «Надобно избавить всех его последователей от повинностей». И он пожаловал ему грамоту («Святое повеление», приводимое ниже) с императорским указом, с приложением императорской печати^[362].

Святое повеление

Царя Чингиса повеление начальникам всех мест: «Какие есть у Цю шень сян (Чан Чуня) скиты и дома подвижничества, в них ежедневно читающие священные книги и молящиеся Небесному Владыке пусть молятся о долгоденствии Царя на многие лета; они да будут избавлены от всех больших и малых повинностей, оброков и податей; скиты и дома монахов, принадлежащих Цю шень сян, во всех местах да будут избавлены от повинностей, податей и оброков; вне сего кто будет, ложно называя себя монахом, под незаконным предлогом отказываться от повинностей, того доносить властям и наказывать по усмотрению.

По получении настоящего повеления да не осмелятся изменить и противиться оному. Для чего и дано сие свидетельство».

В год Гуй вэй (Овцы), третьей луны (с приложением императорской печати), (?) дня (1224).

Посему повелел Али сянью быть Сюань Чаем (императорским посланцем), а помощников ему назначил Мэн гу дая и Гэла Бахая – для сопровождения учителя, при возвращении его на восток.

Десятого числа учитель, после представления хану, отправился в путь. Начиная с Да ла ханя до низших чиновников все провожали его несколько десятков ли, с виноградным вином и редкими плодами. При расставании все утирали слезы...

Из грузинских источников

О татарах и Чингисхане^[363]

В восточной части Чин-Мачина, в земле, называемой Каракорум, появились чудные люди, странные по обхождению, обычаям, нраву и виду. Нигде в древних книгах о них не упоминается. Они отличались языком, лицом, образом жизни; не знали хлеба, питались мясом и молоком животных; телом статны, мужественны и крепки. Глаза у них сами по себе малые, но снаружи растянуты и велики; голову имели большую, волосы черные и густые, лоб широкий и нос столь малый, что щеки были выше его, и только небольшие ноздри были заметны. Но удивительно, что, при столь неблагообразном лице, все мужчины и женщины имели некоторую особенную красоту; при том отличались они бодростью и искусством стрелять из крепких луков, удару которых не могло противостоять никакое вооружение. Особенно они были бодры на лошади, ибо и воспитание получали на лошадях; кроме лука и стрел, другого оружия они не имели. Были люди сии удивительны: с первого взгляда казались они недалекими, но на самом деле они были исполнены всякой мудрости и благонравия. Говорили они мало, и ни одного лживого

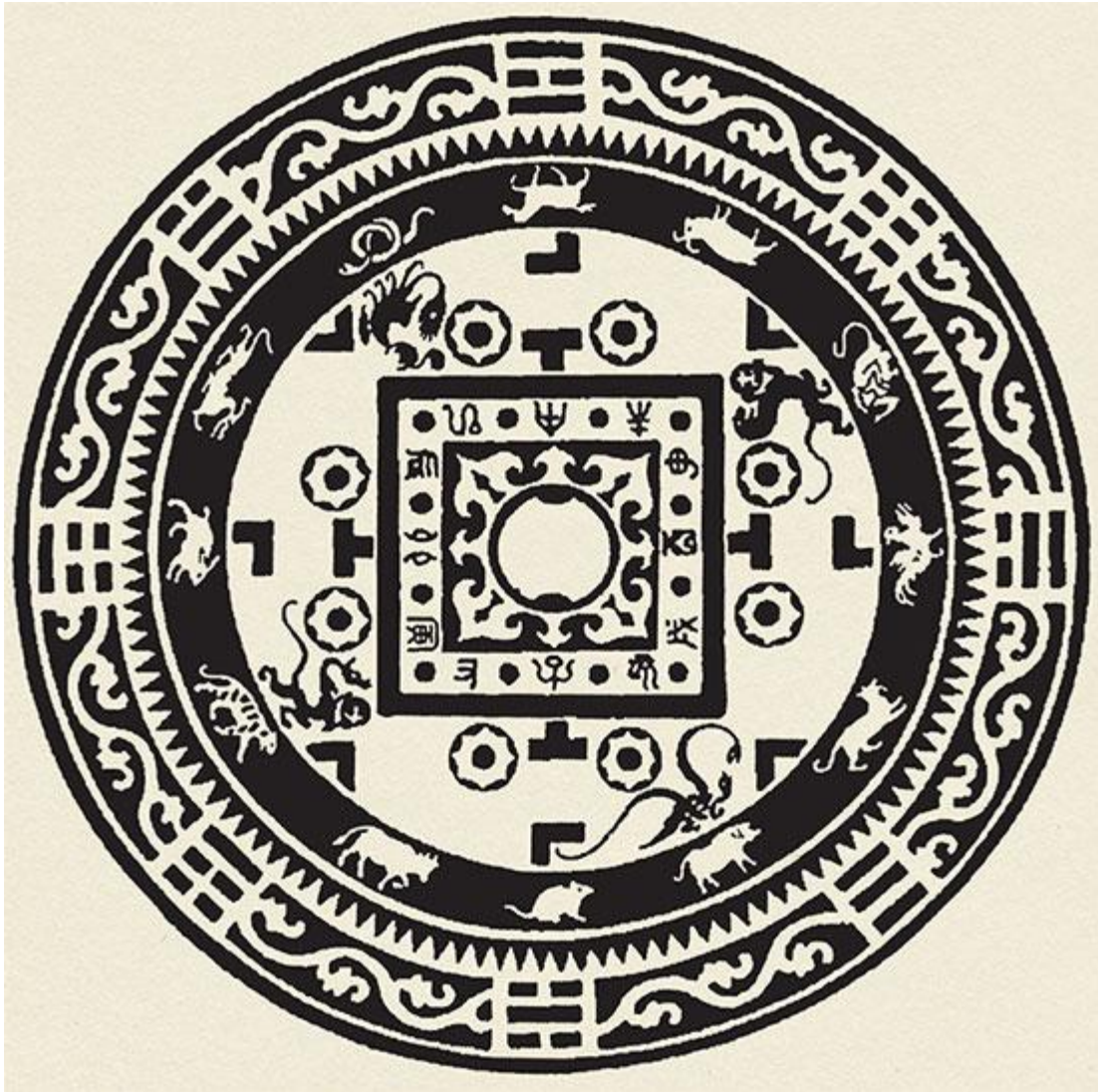
слова не было слышно между ними. Не льстили они ни какому лицу – ни малому, ни великому, ибо строго следовали порядку, введенному у них Чингисханом.

Религия их состояла в поклонении единому, вечному Божеству. Молясь ему, они обращались лицом к востоку, три раза становились на колени и кланялись. А, кроме того, щелкали средним пальцем по ладони и более ничего. Бога на своем языке называли Тенгри. Всякое послание начинали они словами: «Мангу Тенгри Кучундур», то есть: «Силою вечного Тэнгри».

Они изобрели письмо весьма удобное и легкое, (их алфавит) насчитывает шестнадцать букв. (Монголы) ввели в употребление собственное исчисление времени (календарь) с двенадцатилетним циклом, каждый год которого назван именем животного... Имена сих животных (названия годов) следующие: Калгун-джиль, Окур-джиль, Барсиль-джиль, Тавлин-джиль, Луиль-джиль, Могил-джиль, Морин-джиль, Кони-джиль, Мечин-джиль, Таган-джиль, Нокин-джиль, т. е. (год) мыши, коровы, тигра, зайца, дракона, змеи, лошади, овцы, обезьяны, курицы, собаки и свиньи. По истечении двенадцати лет (цикла) отсчет времени начинался заново.

...Прежде (монголы), так же, как и ныне, делились на множество племен и родов... Сами же себя зовут они Мангулами, а Грузины называют их Татарами. Из сих Татар, из рода Киятов, явился муж, называемый Темурчи, который и есть Чингисхан. Был он сановит, крепок и бодр и собою прекрасен; ростом высок, рыжеват. Был он метким стрелком, предприимчивым, искусным, глубокомысленным (человеком); был мудр в советах и всегда добивался исполнения своих намерений... В то время, когда у Чингисхана было собрание (хурилдай) татар, явился некий странный человек – (шаман) из рода Тебтунов^[364]. Он предстал перед Чингисханом и сказал ему: «Я поднялся на гору, которую называют Балик^[365], и слышал волю Всевышнего Тэнгри. Он отдает тебе, Темурчи, и твоим воинам все земли. И нарек тебя Владыка Небесный Чингисханом!» И еще сказал (шаман) Чингисхану, чтобы и он шел на ту же гору. Взошел Чингисхан на гору, и там явился ему Иисус Христос, бог всех; и научил Бог его закону и правосудию, святости и истине, отречению от лжи, воровства и всякого (прочего) зла. И сказал ему Бог: «Если заповеди сии сохранишь, дам тебе и роду твоему всю землю. Иди и покоряй себе, что хочешь».

Придя в Китай, Чингисхан вошел в христианский храм. Увидев образ спасителя, немедленно повергся на землю, поклонился ему и сказал: «Вот человек, которого я видел на горе... Он был в сем образе. Он научил меня всем благим учреждениям». Вследствие чего, Чингисхан возлюбил и благословил его, храня твердо все данные ему заповеди...

Древнекитайское бронзовое зеркало с изображением знаков зодиака. Династия Хань. 206 г. до н. э. – 220 г.

Хронограф XIV века

...Узнав о том [приближении татар], высокий и величайший из всех царей хорезмшах, который в ту пору по обилию дней своих был стар, а султанство и бразды правления владениями находились в руках сына его Джалалдина, владевшего [страной] до Джеона^[366], Хорасаном и Ираном, призвал он [Джелал ад-дина] со всем его войском в шестьсот тысяч человек и двинулся на Чингисхана. Тот же выступил супротив хорезмшаха. Разразилась жестокая битва, в которой с обеих сторон было побито несчетное множество [людей], и были одолены хорезмийцы.

Но престарелый хорезмшах со своим небольшим отрядом оставался в рядах [сражавшихся], и татары окружили его. Видя это, сын его – султан Джалалдин – воин доблестный и храбрый, мужественный и бесстрашный, словно не из плоти, силач отменный и бесподобный в боях, с малочисленным отрядом пришел на выручку к отцу, мгновенно подхватил его, и бежали оба в Хорасан. После этого вновь и неоднократно бился Джалалдин [с татарами], а именно трижды связывался с ними за Джеоном и четырежды в Хорасане, по эту сторону Джеона. И так как из-за грехов наших господь отдал страну нашу татарам, был он осилён сполна и изгнан. Узнав о бегстве и сокрытии его в крепостях, Чингисхан отправил [в погоню] за ним двух вышеупомянутых предводителей, коих грузины именуют Себа и Джебо^[367]. Велел им пройти земли Хорасана и Ирака и, покуда хватило бы сил, разведать те страны. Двинулись же они с двенадцатью тысячами всадников, без доспехов и провианта, но только с луками и без мечей^[368].

Прошли они Туран, Джеон, Хорасан, Ирак, Адарбадаган и достигли Гандзы^[369]. И никто не противостоял [им]. Кто бы, где ни явился – побеждали всех. Достигли пределов Грузии, приступили к опустошению земель Гаги. Проведали об этом Варам Гагели^[370] и атабаг Иванэ^[371] и сообщили царю Лаше о вторжении чуждых племен, чуждых языков, опустошавших Сомхити^[372]. Царь же созвал войско свое, имеров и амеров^[373], и собрал девяносто тысяч конников. Двинулись на татар, стоявших на окраине [земель] Гаги. Затем примкнули к ним с большой ратью атабаг Иванэ вместе с племянником Шанше – сыном своего брата амирспасалара Закарэ, мсахурт-ухуцесом Варамом Гагели и выступили. Они же [татары], стоявшие лагерем на берегу Бердуджи^[374], ныне называемой Сагим, мигом оседлали коней и вступили в схватку. И разразилась битва жестокая. Половина татар бежала, а [другая] половина скрылась в засаде и нагрянула с тыла. И тут постиг нас гнев всевышний за безверие и прегрешения наши, и бежали грузины и воины их и сам царь Лаша, и погибло несметное число душ христианских. В бою этом великий атабаг Иванэ – самцхийский спасалар – еле спасся живым, и был убит сын мечурчлет-ухуцеса^[375] Кваркваре – отменный воин Бека^[376]. И тут постиг нас божий гнев сполна, настало обречение племени грузинского из-за обилия безверия нашего... Ибо поскольку потревожили мы господа делами злыми, постольку наполнил он сердца наши горем и посрамил нас пред врагами нашими.

А татары достигли Самшвиле^[377] и оттуда повернули обратно и содеяли нечто дивное: пошли по дороге Дарубандской^[378], и потому как не смогли противостоять им ни ширваншах^[379], ни дарубандцы, прошли врата Дарубандские и вступили в Кивчакию и навязали [здешнему населению] бой, и во многих местах бились с ними кивчаки, но повсюду одолели татары и так с боями удалились. И, как я уже говорил, без доспехов и на некованных лошадях, проделав подобный путь, пройдя Кивчакию и обогнув море Дарубандское, достигли Каракурума и предстали пред царем своим Чингисханом. И поступили они столь необычно – прошли все пути-дороги, выйдя из Каракурума, и без роздыха да на некованных лошадях вновь в него же вернулись.

Узнав о том, что татары одолели повсюду, Чингисхан отправил сыновей своих на розыски хорасанского султана Джалалдина. Проведав об этом, султан Джалалдин собрал войско и многожды вступал в схватку, как о том я говорил. Но, почуяв полное бессилие свое, снялся с места со всеми домочадцами своими и в сопровождении ста сорока тысяч воинов со всеми их семьями бежал от погони татар, и направились они в страну нашу...

Тут вернемся к прежде упомянутому Чингисхану. Как только татары достигли страны нашей, гонимый султан Джалалдин бежал и покинул царство свое. [Татары] легко прибрали к рукам Туран, Турцию^[380] и весь Хорасан. И поделил [Чингисхан] на четыре [части] армию свою и определил четырех сыновей ханами: первородному вручил половину воинства и отправил в Великую Кивчакию до [страны] Мрака, Осетию, Хазарию, Русь до болгаров и сербов, ко всем жителям Северного Кавказа, как о том говорено мною; второму же сыну – Чагатаю – отпустил воинов и страну уйгуров до Самарканда и Бухару до страны Алмотской; это, кажется, Туран; третьему сыну – Окота (Угэдю) – дал, собственно, престол свой, а также Каракурум, Чин-Мачин, страны Эмелийскую, Кутакскую и Хатаети; четвертого сына звали Тули; ему он выделил армию и земли к востоку [от владений] Окота. Сих четырех определил ханами и уведомил: раз в году братьям старшим являться к Окоте для созыва курултая, так как престол был отдан Окоте.

Устроив так сыновей, пришел в Туран и отправил сына своего меньшего Тули в Хорасан для разведывания. Переправился Тули через Джеон и вступил в Нишабур, где нишабурцы трижды вступали с ними в бой. В первом же сражении Тули захватил город, в котором отсек головы тремстам тысячам человек, в другой же раз – ста тысячам, а в третьем сражении – тридцати двум тысячам... Отправившись далее, сей Тули прошел Хорасан, Мазандаран, подступил к стране Иракской... Тули прошел Ирак до [самого] Казвина; разорил страну, истребил непокорных, удалился и прошел Хорасан, Джеон, вернулся и предстал пред отцом своим Чингисханом и братьями своими. Как только [Чингисхан] узнал о полном бегстве султана Джалалдина, позвал к себе своих ноёнов: Чармагана и Чагатая, Иосур и Бичо. Отвели им по десять тысяч воинов со [всеми их] домочадцами и отправили на розыски султана... Каждого [из них] уведомили, что всюду, куда бы они ни пришли, если их начинали молить о божьей милости, – шадить, а непокорных истреблять, и дань [подвластной им] страны делили вчетверо и посылали [также] своему государю.

Так что отправились четверо этих ноёнов – Чармаган, Чагатай, Иосур и Бичо, прошли Джеон и Хорасан с сорока тысячами воинов и с их домочадцами, достигли страны Алмотской, тут же вступили с ней в сражение и сильно ей навредили. Из этой страны отправились в Ирак и разорили его. Тех, что явились к ним [с повинной], щадили. Затем пришли в Адарбадаган, который есть Тавриз, вышел их встречать всякий адарбадаганец с несметными подношениями. Оттуда пришли в город Ардавель, они [жители города] также [покорно] вышли их встречать. Прошли Расхи и подступили к сильно укрепленному [городу] Гандзе, и в течение трех дней татары с боем прибрали его к рукам, ворвались внутрь города, разорили, истребили множество душ... Узнав об этом, султан спешно собрал всех домочадцев и бежал в Грецию. Татары же пустились за ним вслед и нагнали его в Басани; увидя [татар, хорезмийцы] рассеялись. Таким образом, султан остался один, добрался до какой-то небольшой деревушки и заснул под деревом. Заметил это некий человек ничтожный и убил его. Кушак, седло и колчан [султана] были отделаны драгоценными каменьями, и из-за них был умерщвлен сей человек – высокий и знаменитый государь, и тут же сполна завершилось царство великое...

Из армянских источников

Киракос Гандзакeci Краткая история периода, прошедшего со времени святого Григора до последних дней, изложенная Вардапетом Киракосом в Прославленной обители Гетик

Глава 11. О том, как поднялось татарское войско и обратило в бегство грузинского царя

В 669 (1220) году, когда грузины еще гордились победой, одержанной над мусульманами, у которых они отторгли множество армянских *гаваров*, неожиданно-негаданно появилось огромное множество войск в полном снаряжении и, пройдя быстрым ходом через Дербентские ворота, пришло в Агванк, чтобы оттуда проникнуть в Армению и Грузию. И все, что встречалось им в пути, – людей, скот и вплоть до собак даже – они предавали мечу. Драгоценную одежду и иное имущество, за исключением лошадей, они ни во что не ставили. Быстро продвинувшись до Тифлиса, они повернули обратно, пришли в Агванк, к границам города Шамхор. И распространилась о них ложная молва, будто они – *моги* и христиане по вере, [будто] творят чудеса и пришли отомстить мусульманам за притеснение христиан; говорили, будто есть у них церковь походная и крест чудотворный; и, принеся меру ячменя, они бросают ее перед крестом, [затем] оттуда все войско берет [корм] для лошадей своих, и [ячмень] не убавляется; а когда все кончают брать, там остается ровно столько же. Точно так же и с продовольствием для людей. И эта ложная молва заполнила страну. Поэтому население страны не стало укрепляться, а какой-то светский иерей, собрав прихожан своих, с крестами и хоругвями даже вышел навстречу им. И они предали их мечу – всех перебили. Таким образом, повсюду встречая беззаботных, они истребляли [население] и разорили многие местности. Сами же, упрятав свое имущество в укрепленной местности, называемой Бегамедж, что в болотах и топях, расположенных между двумя городами – Партавом и Белуканом, совершали оттуда стремительные набеги и разоряли многие *гавары*.

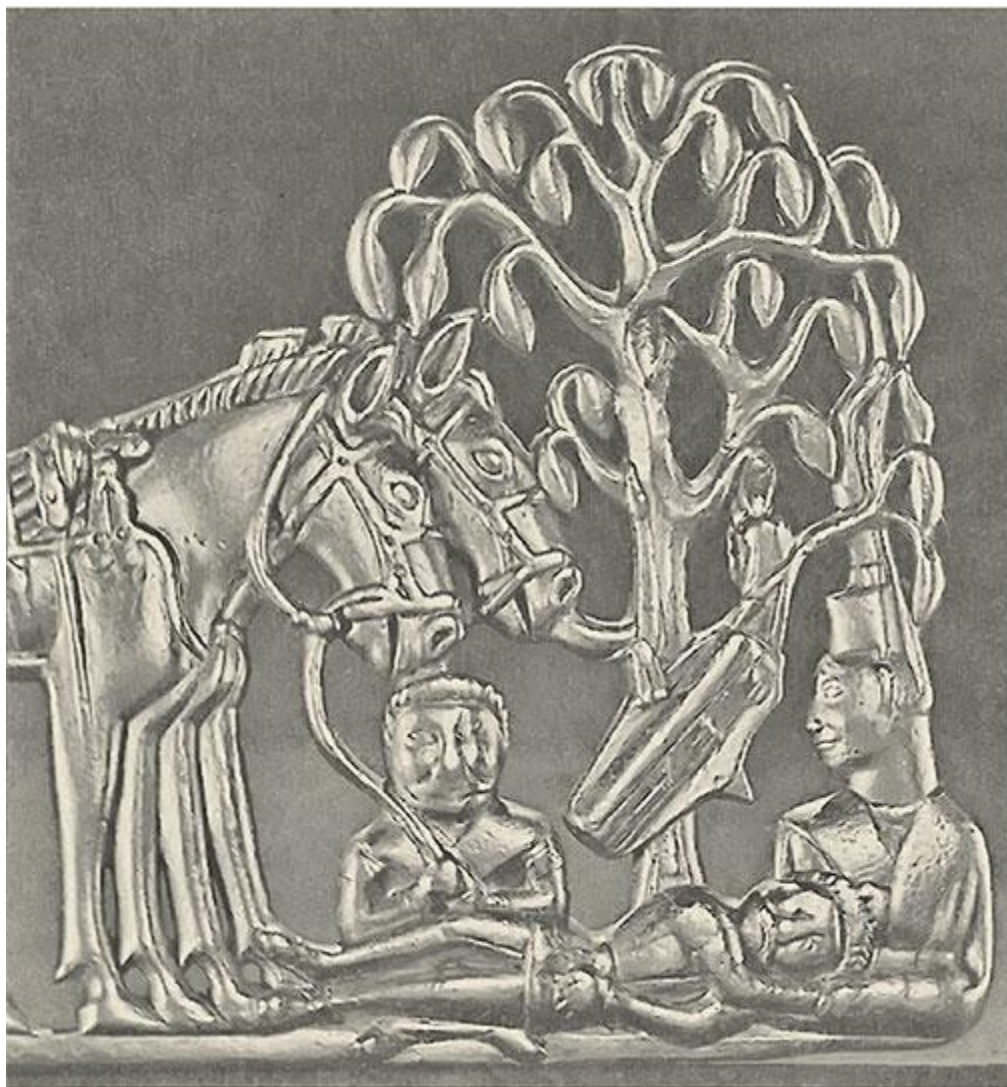
Тогда царь грузинский Лаша и великий военачальник Иванэ, собрав войско, выступили войной против них и подошли к долине, называемой Хунан, ибо там находилось войско неприятеля. Сразились друг с другом и поначалу обратили в бегство неприятеля; но поскольку [другие части] неприятеля находились в засаде, он ударил с тыла и начал сечь грузинское войско. Повернули и выступили против [грузин] и обращенные в бегство [татары] и, окружив с той и другой стороны, нанесли великое поражение войску христианскому. Бежали царь и все князья. А неприятель, забрав военную добычу, унес ее в свой стан.

В другой раз собрал царь грузинский войско, еще более многочисленное, чем в первый раз, и вознамерился дать бой неприятелю. А [татары], взяв с собой жен, детей и все свое имущество, намеревались пройти через Дербентские ворота в свою страну. Но мусульманское войско, находившееся в Дербенте, не пропустило их. Тогда они перевалили через Кавказские горы по неприступным местам, заваливая пропасти деревьями и камнями, имуществом своим, лошадьми и военным снаряжением, переправились и вернулись в свою страну. И звали их предводителя Сабата Багатур^[381]...

Глава 20. О том, как появились татары, чтобы опоганить весь свет

Все рассуждения наши до сих пор были предисловием к истории этого племени, о котором милостью божьей мы собираемся рассказать. Я думаю, что многие еще расскажут о том же, и все их повествования будут беднее действительности, ибо бедствия, постигшие все страны, превосходят рассказываемое нами. Наступил конец света (В тексте: «***» – букв, «время подошло к концу»), и предтечи антихристовы предвещают пришествие сына погибели. И нас смущают откровения святых и боговдохновенных мужей, внушенные им святым духом, предостерегавшим их от грядущего, и особенно наложные веления спасителя нашего и бога, который говорит: «Восстанет народ на народ и царство на царство, и это, – говорит, – будет лишь началом терзаний» (Матф., 24, 7–8; Марк, 13, 8–9). А также пророчество патриарха нашего святого Нерсеса, который предсказал гибель страны армян от племени стрелков^[382]. А мы собственными глазами видели разорение и муки, постигшие все страны. И причины появления их таковы.

В стране, [находящейся] на дальнем северо-востоке, которую они на варварском языке своем называют Каракорум, на границе Гатия^[383], среди множества неведомых и неисчислимых варварских племен, проживающих там, жило племя, называемое татарами (монголами), во главе царей которых стоял [человек] по имени Чингисхан. Пришло время ему умирать. Но еще до кончины он созвал к себе все войско и трех сыновей своих и сказал, [обращаясь] к войску: «Вот я умираю. Одного из сыновей моих, присутствующих здесь, по своему желанию выберите себе ханом вместо меня». И они ответили: «Кого ты сейчас соблаговолишь выбрать, тот и будет нашим ханом, тому и будем мы верою служить». Тогда сказал им [Чингисхан]: «Я расскажу о нраве и делах всех трех сыновей своих. Старший сын мой – Чагатай – муж воинственный, любит войско, но по природе горд и достоин большего, чем доля, выпавшая ему. А второй мой сын тоже победоносен в бою, но скуп по натуре. Младший же сын мой одарен еще с детства, богато наделен милостями, щедр на руку. С того дня, как он родился, слава и величие мое росли день ото дня. Ну вот, я сказал вам всю правду, поклоняйтесь же тому из них троих, кому пожелаете».

Золотая монгольская бляха. Сибирская коллекция Петра I. XIII в.

И [татары] подошли и поклонились младшему, чье имя было Окта-хакан^[384]; отец возложил на него корону и умер. А он, как только получил ханскую власть, собрал большое войско, неисчислимое по величине, подобно песку морскому, из своего собственного племени, которое называлось мугал-татарами, из хазар, из гуннов, из гатийцев, из анкитанов и множества других варварских племен, [явившихся] с имуществом своим и станом, женами, детьми и кибитками. Он разделил их на три части: одну послал на юг, назначив главным распорядителем одного из своих верных и любимых [людей]; другую – на запад, а вместе с ними и сына своего, [этих он послал также] и на север; третью он послал на северо-восток, назначив над ними одного из вельмож своих, по имени Чармагун, мужа мыслящего и мудрого, удачливого в военном деле. Он поручил им разорять и разрушать все страны и царства по всей вселенной и не возвращаться к нему, пока не захватят весь мир и не подчинят его своей власти. А сам он остался в той стране, не заботясь ни о чем, предавшись еде и питью, удовольствиям и строительству.

Войска его, направившиеся в разные страны света, разорили страны и *гавары*, ниспровергали государства, отнимали скarb и имущество, угоняли в плен и [обрекали] на рабский труд молодых женщин и детей: то посылали оттуда на далекую чужбину – в свою страну, к царю своему – *хакану*, то держали при себе – для нужд и службы в своем хозяйстве.

Войска во главе с Чармагун-ноинном, выступившие на восток против султана Джалаладина, владевшего Хорасаном и окрестными областями, разбили и изгнали его вместе с войском. И обратили его в бегство, как мы выше рассказали. Они постепенно разорили всю страну персов, Атрпатакан, Дейлем, по порядку обчистили все, дабы не осталось никаких

препятствий на их пути. Захватили [и разорили] также большие, великолепные, изобилующие всем города Рей и Исфахан и снова восстановили их под своим именем. И так они поступали со всеми странами, через которые проходили. И вот пришли они со всем своим имуществом и множеством войск, достигли страны Агванк и плодородной и плодотворной долины, называемой Муганской, полной всяких благ – воды, древесины, фруктов и дичи, и, расположившись там, разбили шатры свои. Так они делали всегда в зимние дни, а в весеннюю пору разбредались в разные стороны, производили набеги и опустошения и снова возвращались туда, в стан свой...

Глава 32. Краткое описание внешности татар

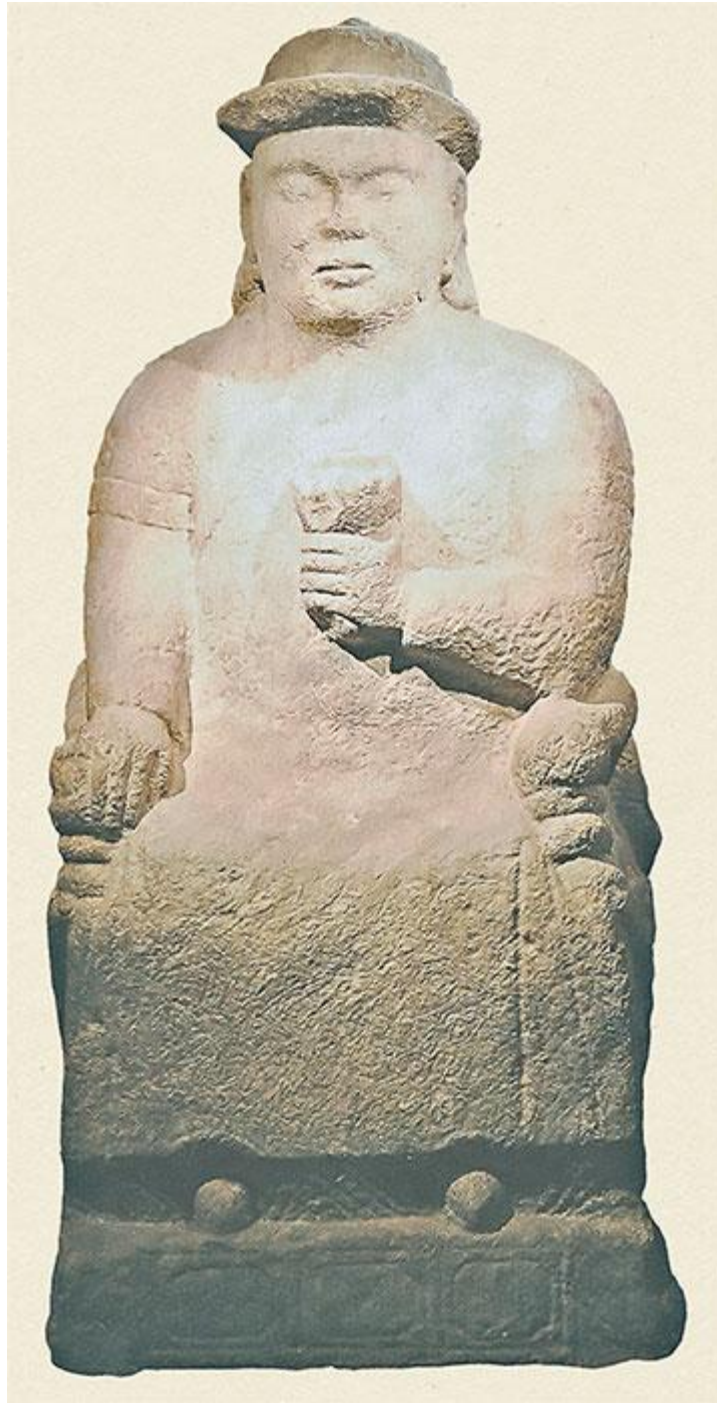
Поскольку мы вознамерились оставить грядущим поколениям [наш труд] как память о себе и надеемся избавиться от гнета, довлеющего над нами, опишем вкратце для любознательных читателей внешность и язык их (татар). Внешний вид их был адским и наводил ужас. Борода не росла, лишь у некоторых росло несколько волосков на губах или подбородке, глаза узкие и быстрые, голос тонкий и пронзительный. Живут они долго.

Когда бывает, что поесть, они едят часто и жадно и пьют, а когда нет ничего, терпеливо переносят [голод]. Питаются всеми животными без разбора – чистыми и нечистыми, предпочитают же всему конину, которую делят на части и варят либо жарят без соли, затем крошат на мелкие куски и едят, макая в соленую воду. Одни едят, сидя, подобно верблюдам, на коленях, а другие – просто сидя. Одну и ту же пищу подают как господам, так и слугам. Перед тем как пить кумыс или вино, кто-нибудь из них берет большой сосуд в одну руку, в другой держит малую чашу, которой черпает из большой, затем разбрызгивает сначала к небу, потом [в сторону] востока, севера и юга. И только тогда тот, кто брызгал, отпивает немного и передает [чашу] старшему. Если кто-нибудь приносит им еду и питье, сперва дают пить и есть принесшему, а лишь после этого сами едят и пьют, чтобы избежать отравления.

Они берут столько жен, сколько хотят, однако прелюбодействующих с их женами умерщвляют, а сами, где только встретится, безо всякого разбора живут с иноплеменицами. Воровство же ненавидят, вплоть до того, что жестоко казнят [за это].

У них нет богослужения, они не поклоняются [никому], но божье имя (Всевышний Тэнгри) упоминают часто, при любом случае. И мы не знаем, воссылают ли они хвалу богу существу или призывают другое божество, да и они тоже не знают. Но обычно они рассказывают вот что: государь их – родственник бога, взявшего себе в удел небо и отдавшего землю *хакану*. Говорили, якобы Чингисхан, отец *хакана*, родился не от семени мужчины, а просто из невидимости появился свет и, проникнув через отверстие в кровле дома, сказал матери [Чингиса]: «Ты зачнешь и родишь сына, владыку земли». Говорят, так он и родился. Эту [легенду] рассказал нам *ишхан* Григор, сын Марзпана, брат Асланбега, Саргиса и Амира из рода Мамиконянов, который сам слышал ее как-то от одного знатного человека, по имени Хутун-ноён, из [татарской] высшей знати, когда тот поучал молодежь.

А когда кто-либо из них умирал или если убивали кого, то, бывало, много дней подряд возили [его труп] с собой, поскольку, [как им казалось], бес, вселившийся в него, говорил вздор и долго бормотал. Бывало, что [труп] сжигали, чаще же хоронили в землю, в глубокой яме, а вместе с ним складывали оружие его, и одежду, золото, серебро, и всю его долю [имущества]. А если это был кто-либо из знати, зарывали вместе с ним в могилу слуг и служанок его, как говорили они, для прислуживания ему. [Зарывали вместе с ним] и коней тоже, ибо, говорили они, там происходят жестокие сражения. А когда хотели сохранить память об умершем, распарывали брюхо коня и через это отверстие вытаскивали все мясо без костей, затем сжигали внутренности и кости и зашивали шкуру, как если бы [у него] все тело было [в целости]. Потом, заострив длинный шест, продевали его через брюшину в рот лошади и так поднимали ее на дерево или [водружали на] какое-либо возвышенное место.

Статуя Чингисхана

Женщины их были колдуньи и гадали об всем; без повеления своих колдунов и кудесников [татары] не пускались в путь – [делали это] только с их разрешения.

Язык их дик и непонятен нам, ибо бога они называют тангри, человека – эрэ, аран, женщину – эме, апджи, отца называют эчка, мать – ака, брата – ага, сестру – акатчи, голову – тирон, глаза – нигун, уши – чикин, бороду – сахал, лицо – йюз, ниур, рот –

аман, зуб – скур, сидун, хлеб – отмак, быка – окар, корову – унэн, барана – гойна, ягненка – гурган, козу – иман, лошадь – мори, мула – лоса, верблюда – таман, собаку – нохай, волка – чина, медведя – айтку, лису – хонкан, зайца – таблга, тула, курицу – тахеа, голубя – кокучин, орла – буркуи-гуш, воду – усун, вино – тарасун, море – наур-тангыз, реку – моран-улансу, меч – иолту, лук – ныму, стрелу – сыму, царя – мелик, патрона – ноин, великого патрона – екка ноин, страну – эл, иркан, небо – гога, солнце – наран, луну – сара, звезды – сарга, хутут, свет – отур, ночь – сойни, писца – битикчи, сатану – барахур, элэп и тому подобные варварские названия, которые в течение многих лет были нам неизвестны, а теперь поневоле стали известны...

Инок Магакия. История народа стрелков

О том, откуда он явился, и каким образом подчинил себе многие страны и области

2

...От самих Татар мы слышали, что они из туркестанской родины своей перешли в какую-то восточную страну, где они жили долгое время в степях, предаваясь разбою, но были очень бедны. У них не было никакого богослужения, а были какие-то *войлочные идола*, которых они и до сих пор переносят с собою для разных волшебств и гаданий. В то же время они удивлялись солнцу, как какой-то божественной силе. Когда они изнурены были этой жалкой и бедственной жизнью, их осенила внезапно здравая мысль: они призвали себе на помощь Бога, Творца неба и земли и дали ему великий обет – пребывать вечно в исполнении Его повелений. Тогда, по повелению Бога, явился им ангел в виде орда златокрылого орла и, говоря на их языке, призвал к себе их предводителя, которого звали *Чангыз*. Этот последний пошел и остановился перед ангелом в виде орла, на расстоянии брошенной стрелы. Тогда орел сообщил им на их языке все повеления Божии.

Вот, эти божественные законы, которые он им предписал и которые они на своем языке называют *ясак*^[385]: во-первых, любить друг друга; во-вторых не прелюбодействовать; не красть; не лжесвидетельствовать; не быть предателями; почитать старых и нищих; и если найдется между ними кто-либо нарушающий эти заповеди, таковых предавать смерти.

Дав эти наставления, ангел назвал предводителя *кааном*, который с тех пор стал прозываться *Чангыз-Каан*. И повелел ему ангел господствовать над многими областями и странами и множиться до безмерного числа. Так это и случилось...

Когда этот безобразный и зверонравный народ узнал о том, что Господь повелел ему властвовать на земле, то, собрав войско, он пошел на Персов и взял у них один город. Но Персы, собрав силы, взяли этот город назад и отняли у них еще их собственный. Тогда Татары, сделав воззвание ко всем местам, где жили их племена, бросились на Персов, победили их и овладели городом и всем их имуществом...

4

Мы расскажем здесь также и то, на что были похожи первые татары. Эти первые татары, которые появились в верхней стране^[386], не походили на людей; ибо вид их был ужаснее всего, что можно выразить: головы их были громадны, как у буйволов; глаза узкие, как у цыплят; нос короткий, как у кошки; скулы выдававшиеся, как у собаки; поясница тонкая, как у муравья; ноги короткие, как у свиньи. Бороды у них вовсе не было. При львиной силе они имели голос более пронзительный, чем у орла, и появлялись там, где их вовсе не ожидали... Таковы были те татары, которые впервые появились в верхней стране.

5

...(Когда) мудрые князья армянские и грузинские узнали, что Господь даровал татарам силу и победу над страной нашей, они смирились и подчинились им: согласились платить им дань, известную под именем *мал* и *тагар*, и обещались идти со всей своей конницей туда, куда бы они ни повели. Татары, довольные их покорностью, перестали грабить и разорять страну. Они воротились в свои кочевья в Муган^[387], оставив на месте одного из начальников, Карабугу, которому предписали разрушить все завоеванные крепости. Так они разрушили неприступные крепости, которые возвели таджики с большими издержками. Так все это случилось.

6

В те дни появилась комета^[388], держалась несколько дней и исчезла. В те же дни случилось солнечное затмение, продолжавшееся от шести часов дня и до девяти часов. Между тем три главных предводителя (монгольского войска), о которых говорено выше, овладев Грузией и Агванией, воротились в степи муганские, где вечно зеленеет трава и летом и зимою, так как земля там тучна, а воздух благорастворен. Пробыв некоторое время на своих пастбищах, они снова вознамерились нашествовать на христиан, не считая ни во что истребление христиан в Грузии и Агвании. Так, взяв знаменитую скалу *Шмег* (?), они перерезали тьму тём, и не было числа убитым. Кроме того, они увели из страны бесчисленное множество детей. Не насытившись и этим, они вознамерились еще раз сделать набег на эти страны и уже окончательно перебить всех. Но

Провидение вседержителя Бога, которое не теряет из виду уповающих на него, не дало совершиться беззаконному и злобному их умыслу и погубило двух из трех вышеназванных начальников. Вот в коротких словах то, что они задумали. На вечернем *курультае*, т. е. собрании, рассуждали о том, чтоб напасть снова на завоеванные страны и всех перебить. Впрочем, это задумали не все трое, а только двое из них. Чорман же, по внушению Провидения говорил, «что страна и без того разорена; что следует дать возможность жителям возделывать землю, чтоб они могли половину произведений садов и полей дать *нам*, а другою половиною сами бы прожили». И в то время, когда они об этом рассуждали, настал вечер, заседание было закрыто, и они отправились спать. Когда взошло солнце, то нашли мертвыми тех двух начальников, которые задумали злое; а Чорман, который стоял за устройство и благоденствие края, остался жив. Тогда Чорман, взяв с собою свидетелей происшествия, отправился к главному своему начальнику, Чингисхану, рассказал ему о своем намерении и о замыслах своих сотоварищей, об их гибели и о своем спасении в ту ночь. Изумленный хан, слушая рассказ, сказал Чорману: «То, что задумали оба предводителя, не было угодно Богу, и потому они скоростижно умерли, а ты не умер за свои добрые намерения. Бог повелевает завоевать землю, поставить *ясак*, хранить ее в благоустройстве и брать с нее *мал, тагар и гунчур*^[389]. Тех же, которые не подчиняются нам, не платят нам дани, следует убивать, жилища их разорять для устрашения тех, которые задумают нам сопротивляться». Сказав это, хан приказал Чорману отправиться на свое место и держаться того образа мыслей, за который он был сохранен от смерти. И дал он Чорману в жены доброю жену свою *Альтана-хатун* и назвал его *Чорма-ханом*. Чорма-хан же, взяв с собою добродетельную и милостивую жену Чингисхана, Альтана-хатун, воротился в Муган, зимнее местопребывание татар, вместе с стадесятью другими начальниками. На великом *курультае*, созванном по повелению Чорма-хана, эти стодесять начальников разделили между собою все земли. Разделив всю страну на три части, одни из них взяли себе в удел северные области; [другие – южные; а третьи – внутреннюю часть, которою они владеют до сего времени... Великий дом Чорма-хана был перевезен в Гандзак-Шахастан (Тавриз), который сперва был разорен ими, а после снова восстановлен...

Из русских источников

Из «Тверской летописи» (фрагменты)

В год 6732 (1223). Из-за грехов наших пришли народы неизвестные, безбожные моавитяне, о которых точно никто не знает, кто они, и откуда пришли, и каков их язык, и какого они племени, и какой веры. И называют их татарами, а иные говорят – таурмены, а другие – печенеги... Но все это случилось не из-за татар, а из-за гордости и высокомерия русских князей допустил бог такое. Ведь много было князей храбрых, и надменных, и похваляющихся своей храбростью. И была у них многочисленная и храбрая дружина, и они хвалились ею; из дружины вспомним здесь об одном, найдя рассказ о нем...

Начали приходить слухи, что эти безбожные татары пленили многие страны: Ясов, Обезов, Касогов, избили множество безбожных половцев и пришли в Половецкую землю. Половцы же, не в силах сопротивляться, бежали, и татары многих избили, а других преследовали вдоль Дона до залива, и там они убиты были гневом божим и его пречистой матери. Ведь эти окаянные половцы сотворили много зла Русской земле. Поэтому всемирлостивый бог хотел погубить безбожных сынов Измаила, куманов, чтобы отомстить за кровь христианскую; что и случилось с ними. Ведь эти таурмены прошли всю землю Куманскую и преследовали половцев до реки Днепр около Руси.

И прибежали окаянные половцы к месту, которое называется Половецкий вал, остаток их: Котян, князь половецкий, с другими князьями; а Даниил Кобякович вместе с Юрием Кончаковичем были убиты. Этот Котян был тесть князя Мстислава Мстиславича Галицкого, и пришел он с князьями половецкими в Галич с поклоном к своему зятю Мстиславу и ко всем князьям русским. И принес он многие дары – коней, и верблюдов, и буйволов, и невольниц, и, кланяясь, одарил всех русских князей, говоря: «Сегодня нашу землю татары отняли, а вашу завтра придут и возьмут, и поэтому помогите нам». Умолял Котян зятя своего Мстислава; а князь Мстислав послал к своим братьям, князьям русским, за помощью, говоря так: «Поможем половцам; если мы им не поможем, то они перейдут на сторону татар, и у тех будет больше силы, и нам хуже будет от них». Долго они советовались, и, уступив просьбам и мольбам половецких князей, решили пойти на помощь Котяну.

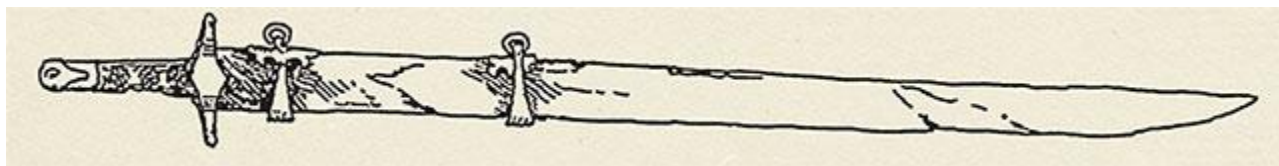
И начали князья собирать воинов каждый в своей области: великий князь Мстислав Романович Киевский, внук Ростислава, и Мстислав Святославич Козельский, внук Всеволода Черниговского, и Мстислав Мстиславич Галицкий – эти старшие князья в Русской земле; а с ними и младшие князья: Даниил Романович, внук Мстислава, и князь Михаил Всеволодович Черниговский, и князь Всеволод Мстиславич, сын киевского князя, и многие другие князья. Когда все князья собрались на совет в Киеве, они послали во Владимир к великому князю Юрию Всеволодовичу за помощью; а он отправил к ним Василька Ростовского. Посоветовавшись, князья решили встретить врага на чужой земле (тогда же крестился половецкий князь Бастый) и, собрав всех русских воинов, выступили в поход против татар. Когда они пришли к Днепру на Заруб, к острову Варяжскому, услышали татары, что русские князья идут против них, и прислали своих послов, говоря: «Слышали мы, что идете вы против нас, послушавшись половцев. А мы вашей земли не занимали, ни городов ваших, ни сел ваших, и пришли не на вас. Но пришли мы, посланные богом, на конюхов и холопов своих, на поганых половцев, а вы заключите с нами мир. И если прибегут половцы к вам, вы не принимайте их, и прогоняйте от себя, а добро их берите себе. Ведь мы слышали, что и вам они много зла приносят, поэтому мы их также бьем». Князья же русские не стали слушать этого, но послов татарских перебили, а сами пошли против татар. Не доходя до Олешья, остановились они на Днепре. И прислали татары вторично послов, говоря: «Если вы послушались половцев, послов наших перебили и идете против нас, то идите. А мы вас не трогали, и пусть рассудит нас бог». Князья отпустили этих послов.

И пришли к Олешью все половцы со своими князьями. Тогда князь Мстислав Мстиславич Галицкий с тысячею воинов перешел Днепр вброд, ударил по татарским сторожевым полкам и победил их. А оставшиеся татары убежали на курган Половецкий с воеводой Гемябеком, и не было им здесь помощи. И зарыли они своего воеводу Гемябека живым в землю, желая его уберечь. Но здесь его нашли половцы и, выпросив его у князя Мстислава, убили. Услышав это, князья русские стали переправляться через Днепр на множестве ладей: великий князь Мстислав Романович с киевлянами, Владимир Рюрикович со смолянами, черниговские князья, галичане, и волынцы, и куряне, и трубчане, и путивличи, все земли русские, все князья и множество воинов. А выгнанные галичане спустились на ладьях по Днепру в море, и была у них тысяча ладей. Из моря вышли они в Днепр и, пройдя пороги, остановились у реки Хортицы на броне у Протолочи; а воеводой у них был Юрий Домамерич, а другим воеводой Держикрай Володиславич.

Пришла весть русским, что пришли татары осматривать русские полки; тогда Даниил Романович и другие князья сели на коней и погнались, чтобы увидеть татарские войска. И, увидев их, послали к великому князю Мстиславу Романовичу, призывая: «Мстислав и другой Мстислав! Не стойте, пойдем против них». И вышли в поле, и встретились с татарами, и тут русские стрелки погнали их далеко в поле, рубя их; взяли они их скот и вернулись назад со стадами. И оттуда шли русские полки за ними восемь дней до реки Калки и отправили со сторожевым отрядом Яруна с половцами, а сами разбили здесь лагерь. И здесь они встретились с татарскими дозорами, и убили татары Ивана Дмитриевича и с ним еще двоих; а татары поворотили назад. Князь же Мстислав Мстиславич Галицкий повелел Даниилу Романовичу перейти реку Калку с полками, а сам отправился вслед за ними; переправившись, стали они станом. Тогда Мстислав сам поехал в дозор, и, увидев татарские полки, вернулся, и повелел воинам своим вооружаться. А оба Мстислава оставались в стане, не зная об этом: Мстислав Галицкий не сказал им ничего из зависти, ибо между ними была великая распря.

И так встретились полки, а выехали вперед против татар Даниил Романович, и Семен Олюевич, и Василек Гаврилович. Тут Василька поразили копьем, а Даниил был ранен в грудь, но он не ощутил раны из-за смелости и мужества; ведь он был молод, восемнадцати лет, но силен был в сражении и мужественно избивал татар со своим полком. Мстислав Немой также вступил в бой с татарами, и был он также силен, особенно когда увидел, что Даниила ранили копьем. Был ведь Даниил родственником его отца, и Мстислав очень любил его и завещал ему свои владения. Также и Олег Курский мужественно сражался; также и Ярун с половцами подоспел и напал на татар, желая с ними сразиться. Вскоре половцы обратились в бегство, ничего не достигнув, и во время бегства потоптали станы русских князей. А князья не успели вооружиться против них; и пришли в смятение русские полки, и было сражение гибельным, грехов наших ради. И были побеждены русские князья, и не было такого от начала Русской земли.

Князь же великий Мстислав Романович Киевский, внук Ростислава, правнук Мстислава, который был сыном Владимира Мономаха, и князь Андрей, зять Мстислава, и Александр Дубровский, видя это несчастье, никуда не двинулись с места. Разбили они стан на горе над рекой Калкой, так как место было каменистое, и устроили они ограду из кольев. И сражались из-за этой ограды с татарами три дня. А татары наступали на русских князей и преследовали их, избивая, до Днепра. А около ограды остались два воеводы, Чегирхан и Тешухан, против Мстислава Романовича, и его зятя Андрея, и Александра Дубровского; с Мстиславом были только эти два князя. Были вместе с татарами и бродники, а воеводой у них Плоския. Этот окаанный воевода целовал крест великому князю Мстиславу, и двум другим князьям, и всем, кто был с ними, что татары не убьют их, а возьмут за них выкуп, но солгал окаанный: передал их, связав, татарам. Татары взяли укрепление и людей перебили, все полегли они здесь костьми. А князей придавили, положив их под доски, а татары наверху сели обедать; так задохнулись князья и окончили свою жизнь.

Монгольский палаш. XIII–XIV вв.

А других князей, которых татары преследовали до Днепра, было убито шесть: князь Святослав Каневский, Изяслав Ингваревич, Святослав Шумский, Мстислав Черниговский с сыном, Юрий Несвижский, а из воинов только десятый вернулся домой. А Александр Попович тут был убит вместе с другими семьдесятю богатырями. Князь же Мстислав Мстиславич Галицкий раньше всех переправился через Днепр, велел сжечь лады, а другие оттолкнуть от берега, боясь погони; а сам он едва убежал в Галич. А Владимир Рюрикович, племянник Романа, внук Ростислава Мстиславича, сел на престоле в Киеве месяца июня в шестнадцатый день. А случилось это несчастье месяца мая в тридцатый день, на память святого мученика Ермия. Только десятая часть войска вернулась домой, а у некоторых половцы отняли коня, а у других одежду. Так за грехи наши бог отнял у нас разум, и погибло бесчисленное множество людей. Татары же гнались за русскими до Новгорода-Святополча. Христиане, не

зная коварства татар, выходили им навстречу с крестами, и все были избиты. Говорили, что одних киевлян погибло тогда тридцать тысяч.

И был плачь и вопль во всех городах и селах. Татары же повернули назад от реки Днепра, и мы не знаем, откуда они пришли и куда исчезли...

От битвы на Калке до землетрясения прошло немного времени – восемь лет, и тогда случился голод, а от землетрясения до нашествия Батыева прошло восемь лет. Поэтому не разбогатела наша земля, но, напротив, еще более обезлюдела...

Монгольская булава. Начало XVI в.

Узнали безбожные татары о таких невзгодах русских и о великом богатстве, собранном за многие годы, и двинулись они из восточных стран, и пленили сначала Булгарскую землю. А в третий год пришло их на Русскую землю бесчисленное множество – как саранча, пожирающая траву, так и эти варвары христианский род истребляли.

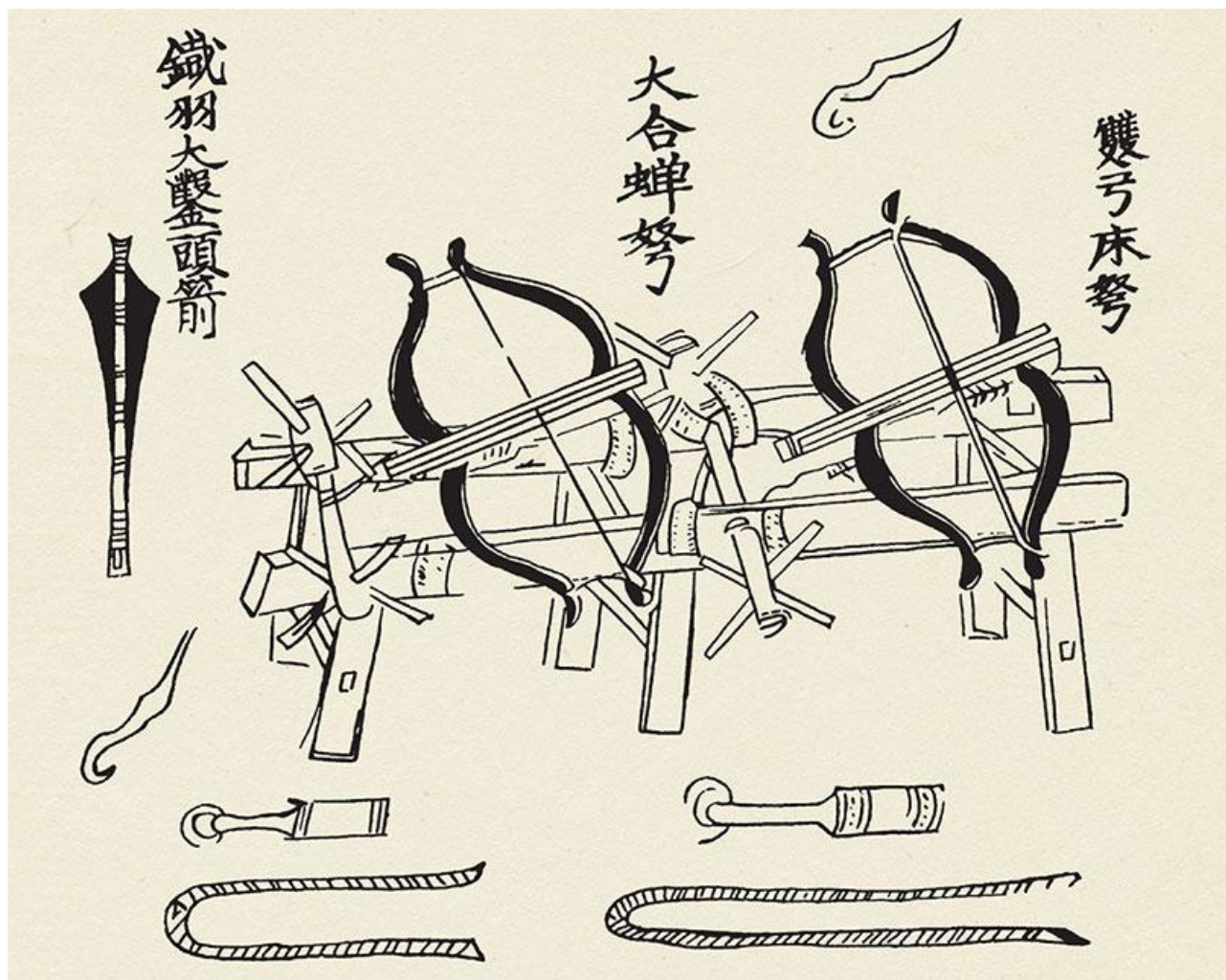
В год 6746 (1237). Окаянные татары зимовали около Черного моря и отсюда пришли тайком лесами на Рязанскую землю во главе с царем их Батыем. И сначала пришли и остановились у Нузы, и взяли ее, и стали здесь станом. И оттуда послали своих послов, женщину-чародейку и двух татар с ней, к князьям рязанским в Рязань, требуя у них десятой части: каждого десятого из князей, десятого из людей и из коней: десятого из белых коней, десятого из вороных, десятого из бурых, десятого из пегих, и десятой части от всего. Князья же рязанские, Юрий Ингваревич, и братья его Олег и Роман Ингваревичи, и муромские князья, и пронские решили сражаться с ними, не пуская их в свою землю. Вышли они против татар на Воронеж и так ответили послам Батыева: «Когда нас всех не будет в живых, то все это ваше будет». Потом они послали к великому князю Юрию Всеволодовичу во Владимир и тогда отпустили татарских послов от Воронежа. А к великому князю Юрию во Владимир послали рязанские князья своих послов, прося помощи или чтобы сам пришел вместе постоять за землю Русскую. Но великий князь Юрий не внял мольбе рязанских князей, сам не пошел и не прислал помощи; хотел он сам по себе биться с татарами...

Поганые же татары начали завоевывать землю Рязанскую, и осадили Рязань, и огородили ее острогом месяца декабря в шестнадцатый день, на память святого пророка Аггея. Князь же Юрий Рязанский заперся в городе с жителями, а князь Роман отступил к Коломне со своими людьми. И взяли татары приступом город двадцать первого декабря, на память святой мученицы Ульяны, убили князя Юрия Ингваревича и его княгиню, а людей умертвили, – одних огнем, а других мечом, мужчин, и женщин, и детей, и монахов, и монахинь, и священников; и было бесчестие монахиням, и попадьям, и добрым женам, и девицам перед матерями и сестрами. Только епископа сохранил бог, он уехал в то время, когда татары окружили город. И, перебив людей, а иных забрав в плен, татары зажгли город...

Великий князь Юрий Всеволодович Владимирский послал передовое войско с воеводой Еремеем, и оно соединилось с Романом Ингваревичем. А татары, захватив Рязань, пошли к Коломне, и здесь вышел против них сын великого князя Юрия Всеволодовича Владимирского и Роман Ингваревич со своими людьми. Окружили их татары, и произошло сражение, и билось ожесточенно, и оттеснили русских к городским укреплениям, и убили здесь князя Романа Ингваревича и Еремея Глебовича, воеводу Всеволода, и убито было с князем и с Еремеем много народа; а москвичи обратились в бегство, ничего не видя кругом. А Всеволод Юрьевич с остатками войска убежал во Владимир. А татары пошли и захватили Москву, а князя Владимира, сына великого князя Юрия, взяли в плен. И пошли в несметной силе, проливая кровь христианскую, к Владимиру.

Услышав об этом, великий князь Юрий оставил вместо себя сыновей своих Всеволода и Мстислава, а сам пошел к Ярославлю и оттуда за Волгу, а с ним пошли племянники Василек, и Всеволод, и Владимир Константинович, и, придя, остановился Юрий на реке Сити, ожидая на помощь братьев Ярослава и Святослава. А во Владимире заперся его сын Всеволод с матерью, и с епископом, и с братом, и со всеми жителями.

Беззаконные же татары пришли к Владимиру месяца февраля в третий день, на память святого Симеона-богоприимца, во вторник мясопустной недели. Привели они с собой Владимира Юрьевича к Золотым воротам, спрашивая: «Узнаете ли княжича вашего?» Братья его, воевода Ослядюкович и все люди проливали обильные слезы, видя горькие мучения князя. Татары же отошли от городских ворот, объехали город, а затем разбили лагерь на видимом расстоянии перед Золотыми воротами. Всеволод и Мстислав Юрьевичи хотели выйти из города против татар, но Петр-воевода запретил им сражаться, сказав: «Нет мужества, и разума, и силы против божьего наказания за наши грехи».

Двухлучный станковый арбалет «Большая двойная цикада». Изображение из средневекового китайского военного трактата «У цзин цзун-яо». 1043 г.

А татары пошли, и взяли Суздаль, и вернулись к Владимиру в пятницу перед мясопустом. Утром же в субботу мясопустную, седьмого февраля, на память святого отца Парфения, начали татары готовить войско и ночью окружили тыном весь город. Утром увидели князья Всеволод и Мстислав и епископ Митрофан, что город будет взят, и, не надеясь ни на чью помощь, вошли они все в церковь Святой Богородицы и начали каяться в своих грехах. А тех из них, кто хотел принять схиму, епископ Митрофан постриг всех: князей, и княгиню Юрия, и дочь его, и сноху, и благочестивых мужчин и женщин. А татары начали готовить пороки, и подступили к городу, и проломили городскую стену, заполнили ров свежим хворостом, и так по примету вошли в город; так от Лыбеди вошли они в Иринины ворота, а от Клязьмы в Медные и Волжские ворота, и так взяли город и подожгли его. Увидели князья, и епископ, и княгини, что зажжен город и люди умирают в огне, а других рубят мечами, и бежали князья в Средний город. А епископ, и княгиня со снохами, и с дочерью, княжной Феодорой, и с внучатами, другие княгини и боярыни, и многие люди вбежали в церковь Святой Богородицы и заперлись на хорах. А татары взяли и Средний

город, и выбили двери церкви, и собрали много дров, обложили церковь дровами и подожгли. И все бывшие там задохнулись, и так предали души свои в руки Господа; а других князей и людей татары зарубили.

И оттуда рассеялись татары по всей земле Владимирской, одни пошли к Ростову, иные погнались за великим князем в Ярославль и к Городцу, и пленили все города по Волге до самого Галича Мерьского; а иные пошли к Юрьеву, и к Переяславлю, и к Дмитрову, и взяли эти города; а еще иные пошли, и взяли Тверь, и убили в ней сына Ярослава. И все города захватили в Ростовской и Суздальской земле за один февраль месяц, и нет места вплоть до Торжка, где бы они не были.

На исходе февраля месяца пришла весть к великому князю Юрию, находящемуся на реке Сити: «Владимир взят, и все, что там было, захвачено, перебиты люди, и епископ, княгиня твоя, и сыновья, и снохи, а Батый идет к тебе». И был князь Юрий в великом горе, думая не о себе, но о разорении церкви и гибели христиан. И послал он на разведку Дорожа с тремя тысячами воинов узнать о татарах. Он же вскоре прибежал назад и сказал: «Господин князь, уже обошли нас татары». Тогда князь Юрий с братом Святославом и со своими племянниками Васильком, и Всеволодом, и Владимиром, исполнив полки, пошли навстречу татарам, и каждый расставил полки, но ничего не смогли сделать. Татары пришли к ним на Сить, и была жестокая битва, и победили русских князей. Здесь был убит великий князь Юрий Всеволодович, внук Юрия Долгорукого, сына Владимира Мономаха, и убиты были многие воины его.

А Василька Константиновича Ростовского татары взяли в плен и вели его до Шерньского леса, принуждая его жить по их обычаю и воевать на их стороне. Но он не покорился им и не принимал пищи из рук их, но много укорял их царя и всех их. Они же, жестоко мучив его, умертвили четвертого марта, в средину Великого поста, и бросили его тело в лесу. Некая женщина, увидев тело Василька, рассказала своему богобоязненному мужу; и тот взял тело князя, завернул его в плащаницу и положил в тайном месте.

Татары, вернувшись от Владимира, взяли, как я сказал уже, Переяславль, и Москву, и Юрьев, и Дмитров, и Волок, и Тверь, а затем подошли к Торжку в первую неделю поста, месяца февраля в двадцать второй день, на обретение мощей святых мучеников в Евгении. И окружили они весь город тыном, так же как и другие города брали, и осаждали окопанный город две недели. Изнемогали люди в городе, а из Новгорода им не было помощи, потому что все были в недоумении и страхе. И так поганые взяли город, убив всех – и мужчин, и женщин, всех священников и монахов. Все разграблено и поругано, и горькой и несчастной смерти предали свои души в руки Господа месяца марта в пятый день, на память святого Конона, в среду четвертой недели поста. И были здесь убиты: Иванко, посадник новоторжский, Аким Влункович, Глеб Борисович, Михаил Монсеевич. А за прочими людьми гнались безбожные татары Селигерским путем до Игнатьева креста и секли всех людей, как траву, и не дошли до Новгорода всего сто верст. Новгород же сохранил бог, и святая и великая соборная и апостольская церковь Софии, и святой преподобный Кирилл, и молитвы святых правоверных архиепископов, и благоверных князей, и преподобных монахов иерейского собора...

Батый оттуда пошел к Козельску. Был в Козельске князь юный по имени Василий. Жители Козельска, посоветовавшись между собой, решили сами не сдаваться поганым, но сложить головы свои за христианскую веру. Татары же пришли и осадили Козельск, как и другие города, и начали бить из пороков, и, выбив стену, взойшли на вал. И произошло здесь жестокое сражение, так что горожане резались с татарами на ножах; а другие вышли из ворот и напали на татарские полки, так что перебили четыре тысячи татар. Когда Батый взял город, он убил всех, даже детей. А что случилось с князем их Василием – неизвестно; некоторые говорили, что в крови утонул. И повелел Батый с тех пор называть город не Козельском, но злым городом; ведь здесь погибло три сына темников, и не нашли их среди множества мертвых.

Оттуда пошел Батый в Поле, в Половецкую землю...

В тот же год Батый послал татар, и они взяли город Переяславль Русский, а епископа Симеона убили...

А других татар Батый послал к Чернигову. Мстислав Глебович, внук Святослава Ольговича, услышав об этом, пришел на татар с большим войском к Чернигову, и произошла жестокая битва. Из города на татар метали пороками камни на полтора выстрела, а камни могли поднять только два человека. Но татары все же победили Мстислава и многих воинов избили, а город взяли и огнем запалили, но епископа их довели до Глухова и отпустили. А другие татары Батия пленили Мордовскую землю, и Муром, и Городец Радилов на Волге, и город Святой Богородицы Владимирской. И было большое смятение по всей земле, и сами люди не знали, кто куда бежит.

Княжение великого князя Михаила Киевского. В год 6748 (1240). Батый послал Менгухана осмотреть Киев. Пришел он и остановился у городка Песочного и, увидев Киев, был поражен его красотой и величиной; отправил он послов к князю Михаилу Всеволодовичу Черниговскому, желая его обмануть. Но князь послов убил, а сам убежал из Киева вслед за сыном в Венгерскую землю; а в Киеве взошел на престол Ростислав Мстиславич, внук Давыда Смоленского. Но Даниил Романович, внук Мстислава Изяславича, выступил против Ростислава и взял его в плен; а Киев поручил оборонять против безбожных татар своему посаднику Дмитрию. В это время пришел к Киеву сам безбожный Батый со всей своей силой. Киевляне же взяли в плен татарина по имени Товрул, и сообщил он обо всех князьях, пришедших с Батыем, и о войске их; и были там братья Батия, воеводы его: Урдюй, Байдар, Бичур, Кайдан, Бечак, Менгу, Куюк (он не был из племени Батия, но был у него первым

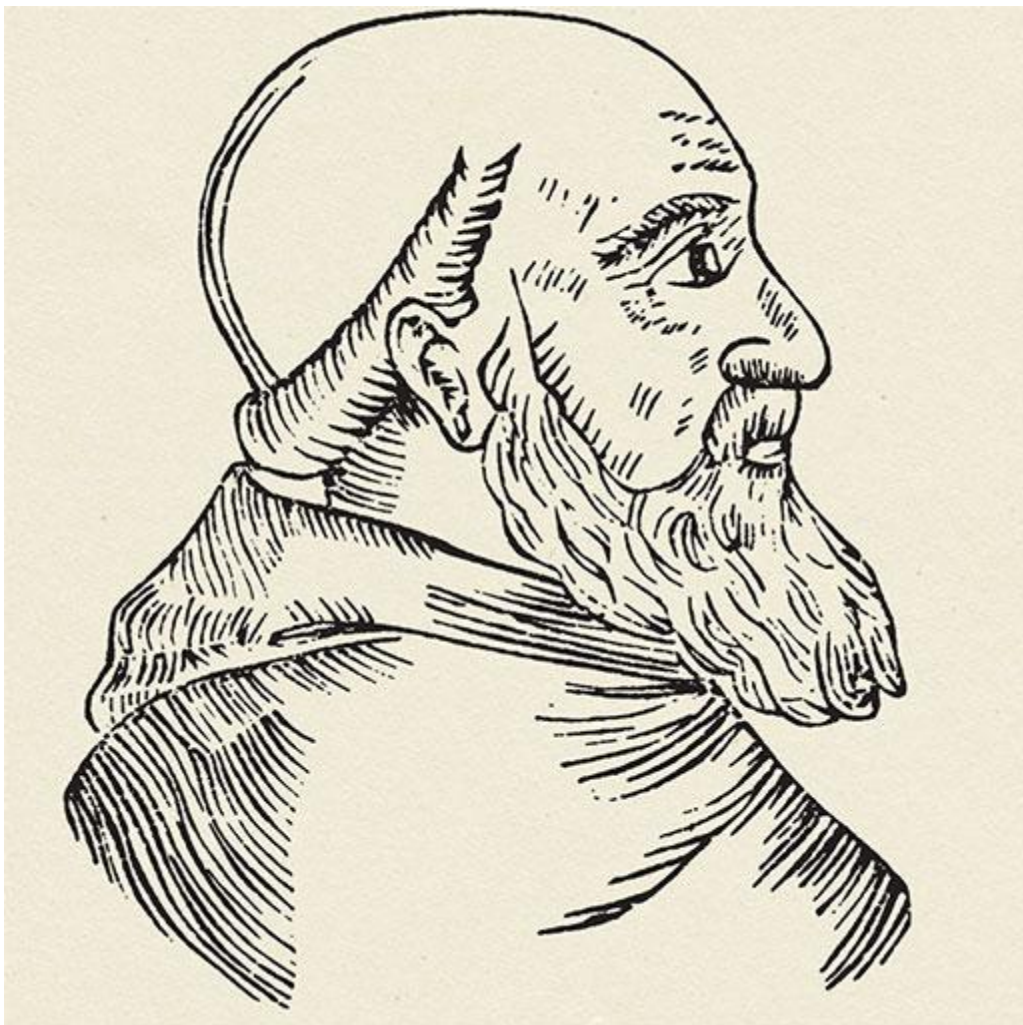
воеводой), Себедяй-богатырь, Бастырь, который пленил всю землю Булгарскую и Суздальскую, и много было других воевод, о которых мы не написали. И начал Батый ставить пороки, и били они стену безостановочно, днем и ночью, и пробили стену у Лядских ворот. В проломе горожане ожесточенно сражались, но были побеждены, а Дмитрий был ранен. И вошли татары на стену, и от большой тяжести стены упали, горожане же в ту же ночь построили другие стены вокруг церкви Святой Богородицы. Утром татары пошли на приступ, и была сеча кровопролитной; народ спасался на церковных сводах со своим добром, и от тяжести стены обрушились. Взяли татары город шестого декабря, на память отца нашего святого Николы, в год 6749 (1240). А Дмитрия, который был тяжело ранен, не убили из-за его мужества. Взял Батый город Киев и, услышав, что великий князь Даниил Романович находится в Венгрии, пошел он к Владимиру на Русь.

Пленение Волынской земли. В тот же год 6749 (1240) подошел Батый к городу Лодяжну и бил город из двенадцати пороков, но не смог его взять; и пришел к Каменцу Изяслава и взял его; а Кременец князя Даниила не смог взять. Потом пошел он и захватил Владимир-Русский на реке Буг; взял также Галич и пленил бесчисленные города. Затем по совету Дмитрия двинулся он против венгров, и встретил его король Бела и Коломан около Солоной реки, на которой находятся волыньские города: Изборско, великий Львов, Велин. На этой реке произошел бой, и Батый победил, и венгры обратились в бегство, а Батый гнал их до Дуная. И оставался здесь Батый три года, и разорял земли до Володавы, а затем возвратился в степь, пленив все земли. В тот же год убили татары князя Мстислава Рыльского, город которого на реке Сейме.

Из западноевропейских источников

Джованни дель Плано Карпини История монгалов (фрагменты)

Когда направлялись мы по поручению апостольского престола к татарам^[390] и к иным народам Востока и знали волю [на то] господина папы и досточтимых кардиналов, мы прежде избрали путешествие к татарам. Именно мы опасались, что от них вскоре будет грозить опасность Церкви Божьей. И хотя мы опасались, что татары или другие народы могут нас убить или подвергнуть вечному пленению или голоду, жажде, холоду, зною, чрезмерным поношениям и трудам и, так сказать, мучить сверх сил (все это, за исключением смерти или вечного пленения, и случилось с нами многократно в гораздо большей степени, чем мы могли представить себе раньше), однако мы не щадили себя самих, чтобы иметь возможность исполнить волю Божью согласно поручению господина папы и чтобы принести чем-нибудь пользу христианам или, по крайней мере, узнав их истинное желание и намерение, иметь возможность открыть это христианам, дабы татары своим случайным и внезапным вторжением не застigli их врасплох, как это и случилось однажды по грехам людским, и не произвели большого кровопролития среди христианского народа...

Джованни дель Плано Карпини (1182–252)

Глава первая. О положении земли татар, ее качестве и распределении в ней воздуха

О земле мы предположили рассуждать следующим образом: во-первых, мы скажем о ее положении, во-вторых, о качестве, в-третьих, о распределении в ней воздуха.

§ I. О положении земли

Итак, вышеназванная земля расположена в той части востока, в которой, как мы полагаем, восток соединяется с севером. К востоку же от них расположена земля китайцев, а также солангов^[391], к югу – земля сарацин^[392], к юго-западу расположена земля гуиров^[393], с запада – область найманов^[394], с севера земля татар окружена морем-океаном. В одной своей части она чрезмерно гориста, в другой представляет равнину, но почти вся она смешана с хрящом^[395], редко глиниста, по большей части песчаная.

§ II. О качестве земли

В одной части земли находится несколько небольших лесов, другая же часть совершенно безлесна, пищу же себе варят и сидят [для тепла], как император, так вельможи и все другие люди, при огне, разведенном из бычьего и конского навоза. Далее, даже и сотая часть вышеназванной земли не плодородна, и она не может даже приносить плода, если не орошается речными водами. Но вод и ручьев там немного, а реки очень редки, поэтому там нет селений, а также и каких-нибудь городов, за исключением одного, который слывет довольно хорошим и называется Каракарон^[396], но мы его не видели, а были почти за

полдня пути до него, когда находились в Сыр-Орде^[397], каковая является главным двором их императора. И хотя в других отношениях земля не плодородна, она все же достаточно, хотя и не особенно, пригодна для разведения скота.

§ III. О распределении воздуха

Воздух в этой земле распределен удивительно. Именно среди лета, когда в других странах обычно бывает в изобилии наивысшая теплота, там бывают сильные громы и молнии, которые убивают очень многих людей. В то же время там падают также в изобилии снега. Бывают там также столь сильные бури с весьма холодными ветрами, что иногда люди едва с затруднением могут ездить верхом. Отсюда, когда мы были в Орде (так называются у них становища императора и вельмож), то от силы ветра лежали распростерты на земле и вследствие обилия пыли отнюдь не могли смотреть. В этой земле также зимою никогда не бывает дождя, а летом идет он часто, но так мало, что едва может иногда смочить пыль и корни трав. Падает там также часто очень крупный град. Отсюда в то время, когда был избран император и должен был воссесть на царском престоле, в бытность нашу при дворе, выпал столь сильный град, что, когда он внезапно растаял, как мы узнали вполне достоверно, более 160 человек утонуло там же, при дворе, а имущества и жилищ было снесено еще больше. Там бывает также летом внезапно сильный зной и неожиданно страшнейший холод. Зимою же в одной части выпадают сильнее снега, а в другой – неглубокие.

Ауденция в Каракоруме. Рисунок XVII в.

Глава вторая. О внешнем виде лиц, о супружестве, одеянии, жилищах и имуществе их

Сказав о земле, надлежит сказать о людях: во-первых, мы опишем их внешний вид; во-вторых, изложим об их супружестве, в-третьих, об одеянии; в-четвертых, о жилищах и; в-пятых, об их имуществе.

§ I. О внешнем виде

Внешний вид лиц отличается от всех других людей. Именно между глазами и между щеками они (лица) шире, чем у других людей, щеки же очень выдаются от скул; нос у них плоский и небольшой; глаза маленькие, и ресницы приподняты до бровей. В поясе они в общем тонки, за исключением некоторых, и притом немногих, росту почти все невысокого. Борода у всех почти вырастает очень маленькая, все же у некоторых на верхней губе и на бороде есть небольшие волосы, которых они отнюдь не стригут.

На маковке головы они имеют гуменце наподобие клириков, и все вообще бреют [голову] на три пальца ширины от одного уха до другого; эти выбритые места соединяются с вышеупомянутым гуменцем; надо лбом равным образом также все бреют на два пальца ширины; те же волосы, которые находятся между гуменцем и вышеупомянутым бритым местом, они оставляют расти вплоть до бровей, а с той и другой стороны лба оставляют длинные волосы, обстригая их более чем наполовину; остальным же волосам дают расти. Из этих волос они составляют две косы и завязывают каждую за ухом.

Ноги у них также небольшие.

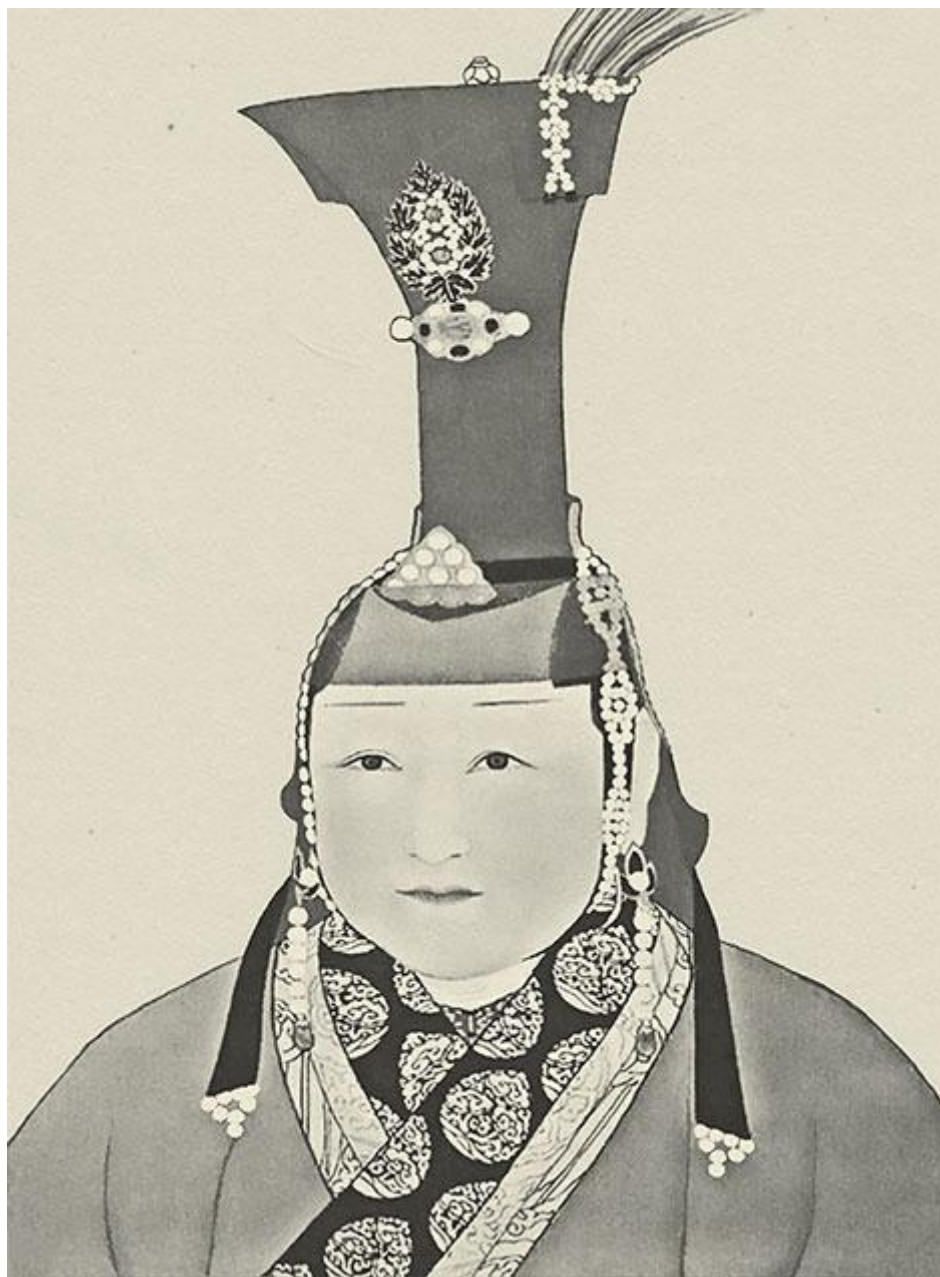
§ II. Об их супружестве

Жен же каждый имеет столько, сколько может содержать; иной сто, иной пятьдесят, иной десять, иной больше, иной меньше, и они могут сочетаться браком со всеми вообще родственниками, за исключением матери, дочери и сестры от той же матери. На сестрах же только по отцу, а также на женах отца после его смерти они могут жениться. А на жене брата другой брат, младший, после смерти первого или иной младший из родства даже обязан жениться. Всех остальных женщин они берут в жены без всякого различия и покупают их у их родителей очень дорого. По смерти мужей жены нелегко вступают во второй брак, разве только кто пожелает взять в жены свою мачеху.

§ III. Об их одеянии

Одеяние же, как у мужчин, так и у женщин, шито одинаковым образом. Они не имеют ни плащей, ни шапок, ни шляп, ни шуб. Кафтаны же носят из букарана^[398], пурпура или балдакина^[399], сшитые следующим образом. Сверху донизу они разрезаны и на груди запахиваются; с левого же боку они застегиваются одной, а на правом – тремя пряжками и на левом боку разрезаны до рукава.

Полушубки, какого бы рода они ни были, шьются таким же образом, но верхний полушубок имеет волосы снаружи, а сзади он открыт, но у него есть один хвостик, висящий назад до колен. Замужние же женщины носят один кафтан, очень широкий и разрезанный спереди до земли.

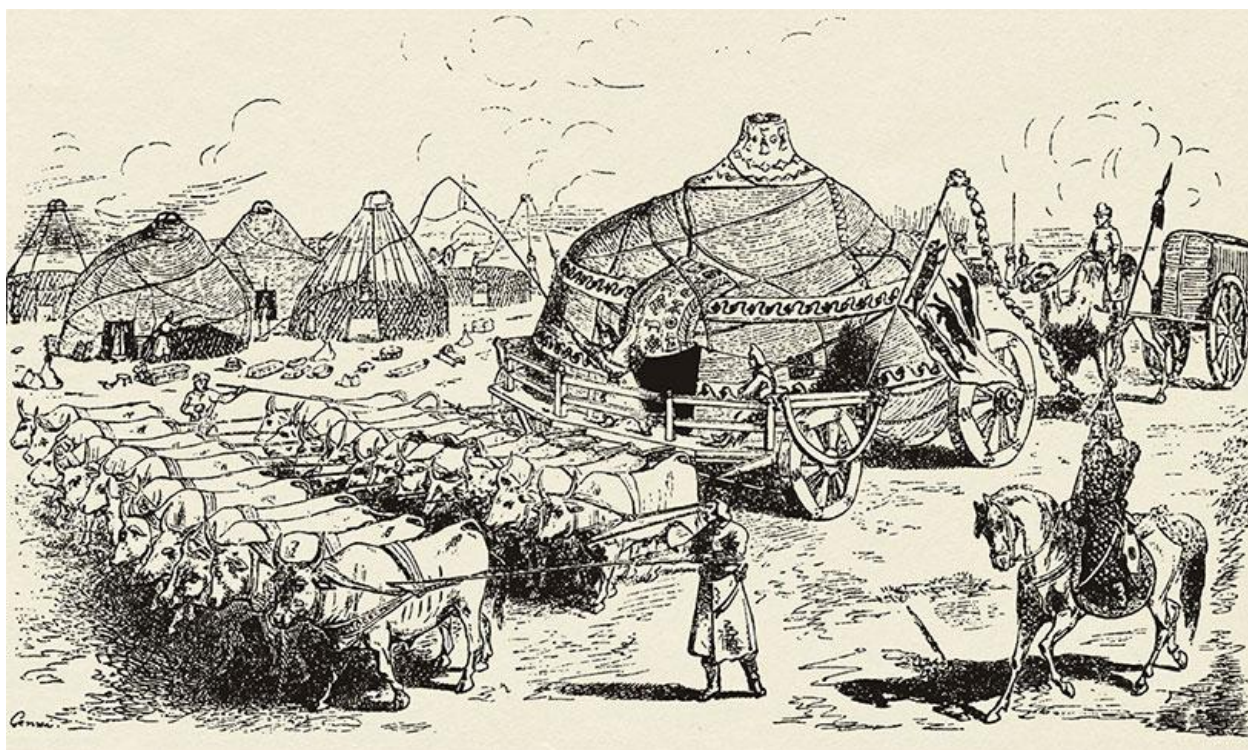
Одна из жен Хубилая в традиционном монгольском головном уборе. Китайская живопись на шелке. XIV в.

На голове же они носят нечто круглое, сделанное из прутьев или из коры, длиною в один локоть и заканчивающееся наверху четырехугольником, и снизу доверху этот [убор] все увеличивается в ширину, а наверху имеет один длинный и тонкий прут из золота, серебра или дерева или даже перо⁽⁴⁰⁰⁾; и этот [убор] нашит на шапочку, которая простирается до плеч. И как шапочка, так и вышеупомянутый убор покрыты букараном, или пурпуром, или балдакином. Без этого убора они никогда не появляются на глаза людям, и по нему узнают их другие женщины.

Девушек же и молодых женщин с большим трудом можно отличить от мужчин, так как они одеваются во всем так, как мужчины. Шапочки у них иные, чем у других народов; описать, понятно, их вид мы бессильны.

§ IV. Об их жилищах

Ставки (юрты) у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху же, в середине ставки, имеется круглое окно, откуда попадает свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны также из войлока. Некоторые ставки велики, а некоторые небольшие, сообразно достоинству и скудости людей. Некоторые быстро разбираются и чинятся и переносятся на вьючных животных, другие не могут разбираться, но перевозятся на повозках. Для меньших при перевозке на повозке достаточно одного быка, для больших – три, четыре или даже больше, сообразно с величиной повозки, и, куда бы они ни шли, на войну или в другое место, они всегда перевозят их с собой.

Средневековая монгольская телега-юрта во время передвижения

§ V. Об их имуществе

Они очень богаты скотом: верблюдами, быками, овцами, козами и лошадьми. Вьючного скота у них такое огромное количество, какого, по нашему мнению, нет и в целом мире, свиней и иных животных нет вовсе.

Глава третья. О богопочитании, о том, что они признают грехами, о гаданиях и очищениях и погребальном обряде

§ 1. О богопочитании татар

1. Они веруют в единого Бога^[401], которого признают творцом всего видимого и невидимого, а также и признают его творцом как блаженства в этом мире, так и мучений, однако они не чтут его молитвами, или похвалами, или каким-либо обрядом. Тем не менее у них есть какие-то идолы из войлока^[402], сделанные по образу человеческого, и они ставят их с обеих сторон двери ставки и вкладывают в них нечто из войлока, сделанное наподобие сосцов, и признают их за охранителей стад, дарующих им обилие молока и приплода скота. Других же идолов они делают из шелковых тканей и очень чтут их. Некоторые ставят их на прекрасной закрытой повозке перед входом в ставку, и всякого, кто украдет что-нибудь с этой повозки, они убивают без всякого сожаления.

А когда они хотят делать этих идолов, то собираются вместе все пожилые хозяйки, которые находятся в тех ставках, и с благоговением делают их, а когда сделают, то убивают овцу, едят ее и сжигают огнем ее кости.

И когда также болен какой-нибудь отрок, то они делают идола вышесказанным способом и привязывают его над ложем. Вожжи, тысячники и сотники всегда имеют козла в середине ставки. Вышеупомянутым идолам они приносят (в жертву) прежде всего молоко всякого скота, и обыкновенного, и выючного. И всякий раз, как приступают к еде или питью, они, прежде всего, приносят им часть от кушаний и питья. И всякий раз, как они убивают какого-нибудь зверя, они приносят на каком-нибудь блюде сердце идолу, который находится на повозке, и оставляют до утра, а также уносят сердце с его вида, варят и едят.

2. Прежде всего, также они делают идола для императора и с почетом ставят его на повозке перед ставкой, как мы видели при дворе настоящего императора, и приносят ему много даров. Посвящают ему также лошадей, на которых никто не дерзает садиться до самой их смерти. Посвящают ему также и иных животных, и если убивают их для еды, то не сокрушают у них ни единой кости, а сжигают огнем.

В полдень также они поклоняются ему как Богу и заставляют поклоняться некоторых знатных лиц, которые им подчинены. Отсюда недавно случилось, что Михаила, который был одним из великих князей русских^[403], когда он отправился на поклон к Бату^[404], они заставили раньше пройти между двух огней; после они сказали ему, чтобы он поклонился на полдень Чингисхану.

Тот ответил, что охотно поклонится Бату и даже его рабам, но не поклонится изображению мертвого человека, так как христианам этого делать не подобает. И после неоднократного указания ему поклониться и его нежелания вышеупомянутый князь передал ему через сына Ярослава, что он будет убит, если не поклонится. Тот ответил, что лучше желает умереть, чем сделать то, чего не подобает.

И Бату послал одного телохранителя, который бил его пяткой в живот против сердца так долго, пока тот не скончался. Тогда один из его воинов, который стоял тут же, ободрял его, говоря: «Будь тверд, так как эта мука недолго для тебя продолжится, и тотчас воследует вечное веселье». После этого ему отрезали голову ножом, и у вышеупомянутого воина голова была также отнята ножом.

3. Сверх того, они набожно поклоняются солнцу, луне и огню, а также воде и земле, посвящая им начатки пищи и питья, и преимущественно утром, раньше чем станут есть или пить. И так как они не соблюдают никакого закона о богопочитании, то никого еще, насколько мы знаем, не заставили отказаться от своей веры или закона, за исключением Михаила, о котором сказано выше.

Что они станут делать дальше, не знаем; некоторые, однако, предполагают, что если татары получат единовластие, – да отвратит это Бог, – то они заставят всех поклоняться этому идолу. Случилось также в недавнюю бытность нашу в их земле, что Андрей, князь Чернигова^[405] (Cherneglove), который находится в Руси, был обвинен пред Батом в том, что увел лошадей татар из земли и продавал их в другое место; и хотя этого не было доказано, он все-таки был убит. Услышав это, младший брат его прибыл с женою убитого к вышеупомянутому князю Бату с намерением упросить его не отнимать у них земли. Бат сказал отроку, чтобы он взял себе в жены жену вышеупомянутого родного брата своего, а женщине приказал взять его в мужья, согласно обычаю татар. Тот сказал в ответ, что лучше желает быть убитым, чем поступить вопреки закону. А Бат тем не менее передал ее ему, хотя оба отказывались, насколько могли, и их обоих повели на ложе, и плачущего и кричащего отрока положили на нее и принудили их одинаково совокупиться сочетанием не условным, а полным.

§ II. О том, что они признают грехами

Хотя у них нет никакого закона о справедливых деяниях или предостережении от греха, тем не менее все же они имеют некоторые предания о том, что называют грехами, измышленные или ими самими, или их предшественниками.

Одно состоит в том, чтобы вонзать нож в огонь, или также каким бы то ни было образом касаться огня ножом, или извлекать ножом мясо из котла, также рубить топором возле огня, ибо они веруют, что таким образом должна быть отнята голова у огня.

Точно так же опираться на плеть, которой погоняют коня (они ведь не носят шпор); точно так же касаться стрел бичом; точно так же ловить или убивать молодых птиц, ударять лошадь уздою; точно так же ломать кость о другую кость; точно так же проливать на землю молоко или другой какой напиток или пищу, мочиться в ставку.

Но если кто это делает добровольно, его убивают, если же иначе, то им должно заплатить много денег колдуну, чтобы он очистил их и заставил также и ставку, и то, что в ней находится, пройти между двух огней, а раньше, чем она будет так очищена, никто не дерзает войти в нее и унести из нее что-нибудь.

Точно так же, если кому положат в рот кусочек и он не может проглотить его и выбросить его изо рта, то под ставкой делают отверстие, вытаскивают его через это отверстие и без всякого сожаления убивают.

Точно так же, если кто наступает на порог ставки какого-нибудь вождя, то его умерщвляют точно таким же образом.

И у них есть много подобного этому, о чем было бы слишком долго рассказывать. А убивать людей, нападать на земли других, захватывать имущество других всяким несправедливым способом, предаваться блуду, обижать других людей, поступать вопреки запрещенным и заповедям Божиим отнюдь не считается у них греховным. Они ничего не знают о вечной жизни и вечном осуждении; веруют, однако, что после смерти станут жить в ином мире, будут умножать свои стада, есть, пить и делать другое, что делают люди, живущие в этом мире.

§ III. О гаданиях и очищениях грехов

Они успешно предаются гаданиям вообще, а также по полету птиц и внутренностям животных, чародействам и волшебству. И когда им отвечают демоны, они веруют, что это говорит им сам Бог. Этого Бога они называют Итога^[406], а команы^[407] именуют его Кам; они удивительно боятся и чтут его, и приносят ему много даров и начатки пищи и питья, и делают все согласно его ответам. Все то, что они желают делать нового, они начинают в начале луны.

Глава четвертая. О нравах татар, хороших и дурных, их пище и обычаях

§ I. О хороших нравах татар

Вышеупомянутые люди, то есть татары, более повинуются своим ханам, чем какие бы то ни было люди, живущие в сем мире, или духовные, или светские, более всех уважают их и нелегко лгут перед ними. Словопрения между ними бывают редко или никогда, драки же никогда, войн, ссор, ран, человекоубийства между ними не бывает никогда.

Там не обретаются также разбойников и воров важных предметов; отсюда их ставки и повозки, где они хранят свое сокровище, не замыкаются засовами или замками. Если теряется какой-нибудь скот, то всякий, кто найдет его, или просто отпускает его, или ведет к тем людям, которые для того приставлены; люди же, которым принадлежит этот скот, отыскивают его у вышеупомянутых лиц и без всякого труда получают его обратно.

Один достаточно чтит другого, и все они достаточно дружны между собою; и хотя у них мало пищи, однако они вполне охотно делятся ею между собою. И они также довольно выносливы; поэтому, голодая один день или два и вовсе ничего не вкушая, они не выражают какого-нибудь нетерпения, но пьют и играют, как будто хорошо поели.

Во время верховой езды они сносят великую стужу, иногда также терпят и чрезмерный зной. И это люди не изнеженные.

Взаимной зависти, кажется, у них нет; среди них нет почти никаких тяжёбных ссор; никто не презирает другого, но помогает и поддерживает, насколько может, по средствам. Женщины их целомудренны, и о бестыдстве их ничего среди них не слышно; однако некоторые из них в шутку произносят достаточно позорных и бесстыдных слов. Раздоры между ними возникают или редко, или никогда, и хотя они доходят до сильного опьянения, однако, несмотря на свое пьянство, никогда не вступают в словопрения или драки.

§ II. О дурных нравах их

Описав их хорошие нравы, следует изложить теперь о дурных. Они весьма горды по сравнению с другими людьми и всех презирают, мало того, считают их, так сказать, ни за что, будь то знатные или незнатные.

Именно, мы видели при дворе императора, как знатный муж Ярослав, великий князь Руси^[408], а также сын царя и царицы грузинской^[409] и много великих султанов, а также князь солангов не получали среди них никакого должного почета, но приставленные к ним татары, какого бы низкого звания они ни были, шли впереди их и занимали всегда первое и главное место, а, наоборот, часто тем надлежало сидеть сзади...

По сравнению с другими людьми они очень вспыльчивы и раздражительного нрава. И также они гораздо более лживы, чем другие люди, и в них не обретаётся никакой почти правды; вначале, правда, они лстивы, а под конец жалат, как скорпион. Они коварны и обманщики и, если могут, обходят всех хитростью.

Это грязные люди, когда они принимают пищу и питье и в других делах своих. Все зло, какое они хотят сделать другим людям, они удивительным образом скрывают, чтобы те не могли позаботиться о себе или найти средство против их хитростей.

Пьянство у них считается почетным, а когда кто много выпьет, там же извергает обратно, но из-за этого не оставляет выпить вторично.

Они очень алчны и скупы, огромные мастера выпросить что-нибудь, а вместе с тем весьма крепко удерживают все свое и очень скупые дарители.

Убийство других людей считается у них ни за что. И, говоря кратко, все дурные нравы их по своей пространности не могу быть изображены в описании.

§ III. Об их пище

1. Их пищу составляет все, что можно разжевать, именно: они едят собак, волков, лисиц и лошадей, а в случае нужды вкушают и человеческое мясо. Отсюда, когда они воевали против одного китайского города, где пребывал их император, и осаждали его так долго, что у самих татар вышли все съестные припасы, то, так как у них не было вовсе что есть, они брали для еды одного из десяти человек. Они едят также очищения, выходящие из кобыл вместе с жеребятами. Мало того, мы видели даже, как они ели вшей, именно они говорили: «Неужели я не должен есть их, если они едят мясо моего сына и пьют его кровь?» Мы видели также, как они ели мышей.

Скатертей и салфеток у них нет. Хлеба у них нет, равно как зелени и овощей и ничего другого, кроме мяса; да и его они едят так мало, что другие народы с трудом могут жить на это.

2. Они очень грязнят себе руки жиром от мяса, а когда поедят, то вытирают их о свои сапоги, или о траву, или обо что-нибудь подобное; более благородные имеют также обычно какие-то маленькие суконки, которыми напоследок вытирают руки, когда поедят мяса. Пищу разрезает один из них, а другой берет острием ножика кусочки и раздает каждому, одному больше, а другому меньше, сообразно с тем, больше или меньше они хотят кого-либо почтить.

Посуды они не моют, а если иногда и моют мясной похлебкой, то снова с мясом выливают в горшок. Также если они очищают горшки, или ложки, или другие сосуды, для этого назначенные, то моют точно так же.

У них считается великим грехом, если каким-нибудь образом дано будет погибнуть чему-нибудь из питья или пищи, отсюда они не позволяют бросать собакам кости, если у них прежде не высосать мозжечок. Платья свои они также не моют и не дают мыть, а особенно в то время, когда начинается гром, до тех пор, пока не прекратится это время.

3. Кобылье молоко, если оно у них есть, они пьют в огромном количестве, пьют также овечье, коровье и верблюжье молоко. Вина, пива и меда у них нет, если этого им не пришлют и не подарят другие народы. Зимой у них нет даже и кобыльего молока, если они небогаты. Они также варят просо с водою, размельчая его настолько, что могут его не есть, а пить. И каждый из них пьет поутру чашу или две, и днем они больше ничего не едят, а вечером каждому дается немного мяса, и они пьют мясную похлебку. Летом же, имея тогда достаточно кобыльего молока, они редко едят мясо, если им случайно не подарят его или они не поймают на охоте какого-нибудь зверя или птицу.

§ IV. Об их законах и обычаях

1. Далее, у них есть закон или обычай убивать мужчину или женщину, которых они застанут в явном прелюбодеянии, также если и девица будет с кем-нибудь блудодействовать, они убивают мужчину и женщину.

Если кто-нибудь будет застигнут на земле их владения в грабеже или явном воровстве, то его убивают без всякого сожаления.

Точно так же, если кто-нибудь (вражеский лазутчик) открывает их замысел, особенно когда они хотят идти на войну, то ему дается по заду сто ударов таких сильных, насколько может дать их крестьянин большой палкой.

Точно так же, когда кто-нибудь из младших оскорбляет кого-нибудь, то их старшие не щадят их, а подвергают тяжкому бичеванию.

Точно так же между сыном от наложницы и от жены нет никакой разницы, но отец дает каждому из них, что хочет, и если он из племени князей, то сын наложницы является князем постольку же, как и сын законной супруги.

Монгольский лучник. *Китайский рисунок. XIII в.*

И если один татарин имеет много жен, то каждая из них сама по себе имеет свою ставку и свое семейство; и один день он пьет, ест и спит с одной, а другой день – с другою; все-таки одна из них считается старшей среди других, и он бывает с ней чаще, чем с другими, и, хотя их так много, они нелегко ссорятся между собою.

2. Мужчины ничего вовсе не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах; но они охотятся и упражняются в стрельбе, ибо все они от мала до велика суть хорошие стрелки, и дети их, когда им два или три года от роду, сразу же начинают ездить верхом и управляют лошадьми и скачут на них, и им дается лук сообразно их возрасту, и они учатся пускать стрелы, ибо очень ловки, а также смелы.

3. Девушки и женщины ездят верхом и ловко скачут на конях, как мужчины. Мы также видели, как они носят колчаны и луки. И как мужчины, так и женщины могут ездить долго и упорно. Стремена у них очень короткие, лошадей они очень берегут, мало того, они усиленно охраняют все имущество. Жены их все делают: полушубки, платья, башмаки, сапоги и все изделия из кожи, также они правят повозками и чинят их, выючат верблюдов и во всех своих делах очень проворны и скоры. Все женщины носят штаны, а некоторые и стреляют, как мужчины.

Глава пятая. О начале державы татар, об их князьях, о власти императора и его князей

Сказав об их обычаях, следует присовокупить об их державе, и сперва скажем об ее начале, во-вторых, об ее князьях, в-третьих, о власти императора и князей.

§ I. О начале державы татар

1. Есть некая земля среди стран Востока, о которой сказано выше и которая именуется Монгал. Эта земля имела некогда четыре народа: один назывался йека-монгал^[410], то есть великие монгалы, второй назывался су-монгал^[411], то есть водяные монгалы, сами же себя они именovali татарами^[412], от некоей реки, которая течет чрез их страну и называется Татар; третий народ назвался меркит^[413], четвертый – мекрит^[414]. Все эти народы имели одну форму лиц и один язык, хотя между собою они разделялись по областям и государям.

2. В земле Йека-Монгал был некто, который назывался Чингис^[415], он начал быть сильным ловцом перед Господом, ибо он научил людей воровать и грабить добычу. Далее, он ходил в другие земли и не оставлял пленять и присоединять к себе кого только мог, людей же своего народа он приклонил к себе, и они следовали за ним как за вождем на все злодеяния. Далее, он начал сражаться с су-монгал, или татарами, после того как подчинил себе многих людей и убил их вожда, в продолжительной войне покорил себе всех татар, привел их себе в рабство и подчинил. После этого вместе со всеми ими он сразился с меркитами, страна которых была расположена возле земли татар; и их также подчинил себе войною. Подвигаясь оттуда, он сразился против мекритов и покорил их также.

3. Найманы, услышав, что Чингис так возвысился, сильно вознегодовали, ибо у них самих раньше был очень храбрый император, и все вышеназванные народы платили ему дань.

Когда он исполнил общий долг всего плотского, его место заступили его сыновья, но они были молоды и глупы и не умели держать народа, а между собою они жили в раздоре и несогласии; отсюда в то время, как вышеназванный Чингис так возвысился, они все же тем не менее устраивали набег на вышеуказанные земли и убивали мужчин, женщин и детей и забирали от них добычу.

Чингис, слыша это, соединил всех подвластных себе людей; найманы, так же как и кара-китаи^[416], т. е. черные китаи (кидане), равным образом собрались напротив в огромном количестве в некую долину, сжатую между двух гор, через которую проезжали мы, отправляясь к их императору, и завязалось сражение, в котором найманы и кара-китаи были побеждены монгалами, и большая часть их была убита, а другие, которые не могли ускользнуть, были обращены в рабство.

В земле же вышеназванных кара-китаев Оккодай-хан^[417] сын Чингисхана, после своего назначения императором построил некий город, который назвал Омыл^[418]; вблизи него к югу есть некая великая пустыня, в которой, как говорят, наверное, живут лесные люди^[419]; они никак не говорят и не имеют суставов в коленях, а если когда упадут, то отнюдь не могут встать без помощи других; но у них есть настолько рассудительности, что они делают войлоки из верблюжьей шерсти, в которые одеваются, и даже ставят их против ветра, и если какие-нибудь татары идут на них и ранят их стрелами, то они кладут траву в раны и быстро бегут от врагов.

4. Монгалы же, вернувшись в свою страну, подготовились к битве против китаев и, снявшись с лагеря, вступили в их землю; император же китаев, услышав это, пошел против них со своим войском, и завязалось тяжелое сражение, в каковом сражении монгалы были побеждены и все вельможи монгалов, которые были в вышесказанном войске, были убиты, за исключением семи; отсюда и до сих пор, когда кто-нибудь грозит им, говоря: «Вы будете убиты, если пойдете в ту страну, так как там пребывает множество народа и находятся люди, пригодные к сражению», они отвечают: «Некогда мы также были убиты, и нас осталось только семь, а теперь мы выросли в огромную толпу, поэтому нас не страшит подобное»^[420]. Чингис же и другие, которые остались, убежали в свою землю.

5. И, несколько отдохнув, вышеназванный Чингис снова подготовился к бою и вышел на войну против земли гуиров; эти люди – христиане несторианской ереси; их он также покорил войною, и татары приняли их грамоту, ибо прежде не имели никаких писем; теперь же эту грамоту именуют монгальскою^[421]. Двинувшись отсюда против земли саригуйюр^[422], и против земли каранитов^[423], и против земли войратов^[424], и против земли команов, Чингис покорил войною все эти земли и вернулся затем в свою землю.

6. И когда он несколько отдохнул, то, созвав всех своих людей, двинулся равным образом на войну против китаев^[425], и после долгой борьбы с ними они покорили большую часть земли китаев, императора же их заперли в его главном городе^[426]. Они осаждали его так долго, что у войска не хватило вовсе съестных припасов, и, когда у них не было вовсе что есть, Чингисхан приказал им, чтобы они отдавали для еды одного человека из десяти.

Китайский станковый арбалет

Жители же города мужественно сражались против них при помощи машин и стрел, и когда не стало хватать камней, то они вместо камней бросали серебро, и главным образом серебро расплавленное, ибо этот город был полон многими богатствами. И после долгого сражения, не будучи вовсе в состоянии одолеть город войною, татары сделали большую дорогу под землю от войска до середины города и, открыв внезапно землю, выскочили без ведома тех и в середине города сразились с людьми того же города; и те, которые были вне, таким же образом сражались против горожан; разбив ворота, вошли в город; убив императора и многих людей, завладели городом и унесли золото, серебро и все его богатства и, поставив во главе вышеназванной земли китаев своих людей, вернулись в собственную землю. И тогда впервые после победы над императором китаев вышеназванный Чингисхан сделался императором. Все же некоторую часть земли китаев, как расположенную на море, они никоим образом не одолели вплоть до нынешнего дня.

Китаи же, о которых мы сказали выше, суть язычники, которые имеют особую грамоту, и, как говорят, у них есть Новый и Ветхий Завет; и они имеют Жития отцов и пустынников и дома, сделанные наподобие церквей, где они молятся в свое время; и говорят, что они имеют некоторых святых. Они чтут единого Бога, уважают Господа Иисуса Христа и веруют в вечную жизнь, но крещения у них отнюдь нет; уважают и чтут наше Писание, любят христиан и творят значительные милостыни; они кажутся людьми очень кроткими и человечными. Бороды у них нет, и в очертании лица они очень схожи с монголами, однако они не так широки в лице; язык у них особый; в целом мире нельзя найти лучших мастеров во всех тех делах, в которых обычно упражняются люди. Земля их очень богата хлебом, вином, золотом, серебром и шелком, а также всеми вещами, которые обычно поддерживают природу человеческую.

7. И, несколько отдохнув, он разделил свои войска. Одного из своих сыновей, по имени Тоссука^[427], которого также называли «кан»^[428], то есть император, он послал с войском против команов^[429], которых тот победил в продолжительной борьбе; а после того как он их победил, он вернулся в свою землю. Также другого сына он послал с войском против индов, и он покорил Малую Индию^[430]; это черные сарадины, которые именуются эфиопами. Это же войско вышло на бой против христиан, которые находятся в Большой Индии. Слыша это, царь той страны, который именовался в народе Пресвитером Иоанном^[431], выступил против них с соединенным войском и, сделав медные изображения, поместил их на седлах на лошадей, разведя внутри огонь, а сзади медных изображений поместил на лошадей людей с мехами, и со многими изображениями и лошадьми, так подготовленными, они вступили в бой против вышеназванных татар; и когда они пришли на место боя, то послали вперед этих лошадей, одну рядом с другой; мужи же, бывшие сзади, положили что-то на огонь, который был в вышеназванных

изображениях, и стали сильно дуть мехами. Отсюда произошло, что греческий огонь опалял людей и лошадей, и воздух омрачился от дыма, и тогда они пустили стрелы в татар; от этих стрел много людей было ранено и убито, и, таким образом, они выгнали их в замешательстве из своих пределов, и мы никогда не слышали, чтобы татары впредь к ним возвращались...

...11. И отсюда он вернулся в свою землю; там он издал многочисленные законы и постановления^[432], которые татары нерушимо соблюдают; из них мы упоминаем только про два.

Одно постановление такое, что всякого, кто, превозносясь в гордости, пожелает быть императором собственною властью без избрания князей, должно убивать без малейшего сожаления.

Отсюда до избрания настоящего Куйюк-хана^[433] из-за этого был убит один из князей, внук Чингисхана, ибо он хотел царствовать без избрания.

Другое постановление такое, что они должны подчинить себе всю землю и не должны иметь мира ни с каким народом, если прежде не будет им оказано подчинения, пока не настанет время их умерщвления, именно: они сражались сорок два года и предварительно должны царствовать восемнадцать лет. После этого, как говорят, они должны быть побеждены другим народом, каким, однако, не знают, как им было предсказано, и те, которые будут в состоянии уйти, как говорят, должны соблюдать тот закон, который соблюдают те, кто победит их войною.

Он установил также, что их войско должно быть разделено под начальством тысячников^[434], сотников, десятников и тьмы (командующих тумэнами, то есть десятью тысячами воинов). Он установил также и многое другое, рассказывать о чем было бы долго, да к тому же мы и не знаем [всего]. После этого, свершив свои распоряжения и постановления, он был убит ударом грома^[435].

§ II. О князьях татар

1. А у него (Чингисхана) было четыре сына^[436]: одного звали Оккодай, второго звали Тоссулук-хан, третьего звали Хыадай, а имени четвертого мы не знаем^[437]. От этих четырех лиц произошли все вожди монгалов...

§ III. О власти императора и его князей

1. Император же этих татар имеет изумительную власть над всеми^[438]. Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники — сотникам, сотники же десятникам.

Сверх того, во всем том, что он предписывает во всякое время, во всяком месте, по отношению ли к войне, или к смерти, или к жизни, они повинуются без всякого противоречия.

Точно так же, если он просит дочь-девицу или сестру, они дают ему без всякого противоречия; мало того, каждый год или по прошествии нескольких лет он собирает девиц из всех пределов татар и, если хочет удержать каких-нибудь себе, удерживает, а других дает своим людям, как ему кажется удобным.

Каких бы, сколько бы и куда бы он ни отправлял послов, им должно давать без замедления подводу и содержание^[439], откуда бы также ни приходили к нему данники или послы, равным образом им должно давать коней, колесницы и содержание. Но послы, приходящие из других стран, терпят большую нужду, как в содержании, так и в одежде, ибо издержки на них скудны и малы, а в особенности когда они прибывают к князьям и должны там иметь пребывание. Тогда на десять человек дается так мало, что на это едва могут прожить двое; также и при дворах князей и в путешествии дается им поесть только раз в день, и очень мало; точно так же, если им причиняют какие-нибудь обиды, они отнюдь не легко могут жаловаться, поэтому им следует терпеливо сносить эти обиды.

2. Сверх того, как князья, так и другие лица, как знатные, так и незнатные, выпрашивают у них много подарков, а если они не получают, то низко ценят послов, — мало того, считают их как бы ни во что; а если послы отправлены великими людьми, то они не желают брать от них скромный подарок, а говорят: «Вы приходите от великого человека, а даете так мало?» Вследствие этого они не считают достойным брать, и если послы хотят хорошо обделать свои дела, то им следует давать больше. Поэтому и нам пришлось также раздать по нужде на подарки большую часть тех вещей, которые люди благочестивые дали нам для продовольствия.

И следует также знать, что все настолько находится в руке императора, что никто не смеет сказать: «Это — мое или его», но все принадлежит императору, то есть имущество, выючный скот и люди, и по этому поводу недавно даже появился указ императора.

3. Ту же власть имеют во всем вожди над своими людьми, именно люди, то есть татары и другие, распределены между вождами. Также и послам вождей, куда бы те их ни посылали, как подданные императора, так и все другие обязаны давать как подводы, так и продовольствие, а также без всякого противоречия людей для охраны лошадей и для услуг послам.

Как вожди, так и другие обязаны давать императору для дохода кобыл, чтобы он получал от них молоко, на год, на два или на три, как ему будет угодно; и подданные вождей обязаны делать то же самое своим господам, ибо среди них нет никого свободного. И, говоря кратко, император и вожди берут из их имущества все, что ни захотят и сколько хотят. Также и личностью их они располагают во всем, как им будет благоугодно...

Глава шестая. О войне и разделении войск, об оружии и хитростях при столкновении, об осаде укреплений и вероломстве их против тех, кто сдается им, и о жестокости против пленных

§ I. О разделении войск

О разделении войск скажем таким образом: Чингисхан приказал, чтобы во главе десяти человек был поставлен один (и он по-нашему называется десятником), а во главе десяти десятников был поставлен один, который называется сотником, а во главе десяти сотников был поставлен один, который называется тысячником, а во главе десяти тысячников был поставлен один (командир тумэна), и это число называется у них «тэма». Во главе же всего войска ставят двух вождей или трех, но так, что они имеют подчинение одному.

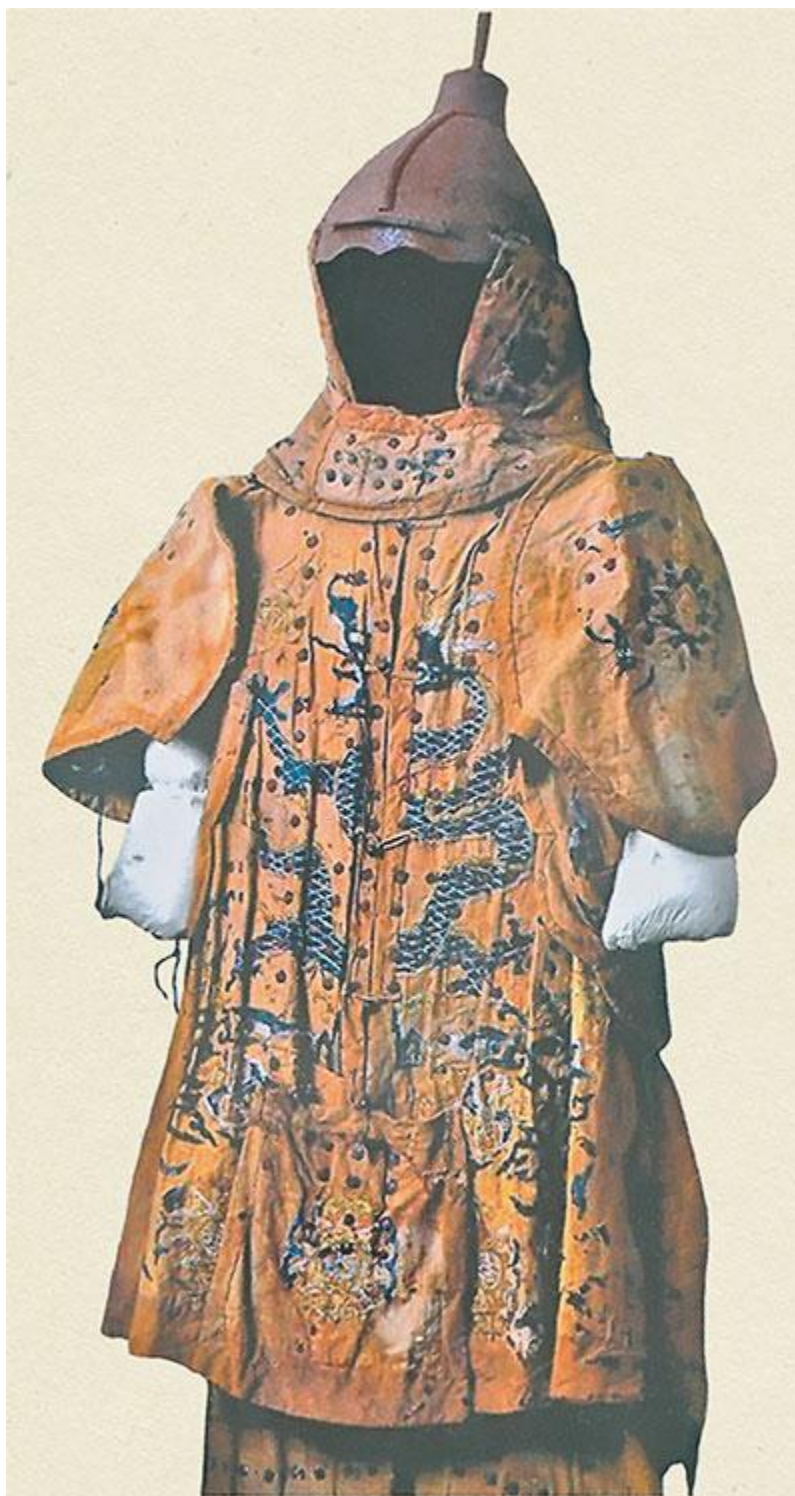
Когда же войска находятся на войне, то если из десяти человек бежит один, или двое, или трое, или даже больше, то все они умерщвляются, и если бегут все десять, а не бегут другие сто, то все умерщвляются; и, говоря кратко, если они не отступают сообща, то все бегущие умерщвляются; точно так же, если один, или двое, или больше смело вступают в бой, а десять других не следуют, то их также умерщвляют, а если из десяти попадают в плен один или больше, другие же товарищи не освобождают их, то они также умерщвляются.

§ II. Об оружии

1. Оружие же все, по меньшей мере, должны иметь такое: два или три лука или, по меньшей мере, один хороший и три больших колчана, полные стрелами, один топор и веревки, чтобы тянуть орудия. Богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие только с одной стороны и несколько кривые; у них есть также... прикрытия для голеней, шлемы и латы.

Некоторые имеют латы, а также прикрытия для лошадей из кожи, сделанные следующим образом: они берут ремни от быка или другого животного шириною в руку, заливают их смолою вместе по три или по четыре и связывают ремешками или веревочками; на верхнем ремне они помещают веревочки на конце, а на нижнем – в середине, и так поступают до конца; отсюда, когда нижние ремни наклоняются, верхние встают и таким образом удваиваются или утраиваются на теле.

Прикрытие лошади они делят на пять частей: с одной стороны лошади – одну, а с другой стороны – другую, которые простираются от хвоста до головы и связываются у седла, а сзади седла на спине и также на шее; также на крестец они кладут другую сторону, там, где соединяются связи двух сторон: в этом куске они делают отверстие, через которое выставляют хвост, и на грудь также кладут одну сторону. Все части простираются до колен или до связей голеней; и пред лбом они кладут железную полосу, которая с обеих сторон шеи связывается с вышеназванными сторонами.

Доспехи монгольских воинов конца XIII в.

Латы же имеют также четыре части; одна часть простирается от бедра до шеи, но она сделана согласно расположению человеческого тела, так как сжата перед грудью, а от рук и ниже облегает кругло вокруг тела. Сзади же к крестцу они кладут

другой кусок, который простирается от шеи до того куска, который облегает вокруг тела. На плечах же эти два куска, именно передний и задний, прикрепляются пряжками к двум железным полосам, которые находятся на обоих плечах. И на обеих руках сверху они имеют кусок, который простирается от плеч до кисти рук, которые также ниже открыты, и на каждом колене они имеют по куску. Все эти куски соединяются пряжками. Шлем же сверху железный или медный, а то, что прикрывает шею и горло, — из кожи. И все эти куски из кожи составлены указанным выше способом.

2. У некоторых же все то, что мы выше назвали, составлено из железа следующим образом: они делают одну тонкую полосу шириною в палец, а длиною в ладонь, и таким образом они готовят много полос; в каждой полосе они делают восемь маленьких отверстий и вставляют внутрь три ремня плотных и крепких, кладут полосы одна на другую, как бы поднимаясь по уступам, и привязывают вышеуказанные полосы к ремням тонкими ремешками, которые пропускают чрез отмеченные выше отверстия; в верхней части они вшивают один ремешок, который удваивается с той и другой стороны и сшивается с другим ремешком, чтобы вышеуказанные полосы хорошо и крепко сходились вместе, и образуют из полос как бы один ремень, а после связывают все по кускам так, как сказано выше. И они делают это для вооружения как коней, так и людей. И они заставляют это так блеснуть, что человек может видеть в них свое лицо.

3. У некоторых из них есть копьа, и на шейке железа копьа они имеют крюк, которым, если могут, стаскивают человека с седла. Длина их стрел составляет два фута, одну ладонь и два пальца, а так как футы различны, то мы приводим здесь меру геометрического фута: двенадцать зерен ячменя составляют поперечник пальца, а шестнадцать поперечников пальцев образуют геометрический фут. Железные наконечники стрел весьма остры и режут с обеих сторон наподобие обоюдоострого меча; и они всегда носят при колчане напильники для изощрения стрел. Вышеупомянутые железные наконечники имеют острый хвост длиною в один палец, который вставляется в дерево. Щит у них сделан из ивовых или других прутьев, но мы не думаем, чтобы они носили его иначе как в лагере и для охраны императора и князей, да и то только ночью... Есть у них далее и другие разнообразные стрелы для охоты на птиц и зверей.

§ III. О хитростях при столкновении

1. Когда они желают пойти на войну, они отправляют вперед передовых застрельщиков, у которых нет с собой ничего, кроме войлоков, лошадей и оружия. Они ничего не грабят, не жгут домов, не убивают зверей и только ранят и умерщвляют людей, а если не могут иного, обращают их в бегство; все же они гораздо охотнее убивают, чем обращают в бегство.

За ними следует войско, которое, наоборот, забирает все, что находит; также и людей, если их могут найти, забирают в плен или убивают. Тем не менее все же стоящие во главе войска посылают после этого глашатаев, которые должны находить людей и укрепления, и они очень искусны в розысках.

2. Когда же они добиваются до рек, то переправляются через них, даже если они и велики, следующим образом: более знатные имеют круглую и гладкую кожу, на поверхности которой кругом они делают частые ручки, в которые вставляют веревку и завязывают так, что образуют в общем некий круглый мешок, который наполняют платьями и иным имуществом и очень крепко связывают вместе. После этого в середине кладут седла и другие, более жесткие предметы; люди также садятся в середине. И этот корабль, таким образом приготовленный, они привязывают к хвосту лошади и заставляют плыть вперед наравне с лошадью человека, который бы управлял лошадью. Или иногда они берут два весла, ими гребут по воде и таким образом переправляются через реку, лошадей же гонят в воду, и один человек плывет рядом с лошадью, которою управляет, все же другие лошади следуют за той и таким образом переправляются через воды и большие реки. Другие же, более бедные, имеют кошель из кожи, крепко сшитый; всякий обязан иметь его. В этот кошель, или в этот мешок, они кладут платье и все свое имущество, очень крепко связывают этот мешок вверху, вешают на хвост коня и переправляются, как сказано выше.

3. Надо знать, что всякий раз, как они завидят врагов, они идут на них, и каждый бросает в своих противников три или четыре стрелы; и если они видят, что не могут их победить, то отступают вспять к своим; и это они делают ради обмана, чтобы враги преследовали их до тех мест, где они устроили засаду; и, если их враги преследуют их до вышеупомянутой засады, они окружают их и таким образом ранят и убивают.

Точно так же, если они видят, что против них имеется большое войско, они иногда отходят от него на один или два дня пути и тайно нападают на другую часть земли и разграбляют ее; при этом они убивают людей и разрушают и опустошают землю. А если они видят, что не могут сделать и этого, то отступают назад на десять или на двенадцать дней пути. Иногда также они пребывают в безопасном месте, пока войско их врагов не разделится, и тогда они приходят украдкой и опустошают всю землю. Ибо в войнах они весьма хитры, так как сражались с другими народами уже сорок лет и даже более.

4. Когда же они желают приступить к сражению, то располагают все войско так, как они должны сражаться. Вожди, или начальники войска, не вступают в бой, но стоят вдали против войска врагов и имеют рядом с собой на конях отроков, а также женщин и лошадей. Иногда они делают изображения людей и помещают их на лошадей; это они делают для того, чтобы заставить думать о большом количестве воюющих.

Пред лицом врагов они посылают отряд пленных и других народов, которые находятся между ними; может быть, с ними идут и какие-нибудь татары. Другие отряды, более храбрых людей они посылают далеко справа и слева, чтобы их не видели противники, и таким образом окружают противников и замыкают в середину...

Затем они начинают сражаться со всех сторон. И хотя их иногда мало, противники, которые окружены, воображают, что их много. А в особенности бывает это тогда, когда они видят тех, которые находятся при вожде или начальнике войска, — отроков, женщин, лошадей и изображения людей, как сказано выше, которых они считают за воителей, и вследствие этого приходят в страх и замешательство.

А если случайно противники удачно сражаются, то татары устраивают им дорогу для бегства, и, как только те начнут бежать и отделяться друг от друга, они их преследуют и тогда, во время бегства, убивают больше, чем могут умертвить на войне.

Однако надо знать, что, если можно обойтись иначе, они неохотно вступают в бой, но ранят и убивают людей и лошадей стрелами, а когда люди и лошади ослаблены стрелами, тогда они вступают с ними в бой.

§ IV. Об осаде укреплений

Укрепления они завоевывают следующим способом. Если встретится такая крепость, они окружают ее; мало того, иногда они так ограждают ее, что никто не может войти или выйти; при этом они весьма храбро сражаются орудиями и стрелами и ни на один день или на ночь не прекращают сражения, так что находящиеся на укреплениях не имеют отдыха; сами же татары отдыхают, так как они разделяют войска, и одно сменяет в бою другое, так что они не очень утомляются.

И если они не могут овладеть укреплением таким способом, то бросают на него греческий огонь^[440]. Мало того, они обычно берут иногда жир людей, которых убивают, и выливают его в растопленном виде на дома. И везде, где огонь попадает на этот жир, он горит, так сказать, неугасимо; все же его можно погасить, как говорят, налив вина или пива; если же он упадет на тело, то может быть погашен трением ладони руки.

А если они не одолевают таким способом, и этот город или крепость имеет реку, то они преграждают ее или делают другое русло и, если можно, потопляют это укрепление. Если же это сделать нельзя, то они делают подкоп под укрепление и под землю входят в него в оружии. А когда они уже вошли, то одна часть бросает огонь, чтобы сжечь его, а другая часть борется с людьми того укрепления.

Если же и так они не могут победить его, то ставят против него свой лагерь или укрепление, чтобы не видеть тягости от вражеских копий, и стоят против него долгое время, если войско, которое с ними борется, случайно не получит подмоги и не удалит их силою.

§ V. О вероломстве татар и о жестокости против пленных

Но когда они уже стоят против укрепления, то ласково говорят с его жителями и много обещают им с той целью, чтобы те предались в их руки; а если те сдадутся им, то говорят: «Выйдите, чтобы сосчитать вас, согласно нашему обычаю». А когда те выйдут к ним, то татары спрашивают, кто из них ремесленники, и их оставляют, а других, исключая тех, кого захотят иметь рабами, убивают топором; и если, как сказано, они щадят кого-нибудь иных, то людей благородных и почтенных не щадят никогда, а если случайно в силу какого-нибудь обстоятельства они сохраняют каких-нибудь знатных лиц, то те не могут более выйти из плена ни мольбами, ни за выкуп.

Город в монгольской осаде. Миниатюра из «Сборника летописей» Рашид ад-Дина. XIV в.

Во время же войн они убивают всех, кого берут в плен, разве только пожелают сохранить кого-нибудь, чтобы иметь их в качестве рабов. Назначенных на убийство они разделяют между сотниками, чтобы они умерщвляли их обоюдоострою секирою; те же после этого разделяют пленников и дают каждому рабу для умерщвления десять человек, или больше, или меньше, сообразно с тем, как угодно начальствующим.

Глава седьмая. Как они заключают мир с людьми; о названиях земель, которые они покорили; о землях, которые оказали им сопротивление, и о жестокости, которую они проявляют к своим подданным

§ I. Как они заключают мир с людьми

1. Надо знать, что они не заключают мира ни с какими людьми, если те им не подчинятся, потому что, как сказано выше, они имеют приказ от Чингисхана, чтобы, если можно, подчинить себе все народы.

И вот чего татары требуют от них: чтобы они шли с ними в войске против всякого человека, когда им угодно, и чтобы они давали им десятую часть от всего, как от людей, так и от имущества. Именно: они отсчитывают десять отроков и берут одного и точно так же поступают и с девушками; они отвозят их в свою страну и держат в качестве рабов. Остальных они считают и распределяют согласно своему обычаю. А когда они получают полную власть над ними, то, если что и обещали им, не исполняют ничего, но пытаются повредить им всевозможными способами, какие только соответственно могут найти против них.

Например, в бытность нашу в России был прислан туда один сарацин, как говорили, из партии Гуйюг-хана и Батые, и этот наместник у всякого человека, имевшего трех сыновей, брал одного, как нам говорили впоследствии; вместе с тем он уводил всех мужчин, не имевших жен, и точно так же поступал с женщинами, не имевшими законных мужей, а равным образом выселял он и бедных, которые снискивали себе пропитание нищенством. Остальных же, согласно своему обычаю, пересчитал, приказывая, чтобы каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец, или бедный, или богатый, платил такую

дань, именно: чтобы он давал одну шкуру белого медведя, одного черного бобра, одного черного соболя, одну черную шкуру некоего животного, имеющего пристанище в той земле, название которого мы не умеем передать по-латыни, а по-немецки оно называется «ильтис», поляки же и русские называют этого зверя «дохорь», и одну черную лисью шкуру. И всякий, кто не даст этого, должен быть отведен к татарам и обращен в их раба.

2. Они посылают также за государями земель, чтобы те являлись к ним без замедления; а когда они придут туда, то не получают никакого должного почета, а считаются наряду с другими презренными личностями, и им надлежит подносить великие дары как вождям, так и их женам, и чиновникам, тысячникам и сотникам; мало того, все вообще, даже и сами рабы, просят у них даров с великою надоедливостью, и не только у них, а даже и у их послов, когда тех посылают к ним.

Для некоторых также они находят случай, чтобы их убить, как было сделано с Михаилом и с другими; иным же они позволяют вернуться, чтобы привлечь других; некоторых они губят также напитками или ядом. Ибо их замысел заключается в том, чтобы им одним господствовать на земле, поэтому они выискивают случаи против знатных лиц, чтобы убить их. У других же, которым они позволяют вернуться, они требуют их сыновей или братьев, которых больше никогда не отпускают, как было сделано с сыном Ярослава, неким вождем аланов и весьма многими другими. И если отец или брат умирает без наследника, то они никогда не отпускают сына или брата; мало того, они забирают себе всецело его государство, как, мы видели, было сделано с одним вождем солангов.

Осада крепости монголами. Миниатюра из книги «Книги чудес света» Марко Поло. XV в.

3. Башафов (Baschatos)^[441], или наместников своих, они ставят в земле тех, кому позволяют вернуться; как вождям, так и другим подобает повиноваться их мановению, и если люди какого-нибудь города или земли не делают того, что они хотят, то эти башафы возражают им, что они неверны татарам, и, таким образом, разрушают их город и землю, а людей, которые в ней находятся, убивают при помощи сильного отряда татар, которые приходят без ведома жителей по приказу того правителя, которому повинуются упомянутая земля, и внезапно бросаются на них, как недавно случилось, еще в бытность нашу в земле татар, с одним городом, который они сами поставили над русскими в земле команов.

И не только государь татар, захвативший землю, или наместник его, но и всякий татарин, проезжающий через эту землю или город, является как бы владыкой над жителями, в особенности тот, кто считается у них более знатным. Сверх того, они требуют и забирают без всякого условия золото и серебро и другое, что угодно и сколько угодно.

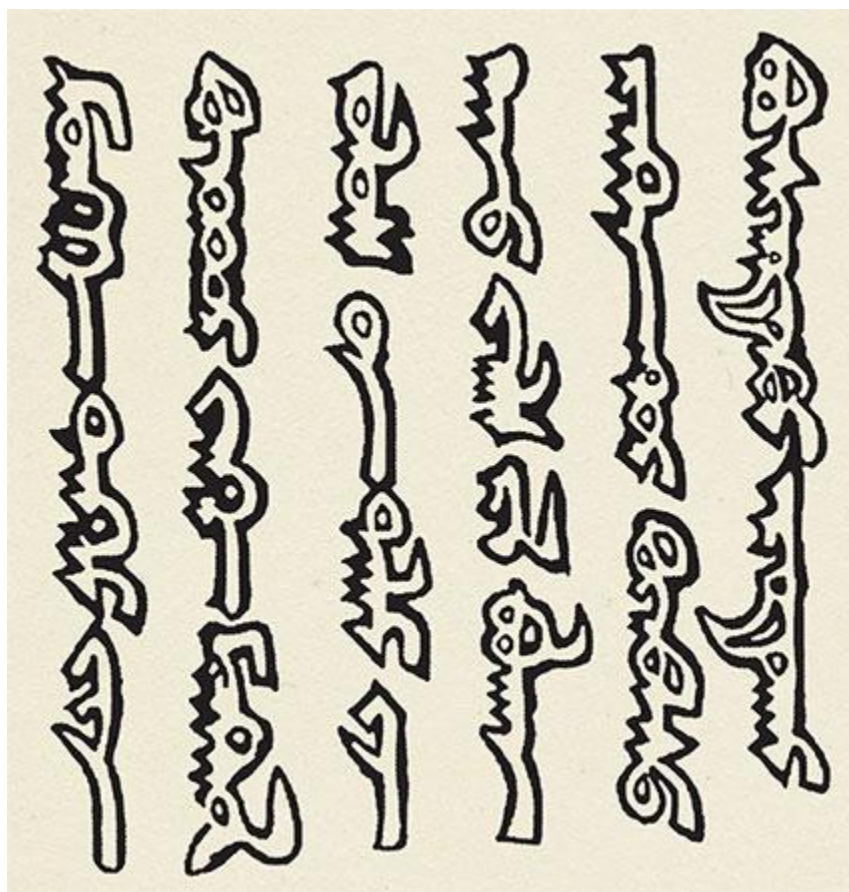
4. Сверх того, если у тех государей, которые им сдались, возникают какие-нибудь спорные случаи, то им надлежит отправляться для разбирательства к императору татар...

Глава восьмая. Как надлежит встретить татар на войне, что они замышляют, об оружии и устройстве войск, как надлежит встретить их хитрости в бою, об укреплении крепостей и городов и что надлежит делать с пленными

§ I. Что замышляют татары

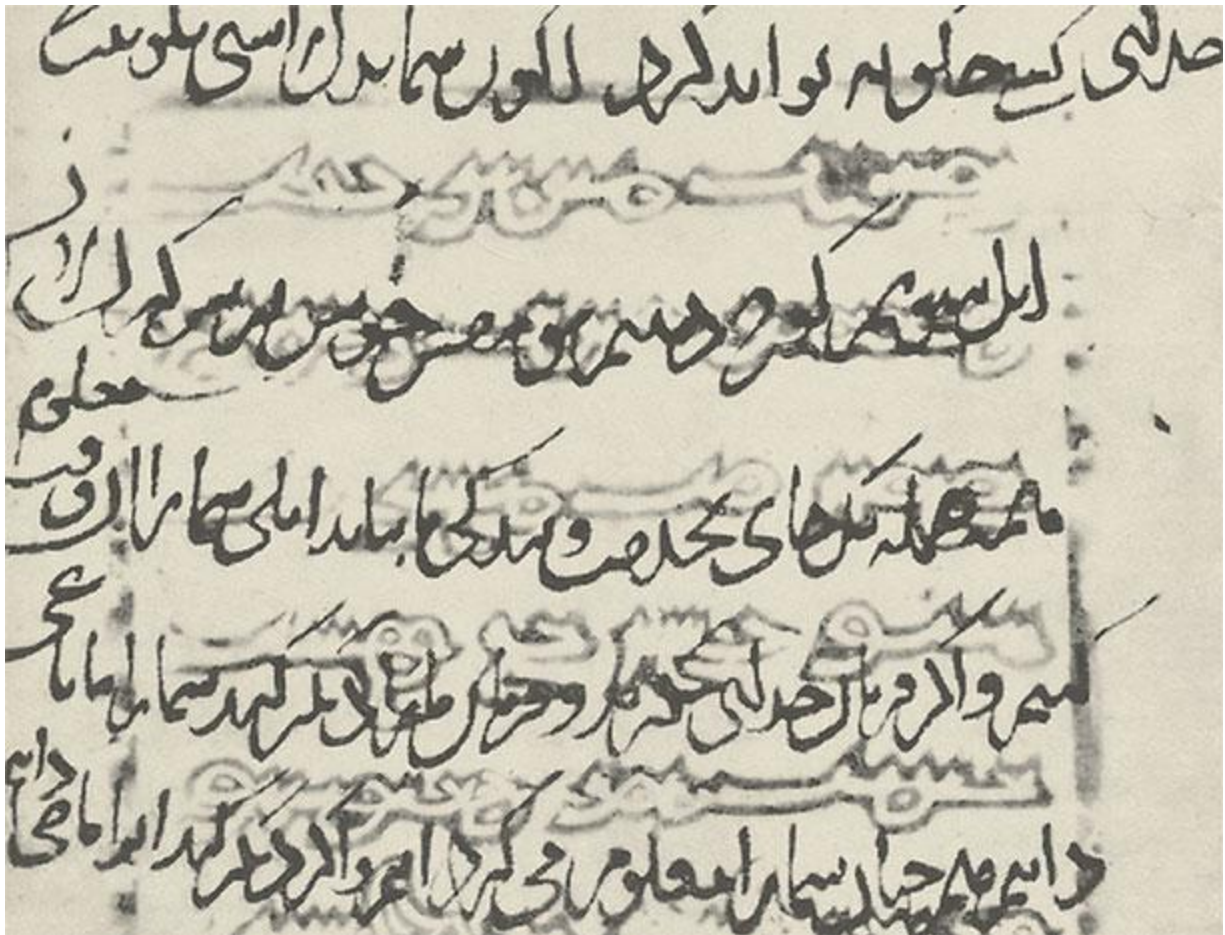
1. Замысел татар состоит в том, чтобы покорить себе, если можно, весь мир, и об этом, как сказано выше, они имеют приказ Чингисхана. Поэтому их император так пишет в своих грамотах: «Храбростью Бога (Всевышнего Тэнгри), император всех людей»; и на печати его написано следующее: «Бог на небе и Гуйюг-хан над землею – храбрость Божья (наделенный от Всевышнего Тэнгри харизмой). Печать императора всех людей»^[442]. И потому, как сказано, они не заключают мира ни с какими людьми, если только те случайно не предаются в их руки. И так как, за исключением христианства, нет ни одной страны в мире, которой бы они не владели, то поэтому они приготавливаются к бою против нас.

Отсюда да знают все, что в бытность нашу в земле татар мы присутствовали в торжественном заседании, которое было назначено уже за несколько лет пред сим, где они в нашем присутствии избрали в императоры, который на их языке именуется хан, Гуйюга. Этот вышеназванный Гуйюг-хан поднял со всеми князьями знамя против Церкви Божьей и Римской империи, против всех царств христиан и против народов Запада, в случае если бы они не исполнили того, что он приказывает господину папе, государям и всем народам христиан на Западе.

Имперская печать великого хана Гуюга

Нам кажется, что этого отнюдь не следует исполнять, как по причине чрезмерного и невыносимого рабства, которое доселе неслыхано, которое мы видели своими глазами и в которое они обращают все народы, им подчиненные, так и потому, что к ним нет никакой веры, и ни один народ не может доверять их словам, ибо они не соблюдают всего того, что обещают, когда видят, что обстоятельства им благоприятствуют, коварны во всех своих делах и обещаниях, замышляют даже, как сказано выше, уничтожить с земли всех государей, всех вельмож, всех воинов и благородных мужей и делают это по отношению к своим подданным коварно и искусно.

Фрагмент ответного письма с печатью хана Гуюга, отправленного папе Иннокентию IV с Плано Карпини

Точно так же недостойно христиан подчиниться им вследствие мерзостей их и потому, что почитание Бога сводится у них ни к чему; души погибают, тела терпят разнообразные мучения больше, чем можно поверить; вначале, правда, они лъстивы, а после жалят, как скорпионы, терзают и мучают. Затем они меньше числом и слабее телом, чем христианские народы...

Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны (фрагменты)

Глава вторая. О татарах и их жилищах

Они не имеют нигде постоянного местожительства (*civitatem*) и не знают, где найдут его в будущем... И всякий начальник (*capitaneus*) знает, смотря по тому, имеет ли он под своею властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ^[443], а также где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью.

Именно зимою они спускаются к югу, в более теплые страны, летом поднимаются на север, в более холодные. В местах, удобных для пастбища, но лишенных воды, они пасут стада зимою, когда там бывает снег, так как снег служит им вместо воды.

Дом, в котором они спят, они ставят на колесах из плетеных прутьев; бревнами его служат прутья, сходящиеся кверху в виде маленького колеса, из которого поднимается ввысь шейка наподобие печной трубы, ее они покрывают белым войлоком, чаще же пропитывают также войлок известкой, белой землей и порошком из костей, чтобы он сверкал ярче, а иногда также берут они черный войлок. Этот войлок около верхней шейки они украшают красивой и разнообразной живописью. Перед входом они также вешают войлок, разнообразный от пестроты тканей. Именно: они сшивают цветной войлок или другой, составляя виноградные лозы и деревья, птиц и зверей.

Гильом де Рубрук (ок. 1220 – ок. 1293)

И они делают подобные жилища настолько большими, что те имеют иногда тридцать футов в ширину. Именно: я измерил однажды ширину между следами колес одной повозки в двадцать футов, а когда дом был на повозке, он выдавался за колеса по крайней мере на пять футов с того и другого бока. Я насчитал у одной повозки двадцать два быка, тянущих дом, одиннадцать в один ряд вдоль ширины повозки и еще одиннадцать перед ними. Ось повозки была величиной с мачту корабля, и человек стоял на повозке при входе в дом, погоняя быков.

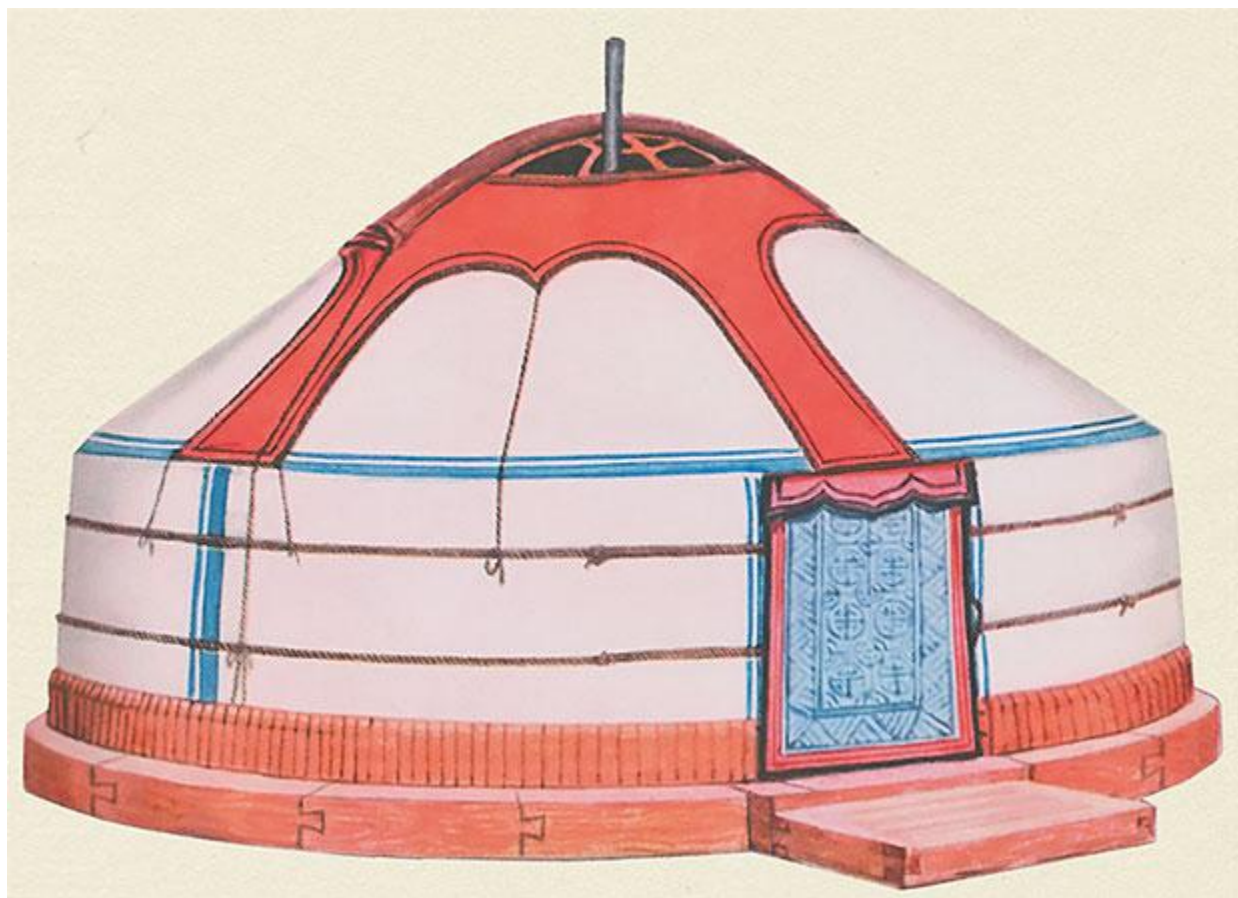
Кроме того, они делают четырехугольные ящики из расколотых маленьких прутьев величиной с большой сундук, а после того с одного краю до другого устраивают навес из подобных прутьев и на переднем краю делают небольшой вход; после этого покрывают этот ящик, или домик, черным войлоком, пропитанным салом или овечьим молоком, чтобы нельзя было проникнуть дождю, и такой ящик равным образом украшают они пестроткаными или пуховыми материями. В такие сундуки они кладут всю свою утварь и сокровища, а потом крепко привязывают их к высоким повозкам, которые тянут верблюды, чтобы можно было таким образом перевозить эти ящики и через реки. Такие сундуки никогда не снимаются с повозок.

Когда они снимают свои дома для остановки, они всегда поворачивают ворота (вход) к югу и последовательно размещают повозки с сундуками с той и другой стороны вблизи дома, на расстоянии половины полета камня, так что дом стоит между двумя рядами повозок как бы между двумя стенами.

Женщины устраивают себе очень красивые повозки, которые я не могу вам описать иначе как живописью; мало того, я все нарисовал бы вам, если бы умел рисовать.

Один богатый моал^[444], или татарин, имеет таких повозок с сундуками непременно сто или двести; у Батия двадцать шесть жен, у каждой из которых имеется по большому дому, не считая других, маленьких, которые они ставят сзади большого; они служат как бы комнатами, в которых живут девушки, и к каждому из этих домов примыкают по двести повозок.

И когда они останавливаются где-нибудь, то первая жена ставит свой двор на западной стороне, а затем размещаются другие по порядку, так что последняя жена будет на восточной стороне. И расстояние между двором одной госпожи и другой будет равняться полету камня. Таким образом, один двор^[445] богатого моала будет иметь вид как бы большого города, только в нем будет очень немного мужчин. Самая слабая из женщин (*muliercuia*) может править двадцатью или тридцатью повозками, ибо земля их очень ровна. Они привязывают повозки с быками или верблюдами одну за другой, и бабенка будет сидеть на передней, понукая быка, а все другие повозки следуют за ней ровным шагом. Если им случится дойти до какого-нибудь плохого перехода, то они развязывают повозки и перевозят их по одной. Ибо они едут так медленно, как ходит ягненок или бык.

Монгольская юрта

Глава третья. Об их постелях, идолах и обрядах перед питьем

Когда они поставят дома, обратив ворота к югу, то помещают постель господина на северную сторону. Место женщин всегда с восточной стороны, то есть налево от хозяина дома, когда он сидит на своей постели, повернув лицо к югу. Место же мужчин с западной стороны, то есть направо.

Мужчины, входя в дом, никоим образом не могут повесить своего колчана на женской стороне. И над головою господина бывает всегда изображение, как бы кукла или статуэтка из войлока, именуемая братом хозяина; другое похожее изображение находится над постелью госпожи и именуется братом госпожи; эти изображения прибиты к стене; а выше среди них находится еще одно изображение, маленькое и тонкое, являющееся, так сказать, сторожем всего дома. Госпожа дома помещает у своего правого бока, у ножек постели, на высоком месте козлиную шкурку, наполненную шерстью или другой материей, а возле нее маленькую статуэтку, смотрящую по направлению к служанкам и женщинам.

Возле входа, со стороны женщин, есть опять другое изображение, с коровьим выменем, для женщин, которые доят коров; ибо доить коров принадлежит к обязанностям женщин. С другой стороны входа, по направлению к мужчинам, есть другая статуя, с выменем кобылы, для мужчин, которые доят кобыл. И всякий раз, как они соберутся для питья, они сперва обрызгивают напитоком то изображение, которое находится над головой господина, а затем другие изображения по порядку. После этого слуга выходит из дома с чашей и питьем и кропит трижды на юг, преклоняя каждый раз колена. Это делается для выражения почтения к огню; после того он повторяет то же, обратясь на восток, в знак выражения почтения к воздуху; после того он обращается на запад для выражения почтения к воде; на север они кропят в память умерших.

Когда господин держит чашу в руке и должен пить, то, прежде чем пить, он выливает на землю соответствующую часть. Если он пьет, сидя на лошади, то до питья делает излияние ей на шею или на гриву.

Итак, когда слуга покропит таким образом на четыре стороны мира, он возвращается в дом; и два служителя с двумя чашами и столькими же блюдами стоят наготове, чтобы отнести питье господину и жене, сидящей на постели возле него, но повыше. И если у господина очень много жен, то та, с которой он спит ночью, сидит рядом с ним днем, а всем другим в тот день надлежит приходить к тому дому, и там в тот день происходит собрание, приносимые же подарки складываются в сокровищницу этой госпожи. При входе стоит скамья с бурдюком молока или другого питья с чашами.

Глава четвертая. Об их напитках и о том, как они поощряют других к питью

Зимой они делают превосходный напиток из рису, проса, ячменя и меду^[446], чистый, как вино, а вино им привозится из отдаленных стран. Летом они заботятся только о кумысе. Кумыс стоит всегда внизу у дома, пред входом в дверь, и возле него стоит гитарист со своей маленькой гитарой. наших гитар и рылей я там не видал, но видел много других инструментов, которых у нас не имеется.

И когда господин начинает пить, то один из слуг возглашает громким голосом: «Га!» – и гитарист ударяет о гитару. А когда они устраивают большой праздник, то все хлопают в ладоши и также пляшут под звуки гитары, мужчины пред лицом господина, а женщины пред лицом госпожи. Когда же господин выпьет, то слуга восклицает, как прежде, и гитарист молчит. Тогда все кругом, и мужчины, и женщины, пьют, при этом иногда они пьют взапуски очень гадко и с жадностью.

И когда они хотят побудить кого-нибудь к питью, то хватают его за уши и сильно тянут, чтобы расширить ему горло, и рукоплещут и танцуют пред его лицом. Точно так же, когда они хотят сделать кому-нибудь большой праздник и радость, один берет полную чашу, а двое других становятся направо и налево от него, и таким образом они трое идут с пением и пляской к тому лицу, которому они должны подать чашу, и поют и пляшут пред его лицом; а когда он протянет руку для принятия чаши, они внезапно отскакивают и снова возвращаются, как прежде, и издеваются над ним таким образом, отнимая у него чашу три или четыре раза, пока он не развеселится хорошенько и не почувствует хорошего аппетита. Тогда они подают ему чашу, поют, хлопают в ладоши и ударяют ногами, пока он не выпьет.

Глава пятая. Об их пище

Об их пище и съестных припасах знайте, что они едят без разбора всякую свою падаль, а среди столь большого количества скота и стад, вполне понятно, умирает много животных.

Однако летом, пока у них тянется кумыс, то есть кобылье молоко, они не заботятся о другой пище. Поэтому, если тогда доведется умереть у них быку и лошади, они сушат мясо, разрезывая его на тонкие куски и вешая на солнце и на ветер, и эти куски тотчас сохнут без соли, не распространяя никакой вони. Из кишок лошадей они делают колбасы, лучшие, чем из свинины, и едят их свежими. Остальное мясо сохраняют на зиму.

Из шкур быков они делают большие бурдюки, которые удивительно высушивают на дыму. Из задней части конской шкуры они делают очень красивые башмаки. Мяса одного барана хватает на пятьдесят или сто человек: они разрезают мясо на маленькие кусочки на блюдечке вместе с солью и водой – другой приправы они не делают, – а затем острием ножа или вилочки^[447],

сделанных нарочно для этого, наподобие тех, какими мы обычно едим сваренные в вине груши и яблоки, они протягивают каждому из окружающих один или два кусочка, сообразно с количеством вкушающих.

Прежде чем поставить мясо барана [гостям], господин сам берет, что ему нравится, а также если он дает кому-нибудь особую часть, то получающему надлежит съесть ее одному и нельзя давать никому; если же он не может съесть всего, то ему надлежит унести это с собою или отдать своему слуге, если налицо находится тот, кто охраняет его, или иначе он прячет это в свой каптарак, то есть в квадратный мешок, который они носят для сохранения всего подобного; сюда они прячут также и кости, когда у них нет времени хорошенько обглодать их, чтобы обглодать впоследствии, дабы не пропадало ничего из пищи...

Глава десятая. Об их судопроизводстве, судах, смерти и похоронах

О судопроизводстве их знайте, что, когда два человека борются, никто не смеет вмешиваться, даже отец не смеет помочь сыну; но тот, кто оказывается более слабым, должен жаловаться пред двором государя, и если другой после жалобы коснется до него, то его убивают. Но ему должно идти туда немедленно без отсрочки, и тот, кто потерпел обиду, ведет другого как пленного.

Они не карают никого смертным приговором, если он не будет уличен в деянии или не сознается. Но когда очень многие опозорят его, то он подвергается сильным мучениям, чтобы вынудить сознание.

Человекоубийство они карают смертным приговором, так же как соитие не со своею женщиной. Под не своей женщиной я разумею или не его жену, или его служанку. Ибо своей рабыней можно пользоваться как угодно.

Точно так же они карают смертью за огромную кражу. За легкую кражу, например за одного барана, лишь бы только человек нечасто попадался в этом, они жестоко бьют, и если они назначают сто ударов, то это значит, что те получают сто палок. Я говорю о тех, кто подвергается побоям по приговору двора.

Точно так же они убивают ложных послов, то есть тех, которые выдают себя за послы и не суть таковые. Точно так же умерщвляют колдуний, о которых, однако, я скажу вам потом полнее, так как считают подобных женщин за отравительниц.

Когда кто-нибудь умирает, они скорбят, издавая сильные вопли, и тогда они свободны, потому что не платят подати до истечения года. Погребение (могила) того, кто умирает, остается неизвестным^[448]. И всегда около тех мест, где они хоронят своих знатных лиц, имеется помещение для охраняющих погребения...

Примечания

1

...рожденный по благоволению Всевышнего Тэнгри... – Согласно древней народной религии монголов – тэнгрианству, Вечное Синее Небо почиталось как верховное божество – Всевышний Тэнгри, дарующее жизнь и душу, управляющее миром и руководящее делами человека.

2

Бортэ чоно – по мнению монгольского ученого Х. Пэрлээ, легендарный прародитель Чингисхана родился в 758 году. Далее даты рождения предков Чингисхана также даются по версии Х. Пэрлээ.

3

...сели в окрестностях горы Бурхан халдун, что в верховьях реки Онон, – то есть в северо-восточной части Монголии.

4

У Торголжин баяна была жена Борогчин гоо, молодой слуга Боролдай суялби и два любимых, сивых скакуна. – Не следует понимать дословно эти строки «Сокровенного сказания монголов». В действительности богач Торголжин, конечно же, имел не один десяток слуг, которых, очевидно, и возглавлял молодец Боролдай суялби. А два коня, имена которых попали в историю, по-видимому, были самыми любимыми хозяином, красой его многочисленного табуна. Подобный прием – описание множества через единичное – был характерен для древнемонгольского летописания.

5

Поприще – условная мера длины, равная расстоянию в один дневной переход; здесь речь идет отнюдь не о сказочном герое: с помощью антитезы древние авторы описывали особые способности того или иного героя, в данном случае особую зоркость Дува сохора.

6

Ноён (в других переводах нойон) – князь, господин. В процессе классового расслоения монгольского общества XIII века во всех племенах выделился господствующий класс – ноёнство; ноёны подчиняли себе сначала большие группы людей своего племени, а затем и целиком какой-нибудь род, постепенно добываясь власти над всем племенем.

7

...чыи земли лежат в дальней дали. – Родственные племена баргуд, хорь тумэд проживали в Забайкалье по рекам Баргузин и Селенга.

8

Охотник-урианхаец отсек голову оленя и вместе с сердцем и легкими взял себе... – По древней традиции монголов, охотник не отдавал другим голову, сердце и легкие убитого им животного, дабы в будущем его не покинула охотничья удача.

9

Бодончар мунхаг – родился около 970 года.

10

...к нам в юрту каждой ночью чрез орхо посланец Небесного Владыки нисходил... – Согласно верованиям древних монголов, Всевышний Тэнгри, верховное божество, иногда посылает на землю избранного, которому назначено быть вершителем великих дел; такой посланец входит в бытие сверхъестественным образом, примером чему является предание о рождении трех сыновей Алан гоо. Подобные предания имели целью возвысить в глазах народа известные владетельные роды. *Орхо* – фартук, прикрывающий тоно, дымовое отверстие в крыше монгольской юрты.

11

Дэл – национальная верхняя одежда монголов, халат на подкладке.

12

...род Боржигин. – Родоначальником рода был Бодончар (правил соплеменниками в конце X века), по преданию, появившийся на свет по благоволению Небесного Владыки, что должно было свидетельствовать о его особом предназначении; к этому роду принадлежал Чингисхан.

13

Хабул-хан – по сведениям монгольского летописца XVIII века Мэргэн-гэгэна, родился в 1094 году; по другим источникам, родился в 1101, умер в 1148 (по некоторым источникам, в 1137) году.

14

Бэхи – потомок старшего в роде, высший жрец, шаман.

15

Тайши – титул военачальника в улусе «Все Монголы».

16

Есүхэй-батор – отец Тэмужина (Чингисхана), наиболее влиятельный среди преемников Хабул-хана; в его подчинении находилось самое крупное племя улуса Хамаг Монгол («Все Монголы») – тайчуды; Есүхэй-батор был отравлен татарами в 1170 году, после чего этот улус распался.

17

...дархадскими ноёнами. – В XIII веке в среде господствующего класса Монголии существовала «прослойка» дархадских ноёнов. Чингисхан жаловал в дархады особо преданных ему сподвижников. Дархады состояли у него на военной службе и имели право брать себе добычу, захваченную ими в походах, выбирать себе жен среди покоренных племен, собирать под свое водительство сродников (быть тысяцкими), наследственно владеть уделами.

18

Хамаг Монгол («Все Монголы») – начальное государственное объединение ряда племенных союзов в бассейне рек Онон и Керулен в XII веке Тэмужин (Чингисхан) был внуком первого хана улуса Хамаг Монгол – Хабул-хана.

19

И хотя имел Хабул-хан семерых сыновей, он наказал возвести на престол после себя Амбагай-хана... – Хабул-хан наказал возвести на престол после себя племянника, Амбагай, который возглавлял в то время племя тайчудов, входившее в улус «Все Монголы».

20

...татарские племена... – Одним из могущественных монголоязычных племен конца XII века были татары (или «татары тридцати родов»), потомки тунгусских народов. Татары издревле кочевали в районе озер Хулун и Буйр (нынешний автономный район Внутренняя Монголия КНР), а их главная ставка находилась вблизи озера Буйр.

В XII веке татары постоянно грабили и разоряли более слабые монгольские племена, пытались навязать им свое верховодство. После победы чжурчжэней над киданями и создания империи Цзинь Алтан-хана татары в 1127 году заключили союз с последними. После чего татары стали главной и надежной силой осуществления реакционной государственной политики Алтан-хана «достижения власти над чужеземцами руками самих чужеземцев».

21

...Алтан-хану хятанскому. – Имеется в виду император чжурчжэньской империи Цзинь, существовавшей на северо-востоке Китая; Рашид ад-Дин сообщает, что Алтан-хан «приказал прибить его (Амбагай-хана) железными гвоздями к «деревянному ослу», и он погиб». Это древний способ казни, во время которой обреченного клали лицом вверх на специальный плоский деревянный настил и, пригвоздив руками и ногами к нему, оставляли умирать в мучениях.

22

Племя Мэргэд – принадлежало к числу крупных монгольских племен; обитало в верховьях реки Селенги; среди других монгольских племен выделялось своей воинственностью. Мэргэды имели сильное войско.

23

Огэлуи ужин («ужин» от кит. фужэнь – «госпожа») – мать Тэмужина (Чингисхана), принадлежала к роду олхунуд.

24

Тем временем Хамаг Монгол и тайчуды собрались на берегу реки Онон в местности, именуемой долиной Хорхонаг, и, сговорившись, поставили над собой ханом Хутуле... – Здесь описывается эпизод избрания хана улуса «Все Монголы»; специальное упоминание автором «Сокровенного сказания монголов» племени тайчуд свидетельствует о его особом, главенствующем положении среди прочих племен нирун-монголов, входивших в состав улуса. Впоследствии тайчуды, самое крупное племя, входившее в улус Хамаг Монгол, долгое время подчинялось отцу Чингисхана Есүхэй-батору, после смерти которого отделилось от его наследников и враждовало с ними. Тайчуды жили в долине реки Онон и верховьях Селенги.

25

...под священным раскидистым деревом Хорхонагским... – Одним из объектов религиозного почитания монголов было приметное дерево в Хорхонагской долине на реке Онон; к этому дереву сходились представители всех родов и племен на совместные празднества, хуралданы (советы).

26

И воротился Есүхэй-батор восвояси... – Как свидетельствуют древние источники, в конце 50-х годов XII века улусу Хамаг Монгол («Все Монголы») было нанесено чувствительное поражение со стороны татарских племен и поддерживавших их цзиньцев, что привело к утрате единства в рядах монголов. В период наступившего было безвластия Есүхэй-батору, будущему отцу Чингисхана, было суждено продолжить дело своих высокородных предков и встать во главе улуса «Все Монголы». О его верховодстве в улусе «Все Монголы» говорит и сообщение «Сокровенного сказания монголов» об успешных сражениях возглавляемого им войска против татар.

27

...Огэлун ужин, тем временем разрешилась Чингисом... – Чаще всего (и в первую очередь самими монголами) годом рождения Чингисхана называется год Черной лошади – 1162-й. В нашем повествовании именно этот год и будет являться точкой отсчета, определяющей дальнейшую датировку событий жизни Тэмужина-Чингисхана.

28

...в местности, называемой Дэлун болдог... – В настоящее время большинство монгольских ученых сходятся во мнении, что местность Дэлун болдог ныне именуется Ламын ухаа (или Хурээ ухаа) и находится на территории нынешнего Биндэр сомона Хэнтийского аймака на северо-востоке современной Монголии.

29

Альчик — название косточки в бараньей ноге.

30

И нарекли ему имя Тэмужин... – Выбор отца определил древний тюркско-монгольский обычай «называть имена по наиболее бросающемуся в глаза явлению при рождении» ребенка. А этим событием были победа над татарами и пленение их воевод, а также то обстоятельство, что будущий властитель мира родился, сжимая в руке сгусток крови. Поэтому родители, дабы «запечатлеть его воинственность и славу», и нарекли его Тэмужином.

31

От Огэлун ужин родилось у Есүхэй-батара четверо сыновей – Тэмужин, Хасар, Хачигун и Тэмүгэ. – Хасар (или Жочи Хасар) родился, судя по свидетельству «Сокровенного сказания монголов», в 1164 году; в зрелые годы он в основном «находился в союзе и был единоклубным» с Чингисханом; в периоды охлаждения отношений между братьями, которое изредка случалось, восстановить братский союз помогали их мать, Огэлун, а также ближайшие родичи и сподвижники; Хачигун родился в 1166 году; по свидетельству Рашид ад-Дина, Хачигун «пользовался большим значением, Угэдэй, Мунх-хан и Хубилай-хан (преемники Чингисхана) всегда им дорожили... и советовались в важных делах»; Тэмүгэ отчигин родился в 1167 году; по свидетельству Рашид ад-Дина, Тэмүгэ отчигин верой и правдой служил Чингисхану и его преемникам.

32

Хиад – одна из главных коренных монгольских родовых групп, давшая начало родоплеменному союзу Хиад-Боржигин, представители которого сыграли главную роль в образовании единого централизованного Монгольского государства и возглавили его.

33

Бортэ – первая из четырех главных, законных жен Чингисхана.

34

Отец Мунлиг... – Племя Хонхотан, к которому относился старик Чарахи и его сын Мунлиг, одна из трех ветвей (хонхотан, арулад, уряут-хилингул) племени уряут входило в состав улуса «Все Монголы». Есүхэй-батор, находясь на смертном одре, завещал Мунлигу позаботиться о своей семье; очевидно, Мунлиг выполнил завещание Есүхэй-батора, привез домой его старшего сына, Тэмужина, и какое-то время вместе со своим отцом, стариком Чарахи, пытался сохранить собранный Есүхэй-батором улус, но, когда это сделать не удалось, Мунлиг также покинул семью Есүхэй-батора. Несмотря на это, как свидетельствует Рашид ад-Дин, этот Мунлиг «всегда при тяжелых и благоприятных, при страшных и обнадеживающих обстоятельствах был заодно с Чингисханом». Очевидно, здесь идет речь и о заслугах Мунлига перед Чингисханом в последующие годы, поэтому благодарный Тэмужин (Чингисхан) величал его не иначе, как Мунлиг эцэг, отец Мунлиг, а летописцы засвидетельствовали этот факт в своих хрониках.

35

Узнав о кончине отца Есүхэй-батора... – Этот эпизод взят из «Алтан тобчи» («Золотого изборника») Лувсан Данзана. Очевидно, этот эпизод был в той копии «Сокровенного сказания монголов», который использовал Лувсен Данзан.

36

В тот год весной... – Очевидно, эти события относятся к 1171 году.

37

...Огэдун ужин сама поскакала вослед ушедшим, и держала она в руке знамя святое. – Вождь племени имел свое духовное знамя, в которое, как считали монголы, после его смерти вселялась его душа; она становилась гением-хранителем всего племени; монгольское знамя того времени – это древко, верхушка которого обрамлена закрепленными на ней особым способом конскими хвостами.

38

И вот однажды Тэмужин, Хасар, Бэгтэр и Бэлгүдэй... – По свидетельству древних источников, от второй жены по имени Сочигэл Есүхэй-батор имел двух сыновей – Бэгтэра и Бэлгүдэя; описываемые события относятся к 1173 году.

39

Мангас – древнейший персонаж монгольского фольклора, многоголовое кровожадное чудовище.

40

Айл – группа семей, связанная родственными узами; по мере разложения общинно-родового строя, классового расслоения проходил переход к айловой системе кочевого хозяйства; айл утверждается как основная хозяйственная единица.

41

Тарбаган – степной сурок.

42

И вот однажды на их стойбище налетели конокрады и на глазах у всех угнали восемь соловых коней... – Это событие исследователи склонны относить к 1177 году.

43

Я верным нукером тебе отныне стану. – Нукер – дружинник, сподвижник, военный слуга хана, ноёна-господина; нукерство появилось в связи с тем, что вожди, дабы подчинить себе соплеменников и предохранить себя от набегов врагов, «организуют военных слуг-нукеров в постоянные военные отряды, в правильно устроенную охранную стражу и, наконец, как апогей, в «гвардию».

44

Отец мой прозывается Наху баяном; его единственный я сын, зовусь Борчу. – Борчу был одним из первых нукеров Чингисхана, сохранившим ему верность на всю жизнь и ставшим впоследствии его самым преданным соратником в борьбе за объединение всех монгольских племен.

45

...наехали на курень. – Курень (монг. хурээ – кольцообразный) являлся основной формой кочевания в первобытной общине монголов; в один курень входило около тысячи кибиток-семей; кочуя с места на место, монголы обязательно располагались кольцом, в центре которого устанавливалась юрта вождя племени; в условиях формирования новых патриархально-феодалных отношений курень постепенно утрачивал свое хозяйственное значение, но сохранял оборонное (круговая форма обороны).

46

Укрюк – березовый шест с ременной петлей для ловли лошадей.

47

И вот поехал Тэмужин вместе с Бэлгудэем на реку Керулен, дабы разыскать суженую свою – Бортэ ужин. – В хронике Саган сэцэна «Эрдэний товч» сообщается, что Тэмужин отправился за своей невестой Бортэ в год Желтой Собаки, т. е. в 1178 году, когда ему было семнадцать лет.

48

...отправился к хэрэйдского народа владыке Ван-хану. – В XII–XIII веках племя хэрэйдов представляло собой мощный родоплеменной союз.

Это обстоятельство, а также побратимство отца Тэмужина, Есүхэй-батара, и Торил-хана предопределили обращение семнадцатилетнего Тэмужина к вождю хэрэйдов, Торил-хану, в котором он видел надежную опору на этом этапе своей жизни.

49

Зэлмэ – сын Жарчудая из племени Урианхай в 1178 году отдал своего сына Зэлмэ в нукеры Тэмужину. Впоследствии Зэлмэ стал верным соратником, одним из предводителей личной охраны Чингисхана, которому он был обязан жизнью.

50

Те ратные люди, что ополчились на Тэмужина и на родичей его, были из трех родов мэргэдских... – Вождь удуйд мэргэдов Тогтога бэхи был старшим братом Их чилэду, у которого отец Тэмужина, Есүхэй-батар, умыкнул невесту Огэлун. С этого происшествия мэргэды и хиад-боржигины стали заклятыми врагами, неизменно противоборствовавшими на протяжении последующих десятилетий.

51

И, вознеся с благоговением такую молитву... – Тэмужин к тому времени свято уверовал в то, что «земная власть была неотделима от магической, поскольку и та и другая происходили от единого источника – Вечно Синего Неба (Всевышнего Тэнгри). Для того, чтобы победить и возобладать над другими, человеку должна быть дарована сверхъестественная сила из мира духов. Чтобы его Духовное Знамя вело его к победе и власти, оно должно было предварительно быть заряжено магической энергией. Трехдневные моления Тэмужина на Бурхан халдун стали началом глубокой и искренней связи между ним и этой горой, которая, как он сам верил, давала ему силу и предоставляла защиту.

52

Тумэн – единица военно-административного устройства, включавшая до десяти тысяч человек (воинов). Друг детства и побратим Тэмужина, Жамуха (1161–1205) в то время верховодил не только своим племенем жадаран и мог собрать десятитысячное войско; после смерти Есүхэй-батара к нему примкнули и его авторитет признавали большинство (кроме

тайчудов) бывших подданных Есухэй-батара. Поэтому-то он и пообещал Торил-хану и Тэмужину собрать из их числа второй десяти тысячный корпус, и сдержал свое слово.

53

Я знамена окропил – жертву им я принес... – В монологе Жамухи автор «Сокровенного сказания монголов» воссоздает ритуал выступления монгольских воинов на войну, описывает их вооружение и экипировку; особое значение в ритуале, предшествующем военному походу, придавалось обряду окропления боевого черного знамени – прибежища гения-покровителя этого племени; это знамя называлось всевидящим, т. к. считалось, что оно вобрало в себя тысячу черных очей, которые видят всех врагов рода-племени и несут этим врагам неминуемую гибель.

54

Хурал – собрание, съезд.

55

...брат младший Жамуха... – Подобное обращение отнюдь не говорит о родстве разговаривающих, а лишь свидетельствует о желании одного собеседника показать свое старшинство над другим.

56

Гутулы – высокие сапоги на войлочной подошве, часто с загнутыми вверх мысами.

57

Алангир – особый вид лука, боевое оружие древних монголов.

58

Хубилай (ум. в 1211) – выходец из знатной семьи племени Барулас; в 1181 году присоединился к Тэмужину. Впоследствии стал одним из его ближайших сподвижников, верховным главнокомандующим, ведавшим всеми военными делами.

59

Чэрби – высший воинский чин; назначенные Чингисханом в 1203 году шесть чэрби командовали его личной охраной, были тысяцкими-ноёнами, управляли хозяйственными делами в государстве.

60

Субэгэдэй-батор (1176–1248) – сын Хабала, представителя знати племени жарчудай Урианхай; с четырнадцати лет состоял на службе у Чингисхана, в 1206 году стал его тысяцким-ноёном, участвовал во всех сражениях за объединение монгольских племен и создание единого Монгольского государства; прославился в военных походах в Китай, Среднюю Азию и на Русь.

61

Ноён-темник – ноён, командовавший тумэном в войске Чингисхана.

62

Даридай отчигин – родной дядя Тэмужина по отцу; после смерти Есухэй-батара и распада улуса «Все Монголы» так же, как тайчуды и другие сородичи, покинул вдову Огэлун с ее детьми.

63

Сача бэхи и Тайчу, сыновья Сорхату журхи из племени Журхи... – Троюродные братья по отцу, их род также именуется хиан-журхи.

64

...Хучар бэхи, сын Нэхун тайши... – двоюродный брат Тэмужина по отцу.

65

...Алтан отчигин, сын Хутула-хана. – дядя Тэмужина по отцу; один из знатных сородичей Тэмужина, по инициативе которых Тэмужин был провозглашен ханом улуса «Все Монголы».

66

...нарекли они Тэмужина Чингисханом и поставили ханом над собой. – После разрыва с Жамухой и укрепления своего положения путем привлечения на свою сторону большинства племен и родов, ранее подвластных Жамухе, Чингисхан в 1189 году стал ханом улуса Хамаг Монгол («Все Монголы»). Доржи Банзаров предложил версию, что Тэмужина титуловали Чингисом в честь грозного шаманского божества «Хажир Чингис тэнгри». Эта версия может рассматриваться в связи со словами верховного шамана Тэв тэнгэра, которые Джувейни записал «со слов надежных монголов»: «Всевышний говорил со мной и сказал: «Я отдал все лицо земли Тэмужину и его детям и нарек его Чингисханом». Многие ученые считают, что титул «Чингис» не что иное, как измененное слово «тэнгэс» (море, океан), и тогда Чингисхан может означать «великий, всемогущий хан».

67

...Чингисхан повелел младшему сородичу Борчу – Угэлэ чэрби, а также Хачигун тохуруну и братьям Жэтэю и Доголху чэрби носить колчаны его. – Имеется в виду создание специального подразделения стрелков, в обязанности которых вменялась и охрана самого Чингисхана.

68

Хошиного – овечья прямая кишка, вывернутая жиром внутрь, начиненная мясом и сваренная.

69

И, назначив Хубилая, Чилгудэя и Харахай тохуруна меченосцами под водительством Хасара... – Это свидетельствует о начале формирования регулярного воинства Чингисхана.

70

...Мулхэ тотаг и Боролдай из племени ихирэс прибыли к Чингисхану в урочище Хурэлху и донесли... – Хотя племя ихирэс в то время было подвластно тайчудам, врагам Чингисхана, их сородич Буту был мужем младшей сестры Чингисхана, Тэмулун, поэтому, посоветовавшись со своим отцом, Нэгунем, Буту отправил своих верных нукеров сообщить Чингисхану о надвигающейся опасности со стороны тайчудов.

71

...Жамуха, отмщения за брата убиенного, Тайчара, жасжды, собрал три тумэна мужей тринадцати тебе враждебных кланов и во главе их встал; и на тебя, Чингисхан, ополчась... – Как сообщают древние источники, тайчуды во главе с Таргудай хирилтугом, родственные им ветви племени жадаран, одним из вождей которых был Жамуха, а также другие племена и ветви заключили античингисовый союз.

72

...собрал Тэмужин из тринадцати куреней своих три тумэна воинов и выступил навстречу Жамухе. – Калмыцкий ученый-исследователь Эренжен Хара-Даван писал о соотношении сил в этом противостоянии и его участниках: «Войско Тэмужина к этому времени возросло до 13 000 конных воинов, разделенных на 13 куреней, силою около 1000 человек каждый... 13 куреней Тэмужиновой рати составлялись каждый одним из подвластных ему или родственных племен».

73

И сразились они в местности, именуемой Далан балжуд. – Сражение при Далан балжуде, известное в монгольской истории как «сражение тринадцати куреней», произошло в 1190 году. Именно с этой битвы началось многолетнее противостояние сторонников и противников создания единого Монгольского государства.

74

И тогда по велению его заживо были сварены... – Поскольку древние источники разделились в вопросе, на чей счет должны быть записаны эти «подвиги бесполезной жестокости» (выражение Р. Груссе), современные исследователи либо идут за автором той или иной хроники, либо (как, например, монгольский ученый Ж. Тумурцэрэн, китайский исследователь Хух Ундур и другие) выдвигают свои версии, суть которых сводится к тому, что текст главного источника, «Сокровенного сказания монголов», был неверно понят или намеренно искажен китайскими переводчиками и летописцами, которые первыми его изучали, переводили и использовали.

75

Отец Мунлиг – это тот самый Мунлиг из племени Хонхотан, которому умирающий Есүхэй-батор, отец Чингисхана, завещал позаботиться о своей семье; по мнению монгольского ученого Ш. Гаадамбы, сразу после смерти Есүхэй-батара Мунлиг призрел семью сродника, став Тэмужину фактически отчимом. Один из сыновей Мунлига, Хухучу, стал впоследствии верховным шаманом и до определенных событий, о которых речь ниже, имел большое влияние на Чингисхана.

76

Кумысные мутовки – специальные палки, которыми монголы пахтали кумыс в больших кожаных бурдюках.

77

История отмщения ворогам-татарам. – Описываемые ниже события (поход Чингисхана на татар) относятся к 1196 году; татары были кровными врагами нескольких поколений рода хиад, и Чингисхан жаждал отмщения. Но собственных сил у него было недостаточно, поэтому до сих пор попыток отмщения он не предпринимал. Алтан-хан же считал использование раскола среди монголоязычных племен основой своей государственной политики.

78

...титул жаут хури означает могущественный ноён; так чжурчжэни именовали командиров «заградительно-усмирительных» отрядов, формировавшихся из племен, живших вдоль границы их державы и состоявших у них на службе.

79

Ван (кит.) – князь, воевода.

80

Жау тау – это звание давалось чжурчжэнями командующему «заградительно-усмирительными» отрядами.

81

Мухали (1170–1223) – после прихода к Чингисхану становится одним из его ближайших соратников; велики заслуги Мухали в деле создания единого Монгольского государства; Чингисхан очень высоко ценил его бесстрашие воина, мудрость политика и дар предвидения, ведь именно Мухали был одним из тех, кто напроорочил Чингисхану великую судьбу Владыки монгольской державы.

82

И поскольку под водительством Хутугту журхи собрались мужи отважные и гордые сердцем, прозвали их за это журхинцами. – Название роду журхин дало монгольское слово «зурх» (сердце); «журхин» означает «имеющий отважное сердце», т. е. отважный.

83

И понудил тогда же Чингисхан бороться Бури буха и Бэлгудэя. – Бури бух был двоюродным братом отца Чингисхана, пользовался большим авторитетом среди журхинцев, поэтому Чингисхан, покарвав предателей, журхинских вождей, счел необходимым, дабы окончательно усмирить журхинцев, покончить и с Бури бухом.

84

Год Курицы – 1201 год.

85

Найманы – племя, кочевавшее в районах между Хангайским и Алтайским хребтами; найманы считались наиболее культурными из всех монгольских племен; их знать пользовалась услугами уйгурских писцов.

86

...обряд возведения Жамухи в Гур-ханы. – После того как Жамухе удалось укрепить свои связи с некоторыми родоплеменными группами, враждовавшими с Чингисханом, их аристократические правители провозгласили его Гур-ханом (всеобщим ханом).

87

Зэлмэ, обагрив губы, то и дело отсасывал закупоривавшую артерию кровь Чингисхана. – Зэлмэ – один из первых нукеров, сподвижников Чингисхана; поскольку использование отравленных стрел было в то время делом обычным, иного способа спасти Чингисхана от заражения крови и смерти у Зэлмэ не было.

88

...дэл, гутулы, малахай... – халат, кожаные сапоги и зимний головной убор монголов.

89

...кто ранил в шейный позвонок коня, что подо мною был? – По-видимому, Чингисхан, намеренно скрывая факт своего ранения, говорит о том, что в бою была якобы ранена его лошадь.

90

...мы наречем тебя Зэв отныне (монг. «наконечник стрелы») – Зэв – один из лучших военачальников Чингисхана, большую часть жизни провел в военных походах в Северном Китае, стране тангутов, Средней Азии, Туркестане, на Руси. Умер в 1224 году, возвращаясь из очередного похода.

91

Земли Сартаульские – территория Туркестана.

92

Год Собаки – 1202 год.

93

...ополчился Чингисхан на люд татарский... – Чингисхан сразу после разгрома тайчутов в 1202 году решил одним ударом покончить и с этой «зияющей раной на теле Монгольского государства».

94

Хубилай – один из четырех «верных псов» Чингисхана; родом из племени барулас. В 1206 году был назначен Чингисханом главнокомандующим войсками единого Монгольского государства.

95

По аймакам... – В период разложения общинно-родового строя под «аймаком» понималась общность людей, объединенных родственными связями и проживающих на общей территории; последняя черта этой общности в дальнейшем стала превалирующей; здесь: племенное воинское подразделение.

96

В тот же год Собаки, пока Чингисхан воевал татар, Ван-хан ополчился на мэргэдов. – По Рашиду ад-Дину, данные события (поход Торил-хана на мэргэдов) произошли в 1198 году.

97

Засим Чингисхан и Ван-хан выступили вместе повоевать найманского Хучугуда, прозванного Буйруг-ханом. – Новым свидетельством лояльности и верности Чингисхана союзническому долгу стал поход союзников в 1199 году на найманов. Как мы ранее узнали из наших источников, именно найманы поддержали мятежных братьев Ван-хана и лишили его в 1196 году ханского престола. Все это и стало основной причиной боевого похода союзников на найманов, инициатором которого, по-видимому, был сам Ван-хан.

98

Среди ночи Ван-хан, оставив горящими костры на месте привала своего воинства, двинул свою рать вверх по течению реки Хар сул. – Источники свидетельствуют также о том, что не последнюю роль в принятии Ван-ханом этого на первый взгляд неожиданного решения сыграл бывший побратим Чингисхана, а в то время один из главных его соперников в борьбе за власть в монгольской степи, – Жамуха. Последний убеждал Ван-хана в том, что Чингисхан «с найманами во дружестве живет» и от Ван-хана «он желает отделиться».

99

И сошлись Чингисхан и Ван-хан в Черной роще... – Эта встреча Торил-хана и Чингисхана состоялась в конце 1200 года.

100

И замыслил однажды Чингисхан упрочить их дружество... – Описываемое здесь событие относится к концу 1202 – началу 1203 года. После объявления Ван-ханом своим названным сыном Чингисхана последний предложил ему «упрочить их дружество» путем «перекрестных» межродовых браков, что обычно практиковалось в средневековом монгольском обществе. В конечном итоге это привело бы к упрочению положения Чингисхана как потенциального наследника хэрэйдского престола, укрепило бы союз двух ханств.

101

Жочи – старший сын Чингисхана.

102

Хоймор – самое почетное место в юрте; находится напротив входа, у задней стенки юрты.

103

Год Свиньи – 1203 год.

104

...пригласим, как водится, на багалзур... – то есть пригласим на свадьбу; издревле у монголов существовал обычай, по которому три дня после свадьбы муж и жена ели только шейную часть овцы (багалзур). Поскольку багалзур костистая и твердая, тем самым утверждалась крепость союза молодоженов.

105

И выстроили Жүрчидэй и Хуилдар уругудских и мангудских мужей, и готовы были уже они выступить передовым отрядом рати Чингисхана... – По свидетельствам разных источников, войско Чингисхана не превышало 3–5 тысяч человек, когда дружина противника превосходила его в несколько раз.

106

Угэдэй – третий сын Чингисхана взшел на престол через два года после его смерти, правил с 1229 по 1241 год. По сведениям Рашид-ад-Дина, Угэдэй-хан «был известен и знаменит высокомерием, умом, способностями, суждением, рассудительностью, твердостью, степенностью, великодушием и справедливостью, однако предавался наслаждениям и пил вино...».

107

И послал Чингисхан... – После трехдневной кровопролитной битвы «Чингисхан понял, что для решительной победы над Ван-ханом необходимо собрать больше сил; поэтому он после боя предпринял отступление, подкрепляя коней и давая отдых воинам; во время этого отхода войско его усилилось подходящими подкреплениями. Чтобы выиграть еще больше времени, он пытался вступить с Ван-ханом в переговоры...». Главное, чего достиг Чингисхан этим своим посланием Ван-хану, было усыпление его бдительности, что в конечном итоге привело к полному краху хэрэйдского ханства.

108

...и наказал: «Сыну передай!» – Согласно традиции побратимства, будущие побратимы, дабы в дальнейшем считаться кровными родными, вместе с ритуальным вином испивали несколько капель крови друг друга.

109

Да не позорьте звание гвардейца жаут хури! – Чингисхан имеет в виду себя; в 1196 году чжурчжэни пожаловали титул жаут хури; говоря о «звании гвардейца», Чингисхан недвусмысленно указывает своим высокородным сородичам место, которое им отводилось в возглавляемом им улусе.

110

Да не позвольте врагу вступить в пределы отчины, к истокам трех родимых рек! – Имеются в виду Керулен, Онон и Туул, являвшиеся колыбелью главных монгольских родов и племен, создавших единое Монгольское государство. Взывая к чувству патриотизма своих ближайших сородичей, Чингисхан сделал последнюю попытку их «образумить» и привлечь под свои знамена.

111

...человек по имени Асан сартагтай. – Этот мусульманский купец, по-видимому, вошел в доверие к Чингисхану, и поэтому его имя значится среди соратников Чингисхана по «сидению» и принесению клятвы верности на озере Балжуна.

112

Тот Асан гнал тысячу овец из пределов онгудского Алахуши дигитхури... – Вождь онгудского племени Алахуши дигитхури впоследствии оказал Чингисхану неоценимые услуги в борьбе против найманов и чжурчжэней.

113

Вместе с горстью нукеров он отошел от Ван-хана... – Имеются исторические сведения о том, что одно время отношения между братьями – Тэмужином и Хасаром – испортились из-за того, что Хасар по недоразумению воспрепятствовал воссоединению племени хонгирад с Чингисханом, за что получил осуждение последнего. Вероятно, поэтому Хасар покинул старшего брата и некоторое время жил в ставке Ван-хана. Чингисхан был рад не только самому возвращению младшего брата, а

возможности использовать Хасара в борьбе против Ван-хана. Впоследствии Чингисхан от имени Хасара направил к Ван-хану своего разведчика, дабы выведать состояние дел у хана хэрэйдов. И, убедившись таким образом в их беспечности, неожиданно напал и разбил их. Дальнейшие отношения между Чингисханом и Хасаром характеризовались взаимным недоверием, подозрительностью в заговорах друг против друга.

114

Хур – монгольский национальный музыкальный инструмент.

115

...я шлю гонца тебя предостеречь: будь осторожен, не дай врагу себя обезоружить. – Найманы, готовясь к войне против Чингисхана, крайне нуждались в онгудах, народе «тюрокских кровей и несторианской веры», которые могли бы нанести удар по Чингисхану с тыла. Однако вождь онгудов, по-видимому, опасаясь набирающего силу и мощь Чингиса, не только отказался присоединиться к античингисовым силам, но и поспешил известить Чингисхана о коварных замыслах найманов и их союзников, а по сообщению «Юань ши», и вовсе «поднял обок (племя) и стал вассалом (Чингисхана)».

116

Отчигин ноён (Тэмүгэ отчигин) – младший брат Чингисхана; имя Отчигин происходит от «отгон» – хранитель огня, очага.

117

...пожалован чин высокий – чэрби. – Высший воинский чин; назначенные Чингисханом в 1204 году шесть чэрби командовали его личной охраной, были тысяцкими-ноёнами, управляли хозяйственными делами в улусе.

118

И, покончив с этим, занялся Чингисхан устройством личной караульной стражи – хишигтэна... – Решающий характер предстоящего сражения побудил Чингисхана к началу коренной реорганизации своего улуса и, главное, к перестройке значительно увеличившейся армии, в которой десятичная система была принята за основу войска, причем его комплектация производилась не столько по родовым подразделениям (как это было принято в предыдущих десятичных системах других кочевников, начиная с хунну), а по принципу целесообразности и по решению каана (хана) – главнокомандующего. Кроме того, вводились должности, отделенные от родовых старейшин, т. е. войсковые командиры и управители хозяйством улуса, назначаемые лично кааном – тысячники, сотники и десятники, а также чэрби. И наконец, ближняя к Чингисхану дружина стала гвардией-кешигом (хишигтэн), которая стала опорой каана против оппозиции внутри улуса... Чингисхан делает из самых близких нукеров личную гвардию, не связанную ни с кем, кроме своего повелителя... В дальнейшем роль кешига только возрастала, эта «гвардия» со временем стала одним из главных несущих элементов государства Чингисхана.

119

...первого летнего месяца года Мыши. – 1204 год.

120

...окропив боевое знамя, Чингисхан выступил в поход. – Монголы перед выступлением в боевой поход осуществляли обязательный ритуал жертвоприношения боевому знамени, в котором, по убеждению древних монголов, хранилась «сулдэ», жизненная сила великих предков, которые являлись гениями-хранителями рода.

121

...Будем бой вести. – Монголы Чингисхана, разработав тактику ведения боя, кстати, в поэтической форме описанную автором «Сокровенного сказания монголов», выстроились в боевой порядок, который окончательно поверг в сомнения и страх не только Таян-хана, но и его союзников, в частности, Жамуху, которые, как свидетельствует «Юань ши», не ожидали увидеть перед собой «войско, исполненное твердого порядка».

122

Итак, я от найманов ухожу, и нукеры мои уходят. – Монгольский ученый Ш. Нацагдорж так объясняет поведение Жамухи: «Как объяснить то, что Жамуха не только не был последовательным противником Тэмужина, но более того, помогал ему? По моему, во-первых, Жамуха по ходу развертывавшихся событий все более убеждался в том, что все заговоры против Тэмужина в конечном итоге ни к чему, кроме поражения их инициаторов, не приведут, и в какую бы самую тяжелую ситуацию Тэмужин ни попал, из нее, в конце концов, он выйдет победителем. Во-вторых, Жамуха, очевидно, знал, что его соратники по борьбе против Тэмужина – хэрэйдский Ван-хан, мэргэдский Тогтога бэхи, найманский Таян-хан, хотя и использовали его в этом противостоянии как крупного и влиятельного феодала улуса «Все Монголы», отнюдь не желали сделать его ханом этого улуса, не говоря уже о подчинении ему народов всей Монголии. В-третьих, знал Жамуха и то, что противники Тэмужина – и хэрэйдский Ван-хан, и найманский Таян-хан, и другие его недруги были люди недалекие, не ладившие друг с другом; их позиции в собственных ханствах были шаткими. Поэтому, вполне возможно, Жамуха надеялся на то, что, перейдя на сторону Тэмужина и помогая ему, им (с Чингисханом) удастся убрать со своего пути всех, кто намеревался установить свое господство в Монголии. И вот тогда, оставшись с Тэмужином один на один, он попытался бы склонить чашу весов в свою пользу».

123

Вождь племени Увас мэргэд по имени Дайр усун, не желая воевать против Чингисхана, решил показать ему свою дочь Хулан. – К периоду войны с мэргэдами относится важное событие в жизни Чингисхана: женитьба осенью 1203 года Чингисхана на Хулан (1185–1225), дочери вожды племени Увас мэргид Дайр Усуна.

124

Полонив народ мэргэдский, Чингисхан пожаловал Угэдэю Дурэгэнэ хатан... – Старший из пяти сыновей Угэдэя и Дурэгэнэ хатан, Гуюг (1206–1248), правил Монгольской империей в 1246–1248 годах.

125

Год Быка – 1205 год.

126

Эрчис – река Иртыш.

127

...отсекли отцовскую голову... – Этот эпизод связан с существовавшей традицией делать из черепа умершего знатного мужа в знак его почитания пиалу, инкрустированную серебром, устанавливать ее на специальный коврик, а перед нею ставить различные яства. Эта традиция связана с верованиями монголов в то, что череп является вместилищем «сулдэ» – «жизненной силы» великого человека, которая становится гением-хранителем своего рода, племени.

128

В тот же год Быка Чингисхан, предоставив Субэгэдэю колесницу, отослал нукера своего вдовонку за сыновьями Тогтога бэхи – Худу, Галом, Чулуном и прочими мэргэдами. – Судя по персидским и китайским источникам, Субэгэдэй был отправлен Чингисханом вслед за остатками племени мэргэдов в 1216 году, а в следующем покончил с ними.

129

...Твоим потомкам... – Желание Жамухи умереть бескровной, без членовредительства смертью и стать после смерти гением-хранителем монголов связано с верованиями монголов в то, что «сулдэ» («жизненная сила») великого человека после его смерти может стать гением-хранителем рода, племени лишь в том случае, если удалось избежать истечения крови из тела и членовредительства, т. к. именно кровь и костяк являются вместилищем «сулдэ».

130

Твоим сулдэ, увы, повергнут я... – Это признание Жамухи в своем поражении связано с верованиями монголов в «сулдэ» («жизненная сила», «жизненная субстанция», «гений-хранитель»), от которой зависит рождение и жизненный путь всех людей.

131

И воцарились тогда мир и справедливость в улусе войлочностенном... – В «Сокровенном сказании монголов» не упоминается официальное название этого государства. Однако, основываясь на том, что на печати Угэдэй-хана, который был провозглашен ханом после смерти Чингисхана, были выгравированы слова «Печать Далай-хана Великой Монголии», можно с уверенностью сказать, что название созданного Чингисханом государства – Великая Монголия, или Великий Монгольский Улус.

132

Год Тигра – 1206 год.

133

...собрался народ его на хуралдай... – Таким образом, завершился второй (1189–1206), решающий этап борьбы Чингисхана за создание единого Монгольского государства. Логическим завершением этой многотрудной борьбы стал созданный Чингисханом Великий хуралдай 1206 года, на котором волею и мудростью провозглашенного единодержца были установлены «хорошие и твердые уставы», «основные правила и наказания к ним», которые заложили основу «нового имперского закона» – Великой Ясы Чингисхана.

134

...Мухали был пожалован в гуй ваны. – Гуй ван – державный князь; по свидетельству Рашид ад-Дина, этот титул Мухали получил в 1218 году.

135

Так закончив объединение всех монгольских народов, Чингисхан повелел... – На Великом хуралдае 1206 года Чингисхан фактически завершает строительство «пирамиды» военно-административного аппарата исполнительной власти, основы которой начинали закладываться еще в 1189 году, после возведения его на престол хана улуса «Все Монголы», а реальные очертания приобрели уже в 1204–1206 годах, накануне решающей битвы против найманов и после нее. На вершину этой пирамиды был возведен единодержец Чингисхан, который, как сообщают древние источники, разделил всю подвластную ему территорию на уделы – улусы между своими сыновьями (царевичами) и ближайшими родственниками. И в основании этой вертикали власти были ноёны (нойоны) – темники, тысяцкие, сотники, десятники... Улус-удел определялся, с одной стороны, количеством аулов, т. е. кочевых дворов, а с другой стороны – количеством воинов, которое мог он выставить.

136

Хургэн (монг.) – зять.

137

Лесные народы – звероловы и рыболовы; селились в лесах, по берегам рек на Южном Алтае и в Забайкалье; поскольку в 1206 году лесные народы еще не были присоединены к Великому Монгольскому Улусу, естественно, они не могли быть разделены на тысячи и отданы под начало тысяцких ноёнов.

138

Деля державы достоянье и тяжбы разные судя, в Синие росписи вноси об этом запись и росписи сии своди в единый Свод. И все, что с моего согласия порешишь и в Своде синем том по белому запишешь... – В этой связи Э. Хара-Даван оценил значение принятия и использования уйгурской письменности: «Чингисхан своим гениальным умом оценил великое значение письменности и тотчас же воспользовался услугами того пленного сановника (по имени Тататунга) для удовлетворения нужд своего государства, а также для подъема культурного развития подвластных ему кочевых народов... Одним из важнейших приобретений, которое дала вновь введенная письменность, явилось то, что благодаря ей оказалось возможным закрепить и кодифицировать монгольское обычное право и народные обычаи и воззрения, разумеется, под сильным влиянием на эту кодификацию взглядов самого Чингисхана».

139

«...Пусть Борчу станет во главе тумэна правого крыла, что на Алтае!» — тумэном левого крыла командовал Мухали, а командующим срединным тумэном – Наяа.

140

И молвил еще Чингисхан, обращаясь к Хубилаю... – Хубилай (умер около 1211 года) – выходец из знатной семьи племени барулас; в 1181 году примкнул к Чингисхану. Впоследствии стал одним из его ближайших сподвижников, ведавшим всеми военными делами, являвшимся, по-нынешнему, «начальником генерального штаба».

141

Когда я мог, как верных псов, с тобой Зэлмэ, Зэва и Субэгэдэя туда отправить, где были вы всего нужнее... – Этих четырех сподвижников Чингисхан именoval не иначе, как «четырьмя верными псами»; они возглавляли его передовые войска, отправлявшиеся в самые ответственные и тяжелые походы.

142

...когда богатырей бесстрашных Борчу, Чулуна, Мухали и Борохула мог при себе держать... – Эти четыре сподвижника Чингисхана прослыли в народе как «бесстрашные, верные витязи и мудрые советчики» Чингисхана, на которых он мог положиться в любой ситуации и был им обязан своей жизнью.

143

И сказал еще тогда Чингисхан: «Пожалованы будут мною и женщины, чтимые в нашем роду». – Учитывая, что выше шла речь об отважном поступке жены Борохула, Алтани, резонно предположить, что именно ее он имел в виду, когда говорил о «самых достойных» женщинах; конечно, не менее достойными высших почестей были мать Чингисхана, Огэлун, и его первая жена Бортэ, которые имели огромное влияние на него, всегда были его верными советчицами и надежной опорой.

144

...И, восседая на почетном месте, / Пророчествует нам! – Чингисхан установил должность бэхи, желая иметь государственного первосвященника, облеченного властью, признаваемой официально... Чингис теперь установил должность такого государственного волхва, причем назначил бэхи старика Усуна, который был старшим потомком в роде Барин, старшей ветви, происшедшей от легендарного Бодончара; Усун поэтому мог считаться связанным особым образом с родоначальником и быть его заместителем.

145

«Желали б мы дархадство получить и жить на Селенге в мэргэдских землях». – В XIII веке в среде господствующего класса Великого Монгольского Улуса существовала привилегированная прослойка дархадских ноёнов. Чингисхан жаловал в дархады особо преданных ему сподвижников. Дархады состояли у него на военной службе и имели право брать себе добычу, захваченную в походах, выбирать себе жен среди покоренных племен, собирать под свое водительство сродников (быть тысяцкими), наследственно владеть уделами.

146

Архи – молочная водка.

147

...Чингисхан отослал ноёна Хубилая к харлугам. – Харлуги – народ тюркского происхождения; в XIII веке харлуги располагались южнее озера Балхаш, были вассалами кара-киданей. После получения послания от Чингисхана, с которым к ним был послан Хубилай, добровольно признали сюзеренитет Великого Монгольского Улуса.

148

Субэгэдэй-батор, отправившийся с мужами своими вдогонку за сыновьями мэргэдского Тогтога – Худу и Чулуном, нагнал их на реке Чуй. – Очевидно, что эти события произошли в 1217 году, когда Чингисхан отправил Субэгэдэй-батора покончить с остатками племени мэргэд.

149

Зэв настиг Хучулуг-хана найманского в местности, именуемой Сариг хун, и, убив его, возвратился к владыке. – Как свидетельствуют другие источники, в последний раз Зэв был отправлен Чингисханом в погоню за Хучулугом в 1216 году, а покончено было с Хучулугом в 1218 году, перед походом Чингисхана в Среднюю Азию.

150

Уйгурский идугуд отправил к Чингисхану послов... – Во времена Чингисхана уйгуры обитали вблизи Алтайского хребта с центром в Бешбалыке, были подданными кара-киданей, которые посадили в Бешбалыке своего наместника. Последним наместником кара-киданей был Шукам, которого убил идугуд – хан уйгуров – Барчук Арт Тигин.

151

И пришел первым на встречу Жочи ойрадский Хутуга бэхи с тумэн ойрадами своими и уверил его в повиновении своем. – Исследователи сходятся во мнении, что в XIII веке ойрады обитали в районе верхнего течения Енисея, в таежной местности, прилегающей к озеру Гусэгур; в период междоусобной борьбы монгольских племен ойрады неоднократно выступали на стороне античингисовых сил. Под общим, собирательным именем «тумэн ойрад» имелись в виду народы племен ойрад, буриад, тумэд, баргун, урсуд, хабханас, ханхас и туба, из которых первые четыре были монголоязычными, остальные – тюркского происхождения.

152

...дошли они аж до реки Шиигид-гол. – Река, берущая начало в северных отрогах Алтайского хребта и впадающая в реку Ховд.

153

Потом пошел он в пределы тумэн хиргисов. И явились к Жочи ноёны хиргисские Йэди, Инал, Алдихэр и Урэбэк дигин, и выразили смирение свое, и кланялись ему белыми соколами, белыми скакунами и черными соболями. Кроме оных, покорил Жочи многие племена лесные – шибирцев, кэидиймов, байидов, тухасцев, тэнлэгцев, тугэлэсцев, таицев – всех вплоть до бажигидов. – Перечисленные выше племена фигурируют в «Сокровенном сказании монголов» под общим, собирательным именем «тумэн хиргис», имели тюркское происхождение; в XIII веке потомки древних хиргисов обитали на обширной территории; граничили на юге по Малому Алтаю с найманами, на северо-востоке их земли доходили до реки Ангара, на юго-востоке – до реки Селенги, а на северо-западе [месторасположение бажигидов (башкиров)] – аж до восточного берега Волги.

154

Дочь владыки, Алаха бэхи, была пожалована в замужество онгудам. – В чреде «политических браков», которые практиковал Чингисхан в отношении с владельцами подчинившихся ему племен и народов, важное место занимает породнение с онгудами, которые ранее приняли его сторону в противостоянии с найманами и впоследствии сыграли важную роль в подготовке к войне с империей Цзинь и, в частности, в первом походе Чингисхана на чжурчжэней, в котором они выступили в качестве проводников.

155

Затем Чингисхан отослал ноёна Борохула хорь тумэдов к державе присоединить. – Тумэды подразделялись на восточных, которых называли хори тумэды (они жили вперемешку с баргудами), и западных – просто тумэды, которые обитали на юго-западе от озера Байкал и граничили с севера с хиргисами. Через несколько лет после присоединения к Великому Монгольскому Улусу они и их соседи, хиргисы, по некоторым источникам, в 1216 году, по другим – в 1217 году восстали, пытались обособиться, но эти попытки были пресечены в результате карательного похода войск Чингисхана. Поход Борохула, описанный автором «Сокровенного сказания монголов», очевидно, и был первым этапом усмирения восставших хори тумэдов.

156

«...Всем вам и прочим сродникам моим пожалованы будут подданные наши!» – По древним источникам невозможно точно определить, когда Чингисхан раздал уделы своим сородичам; некоторые ученые склоняются к тому, что это могло произойти уже после подчинения Чингисхану лесных народов, но до похода на чжурчжэней, т. е. до 1211 года.

157

Цагадай – второй сын Чингисхана.

158

Толуй – четвертый сын Чингисхана.

159

Алчидай – сын младшего брата Чингисхана, Хачигуна.

160

Сказ об убиении Тэв тэнгэра. – Очевидно, не все объединенные Чингисханом в единую державу племена и, главное, их вожди смирились с тем, что стали «потомственными вассалами» Чингисхана и его рода. По-видимому, некоторые посчитали себя обделенными при раздаче уделов, званий и титулов. Судя по «Сокровенному сказанию монголов», недовольными остались даже некоторые члены рода самого Чингисхана, в частности, мать Чингисхана, Огэлун, его дядя Даридай отчигин, братья – Хасар и Бэлгудэй. Этим не преминула воспользоваться «новая оппозиция», которую возглавил шаман Тэв тэнгэр («Тэнгэр» – в переводе с монгольского значит «небо», Небо и небесный дух; его настоящее имя – Хухучу).

161

Коли не остережешься нынче ты Хасара... – Как считают исследователи, верховный шаман Тэв тэнгэр специально натравливал братьев друг на друга, используя их взаимную неприязнь, дабы усилить свое влияние в государстве.

162

...монголы всех девяти наречий... – Здесь имеются в виду не какие-то конкретные девять наречий, а просто большое количество людей, которые пришли искать покровительство у верховного шамана Тэв тэнгэра.

163

«Тэв тэнгэр на меньших моих братьев руку поднял, наветами раздор посеять вознамерился меж ними и потому в немилость впал у Вечного Небесного Владыки, который и унес с собою и дух его, и тело навсегда!» – Словами же этими Чингис совершенно определенно указывал, что Всевышний Тэнгри покровительствовал и покровительствует ему, его роду и готов наказывать всякого, кто вздумает подняться против монгольского хана или его родичей...

164

Год Овцы – 1211 год.

165

...Чингисхан пошел повоевать хятадский народ... – Имеется в виду чжурчжэньская империя Цзинь Алтан-хана, находившаяся на северо-востоке Китая и занимавшая его третью часть. Хятад – так назывался монголами, а вслед за ними и всеми завоеванными ими на западе народами (населением Туркестана, персами, русскими и т. д.) Северный Китай. Впоследствии это название было перенесено на всю территорию современного Китая.

166

И послан был Зэв подчинить город Дун-чан. – Дун-чан – Восточная столица империи Цзинь; ученые-монголоеды склонны относить этот поход Зэва к 1213 году, а штурм Восточной столицы датируется 14 января 1213 года.

167

Повоевав дунчанцев, Зэв воротился в ставку Чингисхана. Тем временем ратаи наши осаждали Жунду. – Описываемые далее события относятся к весне 1214 года.

168

И пошел Чингисхан оттуда в страну Хашин. – Здесь имеется в виду Тангудское царство, или государство Си-ся, основанное в 1038 году и находившееся на северо-западе Китая. Судя по древним китайским источникам, описываемый далее поход в Тангудское царство имел место в 1209 году (кстати, это был уже третий поход войск Чингисхана в страну тангутов после походов 1205 и 1207 годов).

169

...правитель страны по имени Бурхан... – Имеется в виду тогдашний правитель страны тангутов Ли Ань Цуань.

170

И, понудив в год Овцы покориться Ахутай Алтан-хана хятадского и Илаху Бурхана тангудского, Чингисхан возвратился восвояси, пришел и сел в местечке Саарь хээр. – Очевидно, что в тексте «Сокровенного сказания монголов» допущена неточность или ошибка: судя по другим (китайским, персидским) источникам, события, о которых там идет речь, произошли в разные годы, соответственно в 1214 и 1209 годах.

171

...Чингисхан направил многочисленное посольство... к Жау гону... – Жау гон был императором династии Сун (960–1279). Собственно, китайские императоры, которые во времена Киданьской империи были отеснены на юг от Желтой реки, создали государство Сун; в середине XII века, когда северный Китай был захвачен чжурчжэнями, государство Сун по заключенному с ними договору вынуждено было платить чжурчжэням большую дань, размеры которой возросли после очередного (1206 г.) нападения Алтан-хана на китайцев. Чингисхан, направляя свое посольство к императору династии Сун – Жау гону, стремился вовлечь его в сферу своего влияния, дабы в дальнейшем в союзе с китайцами выступить против чжурчжэней. Этому противился Алтан-хан.

172

Год Собаки – 1214 год.

173

Намгин – южная столица империи Цзинь; судя по китайским источникам, Алтан-хан покинул Жунду в мае 1214 года, оставив там наместником своего сына, которого в июле того же года в связи с началом наступления Чингисхана на Жунду отозвал в южную столицу.

174

Оставшиеся в живых после сечи кровавой этой хятадские ратаи до смерти изголодались, и убивали они друг друга, и поедали мясо человеческое. – Судя по китайским источникам, подобное положение сложилось в Жунду к началу 1215 года. Продовольствие и дополнительные воинские части, направленные Алтан-ханом в Жунду в феврале 1215 года, были перехвачены монголами. И вскоре Жунду пал.

175

И послал Чингисхан в Жунду Унгура бурча, Архай хасара и Шигихутуга, дабы счесть золото и серебро и прочие богатства, оставшиеся в граде том. – Эпизод, описанный далее автором «Сокровенного сказания монголов», относится к моменту захвата войсками Чингисхана средней столицы империи Цзинь, Жунду, весной 1215 года.

176

И благословил Чингисхан покорность, выказанную Алтан-ханом, и пожелал он возвратиться восвояси... – Чингисхан возвратился на родину осенью 1215 года. После своего возвращения в Монголию в 1215 году Чингисхан больше никогда не принимал личного участия в дальнейших военных действиях на территории империи Цзинь. В августе 1217 года гуй ван Мухали был наделен полномочиями наместника на захваченных чжурчжэньских территориях; он руководил последующими военными действиями и управлением этими территориями.

177

Бэйжин – северная столица империи Цзинь.

178

...в землях Сартаульских пленена и перебита сотня мужей наших... – После того как монгольский военачальник Зэв в 1218 году захватил государство Западное Ляо (кара-киданей), находившееся в Восточном Туркестане, границы монгольского государства придвинулись к Хорезму. Монголы были крайне заинтересованы в развитии торговых связей с Хорезмом, поэтому гостеприимно приняли пришедший оттуда торговый караван. Торговцы были приняты Чингисханом, получили хорошую цену за свои товары. В обратный путь в 1216 году вместе с ними было направлено монгольское торговое представительство в составе четырехсот человек с разными товарами, а также послание Чингисхана, адресованное шаху Хорезма. Однако в конце 1216 – начале 1217 года монгольские торговцы были остановлены в Отраре его губернатором, который позарился на монгольские товары и донес хорезмскому шаху, что им задержаны монгольские лазутчики. Шах, не разобравшись толком, повелел всех казнить. Это и послужило одной из главных причин похода Чингисхана на Хорезм.

179

...поводьями златыми... – Монголы на протяжении всей истории проводили гибкую политику в отношениях с другими государствами. Вот почему издревле они называли свою политику, направленную на установление добрососедских связей с другими странами, «золотыми поводьями державы».

180

...И славы твоей, и вселися зная? – Согласно верованиям монголов, после смерти человека его «сулдэ» («жизненная сила») становится гением-хранителем семьи, рода и может воплощаться в разных предметах, в том числе и в знамени.

181

Ужесли нами править суждено ему, мэргэдскому ублюдку?! – Чагадай намекает на тот факт, что их мать Бортэ хатан была пленена мэргэдами и якобы возвратилась оттуда беременной.

182

В год Зайца выступил Чингисхан через Арайский перевал повоевать сартаулов. – Монголы называли располагавшееся в нижнем течении Амударьи древнее государство хорезмшаха Сартуул, а его жителей сартаульцами. Это слово произошло от санскритского слова «сарт» – торговец. Это государство находилось на перекрестке торговых путей и было признанным центром международной торговли того времени. В апреле 1219 года армия Чингисхана, насчитывавшая, по различным источникам, 150–200 тысяч воинов, двинулась на запад.

183

Хан Мелиг – Тимур-Мелик, прославленный военачальник Хорезмского царства.

184

Известясь о полонении городов своих, хан Мелиг выступил с ратью и воссоединился с Жалалдин султаном. – Джелал ад-Дин, сын и наследник хорезмшаха Мухаммеда, на нем прервалась династия хорезмшахов. После разгрома войсками Чингисхана основных сил хорезмшаха, его бегства и гибели весной 1221 года остатки воинства хорезмшаха стали объединяться вокруг его наследника Джелал ад-Дина.

185

И наехали Жалалдин султан и хан Мелиг на Шигихутуга, и повергли они мужей наших, и преследовали их до стана Чингисхана. – С весны по осень 1221 года воинство Джелал ад-Дина провело ряд успешных сражений против отдельных отрядов армии Чингисхана. Об одном из таких успешных сражений и сообщает автор «Сокровенного сказания монголов».

186

И гнали мужи наши врагов сартаульских до реки Шин, в водах коей множество сартаульцев и сгинуло. Спасаясь от мужей наших, Жалалдин султан и хан Мелиг бежали вверх по Шину. – Армия Чингисхана настигла остатки воинства Джелал ад-Дина и разбила их на берегу реки Шин (река Инд) в октябре-ноябре 1221 года.

187

Следуя в верховья реки Шин, Чингисхан прошел через город Бадхэиэн (Бадахшан) и, достигнув речек Эх горхи и Гун горхи, стал станом в местности Бараан хээр. – Разгромив Джелал ад-Дина, Чингисхан в течение 1222 года совершил боевые рейды в Афганистане и Северной Индии; весну и лето он провел недалеко от Бадахшана. Именно сюда осенью 1222 года к Чингисхану прибыл приглашенный им даосский монах Чан Чунь.

188

Урунгэчи – город Ургенч, столица Хорезмского царства.

189

«Да будет впредь над всеми вами воля Угэдэя!» – Жочи и Цагадай, которые первыми подошли к Ургенчу и начали в июле-августе 1220 года его осаду, разошлись во мнениях, как следует брать столицу Хорезма: требовать капитуляции или сразу штурмовать город. Пользуясь несогласованностью в действиях монголов, защитники Ургенча наносили им ощутимые потери. Поэтому, когда Угэдэй подошел к Ургенчу с новыми силами, Чингисхан повелел именно ему руководить штурмом города. Используя стенобитные орудия и горючие вещества, монголы взяли столицу Хорезма в апреле 1221 года.

190

... Чингисхан пришел и сел в Самарканде. – Как свидетельствует Рашид ад-Дин, Самарканд был взят в марте 1220 года.

191

Потом, выступив из Самарканда, Чингисхан пришел и сел в Бухаре. – На самом деле взятие Бухары в марте 1220 года предшествовало штурму Самарканда.

192

«...И самолично к нам приди!» – Описываемые события относятся к лету 1223 года; возможно, вызов Толуя в ставку был связан с проведением хуралдая, на котором присутствовали все сыновья и полководцы Чингисхана (за исключением Зэва и Субэдэя, отосланных в знаменитый «западный рейд»). На этом хуралдае подводились итоги похода в Среднюю Азию. Сообщения автора «Сокровенного сказания монголов» о поощрении отличившихся в этом походе и об осуждении и наказании провинившихся также, возможно, имеет отношение к хуралдаю 1223 года.

193

Халибай султан – властитель Багдада Насир Калиф.

194

Хиндусы – индийцы.

195

И послал Чингисхан тогда же дурбэдейского Турбэя догшина повоевать город Абту, что стоит между землями хиндусов и багдадцев и населен народами ару, мару и мадасари. – Здесь идет речь о завоевании земель южнее Каспийского моря, в районе Мазандарана.

196

И был отослан с ратью Субэгэдэй-батор на север. – Российский военный историк Р. П. Храпачевский дал следующую краткую характеристику этому «западному походу» знаменитых полководцев Чингисхана – Субэгэдэя и Зэва: «...начавшись в 1220 году с частной задачи схватить хорезмшаха Мухаммеда ибн-Текеша, погоня за ним тумэнов Субэгэдэя и Зэва (которые выступили по отдельности и разными путями) закончилась у Каспийского моря (как свидетельствуют историки, 11 января 1221 года на одном из островов в Каспийском море, близ Мазандарана скончался хорезмшах Мухаммед ибн-Текеша), где в Мазандаране эти тумэны соединились и получили новую задачу – завоевать западную часть государства хорезмшаха, в то время как Чингисхан с остальными своими полководцами был занят в Мавераннахре, Хорасане, Центральном Иране и Афганистане...

Субэгэдэй и Зэв выполнили свои задачи по покорению западной части государства Ануштегинидов и вышли к новым, неизведанным еще землям – в Закавказье и далее, в степи Северного Кавказа и Причерноморья. Там они сразились и победили алан, половцев-кипчаков и соединенное русско-половецкое войско, после чего двинулись в приволжские степи. Но на Волге им не удалось разграбить Булгар, а наоборот, они сами попали в ловушки, и, поражаемые кипчакскими и булгарскими атаками из засад, тумэны Субэгэдэя и Зэва перешли Волгу и вернулись через казахские степи к Чингисхану, в Среднюю Азию в 1224 году».

197

Бажигиды – башкиры.

198

Адил – река Волга.

199

Жаяг – река Урал.

200

Кивамэн – Киев.

201

Когда закончил Чингисхан завоевывать земли сартаульские... – Описываемые далее события относятся к весне – осени 1223 года.

202

Эрдис (Эрчис) – река Иртыш.

203

Год Курицы – 1225 год.

204

Год Собаки – 1226 год.

205

...выступил Чингисхан в поход на врагов-тангутов. – Чингисхан, вернувшись из Туркестана, практически сразу же пошел войной на страну тангутов, т. к. понимал, что, не сокрушив тангутов, не избавившись от опасности нападения с запада, не оставив Алтан-хана без союзников в лице тангутов, он не сможет окончательно одолеть Алтан-хана. И откладывать этот поход на тангутов было нельзя, потому что Алтан-хан в то время уже вел переговоры с тангудами (осень 1224 года) о совместных действиях против монголов.

206

Теперь же, милостью Небесного Владыки повоевав и покорив сартаулов, пришли мы перевестись с тобой. – Чингисхан напомнил тангудскому хану свое обещание покончить с ним, данное перед походом в Хорезм. Чингисхан всегда держал свое слово. И это было еще одной из причин, почему он сразу по возвращении на родину стал готовиться к походу на тангутов. По свидетельству некоторых источников, Чингисхан потребовал от хана тангутов прислать в заложники своего сына, но тот отказался. После этого вопрос о походе на тангутов был решен Чингисханом окончательно.

207

Бурхан – миниатюрная статуя Будды.

208

...имя Шудрага (монг. справедливый, честный). – Чингисхан намеренно (в переносном смысле) дал Илху Бурхану это имя, тем самым желая подчеркнуть его неверность данному однажды слову.

209

Год Свиньи – 1227 год.

210

...в год Свиньи Чингисхан вознесся на небеса. – 25 августа 1227 года в возрасте 66 лет Чингисхан скончался; причинами смерти считаются либо болезнь, либо последствия его падения с лошади во время охоты на куланов зимой 1226 года. Существуют разные мнения о месте захоронения останков Чингисхана. По одной версии, Чингисхан мог быть захоронен в районе горы Муна (ныне территория Внутренней Монголии КНР), которая так восхитила его в 1226 году, когда он вместе с войском направлялся в страну тангутов. По-видимому, с этим как-то связана легенда об остановке траурной процессии у горы Муна, которую приводят в своих исторических хрониках многие монгольские летописцы. Некоторые ученые считают, что остановка у горы Муна и распространившийся после этого слух о захоронении там Чингисхана были специально инспирированы организаторами похорон, дабы скрыть от людей истинное место захоронения Чингисхана. По другой версии место его захоронения находится на родине Чингисхана (нынешний Хэнтийский аймак Монголии).

211

Год Мыши – 1228 год.

212

Цагадай (1183–1242) – второй сын Чингисхана; отличался мужеством и самоотверженностью во всех походах Чингисхана. Стал надежной опорой и мудрым советчиком младшего брата Угэдэя после его возведения на ханский престол, был инициатором направления во второй «западный поход» в 1235 году старших сыновей всех своих братьев (Жочи, Угэдэя и Толуя). По этой причине некоторые исследователи называют этот поход «походом старших сыновей».

213

Бат – второй сын Жочи, старшего сына Чингисхана; известен в России как хан Батый; после смерти своего отца в 1225 году стал его преемником. В 1235–1242 годах в числе монгольских полководцев участвовал во втором походе на Запад. В 1243 году основал Золотую орду.

214

Ноён Отчигин (1168–?) – младший брат Чингисхана; во время похода Чингисхана в Хорезм был оставлен старшим братом – наместником в исконных монгольских землях; после смерти Чингисхана приложил немало усилий, чтобы выполнить его завет и возвести на ханский престол Угэдэя.

215

Егу, Есунхэ – старшие сыновья Хасара, брата Чингисхана.

216

Толуй (1193–1232) – младший сын Чингисхана; стал одним из лучших монгольских полководцев, принимал участие во всех зарубежных походах. Существует легенда о том, что Толуй пожертвовал собственной жизнью, чтобы вылечить от страшного недуга брата Угэдэя, в то время правившего Великим Монгольским Улусом.

217

Угэдэй (1186–1241) – третий сын Чингисхана; взойдя на ханский престол в 1229 году, стал достойным преемником и продолжателем дела своего великого отца. Он не только продолжил военные походы Чингисхана (в Китай, на Запад), но и осуществил много мероприятий по совершенствованию налоговой и правовой системы, развитию ямской службы, рытью колодцев. В период его правления, очевидно, было закончено составление «Сокровенного сказания монголов» (1240).

218

Бури – второй сын Цагадая.

219

Мунх – старший сын Толуя.

220

Гуюг – старший сын Угэдэй-хана.

221

...и потому в далекий мы отправили поход Бата, Бури, Мунха и Гуюга. – Речь идет о втором походе монголов на Запад в 1235–1242 годах.

222

«Взошел я на престол, мне уготовленный отцом-владыкой Чингисханом. Терзаюсь думой я теперь: чем заслужил я честь такую?!» — Как свидетельствует Рашид ад-Дин, Чингисхан не сомневался в способностях Угэдэя и постоянно готовил сына к тому, чтобы он стал его преемником: «Он (Угэдэй) был известен и знаменит высокомерием, умом, способностями, суждением, рассудительностью, твердостью, степенностью, великодушием и справедливостью, однако любил наслаждения и пил вино. По этому поводу Чингисхан иногда с него взыскивал и давал [ему] наставления. Так как Чингисхан испытал сыновей в делах и знал, на что пригоден каждый из них, то он колебался относительно [передачи] престола и ханства: временами он помышлял об Угэдэй-хане, а иногда подумывал о младшем сыне Толуй-хане, потому что у монголов издревле обычай и правило таковы, чтобы коренным юртом и домом отца ведал младший сын. Потом он сказал: «Дело престола и царства – дело трудное, пусть [им] ведает Угэдэй, а всем, что составляет юрт, дом, имущество, казну и войско, которые я собрал, – пусть ведает Толуй». И всегда, когда он по этому поводу советовался с сыновьями, все они, видя, что мнение отца таково, с ним соглашались и это одобряли. В конце концов, когда в области Тангуд он внезапно заболел... он устроил тайное совещание и, сделав его (Угэдэя) наследником, утвердил за ним престол и ханство»).

223

...задумал я пойти в поход на Алтан-хана и не оконченное Чингисханом дело завершить. – В 1230–1234 годах Угэдэй окончательно завоевал державу Алтан-хана. Таким образом, чжурчжэньская империя Цзинь прекратила свое существование.

224

Год Зайца – 1231 год.

225

И вышел Толуй из ставки и пал замертво. – Толуй скоропостижно скончался в 1232 году, во время решающего похода на империю Цзинь. В этом походе он проявил себя как смелый и решительный воин. Очевидно, впоследствии появилась и легенда, объясняющая его скоропостижную кончину.

226

Каракорум (Хар Хорум) – столица монгольской империи. Чингисхан задумал построить свою столицу на этом месте еще в 1220 году, но так и не успел до конца реализовать свой замысел. В годы правления Угэдя, Гуюга и Мунха Каракорум обретает городской образ, становится центром политической, экономической, торговой и религиозной жизни монгольской империи. Во время правления Хубилая в 1260 году столица монгольской империи была перенесена в Китай.

227

Год Мыши – 1240 год.

228

...стали ставкой на Худо арале, что на Керулене... – По мнению монгольского ученого Ц. Дамдинсурэна, местность Худо арал (монг. остров Худо) находилась между рекой Керулен и ее рукавом – речкой Ургун ус.

229

Из сочинения А. М. Джувейни «История завоевателя мира». – Ала-ад-Дин Ата-Мелик Джувейни, персидский историк XIII века; с 1255 года и до самой смерти (умер в 1283 году) Джувейни находился на службе основателя династии ильханов Персии – Хулагу и его наследников; свою знаменитую книгу «История завоевателя мира» Джувейни писал в 1252–1260 годах. О значении и авторитетности этой книги говорит тот факт, что Рашид ад-Дин при написании своего «Сборника летописей» неоднократно пересказывает многие части книги Джувейни.

230

...о ясах, кои он повелел. – Приведенный ниже перевод В. Ф. Минорского главы о Великой Ясе из сочинения Джувейни «История завоевателя мира» взят из книги Г. В. Вернадского «О составе Великой Ясы Чингисхана».

231

Тогда на два-три фарсаха понавяжут вервий одно к одному и понабросают [на них] войлок. – Фарсах (парсанг) – персидская мера длины, около пяти-шести километров; замкнутый круг облавы обозначается специальными веревками, на который привязывают разноцветные тряпки, войлок, отпугивающие зверей.

232

Ям – селение на почтовом тракте, жители которого несли ямскую повинность (обязанность предоставлять для государственных нужд подводы, лошадей, возчиков).

233

Места смотра и учета войска так устроены, что через них уничтожена необходимость смотрового приказа... – «Приказ» здесь употребляется в смысле «правительственное учреждение, министерство, департамент».

234

Не замедляют ни часа, ниже упреждают его... – Коран, VII, 32.

235

Начальник тьмы – начальник тумэна, военно-административной единицы, которая при необходимости должна выставить «тьму» – 10 000 воинов.

236

Из сирийской «Летописи» Григория Аб-уль-Фараджа. – Этот фрагмент «Летописи» включен в книгу Г. В. Вернадского «О составе Великой Ясы Чингисхана».

237

Аль-Макризи (1364–1442) – арабский географ, историк, был проинформирован своим другом Абу-Нашимом о списке «Ясы», имеющемся в Багдадской библиотеке. На основании этой информации Макризи попытался представить полный отчет о содержании «Ясы». Фактически же ему удалось очертить лишь часть кодекса: в основном статьи, посвященные уголовному законодательству и наказанию. Его отчет вошел в книгу Sylvestre de Sacy «Chrestomatie arabe» (1826).

238

Тот, кто мочится в воду или на пепел, также предается смерти. – Вода и огонь (пепел) считаются у монголов очистительными началами.

239

Фрагменты «Великой Ясы» по Г. Лэмбу. – Гарольд Лэмб в своей книге «Genghis Khan/ Emperor of all man» (Лондон, 1928) в качестве источника приводимых им фрагментов «Ясы» называет Пети де ла Круза. Книга последнего «История Чингисхана» вышла в 1710 году на французском языке, а в 1722 году появился ее английский перевод. Глава этой книги «О законах Чингисхана», по мнению Г. В. Вернадского, представляет собой компиляцию, заимствованную из различных источников.

240

Фрагменты «Великой Ясы» по другим источникам. – Нижеследующие фрагменты «Ясы» цитируются по изданию Э. Хара-Давана «Чингисхан как полководец и его наследие».

241

Данный фрагмент печатается по изданию: Сборник летописей. История Монголов. Сочинение Рашида ад-Дина. История Чингисхана от восшествия его на престол до кончины. СПб., 1888.

242

Ёс (монг.) – установленный обычай.

243

Яса — от монг. «засаг» или тюркского – «йаса»; здесь – Верховный закон Чингисхана.

244

Юрт – здесь: удел, полученный от хана.

245

Хубилай – один из восначальников Чингисхана.

246

Фрагменты наставлений Чингисхана переведены по изданию «Лувсанданзан. Алтан товч» (на монг. яз.).

247

...из наставлений дочерям. – Фрагменты, содержащиеся в этой части, относятся к 1210–1211 годам. Все дочери Чингисхана, о которых идет речь, родились от его старшей жены Бортэ.

248

...из «Поучений Чингисхана его младшим братьям и сыновьям». – Фрагменты библиков Чингисхана, опубликованные В. Котвичем в журнале «Восток» (1923), были переведены им из «Монгольской хрестоматии» (1836) А. Попова.

249

...положить ноги на почву и руки на землю... – Это образное выражение у монголов символизирует спокойную, благодатную жизнь.

250

Из биографии Елюй Чу-цяя в «Юань ши» — («Юань ши», гл. 146).

251

Отдел второй. – Фрагменты из второй части первого тома книги «Сборник летописей» печатаются по изданиям: Сборник летописей. История монголов. Сочинение Рашид-ад-Дина. История Чингиз-хана до восшествия его на престол. СПб, 1868; Сборник летописей. История монголов. Сочинение Рашид-ад-Дина. История Чингиз-хана от восшествия его на престол до кончины. СПб, 1888. При воспроизведении этих фрагментов в целом сохранен стиль переводчика. В случае расхождения в написании русской транскрипции монгольских собственных имен, географических и племенных названий в данном переводе с текстом перевода «Сокровенного сказания монголов» предпочтение отдается варианту написания последнего.

252

...монголы называют Джаокут. – Имеется в виду империя Цзинь.

253

Сыновья Чингисхана Жочи, Цагадай и Угэдэй взяли города... – В августе 1211 года Чингисхан подчинил сыновьям западную группировку своих войск, которая в результате самостоятельного рейда по провинции Шанси и территории современной Внутренней Монголии захватила ряд городов, далее перечисленных Рашид ад-Дином.

254

...один чрезвычайно большой город – Сибкин (Си-цзин)... – Здесь идет речь о западной столице империи Цзинь (совр. Датун), которую монголы впервые осадили и, по свидетельствам некоторых источников («Ган му»), захватили в 1211 году. Все китайские города, которые Рашид ад-Дин перечислил выше, были взяты монгольскими войсками уже к августу 1211 года, после чего и была захвачена западная столица империи Цзинь. Помимо этой столицы, во времена династии Цзинь на территории северного Китая было еще четыре столицы: Жунду (нынешний Пекин) – средняя столица; Бэй-цзин (совр. Данин-чэн) – северная столица; Нанцзин (совр. Кайфэн) – южная столица; Дун-цзин (совр. Ляоян) – восточная столица.

255

...не делая обхода, прошли и ушли... – Очевидно, здесь имеется в виду, во-первых, то, что монгольские войска в этом походе захватывали и разоряли города империи Цзинь, но затем, не оставляя в них свои гарнизоны, уходили. А во-вторых, как свидетельствуют некоторые источники, зимой 1211–1212 годов Чингисхан вместе со своим войском покинул пределы Китая и перезимовал в приграничных районах. Следует отметить, что у Рашид ад-Дина полностью отсутствует информация о том, что уже в первый год своего похода в Китай Чингисхан приложил немало усилий для взятия средней столицы империи Цзинь, города Жунду, в котором в то время находился цзиньский император.

256

Чингисхан остановился у города, называемого Фучжоу, и осадил его. – Большинство источников свидетельствуют о том, что это и последующие события («сражение на перевале Унэгэн даваа») относятся к 1212 году.

257

...командующие войском Джурджэ – Гю-гянь Нарду (Ваньянь-гюгянь)... (Чжиутай Утеду джау-тау Цзю-цзинь), ану-нарду (цзянь-цзюнь Вань-ну) и Мянган... – в «Ган-му» эти военачальники названы генералами; как пишет китайский исследователь Сайшал, в то время главнокомандующим цзиньской трехсоттысячной армией был назначен Хишли Хушаху, который год назад без особого сопротивления сдал западную столицу империи Цзинь.

258

Ваньян Хуша – командовал войсками арьергарда цзиньской армии во время сражения на перевале Унэгэн даваа.

259

...взяли крепость Чжу и возвратились. – Очевидно, это была последняя военная операция монголов в Китае в 1212 году, целью которой был выход к Цавчалскому перевалу, прикрывавшему среднюю столицу империи Цзинь, город Жунду.

260

[Цзиньцы] вторично возмутились, и Чингисхан осенью (1213 года. – А.М.) сам пошел [на Дэ син], захватил и разрушил его. – Отсюда Рашид ад-Дин начинает рассказ о военной кампании Чингисхана в 1213 году.

261

Чингисхан подошел к одному из самых больших городов Алтан-хана, который называется Хуай-лай. – В июле-августе 1213 года Чингисхан продолжил свое продвижение к средней столице империи Цзинь, городу Жунду, который он намеревался захватить и вынудить цзиньского императора капитулировать. Узнав, что в августе 1213 года в средней столице империи Цзинь бывший главнокомандующий цзиньской армией Хушаху сверг и убил прежнего императора Ваньгинь Юнь Ци, а на его место посадил Ваньгинь Сюаня, Чингисхан активизирует продвижение своего войска к Жунду.

262

И после двадцати дней осады взял его. – По свидетельству «Юань ши» и «Ган-му», в 1213 году Чингисхану не удалось захватить Жунду, поэтому, разделив свои войска на три части, он отправил эти корпуса по трем направлениям. Об этих походах и повествует далее Рашид ад-Дин.

263

...они захватили все попадавшиеся по пути города, деревни и укрепления, разрушили их и возвратились... – Нет ничего удивительного, что три корпуса войск Чингисхана победоносно прошли по Северному Китаю, практически по всей территории империи Цзинь, и, как сообщают древние источники, захватили более девяноста городов, крепостей и селений. Дело в том, что все военные силы цзиньцев были сосредоточены в средней столице Жунду, да еще в нескольких стратегически важных городах. Остальная же территория осталась беззащитной и была легко пройдена и разграблена войсками Чингисхана.

264

Гунж-хатан — это не имя дочери Алтан-хана; «гунж» — означает «принцесса», а «хатан» — жена хана; некоторые исследователи называют ее принцессой Чиху.

265

...Чингисхан закрепил за Мухали титул гуй ван. – Как утверждает китайский исследователь Сайшал, эти события произошли годом раньше, в августе 1217 года (История Чингисхана (на монг. яз.).

266

...сам направился в западные пределы. – Чингисхан выступил в поход на Запад в апреле 1219 года. Этому предшествовала тщательная подготовка: в 1217 году были подавлены восстания тумэдов, лесных народов, было покончено с остатками мэргэдов, в 1218 году монгольские войска во главе с Зэвом разделились и с Хучулугом, сыном найманского Таян-хана.

267

Зэв-нойон огласил [высочайшее повеление] о том, что каждый человек свободен в вероисповедании и вправе следовать путем веры своих дедов и отцов. – Во время похода против Хучулуга и возглавляемых им кара-киданей в 1218 году монгольские войска сыграли на чувствах верующих мусульман: в то время как Хучулуг насаждал здесь буддизм, Чингисхан объявил свободу вероисповедания. В результате в преддверии похода на хорезмшаха в глазах верующих мусульман Чингисхан предстал человеком, который, во всяком случае, не оскорбляет их религиозные чувства.

268

...отомстить султану за убийство купцов. – В период с 1216 по 1218 год Чингисхан и его соратники приложили много усилий для установления нормальных, добрососедских отношений с владельцем Хорезма, хорезмшахом Мухаммедом, включая торговые отношения. В результате в 1216 году из Монголии в Хорезм была направлена группа торговцев в составе четырехсот подданных Чингисхана с традиционным, монгольским товаром, который предполагалось продать и затем закупить в Хорезме необходимые монголам товары. Однако все они были признаны шпионами и казнены. Затем, в 1218 году, в Хорезме был убит и еще один посланник Чингисхана, который привез хорезмшаху письмо своего владыки с требованием выдать ему виновных в смерти монгольских купцов. На созванном после этого хуралдае было принято окончательное решение о походе на Хорезм.

269

Осенью он приказал выступить в поход... – Согласно «Юань ши» и другим источникам, Чингисхан выступил в поход на Хорезм в апреле 1219 года, лето этого года провел на Иртыше, а осенью 1219 года вторгся во владения хорезмшаха и осадил приграничный город Отрар.

270

Отрар — в описываемый период город на правом берегу Сырдарьи; принадлежал к владениям хара-киданей, затем был присоединен хорезмшахом к своим владениям; стал их приграничным пунктом.

271

В конце осени упомянутого года Дракона... – По другим источникам, осада Отрара началась осенью 1219 года, а взят он был весной 1220 года.

272

Кук-сарай – дворец в пригороде Самарканда.

273

Бухара – город, расположенный в нижнем течении Зарафшана.

274

Их нойон – Великий господин.

275

Зарнук – укрепленное поселение на левом берегу Сырдарьи.

276

...хашар Бухары... – Пленные, которые затем были отправлены к стенам Бухары для осадных работ и штурма города.

277

Нур – селение, располагавшееся на границе культурных областей и степи и имевшее важное стратегическое значение.

278

...он остановился у самого дальнего места храма. – Имеется в виду максурэ, особое помещение в мечети около мембера (кафедры), где во время богослужения и произнесения хутбы находился правитель.

279

Мембер – кафедра в мечети, откуда произносятся проповеди.

280

Чингисхан в конце весны упомянутого года (1220)... двинулся оттуда (из Бухары) к Самарканду. – Как явствует из других источников, Самарканд был взят в марте 1220 года.

281

...по дороге, которую монголы называют Тумур-хаалга... – То есть «Железные ворота»; под этим названием понималась самая узкая часть ущелья, где стояли железные ворота, закрывавшие проход. В данном конкретном случае имелось в виду ущелье в Байсунских горах под названием Тумур-хаалга, по которому проходил караванный путь из Самарканда в Хисарскую долину.

282

...сыновья Жочи, Цагадай и Угэдэй находились на взятии Хорезма. – Точнее будет сказать, столицы Хорезма, города Ургенча, куда они были направлены Чингисханом в июле-августе 1220 года. Его осада началась зимой того же года и затянулась на шесть месяцев. По одной из версий, это произошло из-за разногласий, возникших между Жочи и Цагадаем, по вопросу тактики захвата этого города. (Поскольку Чингисхан пообещал отдать этот город во владение Жочи, тот настаивал на тактике нанесения наименьшего ущерба самому городу.) И только после того, как приказом Чингисхана главнокомандующим всеми войсками, штурмовавшими столицу Хорезма, был назначен Угэдэй, в мае 1221 года город пал.

283

В то время султан Джалал ад-Дин находился в Газни. – После того, как султан Мухаммед-хорезмшах, преследуемый монгольскими войсками во главе с Зэвом и Субэгдэй-батыром, в декабре 1220 года нашел пристанище на маленьком острове в юго-восточной части Каспийского моря, недалеко от города Мазандеран, и вскоре, в январе 1221 года, умер, султаном и правителем Хорезма стал его сын и наследник Джалал ад-Дин, который смог объединить вокруг себя раздробленные части войск Хорезма и какое-то время оказывать достойное сопротивление войскам Чингисхана.

284

Хан-Мелик, наместник Мерва... – После побед монгольских войск и краха хорезмшаха он хотел присягнуть на верность Чингисхану. Однако из-за нерадивости Тохучара, который не выполнил приказ Чингисхана не причинять вреда подданным хана Мелика и разграбил их, наместник Мерва пришел на службу к наследнику хорезмшаха, султану Джалал ад-Дину, и привел к нему свою сорокатысячную армию. После этого, собрав вокруг себя значительные силы, Джалал ад-Дин смог нанести ряд поражений монгольским войскам, в том числе (весной 1221 года) сокрушил войско, которым командовал приемный сын Чингисхана, Шигихутуг.

285

...все войска в год Лошади двинулись из пределов Талекана на султана Джалал ад-Дина. – Год Лошади – 1222 год; некоторые исследователи считают, что эти события происходили осенью 1221 года.

286

...весной года Овцы возвратился к верховьям реки Синд. – Год Овцы – 1223 год; современные исследователи полагают, что эти события происходили в 1222 году.

287

Сделав несколько [дневных] переходов [в том направлении] ... – Описываемые события относятся к весне 1223 года.

288

...пришло известие о восстании жителей [царства] Тангуд. – Имеется в виду набег тангудских войск на монгольскую территорию в районе реки Эзнэй-гол зимой 1223 года.

289

И повелел Чингисхан воздвигнуть золотую ставку и устроил там хуралдай и большой пир. – Это событие датируется концом 1224 или началом 1225 года. Событие, происшедшее во время этого пира (меткая стрельба лучника по имени Есунхэ), было впоследствии увековечено на так называемом Чингисовом камне, который сохранился до нашего времени. Ставка Чингисхана называлась «золотой» потому, что опоры и порог этой огромной юрты были обернуты золотом. Эта юрта воздвигалась в особо торжественных случаях и вмещала несколько сот человек.

290

...его оповестили, что тангуды снова восстали... – К осени 1225 года тангуды укрепили свои оборонительные сооружения и договорились с чжурчжэнями о получении от них военной помощи.

291

...сам выступил с войском в Нанкяс. – Имеется в виду Южный Китай, где располагалось государство южных сун.

292

«Мэн-да бэй-лу» – фрагменты перевода В. Васильева «Записки о монголо-татарах» печатаются по изданию: История и древности Восточной части Средней Азии от X до XIII века. СПб, 1857. «Мэн-да» – это сокращенное от «Мэн-гу» (монголы) и «да-тань» (татары). Подобные сокращения свойственны в китайском языке.

293

Земля, в которой в первый раз являются татары... – Как писал Н. Ц. Мункуев, «Китайцы, которые столкнулись с некоторыми из этих племен, распространили их название на все монгольские и даже немонгольские племена, обитавшие на территории современной Внешней и Внутренней Монголии и Западной и Южной Маньчжурии» (Мэн-да бэй-лу).

294

Белые татары... – Имеется в виду племя онгутов.

295

...их провинция управляется [ныне] Би-цзи, дочерью (гун-чжу) повелителя татарского Чингисхана. – Здесь идет речь о дочери Чингисхана и Бортэ, Алага бэхи, которая в 1207 году была выдана замуж за Буянболда, сына вождя онгутов. После смерти мужа и свекра Алага бэхи, заручившись поддержкой отца, правила племенем онгутов, поэтому и прославилась как «правительница-принцесса».

296

Непокорные татары. – Непокорными или «дикими... татарами» китайцы называли так называемые «лесные племена».

297

...все принадлежат к черным татарам. – Так китайцы именовали коренные монгольские племена.

298

Чингисхан, в малолетстве, попал в плен к цзиньцам (т. е. чжурчжэням), провел у них в рабстве более десяти лет и потом бежал. – Данное утверждение автора не находит подтверждения в других источниках, поэтому, очевидно, является ошибочным.

299

...напали на разбойников чжурчжэней... – Так как это пишет китаец, принадлежавший к Сунской династии, которая была чжурчжэнями разбита и потеснена на юг Китая, то он и называет своих заклятых врагов, чжурчжэней, разбойниками.

300

...всегда оставляют одну долю для поднесения императору Чингису. – Здесь имеется в виду десятая часть всей добычи.

301

Всякое совещание о начале войны производится в 3-й или 4-й луне... – Третья и четвертая луны приходятся, соответственно, на вторую половину марта – первую половину апреля и вторую половину апреля – первую половину мая.

302

5-я луна – вторая половина мая – первая половина июня.

303

8-я луна – вторая половина августа – первая половина сентября.

304

Цзиньский глава... – то есть император. Слово «глава» употреблено автором умышленно с намерением оскорбить цзиньского императора, которого китайцы считали захватчиком их страны и территории.

305

Когда ложный Чжан-цзун... – Автор имеет в виду императора цзиньцев, которого он считает самозванцем; «ложный» – это тоже оскорбительный эпитет со стороны автора-китайца Сунской династии, в глазах которого один только его государь имел право на звание императора.

306

...«Святая воля ниспосланного Небом (Всевышним Тэнгри) императора Чингиса должна по возможности [с благоговением] исполняться». – «Тянь-цы Чэн-цы-сы Хуан-ди Шэн-чжи дан бьянь и син ши». Слова «тянь-цы» в этой фразе, с одной стороны, напоминают известную по найденной пайцзе монгольскую надпись «Тэнгэрийн хучин дор» (по благоволению Небесного Владыки), а с другой – представляют те самые иероглифы, из которых, по словам автора, производно имя «Чингис».

307

Первого числа первой луны они непременно поклоняются Небесному Владыке... – Имеется в виду празднование Нового года по лунному календарю.

308

Путешествие на запад... – Фрагменты произведения цитируются по изданию: Арабески истории. Кн. 2. (Мир Льва Гумилева). Пустыня Тартары. М.: Ди-Дик, 1995.

309

Чан Чунь – даосский монах (1148–1227), пользовался в свое время большой славой в Северном Китае и почетом при дворах Сунском и Цзиньском; был adeptом внутренней, или духовной, алхимии; искал в психическом мире человека тайны бессмертия, долголетия.

310

...описано учеником его Чжень Чан Цзы... – Похвальное имя одного из его спутников-учеников – Ли Чжи Чана, который вел путевой журнал во время путешествия Чан Чуня к Чингисхану.

311

Ли Чжи Чан – настоящее имя ученика Чан Чуня, прекрасно описавшего путешествие учителя к Чингисхану; этот труд был опубликован в 1228 году.

312

Император Чин ги сы (Чингисхан) отправил своего приближенного... – Чингисхан, узнав о полусвятом мудреце монахе Чан Чуне, в 1219 году призвал его к себе, дабы воспользоваться секретами даосов, касающимися продления жизни. Важной целью их встречи было и то, что Чингисхан хотел привлечь мудреца на свою сторону и использовать в дальнейшем в целях усмирения населения Китая, захваченного войском Чингисхана.

313

Лю чжун лу – подданный империи Цзинь, перешедший на сторону монголов; приближенный Чингисхана.

314

...с тигроловой золотой дощечкой... – Имеется в виду *пайца* — подорожная дщица, даваемая ханским порученцам.

315

...«Предоставляется полновластно распоряжаться, как бы я сам путешествовал»... – общепринятая фраза для выражения полномочия.

316

Послание Чингиса. – Это послание Чингисхана Чан Чуню было извлечено переводчиком из сочинения Чэгэн лу.

317

...я в тех же лохмотьях... – По преданию, Чингисхан носил простое холщовое платье.

318

Такого царства еще не было с давних времен наших... – Чингисхан, по-видимому, причисляет себя к потомкам племени хунну.

319

...приглашают мудрецов и избирают помощников для успокоения Вселенной. – Чингисхану в династической хронике «Юань ши» приписывалось такое изречение: «Владыка людей управляет Поднебесной, как правая рука держит вещь непременно с помощью левой руки (т. е. министра)».

320

...не видел еще достойных людей для занятия санов трех гунов и девяти цинов. – Указывает на учреждение древней династии Чжоу. Три гуна были высшие советники государя. Девять цинов занимали разные посты в государстве.

321

Я только схожу со своего места и стою подле... – то есть уступаю тебе свое место как учителю.

322

...постился и омылся... – китайское вежливое выражение: достойно приготовился принять учителя.

323

...приготовил легких всадников и простой экипаж... – Чингисхан намекает на обычай древних государей посылать экипажи за мудрецами.

324

...«Имя твоё уважается в четырех морях...» – то есть среди четырех морей; во всей Вселенной.

325

...и там и здесь, всюду границы... – то есть границы охраняются военной силой.

326

...служение по случаю Шан юаня... – Первое, или верхнее, начало; так называется праздник пятнадцатого числа первой луны; иначе – праздник фонарей.

327

Узнав, что Чингис переходит на запад... – Чингисхан отправился в это время в поход на Туркестан, не дождавшись Чан Чуня.

328

Чжун лу хотел было взять с собой набранных им девиц... – Очевидно, выбранных для Чингисхана.

329

...Чжун лу отправил Хэла... – Хэла и Гэла, кажется, не собственные имена, а общее наименование курьеров.

330

...учитель также отправил человека к нему с адресом. – Этого адреса (послания) в «Записках» нет; он помещен в сочинении Чэгэн Лу и оттуда заимствован переводчиком. Свое послание Чингисхану Чан Чунь отправил в феврале 1220 года из Жунду (Пекина).

331

...по первому зову Драконова двора... – Имеется в виду Чингисхан.

332

Вскоре прибыл Али сянь из ставки великого князя Огинь... – Великий князь Огинь – это младший брат Чингисхана, Тэмугэ отчигин, которому Чингис, отправляясь в поход на Запад, поручил управление делами. Отчигин кочевал в это время на реке Керулене, близ впадения ее в озеро Буйр, где был и удел его.

333

...я послал сановника с пригласительным даром... – С куском ткани; намек на старинный обычай приглашать с подарками.

334

...виднелись людские обиталища, состоявшие из черных телег и белых юрт... – Эти телеги были не что иное, как юрты на колесах.

335

...мы прибыли в ставку великого князя Огиня... – Эти события относятся к середине 1220 года. Вероятно, ставка Тэмугэ отчигина была на реке Халха (Халхин-Гол), которая впадает в озеро Буйр. Некоторые исследователи считают, что это могла быть ставка Тэмугэ отчигина в районе в то время строящейся столицы монголов, города Каракорум.

336

...приехали с кобылым молоком, для вспоможения. – Помощь оказывалась не по бедности праздновавших, а по обычаю привозить подарки на свадьбу.

337

...учитель представлялся великому князю, который спрашивал его о способах продления жизни. – То есть о способах секретных.

338

«...Как же я осмелюсь прежде его слушать тебя?» – Очевидно, падение снега было указанием, что Чан Чунь не должен был сообщать своих секретов, не повидавшись с Чингисханом. И это осознал младший брат Чингисхана, Тэмугэ отчигин.

339

Мало-помалу показались пики высоких гор. – Это, вероятно, отроги Голтэйского хребта, направляющиеся с востока; они незаметно сходятся с протяжением хребта Канхайского (с юго-запада), из которого берет начало река Селенга.

340

...хвосты этих шапок походят видом на гуся или утку и называются гугу... – В головной убор под названием гугу втыкались перья около фута вышиной.

341

...договариваются только на словах и заключают контракты нарезыванием меток на дереве. – Уйгурская письменность была введена Чингисханом в 1204 году, но овладели ею, естественно, не все монголы, особенно среди простолюдинов.

342

...на севере этих снежных гор стоит Балгасун Тянь чжень хая... – По «Юань ши» (Цз. 120, 10), Чингисхан завел военное поселение на Алу хуане (Орхоне?), где построен был городок Чжинь хай чэн, по имени Чжинь хая, которому Чингисхан поручил управление этой страной. Чжинь хай начальствовал над тремястами с лишком домами золототкачей из западных краев и тремястами домами шерстяноткачей из Китая. Ремесленники разных наций с запада также переселены были сюда по возвращении Чингисхана из похода в Туркестан.

343

...живущие здесь ремесленники и рабочие из китайцев... – По-видимому, переселенные сюда Чингисханом.

344

...с северной стороны гор Абу хань. – Где было военное поселение.

345

В Шамо... – Здесь говорится вообще о монгольских степях.

346

«...после я поставлю тебя на доброй земле». – Дам тебе добрую награду.

347

Железные ворота – знаменитый горный проход в Туркестане.

348

Когда устроено было помещение для учителя, он представился Императору. – Данные события происходили в августе 1222 года.

349

«...Другие дворы приглашали тебя...» – то есть сунский и цзиньский.

350

«Есть средства хранить свою жизнь, но нет лекарства для бессмертия». – Ответ Чан Чуня Чингисхану, по-разному воспроизводимый разными писателями, сделался историческим.

351

Переводчик спросил его (Чан Чуня...)... – Разумеется, по приказанию Чингисхана.

352

«Люди называют тебя Тэн ги ли мэн гу кун (т. е. небесным человеком)...» – «Тянь жень» – человек, который живет на земле, но выше условий земных; похвальный титул даосов.

353

...люди называли меня Сянь шен. – «Сянь шен» в переводе с китайского означает «преждеродившийся»; это общее почтительное наименование; в особенности оно прилагалось к даосам, как наставникам в духовных секретах. Со времени воцарения монголов в Китае все вообще даосы назывались Сянь шенами; это слово произносилось монголами, как «Шан шин».

354

Император назначил для слушания наставлений Чан Чуня четырнадцатое число четвертой луны (1223 года). – В эти сроки встреча и беседа Чингисхана и Чан Чуня не состоялись, т. к. в тех краях, где они были, активизировались вражеские войска.

355

...только наклонялись и складывали ладони. – Складывать ладони – знак почтения у китайских монахов.

356

Слова его были крайне приятны и по мысли Чингиса. – Чан Чунь объяснял Чингисхану способы внутреннего преобразования посредством управления дыханием. Пишут, что эти наставления изложены в особой книге, которой, однако ж, не оказывается в каталоге полного собрания даосских книг.

357

...боятся небесного гнева... – то есть убийства громом.

358

Я слышал... – принятый у китайцев вежливый оборот речи.

359

...приказал записать хойхэскими письменами. – Может быть, уйгурским письмом.

360

Святой – титул, даваемый Государю.

361

Хан, обращаясь к Гисили дала ханю... – «Гисили дала хань» есть имя Хишилига, открывшего Чингисхану заговор его врагов-хэрэйдов. Он был пастухом; Чингис за услугу эту пожаловал ему звание дархана, «свободного»; звание это весьма уважалось у монголов.

362

И он пожаловал ему грамоту... с императорским указом, с приложением императорской печати. – Враги Чан Чуня эту льготную грамоту, как и другие, прямо называют подложной.

363

При подготовке текста был использован перевод Ц.О., опубликованный в журнале «Московский телеграф», № 22, ноябрь 1828 года под названием «О татарах и Чингисхане».

364

...явился некий странный человек – (шаман) из рода Тебтунов. – Речь идет о Тэв Тэнгэре.

365

...поднялся на гору, которую называют Балик... – Очевидно, это – гора Бурхан халдун.

366

Джеон – грузинская форма названия Джейхуна – Амударьи.

367

Себа и Джебо – грузинские формы имен монгольских полководцев Субэгэдея и Джебе (Зэва).

368

Грузинский хронист неоднократно говорит о легком вооружении монгольской конницы; это, очевидно, были разведывательные отряды монголов.

369

Гандза (Гянджа) – один из крупнейших городов средневекового Закавказья (соврем. Кировабад).

370

Правитель области Гаг, один из видных государственных деятелей Грузии периода войн с Хорезмом и монголами; в восточных источниках его имя известно в форме Бахрам ал-Груджи – Бахрам Грузинский.

371

...атабаг Иванэ – полководец и государственный деятель Грузии периода правления царицы Тамары (1189–1212).

372

Сомхити – в древнегрузинской литературе так называются как Армения в целом, так и пограничные с ней южные области исторической Грузии.

373

Имеры и амеры – традиционное название в Грузии жителей соответственно к западу и востоку от Сурамского хребта.

374

В данном контексте соответствует р. Дзегам-чай (*древнегруз.* Сагим).

375

В феодальной Грузии управляющий царскими финансами.

376

Бека Джакели – один из видных государственных сановников Грузии описываемой эпохи.

377

Самшвиле – юго-восточная область исторической Грузии.

378

...пошли по дороге Дарубандской... – Речь идет о дороге через Дербент.

379

Титул правителей средневекового феодального государства Ширван (на территории Азербайджана).

380

Под Турцией (*груз.* Сатуркети) автор имеет в виду населенные тюрками страны.

381

И звали их предводителя Сабата Багатур... – Речь идет о Субэдэй-баторе, прославленном монгольском полководце.

382

Племенем стрелков армянские источники того времени называли монголов.

383

Гатий (Chatay, по Марко Поло) – Хатай, Китай.

384

...чье имя было Окта-хакан... – Имеется в виду третий сын Чингиса великий хан Угэдей (Огедей) (1227–1241).

385

Ясак, то же что *яса* – собрание определений, основанных на народных обычаях у монголов. Все законы и постановления Чингисхана были собраны в книги и это собрание получило название *Великой Ясы*. Слово *ясак* у нашего автора употребляется в смысле вообще *закона, наказания, предписываемого законом, также смертной казни*.

386

Эти первые татары, которые появились в верхней стране... – Этим именем армянские летописцы называют северо-восточную часть Армении.

387

Они воротились в свои кочевья в Муган... – Следует делать различие между *зимними* стоянками и *летними* кочевьями татар в Армении. Последние находились в Карабаге, в местности, называемой армянскими писателями *Дарин-дашт*, или *Даран-дашт*, где был построен город Ала-таг. Зимние стоянки находились в Муганской степи, в нынешней Бакинской губернии, к югу от Куры, при соединении ее с Араксом. Часть древней Албании, Муганская степь, с давних пор служила любимым местопребыванием для северных кочевников, хазар, гуннов, турков и других народов, в разные времена вторгавшихся в Закавказские области через Дербентский проход.

388

В те дни появилась комета... – Мхитар Айрив говорит о появлении кометы в виде копья между 1211–1221 годами. Вардан также утверждает, что перед нашествием татар в 669 году (1220) в продолжение целой ночи виднелась копьеобразная звезда. Так как автор редко делает хронологические указания, то трудно определить, о какой он говорит комете.

389

...мал, тагар и гупчур. – Эти слова значат собственно: *продовольствие, съестные припасы*. У нашего автора употребляется также в значении известного налога: со ста штук скота одна штука требовалась в пользу казны. Впоследствии эта подать заменена денежным взносом.

390

Татары – широко распространенное в русской летописной и западноевропейской литературе название монголов, хотя в действительности это было название только одного из монгольских племен, часть которого кочевала около озера Буйр-нур и в бассейне реки Керулен. В китайских летописях татары известны под названием «да-да». Этим наименованием китайцы также называли вообще кочевников, обитавших в районе Северной Маньчжурии и Восточной Монголии. Благодаря кара-киданям это название проникло на Запад. Впоследствии оно сохранилось в Золотой Орде, а после ее распада применялось к народностям, образовавшим Казанское, Астраханское и Крымское ханства.

391

...солангов... – Средневековые авторы под этим названием подразумевали обитателей восточной части Маньчжурии и Кореи.

392

...сарацины... – Античные авторы так именовали одно кочующее племя, жившее в Аравии, затем это название было распространено на все арабские племена, а в эпоху Крестовых походов – вообще на все народы, исповедующие ислам.

393

Гуиоров... – то есть уйгуров, народа тюркского происхождения, первоначально обитавшего между Хангаем и Алтаем. Уйгуры были довольно культурным народом, имели свою письменность, в основу которой был положен согдийский алфавит. Именно от уйгуров монголы заимствовали письменность. Среди уйгуров было распространено несторианство.

394

Найманы – одно из наиболее крупных монгольских племен, кочевавших на обширной территории между Хангаем и горными хребтами Алтайн-Нуру, в долине р. Черный Иртыш и оз. Зайсан-нор.

395

...почти вся она смешана с хрящом... – Имеется в виду щебень.

396

...Каракарон... – то есть Каракорум, столица Монгольской империи, находившийся в долине реки Орхон.

397

...когда находились в Сыр-Орде... – в одной из временных (сезонных) ставок императора.

398

Букаран – шерстяная ткань.

399

Балдакин – узорчатая ткань из золотых и шелковых нитей. Слово это производили от названия Вавилона в Средние века – Балдакка.

400

...наверху имеет один длинный и тонкий прутик из золота, серебра или дерева или даже перо... – Здесь описан женский головной убор богтаг.

401

Они веруют в единого Бога... – Плано Карпини, как и другие средневековые авторы (Г. Рубрук, Марко Поло и др.), считал, что у монголов существовало единобожие и что богом в христианском смысле этого слова у них почиталось божество Тэнгри (Вечный Всевышний Тэнгри).

402

...у них есть какие-то идолы из войлока... – Монголы-шаманисты (тэнгрианцы) почитали не только Отца-Небесного Владыку, Мать-Землю, Огонь, но и множество других, второстепенных божеств, в том числе покровителей отдельных местностей, гор, рек, охранителей стада и т. п. Некоторых из этих почитаемых божеств монголы изображали в виде грубо вырезанного из войлока подобия человека или просто шкурки какого-либо животного.

403

...Михаила, который был одним из великих князей русских... – Плано Карпини передает известный по русским летописям случай, происшедший в ставке Бат-хана в 1246 году с русским великим князем Михаилом Всеволодовичем Черниговским и его боярином Федором, которые отказались пройти между двух огней, за что поплатились жизнью.

404

Бат (1208–1256) – в русской литературе Батый, был вторым сыном Жочи и внуком Чингисхана. Возглавлял поход против Юго-Восточной Европы. Его войсками был захвачен в 1240 году Киев и покорены русские княжества. Батый совершил поход на Польшу, Венгрию и Далмацию, но не смог удержать этих стран, так как был ослаблен длительной борьбой с русскими княжествами, которые, оставаясь в тылу его войск, тревожили его. Одновременно в Поволжье восстали булгары и на юге – половцы. Поэтому, получив известие о смерти великого хана Угэдэя, Батый прервал поход на Запад и возвратился в Монголию. Получив в удел земли своего отца Жочи, Батый основал новое монгольское государство, получившее название Золотой Орды, центром которого был город Сарай в низовьях Волги. Батый пользовался большим авторитетом среди монгольских князей и играл большую роль при выдвижении великого хана, приняв активное участие в перевороте 1251 года, во время которого при его поддержке выдвинулся род Тулуя в лице четвертого великого хана Мунха.

405

...Андрей, князь Чернигова... – В одной летописи под 1245 годом упоминается о смерти князя Андрея Мстиславича, убитого Батыем; Плано Карпини называет его князем Черниговским.

406

Итога – искажение монгольского названия богини земли Этугэн. Земле приписывались особые свойства плодородия и производительности. Земле приносились в жертву молоко, кумыс и чай.

407

Команы – то есть кипчаки, народ тюркского происхождения, населявший южнорусские степи в XI–XV веках. Византийские авторы, а также авторы, писавшие на латинском языке, называют кипчаков команам. В русских летописях они называются половцами.

408

...знатный муж Ярослав, великий князь Руси... – Ярослав Всеволодович (1190–1246), князь новгородский, впоследствии великий князь, не раз бывал в Орде. В 1243 году получил от Батыя утверждение на великое княжение. В Новгородской летописи имеется об этом следующий рассказ: «Великий князь Ярослав поехал в татары к Батыеву, а сына своего Константина посла к Канови. Батый же почти Ярослава великого честью и мужи его и отпусти и рек ему: «Ярославе. Буди ты старей всем князем в Русском языке». Ярослав же возвратился в свою землю с великою честью». Но монгольский хан не удовольствовался посещением Каракорума Константином, а потребовал приезда самого великого князя Ярослава, которого Плано Карпини и застал в ханской ставке. По сведениям русских летописей, князь Ярослав был отравлен в Орде и умер через неделю после отъезда оттуда, 30 сентября 1246 года. В последующих главах своего рассказа Плано Карпини также утверждает, что Ярослав был отравлен в ставке Гуюг-хана.

409

...сын царя и царицы грузинской... – царевич Давид, сын умершего в 1238 году царя Грузии Георга IV Лашена, и его двоюродный брат, сын царицы Русудан, также называвшийся Давидом.

410

...один назывался йека-монгал... – то есть великие монголы. Так стали именовать себя монголы после объединения Чингисханом монгольских племен и образования Монгольского государства.

411

...су-монгал... – Термин «су-монгол» встречается только у Плано Карпини и Гильома Рубрука. Предположительно можно дать два варианта объяснения этого термина.

1. Название «су-монгол» представляет собой тюркское слово «су» – вода, присоединенное к племенному названию «монгол», что можно перевести как «водяные монголы», или «монголы вод», как это и делает А. И. Малеин.

2. Название «су-монгол» происходит от монгольского *su*, что значит «обладающий счастьем, величием» или «августейший». Можно предположить, что выражение «су-монгол» может значить «монголы, принадлежащие августейшему», т. е. монголы, покоренные Чингисханом. Плано Карпини употребляет это выражение по отношению к татарам, одному из монгольских племен, покоренных Чингисханом.

412

...Татарами... – средневековые западноевропейские историки часто употребляют для обозначения монголов термин «татары», который они производят от «тартар» – ад, подземное царство. Такая подмена одного слова другим диктовалась, вероятно, тем ужасом, который был внушен Западной Европе монгольским вторжением в Юго-Восточную Европу.

413

Меркиты — мэргэды, одно из крупных монгольских племен, обитавших в бассейне реки Селенги. Меркиты отличались воинственностью.

414

Мекриты – то же самое, что и мэргэды.

415

Чингис – великий монгольский хан и полководец, основатель Монгольской империи. Собственное его имя Тэмүжин. Титул Чингисхана Тэмүжин получил в 1206 году, когда был провозглашен верховным ханом.

416

...кара-китай... – в дословном переводе «черный Китай», в отличие от Китая в собственном смысле (т. е. от Северного Китая). Кара-китаи назывался народ, обитавший в Южной Маньчжурии, т. е. кидани. В XII веке кара-китай были вытеснены из Маньчжурии чжурчжэнями и переселились на запад. Затем кара-китай подчинили Восточный Туркестан и покорили Хорезм, основав государство, известное в истории под названием Кара-Китай. Совместное выступление найманов и кара-китаев против Чингисхана, очевидно, относится к тому времени, когда сын Таян-хана найманского, Хучулуг, захватил власть в державе кара-китаев.

417

Оккодай-хан – Угэдэй-хан.

418

...Омыл... – У кочевников-монголов во времена Монгольской империи было, по-видимому, несколько городов, о которых известно до сих пор немного. Омыл у Плано Карпини можно локализовать на месте города Имиль, находящегося к западу от озера Кизилбаш. Город был построен кара-китаи около 1125 года.

419

...живут лесные люди... – Воображение кочевников населяло пустыню фантастическими обитателями, в существование которых Плано Карпини мог легко поверить, так как средневековые географы распространяли немало легенд о существовании людей с глазами в груди, с одной ногой и т. д. Одну из легенд о них, бытовавших в XIII веке, и повторяет Плано Карпини.

420

«Некогда мы также были убиты, и нас осталось только семь, а теперь мы выросли в огромную толпу, поэтому нас не страшит подобное». – Возможно, рассказ автора отражает события войны против хэрэйдов Ван-хана, когда монголы были вынуждены отступить и некоторое время провели у озера Балжуна, собираясь с силами для решающего сражения.

421

...татары приняли их грамоту, ибо прежде не имели никаких писмен; теперь же эту грамоту именуют монгальскою. – Монголы во времена Чингисхана (после 1204 года) начали употреблять для монгольского языка уйгурские буквы. Наиболее древним образцом монгольской письменности на уйгурской основе является так называемый Чингисов камень, надпись на котором датируется первой половиной XIII века.

422

Саригуйюр – то есть желтые уйгуры, подразделение племени уйгуров, жившее в Северном Тибете.

423

...каранитов... – Плано Карпини, возможно, имеет в виду монгольское племя каранут (харануд).

424

...войратов... – Имеются в виду ойраты, племя монгольского происхождения, обитавшее первоначально в районе верховьев Енисея.

425

...на войну против китаев... – Речь идет о Северном Китае, находившемся под властью династии Цзинь чжурчжэньского происхождения. Чингисхан в течение ряда лет вел войну с Цзинями; монгольские войска зашли глубоко в пределы Северного Китая и в 1215 году заняли его столицу Жунду (нынешний Пекин). Взяв огромную добычу и множество пленных, Чингисхан, оставив там ограниченный контингент своих войск под командованием гуй вана Мухали, сам ушел из Северного Китая. Покорение империи Цзинь было завершено Угэдэй-ханом. Южный Китай находился в это время во власти китайской династии Сун, завоевание его монголами было осуществлено через пятьдесят лет после смерти Чингисхана.

426

...императора же их заперли в его главном городе. – Впоследствии на этом месте Хубилай выстроил свою новую столицу Дайду (Ханбалык у Марко Поло).

427

Одного из своих сыновей, по имени Тоссука... – Имеется в виду Жочи, старший сын Чингисхана (1184(?)–1224), получивший в удел земли, находившиеся на запад от Иртыша, весь Северный Хорезм, низовья рек Амударья и Сырдарья, степи Дешт-и-Кипчак, т. е. земли до тех отдаленных пределов, куда ступали копыта монгольских коней. Ставка Жочи находилась в долине Иртыша.

428

Кан — то есть хан, широко распространенный титул тюркско-монгольского происхождения. Первоначальная форма этого слова была, по-видимому, «хан», «хаган». Титул встречается в Орхонских памятниках, в китайских летописях в отношении государей кочевых народов.

429

...против команов... – Завоевание кипчаков (команов) завершил сын Жочи, Батый.

430

...он покорил Малую Индию... – По-видимому, Плано Карпини имеет в виду поход против султана Джелал ад-Дина, бежавшего под натиском монголов к берегам Инда, где он и был окончательно разбит. В этом походе принимал активное участие младший сын Чингисхана, Толуй, сопровождавший отца, а также третий его сын, Угэдэй.

431

...царь той страны, который именовался в народе Пресвитером Иоанном... – В. Бартольд считал, что в данном контексте речь идет о керейтах (хэрэидах). Керейты – одно из монгольских племен, образовавших раннефеодальное государство в Монголии. Монгольское происхождение керейтов некоторыми исследователями подвергается сомнению. Среди керейтов были христиане-несторианцы.

432

...многочисленные законы и постановления... – то есть так называемую Ясу, представляющую собой кодекс законов и распоряжений, приписываемых Чингисхану. Датой составления Ясы считают 1206 год. Законы Ясы были чрезвычайно суровы, и за неисполнение их, за малейшее нарушение правил виновнику часто грозила смертная казнь. Яса узаконила закрепощение монголов. Согласно Ясе, в мирное время все кочевники должны были нести различные повинности в пользу хана и нойонов.

433

Куйюк-хан – то есть Гуюг-хан (1205–1248) – старший сын Угэдэй-хана, наследовавший престол великого хана. Был избран ханом на хуралдае 1246 года, ценное описание которого находится у Плано Карпини. Возведение на престол Гуюга произошло после шестилетнего междоусобия, во время которого регентшей оставалась вдова Угэдэя, Туракина, властная женщина, которая была, судя по имени, тюркского происхождения. Избрание Гуюга не было единодушным. В частности, оказал противодействие Батый, который не признал нового великого хана и не принес ему присяги. Гуюг, став великим ханом, выступил даже в поход против Батые, но по дороге умер.

434

...их войско должно быть разделено под начальством тысячников... – Чингисхан организовал свое государство на военно-административный лад. Все население Монголии было разделено на два крыла: правое и левое. Каждое крыло было разбито на «тумы» (тумэны); «тума» состояла из десяти тысяч человек, во главе ее находился темник, во главе каждой тысячи стоял тысячник, во главе сотни – сотник и т. д. Всего Чингис образовал девяносто пять отрядов по тысяче человек.

435

...он был убит ударом грома. – Это сообщение Плано Карпини отражает, вероятно, какие-то легенды об обстоятельствах смерти Чингисхана и не подтверждается другими источниками. Чингисхан умер 28 августа 1227 года во время похода на страну Тангуд.

436

...у него... было четыре сына... – У Чингисхана было четыре сына от старшей жены Бортегелджин-хатун (Бортэ): Жочи (1185(?)–1224), Угэдэй (1186–1241), Цагадай (1190(?)–1242(?)) и Толуй (1192–1232). Кроме того, у него был еще сын Кулкан от Хулан-хатун, второй жены, который был убит во время похода на русские княжества при осаде одного из городов.

437

...имени четвертого мы не знаем. – Имеется в виду Толуй, который, согласно древнемонгольскому обычаю, как младший сын являлся хранителем домашнего очага, носил титул «иеке нойон» (великий господин) и наследовал основное имущество отца. Именно поэтому Толуй после смерти Чингисхана наследовал почти все его войско – сто одну тысячу из ста двадцати девяти тысяч воинов.

438

Император же этих татар имеет изумительную власть над всеми. – Великий хан не только обладал полнотой власти, но и являлся верховным собственником всех земель и полным распорядителем жизни своих подданных. Плано Карпини, по-видимому, в этом разделе излагает положения Ясы, относящиеся к власти великого хана.

439

...сколько бы и куда бы он ни отправлял послов, им должно давать без замедления подводы и содержание... – В Монгольской империи для обслуживания всей системы управления была организована в 1235 году почтовая служба, обязанная перевозить послов, гонцов и всяких чиновных лиц. Были организованы почтовые станции – ямы, на которых должны были находиться по двадцать человек улачинов и табун свежих лошадей, а также стадо баранов для питания приезжающих. Содержание ямов и средств передвижения – «ула» ложилось тяжелой повинностью на население.

440

...если они не могут овладеть укреплением таким способом, то бросают на него греческий огонь. – Так назывались зажигательные смеси, употреблявшиеся для военных целей в античное время и в Средние века. Впервые подобная смесь была применена греками, вследствие чего и получила название греческого огня. В его состав входили нефть и смола. Почти все народы знали его применение, монголы позаимствовали употребление его, по-видимому, у китайцев.

441

Башафов (*Baschathos*) – по-русски «баскаков».

442

...и на печати его написано следующее: «Бог на небе и Гуйюг-хан над землею – храбрость Божья (наделенный от Всевышнего Тэнгри харизмой). Печать императора всех людей». – Текст надписи, приведенный у Плано Карпини, значительно отличается от надписи печати, скрепляющей письмо Гуюг-хана, привезенное Плано Карпини и найденное в архивах Ватикана. Текст печати состоит из шести строк, вырезанных монгольским шрифтом, и означает: «Силою вечного Неба народа великих монголов Далай-хана приказ. Если он прибудет к покорившемуся народу, то пусть они почитают его и пусть они боятся». Надпись эта чрезвычайно интересна. В ней упомянуты «великие монголы» – одно из четырех монгольских племен, о которых говорит Плано Карпини. Монгольский великий хан в ней назван необычным титулом – Далай-хан, что переводится как «океан-хан», т. е. всемирный хан. Последняя строка надписи является запрещением, очень близким к тем формулировкам, которыми заканчиваются монгольские указы: «Бойтесь и повинуйтесь». Подобное же запрещение обычно заканчивает текст, выгравированный на дававшихся посланцам хана пропусках-пайцзах: «Кто не повинуется, пусть умрет».

443

...всякий начальник (*capitaneus*) знает, смотря по тому, имеет ли он под своею властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ... – У монголов в период Монгольской империи вся земля номинально являлась собственностью великого хана, но каждый феодальный сеньор в пределах пожалованных ему земельных угодий распоряжался кочевками зависящих от него людей, распределяя лучшие пастбища по своему усмотрению. Эту черту монгольской жизни заметил Рубрук, который был вообще очень внимательным и наблюдательным путешественником.

444

Моал — то есть монгол. Употребляемое Рубруком название «моал» вместо «монгол» вызвано, вероятно, тем, что он слышал, как произносили одну из монгольских форм этого слова.

445

...один двор... – в оригинале *upa sigia*. Этим словом Рубрук передает татарское «орда».

446

...превосходный напиток из рису, проса, ячменя и меду... – так называемая террацина (монгольское «тарасун») – молочная водка.

447

...затем острием ножика или вилочки... – Вилка в Европе стала распространенной принадлежностью столовой посуды только в середине XIV века.

Погребение... того, кто умирает, остается неизвестным. — Монголы держали в тайне место захоронения своих ханов. Неизвестно, где был похоронен Чингис. В одной из монгольских летописей рассказано, что над могилой Чингисхана был прогнан табун в двадцать лошадей, чтобы сровнять место и чтобы никто не мог найти его.
